Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет» Исторический факультет

Иркутское областное отделение Русского географического общества Иркутское региональное отделение Российской ассоциации политической науки Иркутское отделение Российского общества политологов

ТРИНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

В двух томах Том 1

УДК 009(063) ББК 6/8л0 Т67

Печатается в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ

Редакционная коллегия

д-р ист. наук Ю. А. Зуляр (науч. ред.), д-р геогр. наук, проф. Л. М. Корытный д-р филос. наук Н. С. Коноплёв

Ответственный за выпуск

М. Л. Рыбалко

Тринадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы. В 2 т. Т. 1 / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – 335 с.

ISBN 978-5-9624-1901-5 ISBN 978-5-9624-1902-2 (т. 1)

Публикуются выборочные материалы Тринадцатых Байкальских социально-гуманитарных чтений, посвященных 25-летию создания Законодательного собрания и института губернаторской власти в Иркутской области, состоявшихся в г. Иркутске в 2019 г., которые дают представление об основных направлениях исследований ученых, изучающих проблемы истории и современного состояния общества и перспективы его развития. В издании представлены материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития», Всероссийской социально-гуманитарной конференции «Сибирь в XVII–XXI веках: история, география, экономика, культурология, музеология», Тринадцатых Петровских философских чтений. Статьи посвящены актуальным проблемам истории, политологии, географии, философии, культурологии, музеологии и других научных дисциплин.

Адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей, профессиональной и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся историей, политикой, философией, географией, культурой, состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063) ББК 6/8л0

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, МУЗЕОЛОГИЯ»

УДК 378.4(571.53)(091)

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1953 ГОДУ

Ю. А. ЗУЛЯР

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены события и процессы, происходившие в Иркутском государственном университете в 1953 г. Показана структура университета, персональный состав ректората, руководители факультетов и подразделений вуза. Выделены основные направления научной и профессиональной деятельности в вузе. Изучены основные направления, виды и формы повышения квалификации преподавателей и сотрудников. Рассмотрены вопросы обеспечения процесса подготовки преподавателями вуза кандидатских и докторских диссертаций. Исследована работа научно-исследовательских институтов университета и факультетов по организации экспедиционной работы, издательской деятельности и проведения научных конференций. Показана вневузовская деятельность коллектива университета, включавшая в себя проведение научных исследований по заказам производственных структур, внедрению в народное хозяйство результатов научно-исследовательских работ (НИР), участие сотрудников и студентов в работе государственных и общественных организаций и подразделений, работу в сельской местности и в школах города.

Ключевые слова: история высшей школы, Иркутск, университет, вузовская наука, вузовские научно-исследовательские институты, исследования природы Сибири, вневузовская и шефская работы.

1953 г. занимает особое место в истории XX в. Это обусловлено обстоятельствами, возникшими в результате смерти руководителя СССР И. В. Сталина, управлявшего страной с середины 1920-х гг. и создавшего уникальную политическую систему, просуществовавшую с некоторыми изменениями до конца 1991 г. Это событие могло радикально изменить природу советского строя и привести

страну к процессам, имевшим такие же последствия, как и трансформации 1990-х гг. Но этого не произошло, соратники Сталина смогли, быстро перераспределив партийную и государственную власть, сохранить политическую систему и государственность. Поэтому страна в значительной степени продолжала жить привычной жизнью и заниматься обычной деятельностью.

Данная статья посвящена деятельности руководства и коллектива Иркутского государственного университета в рассматриваемый период по организации и развитию научно-исследовательской работы и вневузовской деятельности.

Структура университета и его руководство

Весной изменилась структура управления высшим образованием. На основании Закона от 15 марта 1953 г. «О преобразовании министерств СССР» произошло укрупнение министерств. Все органы управления в области культуры и образования были объединены в союзно-республиканское Министерство культуры, Министерство высшего образования СССР вошло в него на правах Главного управления [19, с. 15].

В состав Иркутского государственного университета (ИГУ) в 1953 г. входили шесть факультетов: 1) физико-математический; 2) химический; 3) геологический; 4) биолого-почвенный; 5) географический; 6) гуманитарных наук. Кроме учебных подразделений, в нем действовал ряд научных и научно-учебных структур: Биолого-географический научно-исследовательский институт (БГНИИ), Физико-химический научно-исследовательский институт (ФХНИИ), Научная библиотека, Астрономическая обсерватория, Байкальская биологическая станция и Ботанический сад; а также музеи: Байкальский, зоологический, геологический, минералогический, почвенный, гербарий [27, с. 1, 4, 5]. В ИГУ работали общеуниверситетские кафедры: марксизма-ленинизма, иностранных языков, философии, педагогики, физкультуры и спорта.

Университетом управлял ученый совет вуза, непосредственное руководство осуществлялось ректоратом и соответствующими службами. Ректором был назначен геолог доц. Т. Т. Деуля, проректором по учебной работе – химик доц. П. Ф. Бочкарев; проректором по науке – доц. Н. А. Власов. В связи с отъездом в докторантуру Бочкарева, проректором по науке стал химик доц. Г. И. Нагорный [12, л. 24, 26, 27; 13, л. 2; 15, л. 9].

К руководству университета относилось партийное бюро – руководящий орган его партийной организации. До 1 октября секретарем партбюро был В. Н. Травлинский. Затем на эту должность был избран М. Л. Платонов [12, л. 23; 15, л. 22].

Непосредственной организацией учебного процесса и научно-исследовательской работой в университете занимались деканы факультетов и руководители подразделений. Геологический факультет первую половину года возглавлял проф. В. П. Солоненко, затем деканом был назначен канд. наук Е. А. Пресняков. До середины октября факультет гуманитарных наук возглавлял М. Л. Платонов, затем деканом был назначен доц. А. Г. Солодянкин. На химическом факультете, после ухода доц. Г. И. Нагорного, его место занял доц. Б. В. Прокопьев. Биолого-почвенный факультет возглавлял доц. И. В. Николаев; физико-математический факультет – доц. И. А. Парфианович, а географический – доц. Б. В. Зонов [12, л. 24; 13, л. 2; 14, л. 15; 15, л. 9; 16, л. 15].

БГНИИ по совместительству возглавлял проф. М. М. Кожов, а ФХНИИ в конце 1953 г. – доц. В. А. Ларина. Байкальской биологической станцией руководил М. Г. Асхаев. Научную библиотеку возглавляла Л. К. Жилкина, Астрономическую обсерваторию – доц. И. Н. Язев [10, л. 5; 20, с. 40; 17, л. 8; 1, с. 25].

Кафедрой марксизма-ленинизма руководил доц. Л. А. Петров, кафедрой философии – доц. К. А. Климов, кафедрой физического воспитания и спорта – В. В. Селява, кафедрой педагогики – доц. М. В. Одинцов [11, л. 3; 22; 23, с. 72].

Основные направления научной и профессиональной деятельности

Второй по важности проблемой, стоящей перед руководством и коллективом ИГУ, после организации учебного процесса было повышение квалификации преподавателей. Вопросы организации этой работы постоянно рассматривались в ректорате, на заседаниях ученого совета и партбюро вуза, а также на партсобраниях университета. В частности, 16 февраля 1953 г. состоялось партсобрание вуза, где рассматривался вопрос о состоянии и мерах улучшения научного роста работников ИГУ. Выступившие указывали на недостатки в работе руководства вуза по повышению квалификации работников и сотрудников ИГУ. Например, аспиранты не вызывались на заседания партбюро, как и их научные руководители, оно так же не занималось подбором кандидатур в

аспирантуру. Высказывались претензии в адрес администрации вуза, в частности, указывалось на то, что необоснованно затягивается оформление документов для аспирантуры и для направления на курсы преподавателей [12, л. 23; 13, л. 2-4].

В ИГУ в начале 1953 г. доля остепененных преподавателей составляла лишь 31 %, что считалось низким показателем. Поэтому задача повышения остепененности работников вуза являлась одной из главных. Главная роль в решении этой задачи отводилась аспирантуре. Прежде всего требовалось обеспечить плановый набор аспирантов. В 1952/53 уч. г. он был произведен с недобором (один человек), набор 1953/54 уч. г. также не дал необходимого числа аспирантов [12, л. 26; 13. л. 3, 4, 6].

Повышение квалификации работников университета производилось не только собственными силами, но и направлением молодых исследователей в аспирантуру других учреждений. В частности, весной 1953 г. в аспирантуру Байкальской лимнологической станции Восточно-Сибирского филиала АН СССР была направлена О. М. Кожова [5, л. 2; 6, л. 5; 7, л. 55, 76; 8, л. 65].

Использовалась и такая форма, как годичная аспирантура, осенью 1953 г. в годичную аспирантуру было рекомендовано шесть человек (Закиров, Поляков, Каштанова, Труфанова, Васильева, Токайшвили). В общей сложности осенью 1953 г. в ИГУ насчитывалось 24 аспиранта [13, л. 40, 41].

Направление в аспирантуру не означало получения в назначенный срок остепененного специалиста. Как отмечалось в выступлениях руководителей университета, зачастую в аспирантуру направлялись неподготовленные люди. С другой стороны, направление в аспирантуру подготовленных выпускников было сопряжено с рядом трудностей. Выделялось крайне мало мест в аспирантуре для гуманитарных направлений, в частности, в 1953 г. на факультете гуманитарных наук в аспирантуру не было направлено ни одного человека. Отсутствовала аспирантура на географическом факультете. Возникали и политические проблемы, например, обком партии не разрешил оставить в университете для преподавания отлично окончившего сталинского стипендиата Хабитуева из-за анкетных данных его жены. Исходя из этого, партсобрание попросило ректора обратиться в министерство с просьбой о разрешении оставлять в университете необходимое для аспирантуры количество выпускников [12, л. 25, 27; 13, л. 3, 6, 41].

Не менее важной была задача увеличения количества докторов наук. С целью защит преподавателями своих диссертаций руководство вуза направляло их в докторантуру и предоставляло творческие отпуска. В двухгодичную докторантуру в 1953 г. были направлены Бочкарев и Петров, в творческих отпусках на 1 октября находились Е. Ф. Нагорная и Кузнецова. Что касается подготовки кандидатов наук, то зачастую в этом не были заинтересованы заведующие кафедрами. В частности, А. С. Лукашевская (кафедра марксизма-ленинизма) сдала кандидатские экзамены, но завкафедрой не предоставил ей творческого отпуска для написания работы [12, л. 26; 13, л. 40, 41].

Но не всегда вина за несвоевременные защиты ложилась на руководство вуза и подразделений. Зачастую аспиранты и соискатели демонстрировали отсутствие элементарной дисциплины и ответственности при работе над диссертационным сочинением. Например, серьезной проблемой являлась несвоевременная сдача кандидатских экзаменов. По плану 1953 г. должны были закончить их сдачу 17 человек, а фактически сдали трое: Рябошенко, Иванова, Фадеев. Правда, и руководством вуза работа в этом направлении была не всегда четко организована. Например, были сорваны занятия с аспирантами по философии из-за занятости доц. К. А. Климова [12, л. 24; 13. л. 40, 41], заменять которого, ректорат не стал.

В 1953 г. в ФХНИИ планировались две защиты кандидатских диссертаций Е. Ф. Нагорной и М. Н. Захвалинского, но они не состоялись. При подведении итогов работы за предыдущий учебный год в октябре 1953 г. руководство вуза и подразделений в очередной раз констатировало, что аспиранты в срок не защищаются, исключение составил один Арзамазов. Хотя при переаттестации аспирантов в июне 1953 г. ученым советом ИГУ работа 23 аспирантов была признана удовлетворительной, и лишь одна аспирантка кафедры марксизма-ленинизма была отчислена, как не выполнившая учебный план. Не закончили давно обещанные диссертации Розенблатт, Селявская, Арембовский. Соискатель Золоторев подготовил диссертацию, но настолько небрежно, что рецензент вернул ее на доработку, чтобы не давать отрицательный отзыв. В течение ряда лет шел разговор о диссертации Кожухова, бывшего в аспирантуре и творческом отпуске [12, л. 25; 13, л. 2, 6, 29, 41; 17, л. 15].

Значительная доля вины за несвоевременные защиты аспирантов и соискателей лежала на их научных руководителях, чему способствовало крайне редкое проведение производственных семинаров руководителей с аспирантами, слабое использование возможности их командирования. Руководители иногда предлагали аспирантам «недиссертабельные» темы, например, В. Т. Агалакову тему меняли два раза, В. В. Богданову – пять раз, из-за чего он ушел из университета и уехал из города [12, л. 24; 13, л. 41].

Молодые люди, начинающие свой путь в науке, нуждаются в совете старших товарищей, в определении темы, консультациях, моральной поддержке и в обучении методологии и методике научного исследования. Но в университете так происходило не везде и не всегда. На физико-математическом факультете Васильева накопила богатый материал, но оказалась не в состоянии его обработать. На партсобрании был задан вопрос, как так получилось, что ее научный руководитель за 15 лет совместной работы не научил ее делать обобщения. В университете недостаточно эффективно использовался такой резерв повышения остепененности, как лаборанты, работа с ними в этом направлении практически не велась, хотя повышение зарплаты для имеющих высшее образование создало для них дополнительные возможности. В связи с этим Калошин, выступивший на февральском партсобрании, заявил, что все лаборанты должны заниматься научноисследовательской работой и заботиться об этом должны в первую очередь заведующие кафедрами [12, л. 24, 25; 13, л. 40].

Объективной причиной несвоевременных защит была такая загруженность большинства соискателей учебной и общественной нагрузкой, что на научную работу просто не хватало времени. Например, на кафедре марксизма-ленинизма ее руководитель Петров настолько обложил соискателя Закирова учебной нагрузкой, что тому было уже не до диссертации. Да и сам он, вернувшись из армии, занятый восстановлением кафедры, не находил времени для завершения докторской диссертации. При обсуждении этой проблемы на факультете гуманитарных наук выступавшие указывали, что у Лобанова, Виттенберга. Арсеньева, Ф. А. Кудрявцева был собран основной материал и были заделы, но не было условий для завершения работы [12, л. 24; 16, л. 30].

Выступая в феврале 1953 г. на партсобрании, проректор по науке Н. А. Власов подчеркивал роль и значение научного руководителя, способного направить молодого исследователя в пра-

вильном направлении, подсказать ему при необходимости и поддержать во время колебаний. При этом он в качестве подтверждения своих слов обрисовал ситуацию, сложившуюся на кафедре физики физико-математического факультета. Там Парфианович и Погодаев успешно работали в области люминесценции, по этой же проблематике работала Шуралева, Вилутис, в свое время с интересом взявшийся за работу, сконструировал установку, но в годы войны его заставили заниматься практическими вопросами. Да и сам Парфианович тогда забросил свою работу и занимался всем вплоть до восстановления сгоревших электролами. Сломать интерес у начинающего исследователя легко, но последствия этого могут быть серьезными. К выбору темы начинающего исследователя нужно подходить очень серьезно [12, л. 25].

В проблеме руководства работой начинающих исследователей в рассматриваемый период в ИГУ выявилась и еще одна чисто субъективная грань - отказы научных руководителей давать рекомендации своим ученикам, в частности, доц. Г. И. Нагорный отказался дать отзыв на работу Вилутиса. На геологическом факультете Можаровский написал диссертацию, но проф. Одинцов и Солоненко отказались дать на нее положительную рецензию, мотивируя, что работа не имеет практической ценности. Пришлось отсылать работу практикам, которые дали хороший отзыв и вынудили Солоненко с Одинцовым дать на диссертацию положительный отзыв. Та же история произошла с Золоторевым, который давно написал диссертацию, но никто не давал на нее рецензию. Не всегда научные руководители демонстрировали элементарную дисциплину и участие в работе соискателя, например, на факультете гуманитарных наук была запланирована защита кандидатской диссертации соискателем с Приморского края, но, так как не было кворума, пришлось объезжать всех членов совета, которые не пришли на защиту [12, л. 24, 25].

В университете существовал ежегодный план защиты диссертаций, который утверждался Министерством, но никогда не выполнялся. По министерскому плану в 1953 г. должны были защитить докторские диссертации четверо: А. С. Фетисов, И. А. Парфианович, В. А. Ларина, М. А. Гудошников. Защитилась одна Ларина. Было защищено восемь кандидатских: А. Г. Солодянкин, А. Г. Золоторев, Морозов, А. Д. Инешин, Арзамазов, А. А. Томилов, К. К. Вотинцев, Е. А. Пресняков. Закончили, но еще не защитили Можаровский, Большакова, Люшина, Латин. Раньше сро-

ка подготовил диссертацию Гайский. Не закончили диссертации: Кожухов и Розенблатт [5, л. 2; 6, л. 5; 7, л. 55, 76; 12, л. 24; 13, л. 36, 37; 8, л. 65].

Одним из важнейших показателей научной результативности и эффективности исследовательской деятельности является публикационная активность. Университет в 1953 г. издал крайне мало печатных работ, хотя эта деятельность, в сравнении с предыдущим годом, активизировалась. На начало октября было опубликовано пять работ общим объемом в 32 авторских листа. В работе находились еще десять диссертаций примерным объемом в 83 авторских листа. По опубликованным и подготовленным статьям биологи выполнили пять работ, химики - три, геологи - три, факультет гуманитарных наук - две, физико-математический - одну, научная библиотека - одну. В значительной степени небольшое количество опубликованных работ было обусловлено недисциплинированностью авторов. Например, по этой причине не был подготовлен к печати сборник статей факультета гуманитарных наук 1953 г. С другой стороны, В. Н. Скалон в феврале сетовал, что в университете нет ежегодного научного сборника материалов конференции для публикации результатов научных исследований [12, л. 25; 13, л. 28, 42, 43; 16, л. 14].

В 1953 г. продолжалось издание «Известий БГИ», вышли в свет Т. XIII, вып. 3, 4; Т. XIV, вып. 1-4; и «Трудов Иркутского государственного университета» Т. VII, вып. 1, 2 (Серия биологическая). В 1953 г. сотрудники ФХНИИ опубликовали статей общим объемом 34 п. л., на химическое отделение пришлось 30 п. л., на физическое – 4 п. л. Работы были оформлены в виде трех сборников. Ряд сотрудников опубликовал несколько статей: В. А. Ларина – 11, Н. Н. Волков – 9, А. П. Янко – 6, А. В. Калабина – 3, П. Ф. Бочкарев – 2 и др. Некоторые сотрудники публиковали значительное количество статей в научных изданиях вне Иркутска (К. К. Вотинцев, Г. М. Унжаков и др.). Наиболее успешными и эффективными учеными-публикаторами университета в 1953 г. были признаны Ларина, Калабина, Талалаев, Иванов, Бочкарев, Власов, Гайский, Петров, Макеев [8, л. 36, 39; 13, л. 36; 17, л. 15; 16, л. 14].

В ИГУ использовалась и такая эффективная форма стимулирования научно-исследовательской работы, как научные конференции. В феврале 1953 г. была проведена традиционная отчетная научная конференция, где было заслушано и обсуждено 87 докладов. Она была представительнее предыдущей. Также в июне

1953 г. была проведена конференция Восточно-Сибирского отделения Гидробиологического общества, подготовка которой осуществлялась сотрудниками БГНИИ и биолого-почвенного факультета, в ней участвовали работники Томска, Красноярска, Читы, Бурятии, университет представляли шесть человек. Конференция разработала координационный план гидробиологических исследований на территории Восточной Сибири. В торжественной обстановке проф. М. М. Кожову была вручена почетная грамота Президиума Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР [8, л. 67–70; 13, л. 37].

Хотя научные конференции проводились в этот период ежегодно и охватывали большое количество участников, но работы на них, как правило, представлялись в неоформленном виде, без рецензий. Редкие выступления предварительно обсуждались на кафедрах и ученых советах. По мнению ряда работников университета, годовые отчетные конференции проводись формально, для отчетного доклада давалось только 10–15 мин. В целом конференция проходила в неимоверной спешке, без обсуждения и дискуссии [12, л. 25, 27; 13, л. 37].

В университете в рассматриваемый период методологические семинары не были распространены и не приветствовались, хотя потребность в них существовала. В частности, проф. Н. П. Фарберов, выступая на партсобрании факультета гуманитарных наук, посетовал, что на факультете отсутствует методологический семинар, поэтому нет дискуссий, мало докладов, хотя некоторые сложные проблемы требуют обсуждения и работы нескольких кафедр совместно, например проблемы сельского хозяйства, культа личности, германская проблема [16, л. 30].

В университете традиционно проводились разные виды и формы соцсоревнования. В 1953 г. оно оказалось на периферии внимания руководства вуза и подразделений, однако эта форма стимулирования научной и профессиональной деятельности использовалась повсеместно. В частности, в результате подведения итогов одного из них лекторами года в БГНИИ и на биологопочвенном факультете были признаны М. М. Кожов, И. В. Николаев, Н. А. Епова, М. А. Иванов, А. Г. Егоров [6, л. 3].

Научно-исследовательская деятельность

Ежегодно в вузе составлялся и принимался план научноисследовательских работ (тем), который утверждался Министерством. Ряд тем выделялся им в качестве важнейших, подлежавших безусловному исполнению соответствующими структурами ИГУ. В 1953 г. в план НИР ИГУ вошли 126 тем, из них 6 тем были утверждены Министерством культуры как важнейшие. Из 120 кафедральных НИР 26 тем были связаны с изучением производительных сил Восточной Сибири. Большое внимание было уделено разработке и теоретических тем в области математики, физики, теоретической механики. 20 тем посвящено вопросам языкознания и литературоведения [13, л. 37].

Основной объем исследований естественно-научной и прикладной проблематики выполнялся научными подразделениями вуза. ФХНИИ работал в составе двух отделений по ряду направлений. Химическое отделение разрабатывало следующие темы: «Изучение сырьевых ресурсов Восточной Сибири», разрабатываемая гидрохимической, соляной, углехимической лабораториями; «Исследование соляных равновесий в растворах и расплавах» физико-химической лабораторией; «Синтез органических соединений» - углехимии. Физическое отделение работало по темам «Люминесценция кристаллофосфоров» и «Физические свойства слюды». В 1953 г. институт работал по 29 темам, по планам в этом году должны были быть закончены 14 тем. На их основе на итоговую научную сессию ИГУ должны были быть представлены 20 докладов, выставлены - 18. Почти все темы физического отделения имели характер небольших вопросов, являвшихся частными вопросами крупных тем [17, л. 12, 13].

В 1953 г. основные направления работы БГНИИ не изменились, но из шести важнейших тем, выделенных Министерством ИГУ, четыре были поручены институту. Этими темами являлись: «Прогноз биологического и гидробиологического режима Бархатовского водохранилища на р. Ангаре» (рук. М. М. Кожов, исп. А. А. Томилов, Р. А. Гольшкина, В. М. Бояркин, К. К. Александрович, Б. В. Зонов); «Сибирский шелкопряд» (рук. Д. Н. Флоров); «Зоопланктон озера Байкал: его биология, распределение и роль в питании промысловых рыб» (рук. М. М. Кожов, исп. Г. Ф. Мазепова, Я. Г. Потакуев, Л. Н. Могилев); «Плодородие почв Иркутской лесостепи» (рук. И. В. Николаев, исп. О. В. Макеев, О. Ф. Семёнова, Н. П. Воробьёв, М. А. Корзун, В. А. Кузьмин) [8, л. 2–30].

Из этих работ были закончены следующие: 1. «Прогноз биологического и гидробиологического режима Бархатовского водохранилища на реке Ангаре» (рук. М. М. Кожов). Работа производилась в связи с развертыванием строительства гидроэлектростанции по заданию проектных организаций. В отчете по теме дана подробная характеристика современного режима р. Ангары и ее притоков на Бархатовском участке. Давался прогноз биологического и гидрологического режимов Бархатовского водохранилища после его затопления водой. Были разработаны мероприятия по очистке зоны затопления с целью организации там рыбного хозяйства. Было дано заключение о характере плотины и типах рыбопропускных сооружений. 2. «Зоопланктон о. Байкал, его биология, распределение и роль в питании промысловых рыб» (рук. М. М. Кожов). Данная работа впервые с такой полнотой позволила охарактеризовать видовой состав и биологию развития зоопланктона в Байкале. Работа дала характеристику роли зоопланктона в питании промысловых рыб и пищевых взаимоотношениях плотоядных рыб. Было установлено распределение зоопланктона в различных частях Байкала в годовых и сезонных циклах. Давалась схема нагульных площадей и нагульных миграций омуля в Селенгинском районе. Исследование стало ценным вкладом в изучение о. Байкал и дало необходимые прикладные материалы для решения вопросов искусственного разведения планктоноядных рыб, а также для организации на озере рыборазведки. 3. «Сибирский шелкопряд В CCCP» (рук. Д. Н. Флоров). Работа обобщила итоги многолетних исследований как самого руководителя, так и других лиц и учреждений по биологии и экологии развития сибирского шелкопряда. Автор критически рассмотрел результаты различных применявшихся методов борьбы с сибирским шелкопрядом. Были вскрыты причины неудач применения авиахимических методов борьбы. В работе даны конкретные выводы как относительно совершенствования ранее применявшихся методов, так и по разработке новых более эффективных способов борьбы с опасным насекомым [8, л. 15].

В институте разрабатывался и ряд других тем, среди них «Хоринская степь и ее почвы» (рук. и исп. О. В. Макеев), на основе исследований была составлена почвенная карта аймака, дана физико-географическая характеристика района и высказан ряд рекомендаций по использованию почвенных ресурсов в сельскохозяйственном производстве; и аналогичные ей темы: «Засоленные почвы Еравнинского аймака Бурят-Монгольской АССР», «Характеристика почв кедровников Слюдянского района» (рук. И. В. Николаев). Продолжал свои работы по теме «Биология развития томата в условиях Иркутской области» М. А. Иванов. Ис-

следования по теме «Фауна пресноводных водоемов бассейна реки Витим» (рук. М. М. Кожов, исп. А. А. Томилов) позволили дать характеристику ихтиофауны, кормовой базы и предложения по реконструкции рыбного хозяйства озер Еравно-Хоринской системы. Выводы и предложения были переданы в соответствующие организации. Произведенные К. И. Мишариным работы по теме «Воспроизводство сиговых рыб на о. Байкал» (исп. Тугарина, Казанцева, Попов, Татарников, Федоров, Лукьянчиков и др.) показали, что посольский омуль значительно расширил ареал распространения и занимал в тот период новые для себя станции размножения. Были разработаны мероприятия по расширению воспроизводства стада посольского омуля [8, л. 16].

Велись исследования по теме «Млекопитающие Селенгинской Даурии» (рук. и исп. А. С. Фетисов). Исследователем был подготовлен материал по специфике видового состава млекопитающих, их распределению, экологии. Особое внимание уделено промысловой фауне, ее реконструкции и обогащению новыми видами. В отчете обобщены результаты акклиматизации и реакклиматизации соболя, уссурийского енота, норки и ондатры. Дано научное обоснование возможностей расширения ареалов и запасов этих промысловых пушных зверей. Автор поставил вопрос о необходимости выпуска зайца-русака и пятнистого оленя. В БГНИИ в 1953 г. проводились работы по изучению генетикомелиоративных свойств почв Средней Сибири, которые возглавлял Н. И. Карнаухов [8, л. 17; 21, с. 75].

Неотъемлемым элементом научно-исследовательской работы части сотрудников университета являлись экспедиции. В 1953 г. в соответствии с планом НИР было проведено 17 экспедиций в разные районы Восточной Сибири. Среди крупных экспедиций года выделялись «Байкало-Ангарская» (нач. К. К. Александрович); «Бархатовская комплексная» (нач. В. М. Бояркин); «Почвенная Иркутская» (нач. О. В. Макеев); «Геоботаническая Хамар-Дабанская» (нач. Н. А. Епова); «Байкальская комплексная» (рук. М. М. Кожов); «Ихтиологическая экспедиция по изучению малых водоемов» (нач. А. Г. Егоров). В феврале 1953 г. ФХНИИ организовал экспедицию с целью исследования донных отложений соленых и пресных озер Баргузинской долины. Ее целью было определение рациональных путей использования ресурсов данных озер для стекольной промышленности [8, л. 19; 13, л. 37; 2, с. 7; 4].

Вместе с тем уровень руководства и организации научноисследовательской работы в университете в рассматриваемый период был далек от имевшихся возможностей и требований. Научная деятельность не стала обязательной даже для остепененных работников, ряд кандидатов наук за 10–15 лет не подготовил ни одной научной статьи. В связи с этим и издательская деятельность в вузе была на низком уровне. На гуманитарном факультете 24 работника не имели печатных работ. Плохо обстояло дело и на географическом факультете. На кафедре марксизма-ленинизма только у Петрова были печатные работы. Отсутствовала научная работа на кафедре политической экономии, поэтому никто из ее сотрудников не публиковался [12, л. 27; 13. л. 8, 28].

Большая часть лаборантов кафедр не участвовала в кафедральной НИР. На некоторых кафедрах лаборанты не имели профильного высшего образования или являлись студентами. Квартальные и годовые отчеты факультетов по науке зачастую носили формальный характер. Имела место частая корректировка научных тем [13, л. 37; 17, л. 57].

Вневузовская деятельность

Большое и всевозраставшее внимание руководство страны и отрасли уделяло проблеме внедрения научных достижений в жизнь, установлению партнерских отношений научных коллективов с производством. Активная работа в этом направлении велась в рассматриваемый период и в Иркутском университете. Связь с производством осуществляли в первую очередь научноисследовательские институты ИГУ. В ФХНИИ работа по заданию производств осуществлялась всеми лабораториями путем заключения договоров о содружестве. Среди потребителей результатов работы лаборатории гидрохимии были «Ангарскстрой», «Комбинат № 16», «Изыскательская партия № 16»; соляной лаборатории - «Геологоуправление», «П/я № 41», «Курортное управление БМССР»; лаборатории физико-химического анализа и углехимической лаборатории - «П/я № 14», «Завод № 4», ВСФ АН СССР, «Горный институт», «Комбинат № 16». Физическое отделение института сотрудничало с Иркутской слюдяной фабрикой. Институтом проводилась работа по внедрению результатов НИР в производство и по разнообразному техническому консультированию [17, л. 14].

При планировании работ руководство БГНИИ учло политику ЦК КПСС в плане требований, высказанных на его сентябрьском (1953 г.) Пленуме, об ориентировании научных исследований на интересы сельского хозяйства. Министерство культуры дополнительно утвердило для ИГУ четыре важные темы. Три из них проходили по плану БГНИИ: «Зоопланктон озера Байкал»; «Плодородие почв лесостепи Иркутской области»; «Физико-географическая, гидрологическая и биологическая характеристика р. Ангары и ее поймы на участке от Иркутска до Бархатова».

Совокупность научных тем была распределена по восьми основным направлениям: 1) «Почвы Восточной Сибири и пути повышения их плодородия» – 11 тем; 2) «Повышение урожайности сельскохозяйственных растений» – 2 темы; 3) «Растительность Восточной Сибири и ее использование в народном хозяйстве» – 5 тем; 4) «Акклиматизация ценных пород рыб в связи с развитием прудового рыбного хозяйства и рыбохозяйственного освоения водохранилищ в Восточной Сибири» – 6 тем; 5) «Байкал, его животный и растительный мир и значение для народного хозяйства» – 8 тем; 6) «Промысловые звери Восточной Сибири и их использование в народном хозяйстве» – 3 темы; 7) «Насекомые-вредители лесов Восточной Сибири и меры борьбы с ними» – 2 темы; 8) «Оценка земель коллективного пользования и выявление земельного фонда» – 5 тем [9, л. 1–13].

В 1941 г. по поручению Иркутского горсовета БГНИИ приступил к проведению работ по изучению состояния зеленых насаждений города. Эту деятельность возглавил Д. Н. Флоров, в ней приняли участие А. А. Линевич, Е. В. Зонова, В. Н. Жигленкова. Изучение было прекращено в связи с войной и возобновлено в 1953 г. В. Н. Томиловой [21, с. 79].

Активно сотрудничали с производством и работники других подразделений. На ряде факультетов (химический, физикоматематический, геологический) многие кафедры и лаборатории были связаны с производством и выполняли договорные обязательства, оказывали помощь как в отношении передачи результатов научных работ, так и в отношении технических консультаций [17. л. 57].

В 1953 г. сотрудники геологического факультета продолжали работы над многолетними комплексными темами по изучению геологического строения и полезных ископаемых Восточной Сибири. Большинство исследований условно объединялись в девять

тем, например, «Алмазоностность восточной и центральной части Сибирской платформы». Проф. М. М. Одинцов являлся инициатором и организатором работ по поискам алмазов в данном регионе. На основании решения Совета министров СССР от 7 сентября 1946 г. сотрудники ИГУ и Иркутского геологического управления участвовали в первом этапе поиска алмазов в Восточной Сибири. В 1953 г. в геологической съемке и в поисковых работах принимали участие А. И. Бердников, М. Ф. Кузнецов, Г. А. Кузнецов, С. Ф. Павлов, А. П. Труфанова. В результате совместных работ Иркутского геологического управления, ИГУ, Всесоюзного треста № 2, Всесоюзного геологического института был открыт третий Талдыно-Алакинский алмазоносный район. В ходе научных исследований коллективом, возглавляемым М. М. Одинцовым, были детально разработаны теоретические основы перспектив алмазоностности центральной части Сибирской платформы и даны конкретные прогнозы поисков местных коренных источников алмазов. М. Ф. Кузнецовым продолжен и разработан прогрессивный метод поисков коренных и россыпных месторождений алмазов по минералам спутников алмазов в рыхлых отложениях. Составлены и изданы государственные геологические карты и карты полезных ископаемых этих районов [28, с. 3, 5, 7].

Кроме выполнения заданий производственных, научных и изыскательских структур, ученые университета, работая по своим направлениям, выходили на результаты, которые можно было внедрить в производство, и передавали их заинтересованным структурам. Например, работники кафедры динамической (общей) геологии Г. А. Кузнецов и С. Ф. Павлов исследовали проблемы геологии и минерально-сырьевых ресурсов районов строительства Братской и Усть-Илимской гидроэлектростанций, участвовали в написании монографии «Ангаро-Илимские железорудные месторождения» [25, с. 108]. Результаты исследований были использованы при строительстве этих электростанций и разработке данного месторождения.

В 1953–1959 гг. преподаватели кафедры полезных ископаемых проводили научные исследования по различным аспектам геологии. Так, заведующий кафедрой профессор В. П. Солоненко руководил научно-исследовательской работой по теме «Геология месторождений графита Восточной Сибири и Дальнего Востока». По материалам этой темы им была опубликована монография «Геология месторождений графита Восточной Сибири и Дальне-

го Востока», за которую ему в 1952 г. присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук [25. с. 140]. Данные, полученные в результате выполнения этой работы, использовались Иркутским управлением геологоразведки, союзными и региональными плановыми органами для разработки народно-хозяйственных планов.

В январе 1953 г. деятельность Байкальской биостанции БГНИИ стала предметом обсуждения научного совещания Ленинградской лаборатории озероведения АН СССР под председательством академика Д. В. Наливкина, начальник биостанции В. Л. Толмачёв подробно рассказал о проводимых там исследованиях [3]. Опыт коллектива, накопленный в результате многолетних наблюдений за озером, был рекомендован в качестве образцового при проведении такого типа исследований.

Работниками БГНИИ в рассматриваемый период велись работы по акклиматизации новых пород рыб: карпа и сазана [18]. Результаты работ регулярно передавались в соответствующие структуры и в рыборазводные хозяйства. В 1953 г. институтом был проведен ряд совещаний, в частности по воспроизводству сиговых пород рыб на Байкале, в котором приняли участие представители Байкалрыбвода, Байкалрыбтреста, Большереченского рыбзавода, Байкальского опорного пункта ВИНОРХ. Совещание обсудило предложения по воспроизводству омуля и разработало пути их реализации. Другое совещание по вопросам организации промышленного рыборазведения на Байкале в том же составе рассмотрело предложения М. М. Кожова, вытекавшие из его работ по исследованию планктона Байкала [8, л. 67-70].

Институтом было проведено совещание по вопросам исследования методов борьбы с Сибирским шелкопрядом, в котором приняли участие представители Управления лесного хозяйства, Филиала АН СССР, Станции защиты растений. Присутствовавшие заслушали и обсудили доклады Д. Н. Флорова и Е. В. Талалаева, разработали план дальнейшей работы по изучению и практическому осуществлению борьбы с вредителями. На совещании при Министерстве лесного хозяйства, в котором приняли участие указанные докладчики, намеченный план был одобрен и отпущены необходимые средства для его выполнения [8, л. 69].

БГНИИ совместно с Иркутским облсоветом провел совещание по вопросам развития прудового хозяйства в колхозах. Участники совещания разработали мероприятия по организации прудового

хозяйства и наметили план научных исследований в этом направлении. В начале 1953 г. сотрудники института участвовали в Совещании по развитию производительных сил Бурят-Монголии, в котором приняли участие комплексная экспедиция СОПС АН СССР, ВСФ АН СССР и представители планирующих органов республики. На совещании были обсуждены итоги работы за 1952 г. и утвержден план работы на 1953 г. [8, л. 66].

Работники университета постоянно участвовали в работе общественных организаций, различных советах при государственных и местных органах власти. В частности, директор БГНИИ проф. М. М. Кожов стал инициатором создания в 1953 г. и первым руководителем Восточно-Сибирского отделения Ихтиологической комиссии Госплана СССР. Пленумы ихтиологической комиссии проходили с участием работников рыбоохраны, Байкальского и Иркутского рыбтрестов, ученых университета, Лимнологической станции, Красноярского отделения ВНИОХРа. На заседаниях обсуждались вопросы акклиматизации в Байкале сазана, карпа, леща и других рыб, развития прудового хозяйства [2, с. 749; 26, с. 32].

Работников и студентов университета постоянно привлекали к организации и участию в масштабных государственных мероприятиях, и прежде всего в выборах в центральные и местные советы. Эта деятельность приобрела такие масштабы, что на партсобрании факультета гуманитарных наук выступавшие констатировали, что наиболее активные преподаватели и студенты подразделения трудятся на уровне университета, района, города и области, а на факультете работать некому [16, л. 31].

В 1953 г. проводились выборы в местные Советы. Руководителем агитколлектива при агитационном пункте ИГУ был назначен преподаватель факультета гуманитарных наук И. И. Кузнецов. В его обязанности входило снабжение пункта необходимой литературой, газетами, организация дежурства агитаторов. Требовалось подобрать агитаторов, проводить семинары для них и контролировать их работу. В целом агитационно-разъяснительная работа в дни выборов активизировала политическое и гражданское сознание населения, поднимала его культурный уровень [24, с. 64].

Требование участия во множестве мероприятий превышало возможности преподавательского состава вуза, поэтому агитаторами на выборах 1953 г. назначали практически только студентов. Естественно, это имело издержки, например, когда отмечали юбилей Л. Н. Толстого, студенты гуманитарного факультета

должны были выступить в городе с докладами, но сорвали выступления [13, л. 4; 16, л. 33].

Большое внимание руководители факультетов, преподаватели и студенты уделяли работе в школах. Члены научного студенческого общества (НСО) провели серию мероприятий в школах (лектории, кружки, олимпиада и др.). Силами студенческого научного общества в школах города было организовано 43 предметных кружка и проведено два конкурса: юных химиков и физиков. Вместе с тем коммунисты факультета гуманитарных наук постоянно констатировали на своих собраниях слабую связь кафедр гумфака со школами, особенно филологического отделения [13, л. 42; 16, л. 15; 17, л. 44].

Особой страницей студенческой, да и преподавательской жизни университета были работы на селе и помощь руководящим структурам сельских районов. Например, студенты факультета гуманитарных наук выезжали в Аларский район. В основном они трудились на подработке зерна, зерносушилке, днем и в ночную смену. Расселялись они, как правило, в клубах, школах, зданиях сельских советов или незанятых больших домах. Питанием студентов обеспечивали хозяйства, в основном это были овощи и мясо. На сельхозработы учащихся доставлял специальный поезд, предоставляемый Управлением Восточно-Сибирской железной дороги [24, с. 66].

Так как одних студентов отправлять было нельзя, с ними обязательно посылали преподавателей, которые от этого всячески уклонялись. В 1953 г. от факультета гуманитарных наук на сельхозработы было отправлено 500 студентов, неожиданно большинство командируемых преподавателей оказались больными, и в хозяйство поехало только девять человек. С точки зрения учебного процесса отрывать студентов и преподавателей от учебного процесса на целый месяц было нелогично и нецелесообразно. Кроме того, многие студенты по состоянию здоровья не были готовы к таким условиям жизни и тяжелой работе, заболевали и возвращались больными, затягивая тем самым свой отрыв от учебы. Поэтому сельхозработы вызывали протест не только у преподавателей, но и у студентов, которые также под всякими предлогами уклонялись от поездки на уборочную. В 1953 г. студенты гумфака и вовсе совершили коллективный побег из колхоза [16, л. 32, 33].

Кроме этих ежегодных сельхозповинностей, работники университета должны были выполнять и другие работы, связанные с

сельхозпроизводством. В частности, в 1953 г. в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС и ОК КПСС университет должен был отправить на постоянную работу на село трех квалифицированных специалистов. Партбюро ИГУ рекомендовало для направления преподавателей П.И.Ильина, Р.П.Малышева и Л. А. Загорулько. Однако решение по этому вопросу должно было принять партсобрание вуза. В связи с необычностью вопроса на собрании развернулась дискуссия. Ильин заявил, что он подчинится решению партсобрания, но, что полезного он сможет там сделать как синоптик, он не знает. В ответ выступил парторг геофака Богоявленский, возразивший, что Ильин как хороший организатор будет там полезен в качестве специалистаклиматолога. И собрание утвердило данную кандидатуру. Затем выступил Малышев, также не желавший ехать, но вынужденный согласиться. Рекомендация состоялась. Третий кандидат - преподаватель кафедры философии Загорулько, только что разработавший учебный курс по философии, тоже не был добровольцем. Здесь вопреки сценарию выступил его заведующий кафедрой Климов, который выразил свое несогласие. Но собрание большинством голосов рекомендовало и его [13, л. 67].

Таким образом, анализ деятельности руководства и коллектива Иркутского государственного университета в 1953 г. показал, что, несмотря на драматические и судьбоносные для страны события этого года, в сфере научной и вневузовской работы она развивалась в традиционном направлении. Ближайшее окружение Сталина – высшее руководство партии и страны – смогло так организовать переход от одного режима к другому, что это практически не изменило привычного ритма жизни высшей школы.

Список литературы

- 1. Астрономическая обсерватория Иркутского государственного университета (к 80-летию со дня основания. Иркутск : Оттиск, 2011. 128 с.
 - 2. Вопросы ихтиологии. 1969. Т. 9, вып. 4.
 - 3. Вост.-Сиб. правда. 1953. 14 янв.
 - 4. Вост.-Сиб. правда. 1953. 15 февр.
 - 5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р. 71. Оп. 1. Д. 536.
 - 6. ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 669.
 - 7. ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 681.
 - 8. ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 686.
 - 9. ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 750.
- 10. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 14. Д. 351.
 - 11. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 103.

- 12. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125.
- 13. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126.
- 14. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127.
- 15. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 128.
- 16. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 133.
- 17. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143.
- 18. За научные кадры. 1953. 18 дек.
- 19. Законы и постановления, принятые Верховным Советом СССР [15 марта 1953 г.] // Советское государство и право. М., 1953. № 2–3.
- 20. Зуляр Р. Ю., Зуляр Ю. А. Одинцов Михаил Васильевич // ВСОРГО в лицах: биобиблиограф. словарь. Вып. 7 / под ред. Ю. А. Зуляра, Л. М. Корытного. Иркутск, 2019. С. 39–42.
- 21. Исследования природных ресурсов Восточной Сибири (1923–1973 гг.) Биолого-географическим научно-исследовательским институтом: сб. ст. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Иркутск, 1974. 103 с.
- 22. Истории становления и развития физического образования в Иркутском университете. URL: http://physdep.isu.ru/ru/about/history/before1965.html (дата обращения: 13.05.19).
- 23. Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги: биобиблиогр. словарь / Ю. А. Зуляр [и др.]. Иркутск: Оттиск, 2008. 304 с.
- 24. Кузнецов И. И. Страницы жизни историка. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 315 с.
- 25. Сизых А. И. Геологический факультет Иркутского государственного университета. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 296 с.
- 26. Собенников А. С. Профессор М. М. Кожов : биографический очерк. Иркутск, 1990. 61 с.
- 27. Справочник для лиц, поступающих в Иркутский государственный университет имени А. А. Жданова. Иркутск : ИГУ, 1954. 8 с.
- 28. Трещетенков М. Н. История геологического факультета 1919-1969 гг. Ч. 2. 1950-1959 гг. Иркутск : ИГV, 1977.

IRKUTSK STATE UNIVERSITY IN 1953

Yu. A. ZULYAR Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The events and processes that took place at Irkutsk State University in 1953 are considered, the structure of the University, the personal composition of the rector's office, heads of faculties and departments of the University are Shown. The main directions of scientific and professional activity in the University are highlighted. The main directions, types and forms of professional development of teachers and employees are studied. The issues of ensuring the process of preparation of PhD and doctoral dissertations by University teachers are considered. The work of research institutes of the University and faculties on the organization of expedition work, publishing and scientific conferences is investigated. Shown nevadovskaya activities of University staff, which included conducting research on the orders of industrial structures, introduction in the national economy of research results, participation of employees and students in the work of state and public entities working in rural and city schools.

Keywords: history of higher education, Irkutsk, University, University science, University research institutes, studies of the nature of Siberia, non-University and patronage work.

Зуляр Юрий Анатольевич - доктор исторических наук, профессор, декан, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: uzulyar@yandex.ru

ZulyarYuriyAnatolievich - Doctor of Sciences (History), Professor, Dean, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: uzulyar@yandex.ru

УДК 719:72(571.53)(091)

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ В 20-60-е ГГ. XX В. В ИРКУТСКЕ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема сохранения памятников архитектуры в Советской России, российское законодательство по сохранению памятников, признание памятниками архитектуры храмов г. Иркутска в 20-60-е гг. ХХ в. Показана роль советской власти по сохранению культурных объектов, и в частности в Иркутской области и г. Иркутске, которая варьировалась от разрушения и закрытия храмов до признания некоторых храмов объектами культурного наследия и достойными для сохранения. Выявлена деятельность религиозных общин и приходов в деле сохранения архитектурных памятников.

Ключевые слова: культурное наследие, законодательство СССР, охрана памятников архитектуры, храмы, 20–60-е гг. ХХ в., Иркутск, власть, общество.

В цивилизованных странах современного мира проблема защиты культурного достояния находится в центре внимания государства и общества.

Однако в прошлом к памятникам истории и культуры было другое отношение. В Советской России, например, в середине XX в. памятники истории и культуры в массовом порядке гибли, либо эксплуатировались не по назначению, либо объявлялись рассадниками распространения религии, как это было с памятниками архитектуры культового назначения, а значит, не достойными для содержания и сохранения. Советская Россия приобрела уникальный опыт охраны историко-культурного достояния страны, имевший негативные и позитивные стороны. Однако главное в нем, что политика государства зачастую оказывалась намного сильнее и часто развивалась не в том направлении, нежели общественная инициатива по сохранению культурного наследия.

Признание храмов, церквей и других объектов культового назначения памятниками истории и культуры в России сложилось не сразу.

С XVIII до начала XX в. в отношении памятников истории и культуры использовался термин «куриозные вещи», позднее в официальных документах стали фигурировать термины «старинные редкости», «памятники древности», «памятники старины» и др. Впервые понятие «памятник» появилось на первом Археологическом съезде в 1869 г. В данное понятие вошли движимые и недвижимые памятники: здания, городища, иконы, курганы, рукописи и др. В XIX в. термин «древность» подразумевал «движимые» ценности возрастом более 100 лет. Однако в первой половине XX в. возраст памятников древности сдвинулся на 150 лет назад. Вплоть до 1917 г. унификации терминов и определений, связанных с культурным достоянием, принято не было.

В Советской России одна из первых попыток классификации объектов культуры была предпринята в январе 1924 г. В Инструкции к проекту СНК и ВЦИК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» объекты классифицировались по следующему принципу: объекты научно-художественной и археологической важности, не используемые в практических целях (крепостные стены, мосты, фонтаны); объекты, имеющие функционал и возможность к их дальнейшей эксплуатации без существенного урона их сохранности историко-художественной ценности (сдавать в аренду и т. д.); памятники, эксплуатируемые исключительно в научных и музейнопоказательных целях, без перепланировки и изменения их внешнего архитектурного стиля и внутреннего убранства (дворцы, музеи-усадьбы) [1].

В 30-е гт. XX в. появляется термин «исторические памятники». Согласно Постановлению ВЦИК и СНК СССР от 10 августа 1933 г. «Об охране исторических памятников» монастыри и церкви были отнесены к историческим памятникам наравне с памятниками революционного движения, крепостными сооружениями, дворцами, домами, связанными с историческими событиями и лицами, и др. [3].

Однако храмы и другие религиозные здания под разными предлогами в 20-30-е гг. XX в. массово закрывались и постепенно уничтожались. Сначала происходило закрытие храмов под предлогом разрушений и отсутствия ремонта, потом – для утилитарных нужд, например, использования под жилье, в культурных и промышленных целях.

После Великой Отечественной войны появился новый термин «памятник культуры» и была сформирована классификация па-

мятников по нескольким категориям. В Постановлении Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» все памятники культуры были распределены по нескольким классам, где культовые здания были причислены к памятникам архитектуры [4]. В 1965 г. в Постановлении правительства о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры зафиксирован термин «памятник истории и культуры», который был использован в дальнейшем в полном объеме.

В Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29.10.1976 в ст. 1 указывалось, что памятниками истории и культуры считаются постройки, памятные места и предметы, имеющие связь с историческими событиями прошлого в жизни нации, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную и иную культурную ценность. К виду памятников были отнесены сооружения культовой архитектуры [5].

Однако попытки советской власти сохранять культурное достояние (до середины 20-х гг. XX в. было издано более двадцати декретов, отражающих меры по сохранению культурного достояния СССР) зачастую не соответствовали установкам Пролеткульта – массовой культурно-просветительской и литературно-художественной организации пролетарской самодеятельности при Наркомате просвещения (1917–1932 гг.), которая считала сохранение дореволюционных памятников идеологически вредным явлением.

В 1928 г. Главнауки принимает решение о введении критерия, который позволял определить принадлежность сооружения к памятникам истории и культуры. Сооружения, построенные до 1613 г., были объявлены неприкосновенными и сохраняемыми, построенные в 1613–1725 гг. в случае острой необходимости могли подвергаться незначительным изменениям, построенные в 1725–1825 гг. также считались памятниками, однако у зданий, воздвигнутых в этот период, сохранялся только фасад. Здания, построенные после 1825 г., не охранялись и не сохранялись, так как не считались памятниками культуры. В соответствии с таким решением был спланирован и осуществлен массовый снос храмов в Советском Союзе. В г. Иркутске в период 1930–1940-х гг. было снесено шесть зданий религиозного культа, имевших богатую историю и высокую архитектурную ценность.

Политика государства по отношению к культовым памятникам в 20-30-е гг. ХХ в. становилась все более противоречивой. С одной стороны, государство заботилось о функциональности и безопасности религиозных зданий. В Постановлении СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. говорилось о том, что если религиозное здание из-за общего износа и ветхости вызывало опасения, то специальные комиссии имели право прекращать любые религиозные обряды в данном здании до окончательного решения комиссии [2]. Если специальная комиссия выносила решение о возможном риске обвала здания, то в специальном документе указывалось, попадает ли здание под снос либо возможен ремонт и восстановление былого облика и функционала сооружения. С другой стороны, преследуя утилитарные цели, государство пыталось воспользоваться церковным имуществом в виде колоколов и церковной утвари. Интересы религиозных общин были отодвинуты на задний план. Государство нашло предлог, который давал возможность изымать колокола: шум и звон колоколов мешает жить обычному рабочему, кроме того, колокола могли быть использованы как средство по привлечению населения к антисоветской деятельности. Единственным торговцем колоколов в СССР того периода стал Главнауки Наркомпроса РСФСР, который аккумулировал информацию о количестве и типе колоколов. Главнауки стал разделять колокола на два типа: имеющее историко-художественное значение и не имеющее такового. Тип колоколов определяли ведомства и специальные комиссии. В кампании по изъятию колоколов участвовали Главнауки и Рудметалторг, которые заключили договор о поставке 130 т колокольной бронзы от Главнауки к Рудметаллторгу. Серьезным стимулом к антиколокольной кампании являлась 40%-ная прибыль, которая поступала в бюджет местной казны. В Иркутске пострадало большое количество колоколов, которые были сняты с храмов и отданы государству для преодоления сырьевого голода. Национализация собственности церквей и выработка утилитарной позиции к культурному наследию стали в Советском государстве превалирующими.

В 1920–1930-е гт. государственные ведомства освободились от ответственности за защиту большинства памятников истории и культуры, передав все полномочия местным властям, которые распоряжались культурными ценностями по собственному усмотрению. Немаловажную роль сыграла борьба с религией, а

значит, и с религиозными объектами. Согласно данным исследователей И. И. Калининой и С. И. Медведева, в 1917 г. в Иркутске функционировало 48 культовых объектов: 3 монастыря, 2 собора, 23 приходских церквей, 7 воинских церквей, 9 часовен, 1 синагога, 1 костел, 1 кирха и 1 мечеть. Специальный орган по делам Русской православной церкви при Иркутском облисполкоме в 1947 г. зафиксировал, что в Иркутской губернии в 1917–1922 гг. функционировало 223 храма, 2 монастыря, 216 часовен и молитвенных домов, в 1922 г. в губернии осуществляло свою деятельность 190 церквей. В 1922–1930 гг. общее количество уменьшилось до 105, а в 1930–1943 гг. все храмы прекратили свою деятельность [9].

В послевоенный период проявляется тенденция к усилению надзора за охраной памятников. В Постановлении Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. № 386: «Об охране памятников архитектуры» ответственность за охрану памятников возлагалась на Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, областные, краевые исполкомы, горисполкомы городов республиканского (РСФСР) подчинения и Советы Министров автономных республик. Запрещалась передача зданий и сооружений памятников архитектуры в пользование другим ведомствам и vчреждениям без разрешения Совета Министров РСФСР. Vстанавливалось, что государственные институты и организации, которые эксплуатируют памятники архитектуры, заключают с ведомствами Управления по делам архитектуры обязательства, предполагающие регламент по эксплуатации, защите и реставрации памятников. Это давало возможность контролировать арендаторов памятника. В Приложении к Постановлению прилагался Список памятников архитектуры, подлежащих защите со стороны государства на территории РСФСР (кроме Москвы и Ленинграда). В данный список были включены две церкви г. Иркутска XVIII в.: Крестовоздвиженская и Троицкая.

В конце 50-х гг. XX в. в период хрущевской оттепели в СССР наблюдается широкомасштабное наступление на церковь. Началом принято считать постановления «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей». Эти постановления по сути своей ставили под удар религиозные организации и значительно их ослабили.

Во второй половине 60-х гт. XX в. в стране продолжалась антирелигиозная кампания, что привело к дальнейшему угнетению религиозных общин, в связи с чем многие памятники архитекту-

ры культового значения либо закрылись, либо использовались в утилитарных целях местных властей. В условиях нехватки зданий, закрывшиеся храмы использовались под склады, клубы, кинотеатры, гаражи, общежития, жилье, медицинские учреждения, конторы, тюрьмы, колонии для несовершеннолетних, приюты и т. д.

Религиозная общественность как могла сопротивлялась разрушению и закрытию храмов, однако силы были не равны. Церковь во имя Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла, построенная в 1910 г. (ул. Гоголя, 42 - утрачена), была закрыта на основании постановления Восточно-Сибирского краевого исполнительного комитета в ноябре 1929 г. Еще ранее община храма написала две жалобы в адрес ВЦИК и Иркутский исполком, причем под последней было собрано 352 подписи прихожан. Однако 25 октября 1929 г. Иркутский Окрисполком решает прекратить деятельность Петропавловской церкви, и в ноябре этого же года Президиум Сибкрайисполкома утверждает данное постановление. Религиозная община прекратила свое существование, а храм претерпел архитектурные изменения: колокольню демонтировали, маковки с алтаря и трапезной сняли, внутреннее устройство храма полностью изменили. В дальнейшем в здании церкви разместили клуб пионеров. С 1931 г. в здании функционировал склад Комжилтреста [7].

Спасали члены религиозной общины церковь в предместье Глазково Николо-Инокентьевскую (Профсоюзная, 45а – функционирует), заложенную 27 апреля 1858 г. на средства иркутского купца Я. С. Малкова [8].

Начиная с 20-х гг. XX в. община верующих, будучи арендатором церковного здания, исполнила свои обязательства по ремонту храма, которому требовалась реставрация. В 1928 г. было принято решение произвести реставрацию интерьера здания, а также отремонтировать тротуары у храма. В 1932 г. совет уполномоченных прихожан Глазковской Николо-Иннокентьевской церкви обратился за помощью в городской совет по поводу грабежа церкви и порчи ее имущества: была разрушена и похищена ограда церкви, выломаны рамы окон и разбиты стекла, украдена церковная утварь и др. Однако просьба не была удовлетворена. Уже в сентябре 1933 г. согласно постановлению президиума Иргорсовета от 28 августа 1933 г. с колокольни Николо-Иннокентьевской церкви были демонтированы шесть колоколов и увезены на базу Восточно-Сибирской краевой конторы металлолома. В апреле 1934 г.

церковь была закрыта, а имущество передали: в пользу государства – 15 кг серебра, клубу железнодорожников – 2 иконостаса, 31 икону и т. д. В дальнейшем на базе здания стал функционировать кинотеатр «Заря».

Религиозное сообщество католиков встало на защиту и отстаивание своих прав на Католический костел. Региональные власти в 1921 г. национализировали имущество католического прихода, и с этого момента бывшие владельцы стали арендаторами костела. На них теперь возлагалось содержание костела, ремонт и страхование. Городская администрация в ноябре 1930 г. объявила о нарушениях со стороны общины, с чем община не согласилась и стала вести борьбу за свои права. В феврале 1938 г. городская комиссия, проинспектировав костел, подняла вопрос о прекращении действия договора об аренде в связи с неудовлетворительным состоянием здания. К этому времени католические лидеры были задержаны как враги народа по 58-й статье, а беднеющая община уже не могла произвести полный ремонт здания. В апреле 1938 г. Президиум Иркутского облисполкома расторгает договор об аренде Костела и община прекращает свою деятельность [6].

Большой сплоченностью отличалась община Харлампиевской церкви (Михаило-Архангельская Харлампиевская) (ул. 5-й Армии, 59 – функционирует), одного из древнейших православных храмов Иркутска (основана в 1738 г.). После закрытия храма в 1930-е гг. колокольня была разрушена. В сохранившейся части храма было организовано общежитие ИГУ. Здание храма разбили на несколько этажей, маленькие секции, комнатушки, извилистые коридоры и крутые лестницы. Затем храм служил библиотекой и фондохранилищем для Иркутского государственного университета. Община церкви пыталась сохранить утварь, ризницу, библиотеку и архив. После того как храм прекратил свою деятельность, незначительная часть имущества перешла в краеведческий музей. Однако большая часть была утеряна и разворована.

Ярким примером взаимоотношений религиозной общественности и власти по вопросам использования религиозных зданий явилась борьба за Троицкую церковь г. Иркутска. Церковь Святой Троицы, она же Троицкая церковь (5-й Армии, 8 – функционирует), является ярким представителем сибирского барокко. Церковь была построена в конце XVIII в., однако в 1930-е гг. была закрыта. После Великой Отечественной войны власть отчасти изменила отношение к церковному архитектурному наследию. Некоторые храмы были переданы на правах аренды церковным общинам,

которые должны были содержать здания. Организовывались комиссии, обследовавшие памятники культуры для фиксации общего состояния построек. В мае 1947 г. общине верующих церковь Святой Троицы была передана в пользование. Благочинный православных церквей Иркутской области протоирей Н. Пономарев обратился в архитектурный отдел Иркутского облисполкома с просьбой организовать комиссию по техническому осмотру здания церкви и возможной поддержки строительными материалами [14]. Был подписан договор между городскими властями, представителем комитета по охране памятников архитектуры при Иркутском облеисполкоме в лице В. И. Шастина и настоятелем приходского храма В. Н. Репиным, а также членами церковного прихода в количестве 22 чел. о передаче в пользование прихода церковного здания [13]. Здание Троицкого храма и земельный участок площадью 476,75 кв. м передали в бессрочное и бесплатное пользование. Община должна была до конца 1949 г. восстановить здание в полном объеме. Еще в 1945 г. был составлен акт, в котором фиксировалось плачевное состояние церкви: строение в течение определенного времени эксплуатировалось в качестве общежития для рабочих (строили Глазковский мост), само здание в запустении, постройка требует капитального ремонта ввиду износа конструкций, крыша разобрана, в здании нет оконных рам, дверей, двор завален и застроен временными сооружениями. Полуразрушенное неохраняемое здание церкви простояло около 15 лет без крыши, окон и дверей. Оно явилось источником приобретения кирпича и топлива для окружающего населения, проживающего в соседних бараках, разрушалось от атмосферных осадков, стены насыщались влагой, внутренняя штукатурка почти полностью отвалилась от стен [12]. В акте было указано, какие работы предполагалось провести: укрепить фундамент, установить окна и двери, сделать восстановление полов и перекрытий и др. Отдел по делам архитектуры при Облисполкоме виновным в общем неудовлетворительном состоянии церкви признал Райжилуправление Кировского района г. Иркутска.

После передачи храма общине прихожане провели некоторую реставрацию: были сделаны перегородки в главном приделе храма, сложены две большие голландские печи, сделаны перекрытия с двойным засыпным потолком и др. Однако в сентябре 1949 г. исполком Иркутского городского совета депутатов трудящихся в одностороннем порядке расторгает договор, отменяет решение о передаче верующим здания церкви и просит Област-30

ной совет депутатов трудящихся использовать здание церкви под Планетарий и передать его областному отделу Культпросветработы [15]. Храм передали под устройство Планетария и другой культурно-просветительной работы, после чего начался следующий этап перепланировки внутреннего убранства, не согласованный с Отделом по делам архитектуры, на учете которого находился памятник – полная перепланировка внутренних помещений и приспособление их под учебные классы, жилье и аудитории.

На защиту культурных ценностей г. Иркутска встала интеллигенция в лице сотрудников Иркутского краеведческого музея (ВСОРГО). Однако победить культурное невежество партийных руководителей советской власти музейным работникам удавалось не всегда. Под видом «как не представляющий историкохудожественной ценности» был снесен надалтарный памятник 1817 г. у стен Крестовоздвиженской церкви, хотя работники музея настаивали на его сохранении. Под предлогом аварийного состояния и нецелесообразности реставрации были взорваны Чудотворская и Тихвинская церкви, жемчужины сибирской соборной архитектуры. Музейные работники, чтобы сохранить Крестовоздвиженскую церковь, инициируют в октябре 1932 г. ее обследование и передачу здания музею как памятника огромного художественного значения [16]. Документ подписали от дирекции краевого музея А. Окладников, инспектор комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (ОХРИС) Ф. Карантонис, представитель ОХРИС М. Одинцова.

Боролись музейщики и за сохранение Знаменской церкви и ее исторического некрополя [11]. Пытаясь найти компромисс в вопросе об использовании Богоявленского собора для Треста хлебопечения, музейные работники обратились в Москву в государственные центральные реставрационные мастерские с призывом о помощи. Узнав о готовящемся сносе Спасской церкви, А. П. Окладников написал письмо в Москву [10].

Политика государства в 1917–1965 гг. затронула все аспекты жизни общества, в том числе охрану памятников культуры. В связи с нехваткой площадей и жилищным кризисом власть зачастую руководствовалась не сохранением культурных ценностей, например зданий храмов, а опиралась на экономические нужды государства. Храмы закрывались, консервировались или эксплуатировались для утилитарных нужд государства с частичной или полной перепланировкой, что недопустимо для архитектурных

сооружений. Из-за проведения решительной индустриализации страны купола демонтировали и переплавляли, другие церковные ценности передавались государству, культурным учреждениям или разворовывались. Тем самым, были утеряны бесценные религиозные и архитектурные памятники, а храмовое зодчество значительно деградировало. Разрушение архитектурных зданий культового назначения, таких как Казанский собор, Тихвинская церковь и др., меняло городскую среду и архитектурные особенности г. Иркутска, который отчасти терял уникальность и историю, хранящуюся в храмовых памятниках.

Взаимодействие власти и общественности по вопросу сохранения храмовой архитектуры можно разделить на несколько этапов. Первый этап с 1917 г. до начала Великой Отечественной войны - это период серьезных испытаний: закрывались храмы, взрывались церкви, церковное имущество уничтожалось и разворовывалось, шло гонение на религию, прекращали свою деятельность религиозные общины, помощники в деле сохранения храмов. Второй этап начинается с окончанием Великой Отечественной войны, когда государство пересмотрело свое отношение к Русской православной церкви и другим конфессиям: открываются ранее закрытые приходы, разрешается проведение служений, начинается процесс восстановления храмовой архитектуры за счет прихожан и активистов. Третий этап начинается в конце 1940-х гг., когда государство опять ведет наступление на религии и храмы. Например, Александринская церковь была уничтожена в 1960-е гг., автор еще в детстве застал развалины этого храма, в котором в последние годы располагался шиноремонтный завод. В Князе-Владимирской церкви в 1960-е гг. была расположена химическая лаборатория. Собор Богоявления до второй половины 1960-х гг. использовался под хлебопекарню. С другой стороны, некоторые церкви не только ставятся на охрану государства, но и проходят капитальную реставрацию: Спасская церковь в 1960-е гг. ставится на учет, в 1965 г. начинает ее реставрация; Крестовоздвиженская церковь в 1960-е гг. ставится на охрану как памятник федерального значения и в ней разрешается церковная служба; с 1967 г. начинается реставрация Собора Богоявления.

Таким образом, политика власти по сохранению храмовой архитектуры носила вариационный характер. Общественность пыталась внести свой вклад в сохранение памятников, однако вза-имодействие с властью не всегда имело положительный результат.

Список литературы

- 1. Об учете и охране памятников искусства старины и природы : декрет СНК РСФСР от 7 января 1924 г. Утратил силу // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : интернет-архив законодательства СССР. URL: https://clck.ru/Nfri2 (дата обращения: 18.08.2020).
- 2. О религиозных объединениях: постановление ВЦИК СНК РСФСР 08.04.1929. Утратил силу. URL: https://clck.ru/NaZSn (дата обращения: 18.02.2020).
- 3. Об охране исторических памятников : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.08.1933. Утратил силу // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
- 4. О мерах улучшения охраны памятников культуры : постановление Совмина СССР от 14.10.1948 № 3898. Утратил силу // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
- 5. Об охране и использовании памятников истории и культуры : закон СССР от 29.10.1976 № 4692-IX (ред. от 21.09.1983). Утратил силу // КонсультантПлюс: справочная правовая система.
- 6. Галеткина Н. Иркутский костел // Земля Иркутская : журнал. 1995. № 4. С. 47–52.
- 7. Иркутск. Церковь Петра и Павла 28-го Сибирского стрелкового полка // Соборы.ру: народный каталог православной архитектуры. URL: https://clck.ru/NfrAA (дата обращения: 10.11.2019).
- 8. Калинина И. В. Николо-Иннокентьевская церковь // Земля Иркутская. 2002. № 18. С. 31.
- 9. Сидорченко В. «Сохранять в первозданности» // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 57–60.
 - 10. ГАИО. Ф. р-47. Оп. 1. Д. 83. Л. 23.
 - 11. ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 192. Л. 44.
 - 12. ГАИО. Ф. ОЦ-3. Р-2823. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-2.
 - 13. ГАИО. Ф. ОЦ-3. Р-2823. Оп. 1. 24. Л. 16.
 - 14. ГАИО. Ф. ОЦ-3. Р-2823. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.
 - 15. ГАИО. Ф. ОЦ-3. Р-2823. Оп. 1. Д. 24. 30-32.
 - 16. ГАИО. Ф. р-504. Оп. 5. Д. 279. Л. 31-35.

EXPERIENCE AND PROBLEMS OF PROTECTION OF MONUMENTS OF ARCHITECTURE OF CULT PURPOSE IN 20-60-s XX CENTURY IN IRKUTSK: POWER AND SOCIETY

N. F. VASILYEVA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The problem of preserving architectural monuments in Soviet Russia, Russian legislation on preserving monuments, recognition by architectural monuments of churches in Irkutsk in the 20th–60s is considered. The role of the Soviet government in preserving cultural objects and, in particular, in the Irkutsk region and Irkutsk, which ranged from the destruction and closure of churches to the recognition of some churches as cultural heritage sites and worthy of preservation, is shown. The activities of religious communities and parishes in the preservation of architectural monuments were identified.

Keywords: cultural heritage, legislation of the USSR, protection of architectural monuments, churches, 20–60s XX century, Irkutsk, power, society.

Васильева Наталья Федоровна - доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: vasil.nf@mail.ru

Vasilyeva Natalya Fiodorovna – Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vasil.nf@mail.ru

VДК 947.084(571.1/.5)

ПОСЛЕВОЕННАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В 1945-1947 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

В. Н. ВОРОНЦОВ

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот руководящих указаний и отчетных материалов предметно показан перевод воинских соединений, частей и подразделений на мирное положение на территории Восточно-Сибирского военного округа в 1945–1947 гг. Успешная демобилизация, являясь исключительно сложным и многоплановым общегосударственным мероприятием, продемонстрировала зрелость и эффективность сталинского режима.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский военный округ, воинские соединения, части, подразделения, демобилизация, расформирование, директивы, приказы, Советская армия, военное строительство.

Организационные мероприятия в Советской армии после окончания Второй мировой войны до настоящего времени в отечественной историографии нашли лишь самое общее [1; 4; 5; 10; 11; 13] и преимущественно поверхностное освещение. Описывающие «будни» отечественных войск в начале 1950-х гг. мемуары весьма немногочисленны [3; 12, с. 58, 64–70]. Исследователи уделяют наибольшее внимание послевоенной судьбе отдельных военачальников [8], внешнеполитическим аспектам военного строительства [2], зарубежным оценкам советской военной мощи [6; 7; 9]. Общая картина развития Советской армии в целом раскрыта [14].

Перевод войск с военного на мирное положение – сложная и многоплановая задача, успешное решение которой служит показателем зрелости и эффективности олицетворявшегося И. В. Сталиным социалистического строя. Интересна и поучительна панорама распоряжений по реорганизации всей армейской структуры на ее жестко-плановую адаптацию к мирным условиям. В предшествующих статьях на основе впервые вводимых в научный оборот

руководящих указаний и отчетных материалов мы предметно осветили процесс расформирования отдельных дивизий, процедуру направления высвобождаемого личного состава и передачи военного имущества [4; 5]. Подробное рассмотрение архивных документов, их хронологии и содержания решало и вспомогательные источниковедческие задачи.

В данной публикации целесообразно на региональном материале раскрыть механизм реорганизации всего комплекса соединений, частей и подразделений Советской армии. На территории Иркутской области, Красноярского края, Якутской АССР и Тувинской автономной области 9 июля 1945 г. был образован Восточно-Сибирский военный округ. Управление округа образовано в Иркутске на базе прибывшего из Германии управления 50-й армии во главе с генерал-полковником П. Л. Романенко.

Проанализированный фактический материал раскрывает как общие тенденции, так и региональную специфику в развитии советских вооруженных сил.

Обратимся к системе послевоенного делопроизводства и текущего состояния его сохранности. Согласно описи фонда организационно-мобилизационного отдела (оргмоботдела) Восточно-Сибирского военного округа, в течение января 1946 г. в пределах этого округа расформированы следующие воинские части [15]:

- 980-й отдельный батальон связи (дела 1 и 17);
- части 223-й (Белградской Краснознаменной) стрелковой дивизии: 1037-й (Венский ордена Суворова) стрелковый полк, 1039-й стрелковый полк, 1041-й стрелковый полк, 818-й артиллерийский полк, а также спецподразделения той же дивизии: 587-й отдельный саперный батальон, 332-й отдельный истребительнопротивотанковый дивизион, 320-й отдельный медсанбат, отдельная зенитно-пулеметная рота, 385-я отдельная рота химзащиты, 422-я отдельная авторота, 351-я отдельная разведывательная рота, военно-почтовая станция, типография, 378-я полевая хлебопекарня, 71-й дивизионный ветеринарный лазарет и т. д. (дела 2, 5, 16, 18, 19 и 20);
- части 53-й армии, 18-го корпуса: окружной химический склад 3434, 207-я отдельная местная стрелковая рота, армейский пересыльный пункт, 45-й батальон УК (укомплектований?), АРТ, 81-я рота охраны, армейский ветеринарный лазарет 338 (дело 3);

- части терапевтического госпиталя 3561, полевой армейский склад боеприпасов № 3180, 701-я отдельная авторота, армейский склад связи 2917, 33-й полевой прачечный отряд, хирургический полевой госпиталь 4357, военсклад 1668 (дело 4);
- части 53-й армии: служб армейского полевого управления, 2-го отдельного транспортного батальона, военно-почтовой станции 2832 п/п (полевой почты) 991, военно-почтовой станции 20707 п/п 1816, военно-почтовой станции 2290 п/п 17866, военно-почтовой станции 2293 п/п 17858, ЭГД 35 (дело 6);
- части 50-й армии: полевой армейский продовольственный склад 2500, полевая арт. снаряжательная мастерская 26; редакция газеты «Родина зовет», военно-почтовая станция 3348, военно-почтовая база литер «ВЩ» п/п 03721, 23-я рота медицинского усиления, 104-я обмывочная дезинфекционная рота, МЭП-72, эва-когоспиталь 971, ТППГ 2608 (дела 7 и 8);
- части 99-й (Житомирской) стрелковой дивизии: 1-й стрелковый полк, 206-й стрелковый полк, 473-й артиллерийский полк, учебно-стрелковая рота, 858-й отдельный батальон связи, 20-й отдельный саперный батальон, 45-я отдельная рота химзащиты, 93-й отдельный медсанбат, отдельная зенитно-пулеметная рота и т. д. (дела 10, 13, 38, 45, 46, 47 и 48);
- военно-санитарные поезда 120, 132, 243, 250, 251, также упоминается РЭП-33 (управление распределительного эвакуационного пункта?) (дела 14, 23 и 50);
 - 7-й Тувинский кавалерийский полк (дело 32);
- 2630-й отдельный батальон, 9-й перегоночный авиаполк, 110-я аэродромная техническая рота, 114-й отдельный рабочий взвод, 356-я команда по сопровождению местных грузов (дело 33);
- 250-й склад 50-й армии, 197-я отдельная рота обслуживания 33-й базы, 1248-й отдельная телеграфная строительная рота, 273-е отделение сопровождения артгрузов, 226-я полевая хлебопекарня (дело 34);
- части 297-й стрелковой дивизии: 1055-й стрелковый полк, 1057-й стрелковый полк, 1059-й стрелковый полк, 503-й артиллерийский полк, 338-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 357-я отдельная рота разведки, 593-й отдельная саперный батальон, 758-й отдельный батальон связи, 342-й медсанбат, 162-й дивизионный ветеринарный лазарет, военно-почтовая станция 202073 (дела 35, 36 и 40);

- 36-й отдельный стрелковый полк (дело 28).

С 4 февраля по 4 марта 1946 г. расформированы части 102-го дорожного отдела 20 ВДУ, военно-почтовой станции 2096, 11-я отдельная транспортная рота; с 5 по 15 февраля – военно-санитарные поезда 314 и 207; с 13 февраля по 4 марта – военно-санитарные поезда 185, 146, 236, 100, 76, 241; 7 марта – 45-я, 51-я, 53-я, 56-я, 73-я и 110-я отдельные гужевые роты; к 13 февраля – 19-й автомобильный полк; с 13 февраля по 25 апреля – полевое отделение госбанка № 919, 123-я и 182-я отдельные гужетранспортные роты 20-го военно-дорожного управления 100 ВММО, 101, 102, 103 и 104 ВДО.

На основании приказа войскам Восточно-Сибирского военного округа № 004 от 14 мая 1946 г. «командир 110-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Криволапов 110-ю гвардейскую стрелковую Александрийско-Хинганскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию переформировал в 16-ю отдельную гвардейскую стрелковую Александрийско-Хинганскую Краснознаменную ордена Суворова бригаду по штатам № 5/120-5/127» [16].

С 29 июня по 16 августа 1946 г. расформирован окружной склад горюче-смазочных материалов 3676; с 10 июля по 16 августа – 1153-й отдельный зенитный артдивизион 635-й артбригады, 376-й гвардейский стрелковый полк 124-й гвардейской стрелковой дивизии.

С 13 августа по 1 сентября 1946 г. расформированы части 317-й (Будапештской Краснознаменной) стрелковой дивизии: 571-й стрелковый У-Орл. Ордена Кутузова полк, 606-й стрелковый полк, 761-й стрелковый полк, отдельный учебно-стрелковый батальон, 509-я артиллерийская бригада, 773-й пушечный артиллерийский полк, 314-й артдивизион, 526-й самоходный артдивизион, 277-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 251-я отдельная моторазведывательная рота дивизии, 878-й отдельный батальон связи, 361-й отдельный батальон, гарнизонный эвакогоспиталь 2966. Причем части ликвидированы преимущественно к 16 августа.

С 17 августа по 17 сентября 1946 г. расформированы Бирмское военное авиаучилище, 335-й отдельный местный стрелковый взвод, 144-й рабочий взвод при 3-м авиаскладе, 58-я отдельная радиостанция, 18-я оконченная телеграфная станция, команда

офицеров сопровождения при 711-м авиаскладе; с 27 августа по 16 сентября – 52-я окружная школа младших авиаспециалистов [15].

С 5 июня по 25 декабря 1946 г. расформированы школа военных разведчиков 16-й стрелковой бригады, склад 825, стационарная автомастерская 205.

Со 2 по 24 ноября 1946 г. расформированы части 49-го стрелкового корпуса: 692-я артиллерийская бригада, 60-й отдельный батальон связи, 63-й отдельный саперный батальон, 102-й отдельный корпусный танковый батальон.

С 27 ноября по 24 декабря – военно-пересыльный пункт, курсы усовершенствования офицеров пехоты, склад 170.

В период с 1 марта по 15 апреля 1947 г. 16-я отдельная гвардейская Александрийско-Хинганская Краснознаменная ордена Суворова бригада переформировалась по штатам 5/150-5/160 (директива Генерального штаба вооруженных сил № орг/1/470240, приказ Восточно-Сибирского военного округа № 002 от 1 марта 1947 г.).

С 9 июня по 7 июля 1947 г. расформированы армейская артиллерийская ремонтная мастерская № 50, 171-я гарнизонная хлебопекарня, Марьинское артиллерийское училище, команды по сопровождению инженерных грузов № 385 и № 394, продовольственный пункт станции Нижнеудинск, центральный медицинский склад МВС 348; с 28 июня по 20 сентября – Иркутский военно-пересыльный пункт, 204 САРМ, продсклад 2338, Красноярский городской военный комиссариат, военно-продовольственный пункт Усть-Кут, отделение брон. имущества при складе 1743.

Успешная демобилизация, являясь исключительно сложным и многоплановым общегосударственным мероприятием, продемонстрировала зрелость и эффективность сталинского режима.

Список литературы

- 1. Бабаков А. А. Вооруженные силы СССР после войны (1945–1986 гг.): история строительства. М. : Воениздат, 1987. 288 с.
- 2. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Советская репарационная политика в Германии 1945–1953 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 49–69.
- 3. Варенников В. И. Неповторимое. В 7 т. Т. 2, ч. 3: Жизнь без войны. М. : Советский писатель, 2001.544 с.
- 4. Воронцов В. Н. «Мы армия страны, мы армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 2. С. 230–238.
- 5. Воронцов В. Н. «На штаты мирного времени»: Послевоенная судьба сформированных на Забайкальском фронте в 1941–1943 г. стрелковых корпусов и дивизий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 239–247.

- 6. Glantz David M. Soviet Operational and Tactical Combat in Manchuria, 1945: «August Storm». London; Portland, 2005. 353 p.
- 7. Дин Ю. И., Мин К. Освещение сухопутной операции советских войск в Северной Корее в августе 1945 г. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 61–69.
- 8. Ермаков В. Д. И. Сталин и репрессия против командных кадров армии и флота в 1945–1953 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2016. № 2 (27). С. 45–48.
- 9. Магадеев И. Э. СССР в оценках британской военной миссии в Москве (лето-осень 1945 г) // Вопросы истории. 2017. № 5. С. 16–38.
- 10. Новиков П. А. Советские войска в Восточной Сибири // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы VII Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (15 сентября 15 января 2012 г.). Красноярск, 2012. С. 103–114.
- 11. Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 432 с.
 - 12. Постников С. И. В далеких гарнизонах. М.: Polygon-press, 2004. 528 с.
- 13. Самохин А. В. Реорганизация системы военного управления СССР 1945–1947 гг. // Власть и управление на востоке России. 2013. № 4 (65). С. 100–106.
- 14. Феськов В. И., Калашников К. А., Голиков В. И. Советская армия в годы «холодной войны» (1946–1991). Томск: Изд-во Томского университета, 2004. 246 с.
 - 15. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 122/3. Оп. 1. Т. 1.
 - 16. ЦАМО. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 2.

POST-WAR REORGANIZATION OF THE SOVIET ARMY IN 1945–1947 (BASED ON MATERIALS FROM EASTERN SIBERIA)

V. N. VORONTSOV

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

Abstract. On the basis of the guidelines and reporting materials for the first time brought into scientific circulation the transfer of military units on the territory of the East Siberian military district in 1945–1947 to a peaceful situation is shown in detail. Successful demobilization, an extremely complex and multifaceted national effort, has demonstrated the maturity and effectiveness of the Stalinist regime.

Keywords: East Siberian military district, military formations, units, divisions, demobilization, disbanding, directives, orders, Soviet army, military construction.

Воронцов Владислав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: woronzow@mail.ru

Vorontsov Vladislav Nikolaivich - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: woronzow@mail.ru

КАКОЙ ГЕРБ УТВЕРДИЛА ГОРОДУ ИРКУТСКУ ЕКАТЕРИНА II 26 ОКТЯБРЯ 1790 ГОДА?

В. В. ГАСЕЛЬНИК

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Аннотация. Ставится окончательная точка в предположении, что Екатерина II 26 октября 1790 г. утвердила Иркутску герб в виде бобра.

Ключевые слова: геральдика, герб города Иркутска, герб Иркутской губернии, иркутский бабр, иркутский бобр.

В своей монографии [1, с. 93] автор данной статьи поставил под сомнение информацию о том, что Екатерина II утвердила 26 октября 1790 г. для Иркутска герб, на котором главным зверем является бабр-тигр. То есть поставил под сомнение правдивость текста этого указа в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ-I) [2, с. 174] и рисунка с тигром в приложении к нему [3, с. 25–28], считая, что там должен быть бобр. Поскольку подлинника указа, который мог бы служить прямым доказательством, автор не нашел, уверенность в своей правоте он основывает на косвенных доказательствах, тем более что их количество оказалось значительным. Приведем лишь немногие из них.

Во-первых, еще 28 августа 1964 г. по представлению военной коллегии от 30 июля 1964 г. Екатерина II утверждает герб на знамя Иркутского драгунского полка: «В золотом щите на белом поле, бегущий бобр у коего во рту соболь» [4, с. 63]. Делается это на основе справки из Сибирского приказа о том, что у Иркутска нет герба, есть лишь печать: «...бобр поймал соболя, а над зверем надписано бобр» [5]. Откуда взялась эта ошибка Сибирского приказа в 1764 г., сейчас сказать сложно, но она произошла, и именно она должна войти в историю иркутской геральдики, а никак не ошибка в 1878 г. герольдмейстера Бернгарда Кёне, как принято сейчас считать. Он-то как раз действовал совершенно осознанно.

Во-вторых, определением 4-го департамента Сената от 4 апреля 1777 г. было решено поднести императрице Екатерине II доклад с гербами: «...Как некоторыя полки названы по городам, а оные так же гербов не имеют, то не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству и оным пожаловать сии же гербы?» [6]. В числе городов, которым было предложено пожаловать гербы, был и Иркутск. К названному определению Сената приложен

рисунок и предполагаемого герба г. Иркутска, на котором нарисован бобр [7]. То есть была попытка разрешить проблему наличия у полка города герба и отсутствия такового у самого города. А как мы знаем, на гербе Иркутского полка был бобр.

В-третьих, в 1840 г. Герольдия Правительствующего Сената запросила от Иркутского Губернского правления доставить в оную со всех гербов как губернского, так и уездных городов Иркутской губернии копию вместе с описаниями. Вследствие сего 1-е отделение Губернского правления от 21 декабря № 4823 поручило иркутскому губернскому архивариусу отыскать рисунки гербам, Высочайше утвержденным в 1790 г. и доставить их в Губернское правление. На это губернский архивариус от 12 февраля сего года № 10 донес, что, «хотя он и отыскал в подлинниках Сенатских Указов Указ Правительствующего Сената от 14 ноября 1790 г. за № 3035 с приложением одного экземпляра гербам в городах Иркутского наместничества, но этот рисунок, как видно по недостающим листам скрепы, вырезан, а кем – Губернскому Архиву неизвестно» [8]. Но вырезан только рисунок, а описания гербов остались, и в них указан бобр [9].

И наконец, в-четвертых, существовало большое количество справочников, учебников, географических карт и атласов, книг по истории сибирских территорий, где на гербе Иркутска указывался бобр. Многие из них приведены в монографии [1].

Но не вся научная и заинтересованная общественность приняла эти доказательства. Оставалось только одно, найти оригинал указа императрицы Екатерины II от 26 октября 1790 г. К сожалению, тщательный поиск последних двух лет в Российском государственном архиве древних актов результатов не дал.

Например, в журнале регистрации высочайших конфирмаций императрицы Екатерины II 1790 г. есть запись об утверждении императрицей доклада Сената «с представлением на высочайшую конфирмацию сочиненных городам Иркутского наместничества гербов». Отмечено, что на подлинном докладе императрица подписала: «Быть по сему. В Санкт-Петербурге октября 26 1790-го» [10]. А где сам доклад, не отмечено.

В журнале собраний І-го департамента Сената, состоявшегося 28 октября 1790 г., записано, что сенаторы «слушали высочайше конфирмованной ея императорским величеством доклад Сената о гербах 19-ти городам Иркутской губернии; приказали: исполнить от герольдии» [11]. Здесь же отмечено, что для обсуждения этого

вопроса в Сенате имелись «копии с имянных указов из коллегии иностранных дел». Однако к журналу эти копии не приложены.

Часть докладов за подписью сенаторов, представленных императрице в 1790 г., можно найти в фонде 24 Госархива «XXIV разряд Государственного архива Российской империи. Сибирский приказ и управление Сибирью» [12]. Однако доклад о гербах Иркутского наместничества среди них отсутствует.

Кроме того, оказалось, что журнал записей именных указов Екатерины II и журнал исходящих писем гофмейстера графа А. А. Безбородко с записью ее указов за 1790 г. не включают резолюций императрицы на всеподданнейших докладах Сената [13].

Оставалась надежда только на Российский государственный исторический архив (РГИА). В это же время именно в РГИА работал историк-геральдист Илья Емелин, у которого тоже возникли сомнения по поводу правдивости некоторых указов из ПСЗРИ-1, касающихся геральдики. И он провел тщательное исследование неполной части этого собрания. Оказалось, что по 14 городам имеются те или иные ошибки. Но самое главное для нас, что в этих 14 городах присутствует и Иркутск. Ильей Емелиным в РГИА были найдены оригиналы указа Екатерины II от 26 октября 1790 г. [14].

Итак, оригинальный текст указа Екатерины II следующий: «В серебряном поле щита бегущий бобр, а в роту у него соболь, сей герб старой» [15]. Рисунок Иркутского бобра с соболем является точной копией рисунка, на который и указывал автор данной статьи еще в 2017 г. в монографии [1].

Таким образом, поставлена окончательная точка в споре о том, какой же текст и рисунок Иркутского герба утвердила Екатерина II 26 октября 1790 г.

Но одновременно возникает вопрос: «Кто внес ошибку в середине XIX в., написав в ПСЗРИ-І "бабр" вместо "бобр", и кто распорядился нарисовать тигра вместо бобра?» Для автора ответ очевиден – сделал это главный ответственный за составление ПСЗРИ-1 Михаил Михайлович Сперанский. Но думается, если смотреть по документам, что без губернского землемера и архитектора Антона Ивановича Лосева, впервые нарисовавшего в своих работах на гербе тигра, и той части иркутской общественности, которая горой стояла за тигра, здесь тоже не обощлось. Доказательство такого предположения или его опровержение требует дальнейшей поисковой работы.

Список литературы

- 1. Гасельник В. В. Детектив с Бабром, или Новый взгляд на историю иркутских печатей и гербов. Иркутск: ПринтЛайн, 2017. 176 с.
- 2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. 23, № 16913. С. 174.
- 3. Полное собрание законов Российской империи: Книга чертежей и рисунков (рисунки гербам городов). СПб., 1843. С. 25-28.
- 4. Николаев Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской Армии. СПб.: Издание Главного Интендантского Управления. Т. 2: 1725–1801 гг. 1899. 345 с.
- 5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2. Оп. 10. Д. 528. Л. 771–773.
- 6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 171 (Дела о гербах российских наместничеств (коллекция)). Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1.
- 7. РГАДА Ф. 171 (Дела о гербах российских наместничеств (коллекция)). Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 17.
- 8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 287. Л. 4, 406, 5, 506.
 - 9. РГИА Ф. 1343. Оп. 15. Д. 287. Л. 6.
- 10. РГАДА Ф. 10 (X разряд Государственного архива Российской Империи. Кабинет Екатерины II и его продолжение). Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 28, об. 29.
 - 11. РГАДА Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 55. Ед. хр. 4646. Л. 939.
- 12. РГАДА Ф. 24 (Госархива «XXIV разряд Государственного архива Российской империи. Сибирский приказ и управление Сибирью»). Оп. 1. Ед. хр. 33.
- 13. РГАДА Ф. 1239 (Московский дворцовый архив). Оп. 3. Ч. 118. Ед. хр. 64999, 65000.
- 14. Емелин И. Б. «Полное собрание законов Российской империи» как исторический источник по геральдике: На примере гербов Петрозаводска, Иркутска и других городов // Труды Государственного Эрмитажа СІІ: [Т] 102: Геральдика: исследование и практика: материалы научной конференции 20–22 февраля 2019 года / Государственный Эрмитаж. СПб., 2020. С. 27–32.
 - 15. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 170, Л. 206.

WHICH EMBLEM WAS APPROVED BY THE CITY OF IRKUTSK, CATHERINE II OCTOBER 26, 1790?

V V GASELNIK

Irkutsk State Transport University, Irkutsk

Abstract. The final point is put under the assumption that Catherine II on October 26, 1790 approved Irkutsk coat of arms in the form of a beaver.

Keywords: Heraldry, coat of arms of the city of Irkutsk, coat of arms of Irkutsk province, Irkutsk babr, Irkutsk beaver.

Гасельник Владимир Валерьевич - кандидат технических наук, доцент, кафедра электроэнергетики транспорта, факультет систем обеспечения транспорта, Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия, e-mail: gasvv@yandex.ru

Gaselnik Vladimir Valerievich - Candidate of Sciences (Technology), Associate Professor, Department of Electric Power of Transport, Faculty of Transport Support Systems, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: gasvv@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ЭКСПОЗИЦИЙ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ ТРАКТОВОЙ ЗОНЫ В АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

Е. Ю. КОЛГАНОВА

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема музеефикации фрагмента трактового поселения Предбайкалья во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется выбор объектов, их архитектурное решение, а также способы воссоздания предметного ряда экспозиций.

Ключевые слова: музейная экспозиция, Московский тракт, Дядинская Троицкая церковь, усадьба купца Воинова, постоялый двор, кабак, усадьба Горелова.

Сегодня перед музеем «Тальцы» стоит задача завершить формирование трактовой экспозиционной зоны, призванной отразить материальную и духовную культуру русского старожильческого населения Предбайкалья, проживавшего вдоль Московского тракта на территории Иркутской губернии во второй половине XIX - начале XX в. Главная государственная дорога оказала колоссальное влияние на развитие Сибири в целом и региона в частности. Наличие торгового тракта, свободной плодородной земли, благоприятствующего занятию земледелием климата, ряда полезных ископаемых, близость к городу - все это создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства, в том числе товарного производства зерна, а также промышленного производства (стекольного, железоделательного, солеваренного, суконного, кожевенного, мыловаренного и др.). Распространенным стало развитие крестьянских промыслов (извоз, дворничество, коневодство, торговля и др.). В планировке притрактовых населенных пунктов господствовала линейная двусторонняя застройка в одну улицу вдоль тракта, структура застройки трактовых поселений была плотной, архитектура построек испытывала городское влияние.

Московский тракт являлся основным путем торгового и почтового сообщения, связывавшим города и крупные села Российского государства с Китаем, был важной артерией в реализации карательной политики государства. Решение о строительстве сибирского почтового тракта было принято на основании указа Сената от 16 марта 1733 г. «О проведении самого длинного тракта в мире». Создание данного транспортного пути способствовало бо-

лее интенсивному освоению Сибири и Дальнего Востока, заселению новых территорий, освоению богатейших природных ресурсов. Свое назначение Московский тракт сохранял до прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали (1891-1916 гг.), времени, когда основной объем почтовых, торговых и пассажирских перевозок стал приходиться на железную дорогу, а тракт превратился в дорогу местного значения.

Музеефикация основной инфраструктуры трактовой зоны дает возможность погружения в атмосферу трактового поселения второй половины XIX – начала XX в., целостного его восприятия. Нижняя хронологическая граница определена максимальным возрастом сохранившихся деревянных объектов в трактовых поселениях региона.

На основе работ, проделанных музеем с начала 1990-х гт. (экспедиционные исследования трактовых поселений Иркутской области, сбор исторических материалов), научно-проектной организацией «Традиция» был разработан план детальной планировки трактовой экспозиционной зоны (автор проекта С. Ю. Коровкин). План был защищен в 2005 г. на расширенном ученом совете музея. В основе проекта – фрагмент села с характерными особенностями его планировки: линейная двусторонняя застройка в одну улицу, плотная структура застройки усадеб, наличие церкви и торговой площади в центре села. Набор построек отражает основные аспекты хозяйственно-бытового уклада жизни русских старожилов в трактовых селах: занятие дворничеством – содержанием постоялых дворов, торговлей, извозом, земледелием, кустарными промыслами, оказанием помощи при этапировании ссыльных.

В связи с недостаточным финансированием формирование трактовой экспозиционной зоны значительно затягивается. На сегодняшний день в формирующейся трактовой зоне завершены работы на экспозиционных комплексах – Дядинской Троицкой церкви, усадьбе купца Воинова, постоялом дворе (усадьба Усова), крестьянской усадьбе Горелова, усадьбе из села Тулюшка (кабак). До 2025 г. планируется ввести в эксплуатацию другие, включенные в тематико-экспозиционный план трактовой зоны экспозиции: базарную площадь, почтовую станцию, этапную тюрьму, усадьбу конезаводчика, крестьянскую усадьбу Шукловой, волостное правление, трактир.

Доминантой трактовой экспозиционной зоны является Троицкая церковь, вывезенная из деревни Дядиной Жигаловского района Иркутской области. Она была построена в 1915 г. бригадой латышей, о чем свидетельствуют рассказы местных жителей и найденная в ходе реставрации в 2019 г. на обратной стороне одной из полуколонок иконостаса надпись: «Роберть Ансовичь Калнинь, Янь Яновичь Линкись, Рихардъ Карловичь Аурсь. 1915 годъ». В 1930 г. церковь была закрыта и приспособлена под клуб, позже стояла неиспользующейся. Храм перевезен в музей в 1990 г., долгое время находился во временной сборке, монтаж экспозиции был завершен в 2019 г.

Одноэтажная деревянная церковь имеет продольно-осевую планировочную структуру с последовательным расположением широкой пятигранной в плане апсиды (алтарная часть), кубообразного двухсветного храма, более узкого квадратного притвора, который является основанием колокольни, и крыльца. Вход один с западной стороны. Основной объем храма с окнами в два света завершен четырехскатной крышей, увенчанной массивной главой. С северной и южной сторон над фронтонами также расположены две небольшие декоративные главки. Еще две главки венчают апсиду и шатер колокольни. Церковь украшена нарядными наличниками, резным фризом и ажурными подзорами карнизов.

Иконостас храма трехрядный, имеет аквамариновый, соответствующий первоначальной окраске цвет (он был определен во время реставрации иконостаса). Изображения на иконах выполнены в живописной манере, что было характерно для рассматриваемого периода.

На церковной территории, обнесенной оградой из штакетника, расположены дом причта и богадельня.

Одной из центральных экспозиций трактовой зоны является усадьба купца Воинова. Во второй половине XIX в. с многократным увеличением численности населения в трактовых селах Иркутской губернии, с активным развитием торговли выделилась купеческая прослойка. В крупных селах, таких как Залари, Кутулик, Голуметь, Кимильтей, Зима, Тулун и др., появились купеческие дома городского типа со сложной планировкой, двухэтажные, с мезонинами и балконами. Такие дома резко выделялись из общего ряда крестьянских построек, служили его украшением. Дом Воинова датируется последней третью XIX в., вывезен из п. Кутулик Аларского района. Строение имеет признаки городской архитектуры: сложная объемно-пространственная композиция, обшивка калеванным тесом, барочные наличники, наличие мезо-

нина. С уличного фасада здание имеет пристрой, используемый под торговую лавку. Усадьба имеет горизонтальную планировку, состоит из плотно застроенных чистого и хозяйственного двора, набранных из следующих построек: флигеля-кухни, навеса с погребом, четырех амбара (в том числе редкий сохранившийся образец амбара с помещением конторы на втором этаже), дровяника, навеса для лошадей с завозней. Такие внушительные габариты купеческих усадеб, разнообразие и количество надворных построек, архитектурное решение домов являлись отражением достатка и статуса владельцев, внешним свидетельством размаха их хозяйственной деятельности [4, с. 226].

Внутренние объемы дома Воинова состоят из прихожей, проходной, гостиной-столовой, коридоров, кабинета, спальни в помещении мезонина.

Историческими источниками для интерьерного решения дома явились архивные материалы, в том числе описи имущества частных домов, описи приданого; имеющиеся в иркутских музеях предметы, происходящие из жилых интерьеров интересующего нас временного периода.

Комплектование предметов быта для экспозиции дома велось на протяжении многих лет, основными критериями для подбора экспонатов являлось их хронологическое и смысловое соответствие купеческому «звучанию» интерьера. Предметы соответствуют достатку и вкусам провинциальных сибирских купцов средней руки: мебель добротная, не столь изысканная, сколь богатая, характерно сочетание предметов разных стилей, получают распространение предметы обихода европейского производства.

Чертой времени было обилие в интерьере предметов мебели, картин, цветов, драпировок, создающих впечатление уюта, но в то же время перегруженности пространства.

Главным помещением усадебного дома является гостинаястоловая, самая репрезентативная его часть, здесь собраны предметы, отражающие богатство и высокий статус купца. Экспозиция гостиной состоит из дубового обеденного стола и стульев (вторая половина XIX в.); буфета-горки в стиле модерн (начало XX в.) с парадной посудой, киота с иконами, дивана и кресел, напольных часов. Оконные простенки украшают два одинаковых зеркала с подзеркальными столиками. В домашний быт сельской верхушки того времени входил такой сложный музыкальный инструмент, как фортепиано. В экспозиции представлен образец фирмы Oskar Коhler (Берлин) последней четверти XIX в., экспонат выполнен из орехового массива, украшен резными элементами в виде львиных голов. Главным украшением интерьера служит массивная керосиновая люстра, выполненная из бронзы. Кроме лампы она снабжена розетками под свечи, сохранен подлинный плафон (50 см в диаметре). Люстра имеет подъемный механизм для обслуживания, который также позволял менять световой поток. Элементом престижной обстановки того времени является печь, облицованная керамической плиткой (изготовлена по образцам сохранившихся печей в иркутских домах). Всего в доме воссоздано четыре голландских печи: две, облицованные плиткой, – в гостиной и кабинете, и еще две, обтянутые жестью, – в помещении лавки и мезонина.

На протяжении XIX в. возникает новая формация купечества – образованных и интеллигентных, многие купцы выписывают книги и журналы. Например, заларинский купец Курсанов имел личную библиотеку, которая была доступна для жителей села [3, с. 40]. Это явление находит свое отражение в экспозиции кабинета купца. В ней представлена традиционная обстановка – книжный шкаф, письменный стол с принадлежностями, бюро. Игральные карты на ломберном столе, чучела звериных голов, муляжи модных в те годы английских охотничьих ружей, журналы и книги открывают мужской мир увлечений, проникших и в провинциальную купеческую среду. Также в экспозиции представлен массивный кожаный диван и богатая кровать со спинками, отделанными мозаикой-маркетри из орехового капа (кабинет совмещает в себе функцию спальни, как это зачастую встречалось).

Женская спальная комната находится в помещении мезонина. Ее предметный ряд составляют характерные дамские атрибуты: столик для рукоделия, будуарный стол, фарфоровый настенный умывальник (Голландия, XIX в.); в красном углу традиционная икона с рушником. Центром композиции является нарядно убранная кровать с пышной периной, одеялами, горкой подушек.

Комплектование интерьерной экспозиции в настоящее время продолжается, требуется закуп картин и восточных предметов интерьера – в рассматриваемый период в обстановке современниками отмечался «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз, статуэток, картин [5, с. 170].

Духовный мир купечества (традиции семьи, нормы поведения, проведения досуга) будет раскрыт посредством экскурсионной работы и проведения культурно-просветительских мероприятий.

В экспозиции «Торговая лавка» усадьбы купца Воинова представлен ассортимент продаваемой во второй половине XIX – начале XX в. продукции в поселениях по Московскому тракту. Особенностью сибирской торговли было отсутствие специализации по отдельным видам товаров, в лавках продавалось всего понемногу, начиная от предметов роскоши и до самых грубых изделий, в одной лавке можно было найти сукно, шелковые материи, холст, чай, сахар, конскую упряжь, скобяные изделия и мн. др.

На полках лавки Воинова размещены фарфор торгового дома братьев Переваловых и Товарищества М. С. Кузнецова, стеклянная продукция Тальцинского завода, медные чайники, жестяная упаковка, самовары, чугунная и латунная посуда, рулоны тканей, барановские и павловопосадские платки, скобяные изделия, керосиновые лампы, фонари, свечи. Здесь же представлены продукты питания. Оживляет экспозицию оригинальный манекен приказчика – служащего, в чьи обязанности входила продажа товаров, а также ведение бухгалтерии.

Рядом с купеческой усадьбой располагается постоялый двор, служивший местом отдыха для путешествующих и ямщиков. Постоялые дворы часто являлись торгово-предпринимательскими заведениями, основанными на производстве и перепродаже овса, сена, продовольствия. В музее «Тальцы» экспозиция постоялого двора разместилась в усадьбе Усова из с. Кимильтей Зиминского района Иркутской области. Центральное место в этом комплексе занимает дом хозяина (1880-е гг.). Архитектурное решение дома (два соединенных между собой сруба, покрытых вальмовой кровлей) и наружное декоративное оформление (наличники с барочной резьбой) являются характерными для трактовых сел Прибайкалья.

Усадьба представлена обширным чистым двором (обозы, размещавшиеся в усадьбе, состояли из 20 и более подвод), двухъярусным амбаром, ямщицкой избой, конюшней, завозней, хомутаркой – помещением для просушки и ремонта конской упряжи; за чистым двором следует скотный двор. Внутреннее убранство дома для постояльцев состоит из городской фабричной мебели, голландских печей, олеографий на стенах. В музейной экспозиции присутствуют манекены: хозяйка постоялого двора и чиновник железнодорожного ведомства, перемещающийся по тракту по делам службы. Многие из путешественников отмечали разнообразие блюд сибирской кухни, что также нашло отражение в музейной экспозиции.

Постоялые дворы являлись одними из наиболее знаковых объектов трактовых сел, представление полного комплекса построек экспозиции «Постоялый двор» в музее «Тальцы» позволит показать роль данных объектов в социально-экономической жизни притрактовых территорий во второй половине XIX - начала XX в., а также познакомит с промыслами, сопровождавшими извоз: колесным, тележным, бондарным [1, с. 244]

Еще одна экспозиция, раскрывающая тему кустарных промыслов Предбайкалья, представлена в усадьбе Горелова. Дом Горелова относится к последней четверти XIX в., был вывезен из с. Тулюшка Куйтунского района Иркутской области. Строение представляет собой шестистенок, крытый вальмовой кровлей. Вход в дом осуществляется через глухое крыльцо-тамбур с чуланом, основной объем дома состоит из двух жилых помещений, соединенных холодными сенями. В набор хозяйственных построек входит одноярусный двухкамерный амбар, завозня - на чистом дворе, на скотном дворе - навес с катухом (стайкой для свиней). В доме разместилась экспозиция «Быт сельского сапожника». Сапожный промысел (наряду с кожевенным, берестяным, гончарным, шорным, санно-тележным, скобяным и др.) имел массовое распространение в поселениях по тракту. В помещении представлены сапожный верстак, полки для складирования и хранения инструментов, рабочий стол с выкройками, швейная машина.

С историей питейных заведений в Иркутской губернии знакомит экспозиция «Кабак». Существование кабаков было распространенным явлением в населенных пунктах, расположенных по Московскому тракту. К настоящему времени зданий сельских кабаков в регионе не сохранилось. Ввиду сходства планировки кабаков с внутренним устройством торговых лавок, экспозиция разместилась в доме-лавке последней четверти XIX в. из с. Тулюшка Куйтунского района. Строение представляет собой дом-крестовик, состоящий из торгового (вход с улицы) и жилого (вход со двора) помещений. Жилая часть отражает традиционный крестьянский интерьер, своеобразием помещения является восстановленная оригинальная роспись стен и потолка. Торговую половину дома занимает кабак, где реконструированы печь-голландка, прилавок, полки для складирования стеклянной тары и скамьи для посетителей. Экспозицию дополняет ростовая фигура владельца кабака за прилавком [2, с. 238].

Восстановленная в музее усадьба традиционно имеет два двора – чистый и хозяйственный. Дворы разделены между собой навесом с расположенными под ним зимовьем, стайкой для свиней и калиткой, ведущей на хозяйственный двор. Линию построек замыкает однокамерный амбар.

В настоящее время завершены работы по формированию первой очереди трактовой экспозиционной зоны Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», при наличии достаточного финансирования к 2025 г. будут введены в эксплуатацию оставшиеся экспозиции (волостное правление, базарная площадь, почтовая станция, этапная тюрьма, крестьянская усадьба Шукловой, усадьба конезаводчиков, трактир). Музеефицированный фрагмент трактового поселения второй половины XIX – начала XX в. даст возможность целостного отражения самобытной материальной и духовной культуры Московского тракта, станет базой для применения самых разнообразных вариантов культурно-просветительской деятельности, явится культурным продуктом, способным положительно повлиять на туристический и культурный имидж региона.

Список литературы

- 1. Агапитова Р. В. Постоялый двор как знаковый объект трактового села // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2017. Вып. 9. С. 240-245.
- 2. Зиброва А. В. Кабак в экспозиционном пространстве АЭМ «Тальцы» // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск, 2017. Вып. 9. С. 232-239.
 - 3. Макогон Г. Н. История одной усадьбы // Тальцы. Иркутск, 2008. № 1 (31). 134 с.
- 4. Тихонов В. В. Перспектива сохранения усадьбы купца Воинова из пос. Кутулик // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель, 2012. 294 с.
- 5. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск : Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.

THE CREATION OF EXPOSITIONS OF THE FIRST STAGE OF THE TRACT ZONE IN THE ARCHITECTURAL AND ETHNOGRAPHIC MUSEUM «TALTSY»

E. YU. KOLGANOVA

Architectural and Ethnographic Museum «Taltsy», Irkutsk

Abstract. The article examines the problem of museumification of a fragment of a tract settlement in Irkutsk region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of objects, their architectural solution, as well as methods of reconstructing interions for expositions are analyzed.

Keywords: Museum exposition, Moscow tract, Dyadinskaya Trinity Church, merchant Voinovs estate, inn, tavern, Gorelovs estate.

Колганова Елена Юрьевна - кандидат культурологии, доцент, заместитель директора по научно-методической работе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск, Россия, e-mail: eukolganova@gmail.com

Kolganova Elena Yurievna - Candidate of Science (Cultural Studies), Associate Professor, Deputy Director for Scientific and Methodological Work of the Architectural and Ethnographic Museum «Taltsy», Irkutsk, Russian Federation, e-mail: eukolganova@gmail.com

УДК 930.85

СИБИРСКАЯ ТЕМА НА СЦЕНЕ ИРКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ (1948–1984 ГГ.)

И. А. КОЛОКОЛЬНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Освещается история осуществления постановок сибирской тематики на сцене Иркутского областного театра музыкальной комедии. Рассматриваются характерные особенности спектаклей данной группы.

Ключевые слова: Иркутск, музыка, театр, оперетта, А. С. Кулешов.

В работе учреждений творческого профиля, функционировавших в Сибири в различные временные периоды, неизменно присутствовала несомненная самобытность, вызванная влиянием местной среды. Не были исключением и театральные коллективы. В связи с этим еще к середине прошлого века встал вопрос, каким образом можно представить на сибирских сценах региональную специфику, ведь в случае, если она подается грамотно и с должным эффектом, достигаемый результат может быть в высшей мере эксклюзивен и помогает позиционировать работу организации в масштабе страны. Несмотря на то что в тот период еще не существовало понятия брендинга, его зачатки уже начинали проявляться в репертуарной политике театров Сибири.

Иркутский областной театр музыкальной комедии, ныне именующийся Иркутским областным музыкальным театром им. Н. М. Загурского, занимает довольно важное место в истории культурной жизни на пространстве зауральской части России. Он был создан в марте 1941 г. на основе коллектива, прибывшего из Горького. Данное учреждение стало первым стационарным театром музыкальной комедии во всей Сибири [9]. Неизменное нали-

чие в штате учреждения некоторого количества довольно сильных творческих работников, т. е. режиссеров, артистов, дирижеров, способных задавать векторы прогрессивного развития, обусловило непрерывные творческие поиски. В процессе данных поисков не мог не возникнуть вопрос о сибирской теме и средствах ее воплощения в спектаклях театра. Рассматривая работу учреждения с момента его возникновения до периода перестройки, выявим спектакли сибирской тематики и проанализируем их характерные особенности.

Среди постановок театра первым сочинением, появившимся непосредственно в Иркутске, стала антифашистская оперетта «Под небом Праги» композитора С. А. Заславского с либретто П. Г. Маляревского, представленная публике осенью 1942 г. [2]. Но сюжет рассказывал о Чехословакии, и сибирских мотивов в данном спектакле еще не было. Судя по всему, в военные годы об их возможном присутствии в какой-либо из постановок никто и не задумывался.

Зато в первые послевоенные годы периодически стали звучать высказывания о том, что необходимо создавать спектакли, рассказывающие о жизни советской Сибири. Первой такой постановкой стал «Таежный соловей», хотя оперетта была создана московскими авторами: музыка - композитором Ю. С. Милютиным, сюжетная основа - Е. М. Помещиковым и Н. В. Рожковым, текст -В. Я. Типотом. В центре - сомнения и поиски вернувшегося с войны пианиста Андрея, который ранен в руку и не может играть, в связи с чем отправляется в Сибирь, где находит себя в роли композитора, отразившего в кантате трудовые будни местных жителей. Примечательно, что этот же сюжет лег в основу снятого в 1947 г. фильма «Сказание о земле Сибирской», хотя в нем звучала совсем иная музыка, созданная композитором Н. Н. Крюковым. Возвращаясь к иркутскому спектаклю, важно отметить, что это была достаточно заметная работа театра. В нем было немало эффектных моментов. Например, высоко оценила критика «музыкальную одаренность и гибкость» актера М. Н. Шнейдермана, который не только ярко сыграл дирижера Томакурова, но и еще успешно справился с одним сложным моментом: по замыслу постановщика, герой должен был спуститься в оркестр и продирижировать заключительным номером. Данный трюк был проработан Шнейдерманом в малейших деталях. Наконец, заслуживает внимания тот факт, что в спектакль были введены два танцевальных номера – «Русская пляска» и «Восьмерка», созданные на фольклорном материале иркутским композитором Ю. Д. Матвеевым. Критики положительно оценили данные номера как таковые, отмечая, что «музыка и оркестровка этих танцев органически входят в музыкальную ткань спектакля», но добавляя, что в целом танцы в постановке выполнены так, что «выпадают из контекста пьесы» [7]. Можно сделать вывод, что постановка «Таежного соловья» имеет огромное значение. Во-первых, это было первое обращение театра к сибирской тематике. Во-вторых, здесь же мы видим первый опыт привлечения местного композитора.

В последующие годы регулярно обсуждалась возможность создания спектакля исключительно силами местных авторов. И наконец, в 1956 г. появилась оперетта «Огни сибирские». Ее музыку написал главный дирижер театра А. С. Кулешов, а либретто – ведущий артист Н. К. Каширский. Посвящался спектакль строителям Иркутской ГЭС, возведение которой в этот период подходило к концу. Сюжет был для данного времени необычайно злободневным.

В содружестве с режиссером А. Н. Орловым, художником Г. В. Будриным и балетмейстером Е. Д. Эджубовой авторы создали запоминающуюся постановку [8, с. 57-60]. Премьера состоялась 27 декабря 1956 г. как закрытый спектакль для строителей Иркутской ГЭС, первый агрегат которой был запущен в ночь на 29 декабря. Через несколько дней оперетту дали для широкой публики. Героями спектакля являлись все те же строители Иркутской ГЭС. Кроме того, либретто Каширского имело сильную идеологическую заостренность, поскольку одной из важнейших сюжетных линий было перевоспитание стиляг.

Особенно колоритен был Дима, который из стиляги превращался в активного строителя. Исполнил данную роль сам Н. К. Каширский. Примечательно, что, по мнению столичного критика Л. Л. Жуковой, стиляги заняли в спектакле слишком много места, а положительные герои остались «бледными тенями» [4]. В очередной раз выявилось, что на опереточной сцене образы «идеальных людей» приживаются плохо, тогда как герои, нешаблонные по характеру и поведению, вызывают живой интерес публики.

Несмотря на ряд отмечавшихся критиками недостатков, оперетта «Огни сибирские» наглядно показала творческую зрелость театра. Не случайно спектакль привлек внимание публики, когда в 1958 г. Иркутский театр музыкальной комедии гастролировал в Москве. В период этих гастролей корифей советской оперетты Г. М. Ярон констатировал, что «в Иркутском театре есть талантливые мастера», в частности, в своей рецензии неоднократно отмечал талант Н. К. Каширского [10], сразу же после данных гастролей принятого в труппу Московского театра оперетты.

Трудно переоценить значение оперетты «Огни сибирские» как сочинения на сибирскую тематику, созданного местными авторами и вполне успешно продемонстрированного в столице. Это вдохновило А. С. Кулешова на создание музыки для нескольких разноплановых музыкальных спектаклей. Остановимся на двух из них как спектаклях сибирской тематики.

Первым из них стала оперетта «Желтый дьявол» с либретто Н. К. Чаусова - своеобразный музыкальный детектив. Она ставилась в театре в 1961, 1969 и 1984 гг., т. е. трижды. В оперетте были показаны годы НЭПа, когда в Сибири занимались золотодобычей концессии капиталистических стран. Несмотря на определенную плакатность спектакля, призванного показать личностную суть жадного капиталиста и простого бескорыстного рабочего, постановка обладала эффектной гротесковостью. Особенно это касалось сцены в парижском кабаре, где проводили время сильные мира сего, а на них опускался символ золотой лихорадки - желтый дьявол. Успех оперетты среди иркутян был обусловлен и тем, что в первых двух постановках артистический состав был представителен. Так, при первом показе обращали на себя внимания выразительные актерские работы Б. В. Пенькова (Краснов), Е. К. Волошиной (Элен), Г. С. Муринского (Пяткин), М. Н. Шнейдермана (Смок) и некоторых других артистов. Усиливали эффект и яркие декорации художника Г. В. Будрина, а также танцы, поставленные балетмейстером Е. Д. Эджубовой. Приезжавшие в Иркутск московские композиторы В. В. Купревич и Е. М. Стихин, отмечая растянутость некоторых мест спектакля и штампованность отдельных музыкальных номеров, в целом положительно оценили работу авторов, указывая, что все недостатки спектакля - «частные и легко устранимые» [5]. Таким образом, «Желтого дьявола» можно считать довольно нетривиальной работой театра.

Еще один раз А. С. Кулешов обратился к сибирской тематике, создав балет «Даурия» по роману иркутянина К. Ф. Седых. Действие происходило на фоне революционных событий 1905 г. и 1917 г., и налицо была ярко выраженная идеологизированность балета [6]. Не случайно его премьера прошла 22 апреля 1970 г. в день 100-летнего юбилея В. И. Ленина. Тем не менее занятным моментом явился тот факт, что в спектакле предстала в качестве балетной артистки (в характерной роли Свахи) одна из ведущих опереточных актрис театра – Е. К. Волошина. В надписи на программке спектакля ей выразила благодарность балетмейстерпостановщик Н. А. Пасикова. Последняя замечала, что Волошиной «особенно удалось технически трудное па» [3].

Еще одним обращением к сибирской тематике была оперетта «Тебе мое сердце, Сибирь» московского композитора А. Я. Основикова с либретто Л. Г. Куксо. Авторы отдали право первой постановки Иркутску. Спектакль, премьера которого относится к 1962 г., рассказывал о трудовых буднях «современников». Но критика определила оперетту как откровенно неудачное произведение [8, с. 78]. Судя по всему, и публике спектакль не запомнился.

Наконец, следует обратить внимание еще на одну постановку, осуществленную театром в 1977 г., – спектакль «Помолвка в декабре», созданный московским композитором В. В. Дружининым и иркутским поэтом М. Д. Сергеевым. Он, как и «Даурия», был в высшей мере тенденциозен, поскольку повествовал о большевиках, участвовавших в Гражданской войне на территории Сибири [1]. Несмотря на хвалебную рецензию в газете, судя по всему, и он особенного успеха не имел.

Итак, в течение периода 1948–1984 гг. театр подготовил шесть спектаклей сибирской тематики, среди которых пять музыкальных комедий и один балет. Важно, что три сочинения созданы непосредственно иркутскими авторами. Укажем и на то, что такие работы, как «Огни сибирские» и «Желтый дьявол», стали подлинными творческими достижениями театра.

Несомненно, сибирская тематика раскрывалась во всех названных спектаклях в рамках идеологических канонов советского времени. Но при этом сюжеты были разноплановыми. Присутствовали две основные линии: три постановки являлись ретроспективными, три же рассказывали о тех, кто на момент создания спектаклей мог именоваться «современниками» актеров и зрите-

лей. Бесспорно, спектакли сибирской тематики стали одним из важных факторов, показывающих наличие у Иркутского театра музыкальной комедии эксклюзивного репертуара.

Список литературы

- 1. Алтунянц С. «Не померкнет никогда» // Восточно-Сибирская правда. 1977. 19 июня. С. 4.
- 2. Багашев А. Под небом Праги // Восточно-Сибирская правда. 1942. 19 нояб. С. 2.
- 3. «Даурия»: программа спектакля Иркутского театра музыкальной комедии. 1970 г. // Архив автора.
- 4. Жукова Л. Спектакли иркутского театра в столице // Музыкальная жизнь. 1958. № 15. С. 4–6.
- 5. Купревич В., Стихин Е., Давыдов М. «Желтый дьявол» // Восточно-Сибирская правда. 1962. 23 апр.
- 6. Левикова А. На сцене балет «Даурия // Восточно-Сибирская правда. 1970. 23 апр.
- 7. Савинцева Е., Сухиненко В. Таежный соловей // Восточно-Сибирская правда. 1948. 23 марта.
- 8. Скоробегов Д. В. Вехи истории Иркутского музыкального театра имени Н. М. Загурского (1941–2011). Иркутск : ПринтЛайн, 2012. 410 с.
- 9. Театр музкомедии остается в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1941. 20 марта.
- 10. Ярон Г. Иркутская оперетта в столице // Советская музыка. 1958. № 12. С. 67–69.

SIBERIAN THEME IN THE IRKUTSK REGIONAL THEATER OF MUSICAL COMEDY

I. A. KOLOKOLNIKOV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is dedicated to the history of performing Siberian-themed productions in the Irkutsk regional musical Comedy theater. The characteristic features of the performances of this group are considered.

Keywords: Irkutsk, music, theater, operetta, A. S. Kuleshov.

Колокольников Иван Арсеньевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра журналистики и медиаменеджмента, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru

Kolokolnikov Ivan Arsenyevich – Candidate of Sciences (History), Senior Lecture, Department of Journalism and Media Management, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ivan-ars_k@mail.ru

ВДОХНОВЛЕННЫЙ ПРЕДКАМИ: К 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА БОЛЕСЛАВА СЕРГЕЕВИЧА ШОСТАКОВИЧА

А. Т. КОРОЛЬКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Прослежены судьбы выдающихся деятелей науки и культуры из рода Шостаковичей, тесно связанные с Иркутском и ИГУ. Родоначальник иркутской династии Болеслав Петрович Шостакович, политический ссыльный, был управляющим Восточно-Сибирского филиала Сибирского торгового банка и городским головой Иркутска в 1902-1903 гг., отцом четырех сыновей и трех дочерей. Его старший сын Владимир Болеславович Шостакович, защитивший докторскую диссертацию в Германии, работал в Иркутске директором магнитометеорологической обсерватории и профессором, заведующим кафедрой метеорологии ИГУ. Внук Сергей Владимирович Шостакович был профессором ИГУ, создал и руководил кафедрой всеобщей истории и кафедрой теории и истории государства и права. Правнук Болеслав Сергеевич Шостакович также стал профессором кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, признанным специалистом по исследованию российско-польских отношений в Сибири от XVIII до начала XX в., сфера научных интересов которого сформировалась в результате изучения рода Шостаковичей и работы общественных полонийных организаций Сибири.

Ключевые слова: династия Шостаковичей, ссылка, российско-польские отношения, польские национальные общества.

Профессор Б. С. Шостакович – потомственный иркутский интеллигент. Его отец и дед были профессорами ИГУ. Увлечение историей Болеслава Сергеевича, безусловно, связано с влиянием родителей и рано проявившейся потребностью изучить семейное древо рода Шостаковичей. Во многих работах историка прослеживается упоминание тех или иных представителей этой славной семьи: прапрадеда, прадеда, деда, отца.

Прапрадед Болеслава Сергеевича, Петр Михайлович Шостакович (1808–1871), был выходцем из обедневшей дворянской семьи, поместье которой располагалось у границы современной Белоруссии и Литвы. В г. Вильно он окончил на бюджетной основе медико-хирургическую академию и стал ветеринарным врачом, поэтому должен был выполнять государственную службу. Сначала жил в Орловской губернии, затем – в городах Перми, Екатеринбурге, Казани [4].

Прадед Б. С. Шостаковича, польский политический ссыльный Болеслав Петрович Шостакович (1845–1919), стал основателем ир-

кутской династии Шостаковичей [4]. Образование получил сначала в Екатеринбургской ланкастерской школе, а затем - в первой Казанской гимназии, где познакомился с революционно настроенной молодежью. Из Казани он уехал в Москву и поступил вольнослушателем в Московский государственный университет, где проучился только два года. Еще в Казани сблизился с участниками подпольной организации «Земля и воля». После ее разгрома в 1859-1861 гг., 16-летним молодым человеком в Москве стал участником полулегальной организации «Землячество и библиотека Казанского студенчества». Поддерживал связи с другими революционными группами (в том числе с Польским комитетом в Москве, с участниками кружка Н. А. Ишутина). Б. П. Шостакович организовал дерзкий побег из московской пересыльной тюрьмы («Колымажный двор») кадрового польского офицера Ярослава Домбровского, который являлся одним из руководителей Январского восстания 1863 г. в Польше, а после его подавления и побега эмигрировал во Францию и стал главнокомандующим Парижской коммуны. В июне 1866 г. Б. П. Шостаковича арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Власти выявили связи с террористами и привлекли к процессу по делу Н. А. Ишутина -Д. В. Каракозова. Сначала присудили к каторжным работам, но в окончательном виде приговор был смягчен пожизненной ссылкой в губернии Западной Сибири. Отправили на жительство в Томск (весна 1867 г.), где он вначале служил писарем в губернском управлении, позднее - бухгалтером в городской управе. В Томске Б. С. Шостакович женился на приехавшей к нему дочери саратовского губернского казначея Варваре Гавриловне Калистовой-Шапошниковой (июнь 1869 г.), соратнице по конспиративной деятельности, которая была близкой подругой жены писателя Н. Г. Чернышевского. Идеи романа «Что делать?» она пыталась в меру своих сил осуществлять на практике. Примечательно, что в Москве Варвара Гавриловна имела квартиру, где часто останавливалась Ольга Сократовна - жена Н. Г. Чернышевского. В этот дом Болеслав Петрович и приводил Ярослава Домбровского после его побега из тюрьмы... Эта удивительная женщина добровольно стала на всю жизнь верной спутницей польского ссыльного, разделив с ним радости и невзгоды, многочисленные переезды. Несмотря на жизненные трудности, она в ссылке родила семерых детей - четырех сыновей и трех дочерей! Умела прекрасно шить,

знала три главных европейских языка, была прекрасной мамой и воспитательницей детей... В декабре 1872 г. за встречу с политическим ссыльным Б. П. Шостакович подвергся новой ссылке с запретом права переписки в северное отдаленное с. Нарым Томской губернии, несмотря на то что в семье уже было трое маленьких сыновей! Эти суровые условия жизни запомнились семье как самые трудные в жизни. Прожили они там с декабря 1872-го по апрель 1877 г. Именно в Нарыме родился четвертый сын Дмитрий будущий отец великого композитора Д. Д. Шостаковича. Хотя здесь пришлось неустанным трудом добывать средства к существованию, между супругами царили любовь и взаимопонимание. Даже в трудных условиях они занимались самообразованием, просветительством и научными исследованиями. После разрешения вернуться в Томск Б. П. Шостакович служил бухгалтером в конторе торговой компании Петрова и Михайлова, с 1883 г. стал ею заведовать. В 1887 г. перешел на службу в Сибирский торговый банк. Сотрудничал с «Сибирской газетой». В 1882-1886 гг. избирался гласным Томской городской думы и членом городской управы. Местная реакция начала травлю Шостаковича как поляка-ссыльного, якобы «захватившего власть в городе вместе с иными революционерами». Чтобы избежать повторения новой ссылки, Б. П. Шостакович с семьей перебрался в Иркутск. Формально это было представлено как перевод на службу в филиал Сибирского торгового банка, который существовал в нашем городе. Сначала он служил бухгалтером, а затем стал управляющим Восточно-Сибирского отделения Сибирского торгового банка (ныне здание филиала Иркутского художественного музея на ул. Карла Маркса). В Иркутске Б. П. Шостакович продолжил активно заниматься общественной деятельностью. Вскоре был избран гласным городской Думы (избирался до 1906 г.). 12 марта 1902 г. постановлением Иркутской городской думы Б. П. Шостакович был избран городским головой на период 1902-1905 гг., высочайше утвержден 12 июня, приступил к обязанностям 25 июня. Уволен по своему прошению из-за болезни с августа 1903 г. Можно предположить, что Б. П. Шостакович был городским головой до тех пор, пока иркутским генерал-губернатором оставался А. И. Пантелеев, известный своим лояльным отношением к политическим ссыльным. В должности городского головы Б. П. Шостаковичу пришлось участвовать в организации общественных бань на ул. Рабочего

Штаба, принимать непопулярное решение о взимании платы за воду из водокачек. Их строительство способствовало защите населения от вспышек эпидемиологических болезней. 22 июня 1903 г. Б. П. Шостакович участвовал в закладке памятника императору Александру III наряду с высокопреосвященным Тихоном, бывшим генерал-губернатором, членом Государственного совета А. И. Пантелеевым, и. о. генерал-губернатора В. Н. Булатовым. Б. П. Шостаковичу в этот период пришлось тесно работать с царской администрацией, за борьбу против которой он был сослан в Сибирь. После отставки с поста городского головы прадед Б. С. Шостаковича еще много раз избирался гласным городской думы и работал во многих ее комитетах. В конце жизни увлекся садоводством на своем участке, где разводил малоизвестные ягодные и декоративные культуры. В Иркутске многодетная семья прадеда обосновалась с 1887 г. в предместье Рабочем в своем доме на ул. Якутская, 25. Вместе с Болеславом Петровичем и его женой Варварой Гавриловной там жили сыновья Владимир, Александр, Дмитрий (отец прославленного композитора Д. Д. Шостаковича), Борис, дочери Варвара, Мария и Вера. Этот дом еще сохранился. Неплохо было бы его отреставрировать и сопроводить мемориальной таблицей. В Глазковском предместье у них была дача. Б. П. Шостакович прожил 74 года. Скончался в 1919 г., похоронен в католической части Иерусалимского кладбища...

Дед Болеслава Сергеевича, Владимир Болеславович Шостакович (1870-1942), был человеком разносторонних интересов. Для получения высшего образования выбрал Германию, где защитил докторскую диссертацию по естественным наукам. Вернувшись в Иркутск, служил в музее ВСОРГО, пытался организовать научную биологическую станцию в с. Голоустном. Затем переключился на работу в Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории, а с 1917 г. стал ее директором. Наиболее важные его исследования связаны с гидрологией, геофизикой и метеорологией, за которые награжден золотой медалью Русского географического общества. Был организатором Первого сибирского метеорологического съезда и профессором ИГУ, до 1929 г. возглавляя кафедру метеорологии. В 59-летнем возрасте переехал в Ленинград, где работал в Государственном гидрологическом институте. Опубликовал более 150 работ на русском и немецком языках. Вместе с женой погиб во время блокады Ленинграда... [6].

Отец Б. С. Шостаковича, Сергей Владимирович Шостакович (1902-1981), всю жизнь прожил в Иркутске, связав свою деятельность с ИГУ. После окончания гимназии поступил на историкофилологический факультет и получил в 1925 г. редкую специальность филолога-востоковеда (китайский язык), а в 1926 г. - специализацию юриста по международному и хозяйственному праву. Начал преподавать на факультете права и хозяйства ИГУ. С. В. Шостакович активно добивался открытия исторической специальности в ИГУ. С 1940 г. он читал курсы по истории Древнего мира, стран зарубежного Востока, истории Нового и Новейшего времени. Был всеобщим кумиром студентов, примером интеллигентности, высокой эрудиции, умения просто и увлекательно излагать материал. В 1944 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исторические корни отрицания германским фашизмом общепринятых законов и обычаев войны» и создал кафедру всеобщей истории. В 1949 г. участвовал в становлении юридического факультета ИГУ, где руководил кафедрой теории и истории государства и права, читал курс истории государства и права (одновременно с работой на историческом факультете). В 1962 г. защитил докторскую диссертацию «Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова». Профессор С. В. Шостакович занимался спортом, являлся судьей республиканской категории по теннису и волейболу, был членом совета Общества советско-польской дружбы, активно работал в обществе «Знание». Награжден орденом Ленина, медалями и почетными знаками СССР, наградами Монголии и Польши [7].

Творческий путь самого профессора Болеслава Сергеевича Шостаковича неразрывно связан с Иркутским государственным университетом, польскими общественными организациями г. Иркутска (клуб «Висла» и ПКА «Огниво») и др. [1; 3]. После окончания школы с золотой медалью в 1962 г. он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета ИГУ. Под руководством профессора Ф. А. Кудрявцева в 1974 г. защитил в г. Иркутске кандидатскую диссертацию на тему «Поляки в Сибири в 1870–1890 гг.: (из истории русско-польских отношений в ХІХ веке)». Увлеченно работая в России и Польше, анализируя большой объем опубликованной литературы и архивных источников на русском и польском языках, обобщая деятельность полонийных организаций Сибири, значительно расширил тематику

исследований российско-польских отношений и защитил в Москве в 1997 г. докторскую диссертацию в форме научного доклада на тему «Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII - конец XIX в.». Если в кандидатской диссертации вопросы взаимоотношений двух народов трактовались с общепринятых марксистско-ленинских позиций, то в докторской диссертации с учетом современной методологии он представил систематизированный анализ пребывания поляков в Сибири более чем за 100 лет. Поражает огромный объем обработанного фактического материала: 100 фондов в 57 книгохранилищах (тысячи дел!), источники 22 архивов и рукописных отделов библиотек Польши, документы разнообразных коллекций и личных фондов! Фактически работая в одиночку, он производил исследования, сопоставимые с деятельностью отдельной лаборатории [1; 5]. Такая увлеченность и насыщенность информацией требовали отдачи. Как профессор кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ он читал курсы, связанные с историей и современностью международных отношений и мировой политики, мировой экономикой, международными интеграционными процессами и международными организациями. Особенно ценными стали его лекции по истории Польши и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В 1969 г. в Иркутске стихийно образовался Клуб друзей Польши «Висла» [2], начавший свою деятельность с кружка по изучению польского языка в библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского, которым руководила М. Я. Бушман. Примечательно, что на организационном собрании первым выступил профессор ИГУ Сергей Владимирович Шостакович - отец Болеслава Сергеевича. Именно клуб «Висла» стал трамплином в изучении польского языка и польской культуры для молодого Болеслава Сергеевича. Первым инициатором и председателем клуба «Висла» был известный строитель, альпинист, журналист Валентин Брянский. Впоследствии почти 7 лет Б. С. Шостакович возглавлял правление клуба «Висла». В 1990 г. на волне перестройки в России в Иркутске образовалось польское общество с другим названием ПКА «Огниво», которое продолжает лучшие традиции «Вислы». Естественно, среди членов президиума ПКА «Огниво» до ухода из жизни оставался профессор Б. С. Шостакович, воодушевляя общество на исторические и публицистические исследования. Автор настоящей публикации 15 лет дружил с профессором Б. С. Шостаковичем, черпая от него разнообразную информацию по истории народов и отдельных личностей, все более проникаясь уважением к культуре истинного интеллигента. Исключительная работоспособность позволила профессору Б. С. Шостаковичу к 70 годам опубликовать более 350 работ, постепенно наращивая темп научной активности. Он являлся почетным работником высшего специального образования РФ, заслуженным деятелем польской культуры, награжден орденами Республики Польша – Золотым крестом Заслуги и Кавалерским крестом Ордена Заслуги.

Подводя итоги, следует отметить выдающееся значение рода Шостаковичей для Иркутска, для России и Польши в целом. Поэтому необходимо ставить вопрос о более обширном монографическом исследовании этой семейной династии и, возможно, открытии музея Шостаковичей в Иркутске в доме основателя династии. Это привлечет большое количество туристов, в том числе иностранных.

Иркутская династия Шостаковичей внесла значительный вклад в развитие Иркутского государственного университета по географическому, историческому и юридическому направлениям.

В целом для Шостаковичей в Иркутске карьера складывалась успешно, несмотря на то, что основатель иркутской династии был политическим ссыльным. Это подтверждает, что для российского общества велико значение как принудительно ссыльных, так и рожденных в России успешных по карьерному росту лиц польского происхождения [3; 4; 8].

Увлечение историей польско-российских отношений профессора Болеслава Сергеевича Шостаковича нужно рассматривать как закономерное влияние семьи и общественных полонийных организаций г. Иркутска.

Наследие профессора Б. С. Шостаковича – ценный справочный и информационный материал для будущих исследователей, который основан на очень большом фактическом материале и нуждается в дальнейшей разработке силами ученых и общественных организаций.

Список литературы

1. Болеслав Сергеевич Шостакович: к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности: библиогр. указ. / ФГБОУ ВПО «ИГУ», науч.

б-ка; сост. В. К. Пешкова; вст. ст. : Ю. А. Петрушин, С. И. Кузнецов, А. А. Иванов ; ред. И. П. Белоус. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 72 с.

- 2. Валентин Брянский. Паруса «Вислы». Иркутск : Репроцентр А1, 2009. 96 с.
- 3. И это все «Огниво» / Ato "Ogniwo" właśnie / ред., сост., пер. Е. Вржащ; ред., собр., обраб. текстов в польск. яз., конс. А. Доброньский; побор илл. и обложка Я. Кухлевская. Иркутск : ООО «Мегапринт», 2015. 365 с.
- 4. Корольков А. Т. Польский характер в Сибири. Изд. 2-е, доп. Иркутск : Издво ИГV, 2017. 169 с.
- 5. Шостакович Б. С. Феномен польско-сибирской истории (XVII век 1917 год): Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М.: МИК, 2015. 752 с.
- 6. Шостакович Владимир Болеславович. URL: http://irkipedia.ru/content/shostakovich vladimir boleslavovich (дата обращения: 29.07.2020).
- 7. Шостакович Сергей Владимирович. URL: http://library.isu.ru/ru/escience/rector/professors/Shostakovich.html (дата обращения: 29.07.2020)
- 8. Jan Engelgard. Myśl Polska (Польша): без поляков не было бы современной России: интервью с автором книги Мариушем Швидером «Как мы завоевывали Россию». URL: https://inosmi.ru/social/20200524/247478820.html?fbclid=IwA R3w2W7 YiDih_8X-qGQzCwY222hUUqup4vHh-L9oFKQIb9okj3jN4wGuX4k (дата обращения: 27.05.2020).

INSPIRED BY ANCESTORS: ON THE 75TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR BOLESLAV SERGEEVICH SHOSTAKOVICH

A. T. KOROLKOV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Professor Boleslav Shostakovich (1945–2015) is known not only among colleagues-historians, graduates of ISU and residents of Irkutsk. He has delivered reports and lectures at foreign research institutes and universities in France (The Sorbonne Institute for Slavic studies, PAN station in Paris) and Poland (Jagiellonian University in Cracow, Adam Mickiewicz University in Poznan, pan Institute of history in Warsaw and Poznan, universities in Wroclaw, Lublin, Gdansk, Bialystok). Boleslav Sergeevich loved historical science in General, infecting others with it, was a recognized authority on the study of Russian-Polish relations in Siberia in the XVIII – early XX century and related problems of the history of Russia and Poland. He promoted and developed the so-called «phenomenon of Polish-Siberian history», considering this direction inexhaustible and multifaceted for specialists. Over the years, the pace of his research and public work has not decreased. This may have led to a relatively early death 5 years ago: until the last days of B. S. Shostakovich worked on his large monograph of more than 700 pages of text, not paying attention to the deterioration of health...

Keywords: Shostakovich dynasty, exile, Russian-Polish relations, Polish national societies.

Корольков Алексей Тихонович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, кафедра динамической геологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: baley51@mail.ru

Korolkov Alexey Tikhonovich - Doctor of Sciences (Geology and Mineralogy), Professor, Department of Dynamic Geology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: baley51@mail.ru

ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА В РОССИИ И РОЛЬ В ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИИ ДОКТОРА П. А. БАДМАЕВА¹

Ю. В. КУЗЬМИН

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дана история изучения и распространения в России тибетской медицины, показана роль доктора тибетской медицины П. А. Бадмаева в ее распространении, его деятельность в Петербурге и Забайкалье, по переводу медицинского трактата «Жуд-ши» на русский язык.

Ключевые слова: тибетская медицина, перевод «Жуд-ши», П. А. Бадмаев, история науки, Россия, Забайкалье.

Современная европейская медицина не может ответить на все вызовы, которые бросают нашей цивилизации заболевания, и излечить наиболее сложные случаи массовых болезней. Обращение к традиционной медицине имеет закономерный характер и свою логику. В России проживает более 120 народов, которые имели свою традиционную систему лечения, элементы которой могут быть использованы современной медицинской практикой.

Тибетская медицина широко распространена в Китае, Монголии, Тибете, Южной Корее, Японии и странах Запада и США, где созданы медицинские центры тибетской или восточной медицины. В России тибетская медицина распространена в Бурятии, Калмыкии, Тыве, а также в городах: Москве, Санкт-Петербурге, Чите, Иркутске, Улан-Удэ, Кызыле и др. Поэтому научное изучение тибетской медицины и ее использование в практической деятельности имеют большое значение для медицинской науки и истории тибетской медицины, которая ввела в научный оборот ограниченное количество медицинских препаратов и приемов лечения, практикуемых ранее в Тибете, Монголии и Китае. В созданных крупных медицинских центрах в США, Китае, Монголии, Японии, Южной Корее, Швейцарии, Польше, Франции, Чехии практикуются методы тибетской медицины и ведется подготовка врачей высшей категории тибетской медицины.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18–514–94002 МОКН_а «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии». Грант 20– 59–44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

В России проживают народы (буряты, калмыки, тувинцы), которые традиционно изучали и использовали тибетскую медицину. Наибольших успехов в ее использовании достигли буряты и калмыки, которые в XIX – начале XX в. совершали религиозные паломничества в закрытый Тибет и привозили медицинские трактаты и тибетские лекарственные препараты. Некоторые паломники длительное время проживали в тибетских монастырях и глубоко изучали медицинскую теорию и практику врачевания, которую затем переносили к себе на родину, в Бурятию и Калмыкию.

Первую информацию о тибетской медицине европейцы получили еще в XVII–XVIII вв. Однако специальные научные публикации появились только в XIX в. (И. Реман, А. Чома де Кереши, архиепископ Нил, П. А. Бадмаев, Г. Лауфер, А. М. Позднеев, Н. В. Кирилов и др.) [5; 9]. Характеристики и оценки тибетской медицины были самые различные: от резко негативных до восторженных. Определение заболевания по внешнему осмотру и пульсовой диагностике, лечение заболевания, а не его последствий – важная составляющая тибетской медицины. Тибетские лекарственные препараты наносили меньший побочный вред организму больного, чем европейские.

Тибетская медицина - это одна из самых древнейших и оригинальных медицинских систем, широко распространенная в странах Восточной Азии II-III тысячелетия назад. Она представляет собой своеобразный синтез различных восточных медицинских систем, в том числе древнеиндийской, китайской и монгольской. Тибетская медицина имеет богатый арсенал лекарственных препаратов естественного происхождения: растительного, животного, минерального, используемых для лечения различных заболеваний человека. Феномен данной медицинской системы, ее невероятные возможности привлекают пристальное внимание ученых различных специальностей. К сожалению, до сих пор многое окутано тайнами, которые только приоткрываются. Это связано со спецификой хранения и передачи информации в тибетской медицине: большая часть знаний передается непосредственно от учителя к ученику и сохраняется в очень узком и посвященном кругу. Определенная часть ценной информации оказалась утраченной в связи с нарушением преемственности поколений.

В дореволюционной России в Петербурге и в Восточной Сибири широко практиковалось использование в лечении местного

населения традиционной и тибетской медицины ввиду малочисленности европейских врачей в регионе. В советский период врачевание тибетской медицины было запрещено и преследовалось советскими законами.

После распада СССР возобновилось изучение тибетской медицины и ее использование, но в ограниченных масштабах. В Бурятии в научном центре действовал один научный отдел, в котором осуществлялось изучение биологами, химиками и врачами состава тибетских лекарств и применение методик тибетской медицины.

Тибет и тибетская медицина всегда привлекали к себе паломников из Бурятии, Калмыкии. Открытие Тибета, «закрытой» страны для европейских ученых и путешественников, произошло в конце XIX в. Его не смогли достичь такие всемирно известные путешественники и военные-разведчики, как Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, а также Н. К. Рерих и его сын востоковед и тибетолог Ю. Н. Рерих. Тайно, под видом буддийского паломника, достиг Тибета и столицы Лхасы выпускник восточного факультета и родственник П. А. Бадмаева ученый-тибетолог Г. Ц. Цыбиков, оставивший уникальные записки «Буддист-паломник у святынь Тибета». Первым из европейцев сделавший фотографии Лхасы и другие видовые снимки, там побывал врач тибетской медицины П. А. Бадмаев. В Лхасе получил блестящее образование и достиг высокого научного и социального статуса бурят из Забайкалья -Агван Доржиев - учитель и советник по внешней политике Далай-ламы. Кстати, Г. Ц. Цыбиков последние годы жизни прожил в Иркутске и в 1928-1930 гг. успешно работал в Иркутском государственном университете [9].

Как известно, Россия конкурировала в Тибете с Великобританией и достигла больших успехов благодаря успешной деятельности российских бурят и ученых бурятского происхождения. В настоящее время Бурятия является научным центром исследования тибетской медицины и практического успешного врачевания.

Доктор тибетской медицины П. А. Бадмаев (1851–1920) – человек уникальной судьбы и разносторонних талантов. Он получил в Петербурге два высших образования: востоковедное и медицинское, семнадцать лет прослужил в Министерстве иностранных дел России и достиг высокого социального статуса и служебной карьеры, стал действительным статским советником. Во многих своих делах и начинаниях П. А. Бадмаев являлся настоящим

первопроходцем: первым в России перевел и опубликовал самый известный трактат тибетской медицины «Жуд-Ши» (1898 г.), издавал первую в стране газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897 гг.), разработал проект железной дороги через Монголию, построенной только полвека спустя [7–9].

В российской историографии до сих пор исследуется история перевода на русский язык основного медицинского трактата тибетской медицины «Жуд-ши» («Четыре тантры» или «Великое Четверокнижие»). В Забайкалье тибетская медицина практиковалась в буддийских монастырях. Особенно высокого уровня тибетская медицина достигла в Цугольском Ацагатском дацанах. В каждом дацане имелись собственные медицинские справочники, которые учитывали использование местной флоры. Тибетская медицина использует специальные травы, компоненты животного происхождения, элементы драгоценных камней и др. Важную роль в тибетской медицине играет пульсовая диагностика, а в лечении используется иглоукалывание, кровопускание и прижигание.

Важным этапом распространения тибетской медицины в Забайкалье стало приобретение в Тибете Атласа тибетской медицины. В Забайкалье приезжали врачевать известные врачи тибетской медицины из Монголии и Тибета. В 1913 г. в Ацагатском дацане была открыт медицинский факультет, где широко использовались информация Атласа тибетской медицины и «Жуд-ши». Медицинская школа открылась при финансовой поддержке Агвана Доржиева (1853–1938), учителя Далай-ламы XIII и Пандито Хамболамы Ч.-Д. Иролтуева (1843–1918). В 1926 г. школа была преобразована в светское медицинское училище.

На сложный вопрос истории тибетологии, медицины и монголоведения: «Кто первым в России на научном и качественном уровне осуществил перевод сложного тибетского текста: Д. Ульянов, А. А. Бадмаев А. М. Позднеев, П. А. Бадмаев?» – до сих пор нет точного ответа.

Во второй половине XIX в. в России делаются первые попытки перевода на русский язык основного канона тибетской медицины – «Жуд-ши». Попытка перевести на русский язык «Жуд-ши» профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета К. Ф. Голстунским и А. А. Бадмаевым оказалась неудачной. Осуществить задуманное не позволили плохое знание русского языка Сультимом (А. А. Бадмаевым) и отсутствие информа-

ции о специфике тибетской медицины профессором К. Ф. Голстунским [6; 9].

В 60-х гг. XIX в. под руководством ламы Агинского дацана Г. Ж. Дылгырова «Жуд-ши» был переведен на монгольский язык. По данным Ш. Б. Чимитдоржиева и Б. Д. Цыбикова, Галсан-Жымба Дылгыров родился в 1816 г. в улусе Судунтуй Агинского ведомства. В дацанской школе освоил монгольский и тибетский языки. Являлся одним из ведущих лам Цугольского дацана, опубликовал в 1850-1870-е гг. значительное количество буддийских сочинений. В 1857 г. приобрел в Пекине Ганджур в 108 томах и доставил его в Цугольский дацан. П. А. Бадмаев должен был знать о переводе Г. Ж. Дылгырова. Не ясно, использовал ли П. А. Бадмаев также результаты перевода своего старшего брата Сультима? Правда, трудно использовать чужие переводы, и обычно делают свои собственные. Странной была техника перевода: лама переводил с тибетского на монгольский язык, а Бадмаев - с монгольского на русский. Выпускник восточного факультета должен был овладеть тибетским и монгольским языками.

Позднее, в 1898 г., П. А. Бадмаев опубликовал книгу «О системе врачебной науки Тибета», состоящую из извлечений и вольного перевода двух книг «Жуд-ши», а в 1903 г. в новом переводе – «Главное руководство по врачебной науке Тибета: Жудши» [2; 5]. В 1901–1903 гг. с тибетского на русский осуществлен еще один перевод ламой – лекарем войска Донского Дамбо Ульяновым – калмыком по национальности: «Тибетская медицина. Часть 1». В 1908 г. профессор А. М. Позднеев опубликовал «Учебник тибетской медицины» (перевод был осуществлен за 30 лет до публикации) [7]. Таким образом, мы видим, что в России шла интенсивная работа по научному освоению основных источников тибетской медицины.

Пользуясь неофициально широким распространением в петербургском обществе, тем не менее методы тибетской медицины не получили официального признания. В тибетской медицине столичная публика искала и разнообразия и восточную экзотику, способы скорейшего излечения, желание вылечиться, когда европейская медицина оказывалась бессильной.

Было опубликовано несколько статей по тибетской медицине сибирского врача и краеведа Н. В. Кирилова, который служил в Забайкалье и пытался на научной основе изучить тибетскую ме-

дицину. Он издал серию статей по теме: «Разоблачение тайны тибетской медицины и средства борьбы с ламами» (1889), «О тибетской медицине бурятских лам» (1889), «Тибетская медицина» (1890), «Фокусы шаманства» (1885), «Характеристика тибетской медицины в Забайкалье» (1891), «Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье» (1893), «Отношение тибетской медицины к современной» (1897), «О тибетской и китайской медицине. О развитии медицинского дела в Японии» (1906). Известно, что Н. В. Кирилов мечтал написать обобщающую работу по данной теме. Он приобрел медицинские сочинения на монгольском и тибетском языках, с помощью лам переводил их, собрал значительную коллекцию лекарственных трав и препаратов, изучал в Урге (Монголия) монгольский и тибетский языки [10]. В Иркутском краеведческом музее до сих пор бережно хранятся подаренные врачом тибетские лекарства и атлас человека с активными точками. Они были частично представлены в октябре 2001 г. на выставке, посвященной 150-летию ВСОРГО.

В Чите состоялся публичный диспут врача тибетской медицины П. А. Бадмаева и Н. В. Кирилова, который убедительно выиграл более образованный и подготовленный Петр Александрович Бадмаев, получивший в Петербурге лучшее востоковедное образование Санкт-Петербургского университета и Военно-медицинской академии [9]. Современные исследователи тибетской медицины отмечают определенную противоречивость вклада Н. В. Кирилова. Кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экспериментальной медицины Академии медицинских наук Т. И. Грекова считает, что «глубоко осмыслить основополагающие представления тибетской медицины он не смог. Его публикации хотя и содержали множество верных наблюдений и интересных фактов, но в целом укрепляли позиции противников тибетской медицины. Действительно, европейцу проникнуть в суть тибетской медицины нелегко, даже владея языком ее оригиналов. Фундаментальные источники тибетской медицины формировались в течение длительного времени. В результате многие понятия и термины утратили исходный смысл, а сама основополагающая доктрина обросла целой системой комментариев и дополнений» [5, с. 15].

В настоящее время тибетскую медицину активно изучают в Петербурге, Москве, но наиболее успешно - в Улан-Удэ, в котором сосредоточены трактаты тибетской медицины в фонде во-

сточных рукописей ИМБиТ, ведущие практикующие врачи и специальный отдел, длительное время исследующий медицинские свойства тибетских лекарств.

Историю тибетской медицины в России изучали Т. И. Грекова, Т. А. Асеева, Ц. А. Найдакова, Ч. Ц. Гармаева, Э. Базарон, Б. С. Гусев, А. Д. Цендина, Ю. В. Кузьмин, А. И. Шинковой и др. [1; 3; 4; 9]. Автор данной статьи исследует в течение 30 лет политическую и творческую биография врача тибетской медицины П. А. Бадмаева и опубликовал более 35 статей и четыре монографии: «П. А. Бадмаев: врач, ученый, политик» (Улан-Батор, 1991 г.), «П. А. Бадмаев: дипломат, политик, предприниматель» (Иркутск, 2002 г.), «Тайны доктора Бадмаева» (Иркутск, 2003 г.), «Восточные проекты доктора Бадмаева» (Улан-Батор, 2006), «Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель» (Москва, 2014 г.) [7–9]. В научный оборот введены оригинальные архивные документы центральных и региональных архивов, разрушены некоторые мифы о деятельности врача тибетской медицины П. А. Бадмаева.

Изучение истории и культуры Тибета, распространения тибетской медицины в Восточной Сибири находится на начальном этапе и заслуживает специального исследования. Открытие Тибета, его свободное посещение и сбор оригинальных материалов позволяют более основательно исследовать данную проблему.

Список литературы

- 1. Асеева Т. А., Найдакова И. А. Пищевые растения в тибетской медицине. Новосибирск : Наука, 1991. 129 с.
- 2. Бадмаев П. А. О системе врачебной науки Тибета. СПб. : Скоропечатня «Надежда», 1898. 234 с.
- 3. Гармаева Ч. Ц. Историография тибетской медицины. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 200 с.
- 4. Грекова Т. И. Тибетская медицина в России. История в фактах и лицах. СПб., 2002. 384 с.
- 5. Грекова Т. И. «Жуд-ши» в переводе П. А. Бадмаева // Бадмаев П. Основы врачебной науки Тибета: Жуд-ши. М., 1991. С. 3–12.
- 6. Гусев Б. С. Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М. : Русская книга, 1995. 240 с.
- 7. Кузьмин Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева / науч. ред. В. В. Свинин. Иркутск : Оттиск, 2003. 124 с.
- 8. Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск : Издво БГУЭП, 2006. 184 с.
- 9. Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М., 2014. 183 с.
- 10. Петряев Е. Н. В. Кирилов исследователь Забайкалья и Дальнего Востока. Чита, 1960. 79 с.

TIBETAN MEDICINE IN RUSSIA AND THE ROLE DOCTOR P. A. BADMAEV

YU. V. KUZMIN

Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The report presents the history of the study of Tibetan medicine in Russia in the ate XIX – early XX centuries the Main attention is paid to the scientific contribution to the study and publication of the treatise of Tibetan medicine "Zhud-Shi" Peter Badmaev: doctor, diplomat, entrepreneur.

Keywords: Tibetan medicine, the translation of "Zhud-Shi", P. A. Badmayev, history of science, Russia, Transbaikalia.

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Kuzmin Yuriy Vasilievich - Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World Economy and Economic Security, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kuzminuv@yandex.ru

VДК 930.85

О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЕВОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ А.И.ВОЛОГДИНА (1889–1938)

Я. Ю. ЛИСИЦИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются основные этапы жизненного пути репрессированного иркутского художника Александра Ивановича Вологдина – первого председателя краевого правления Восточно-Сибирского краевого союза советских художников, который руководил организацией с 1933 по 1937 г.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский край, Иркутск, искусство, ВСКРАССХ, художники, репрессии, Колчак, Вологдин.

Считается, что художник жив, пока живы его работы. Но картины Александра Ивановича Вологдина не сохранились, о нем самом почти ничего не известно. Долгое время Вологдина как бы не существовало в истории союза художников. Некоторые художники, члены организации, родившиеся уже после событий 1930-х гг., знали о том, что он был первым председателем союза, о нем упоминала и Т. Г. Ларева в своих трудах, посвященных иркутским мастерам изобразительного искусства, но об этом человеке известно мало. Вещественной памяти от Вологдина не осталось, лишь две папки прекращенного уголовного дела в архиве ФСБ, пара фото-

графий и небольшой живописный этюд «Вечер» его авторства, находящийся в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева. Известно, что родился он 7 августа 1889 г., мать – Татьяна Петровна Вологдина, отец служил на приисках в Бодайбо.

Творческое наследие художника отсутствует, но говорить об этом человеке должно и нужно: он внес существенный вклад в становление советского профессионального изобразительного искусства нашего региона, начало которому было положено Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» в 1932 г. А. И. Вологдин являлся основателем, а также первым руководителем Восточно-Сибирского краевого союза советских художников (ВСКРАССХ), в который входили иркутский, красноярский, читинский и бурятский филиалы, с 1933 по 1937 г. Эта организация, претерпев правовые изменения, существует и поныне как Иркутское отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России».

Создать союз художников всего Восточно-Сибирского края было задачей непростой, и художники в 1931 г. предприняли достаточно серьезную, но провальную попытку в этом направлении. После выхода вышеуказанного Постановления ЦК ВКП(б) в 1932 г. иркутские художники объединяются в мае-июне, а затем приступают к активным организационным мероприятиям по созданию общей краевой организации. Вологдин являлся председателем ревизионной комиссии, принимал участие в подготовке 1-й Краевой конференции союза художников Восточно-Сибирского края. На Пленуме ВСКРАССХа 14 апреля 1933 г. его выбирают председателем краевого правления новообразованной организации. По сути, он был первым среди первых.

Как такового привычного нам профессионального высшего образования он не имел, что, впрочем, не было удивительно: в дореволюционный период в Иркутске действовали только художественные курсы Ивана Лавровича Копылова, из которых впоследствии и был организован Изопедтехникум, где преподавал Вологдин в 1930-х гг. Копылов, у которого Вологдин учился в 1910–1912 гг. характеризует его так: «Считаю "мещанином" Иркутска. Он меня интересовал вообще как талантливый человек (в изоискусстве) и оригинал, "чудик"». Помимо художественных, Вологдин окончил и землемерные курсы, после чего служил топографом в землемерном управлении. Работал на железной дороге в

отделе службы тяги в статистическом отделе конторщиком, что, по-видимому, давало ему верный кусок хлеба.

В 1919 г. Александр Вологдин «был мобилизован Колчаком и направлен в школу унтер-офицеров. Через 2 месяца переведен в школу егерей на ул. Амурской и в 1920 г, не кончив, вся школа разошлась с приходом Красной армии» [1, л. 12]. Александр Вологдин принимал участие в декабрьских боях 1919 г. в Иркутске, но в итоге ушел домой, потому что «симпатизировал восставшим» [1, л. 12]. Он утверждал, что во время переворота стоял два раза на карауле в Интендантском саду, в сторону красных не стрелял [1, л. 25].

Вологдина арестовывали три раза. В первый раз он был арестован губернской чрезвычайной комиссией в 1921 г. и всего на один час – проверяли документы. Почти сразу же после вступления красных войск его пригласили работать в топографический отдел штаба армии. Он там трудился около двух месяцев и был направлен в городской театр, где работал художником-декоратором. Это был новый, как говорил сам художник, – «молодой» театр. Вологдин под сценическим псевдонимом «ЭХНА» в качестве театрального художника работал над сценографией пьесы В. В. Маяковского «Мистерия-буфф», которую поставил режиссер Н. П. Охлопков в 1922 г.

Его коллега по Изопедтехникуму В. Мигаев отмечал в своих мемуарах, что Александр Иванович «временами писал этюды, которые свидетельствовали о его хорошем видении и живописной культуре, тогда как учебные программы требовали ориентировки учащихся на сюжет и, конечно, высокую идейность. <...> Большой приверженец импрессионизма, он был вынужден не показывать своих отношений к так называемому в то время формалистическому искусству. Вместо этого он поднимал на щит передвижников и делал это удачно. Не случайно его ученики были приверженцами не только творчества Репина и Сурикова, но и Перова» [4].

Во второй раз Вологдин был арестован 17 февраля 1931 г. в связи с обвинениями по ст. 58–10 УК СССР. Александр Иванович на допросах говорил о лояльности к советской власти, о том, что не выносит «контрреволюционных разговоров с душком» и не имеет «контрреволюционных знакомств» [1, л. 10]. Свидетели подчеркивали, что на рубеже 1920–1930-х гг. в его жизни начался «период романтического увлечения сов. властью и ее мероприя-

тиями» [1, л. 14, 18]. В конечном счете, после длительных разбирательств, художник был отпущен на свободу.

В третий раз председателя правления ВСКРАССХА арестовали сразу после общего собрания художников, проходившего 8 октября 1937 г. Это было совершенно рядовое мероприятие, но оно оказалось последним для Александра Ивановича, который докладывал об обычных для организации делах и заботах. После собрания Вологдин был арестован, произошел обыск на дому, но никаких личных вещей не изъяли, только печати и чековые книжки организации.

Следующее собрание членов Союза советских художников г. Иркутска и членов товарищества «Художник» состоялось 14 октября 1937 г. в помещении отдела искусств областного исполкома Восточно-Сибирской области. Помимо художников, присутствовали заведующий этим отделом Борисов и инспектор Клавдия Тимофеевна Востокова, которая председательствовала на этом мероприятии [3, л. 27 об.]. Она сыграет свою роль в истории организации: ее, не имевшую никакого отношения к изобразительному искусству, вскоре примут в действительные члены, и она займет место Вологдина, станет председателем правления. А самого Александра Ивановича на этом собрании из членов союза исключат заочно как врага народа. Художники не понимали, в чем вина Вологдина, за что именно его арестовали, но в своих выступлениях они обвиняли его во вредительстве и в попытках их поссорить, «создать склоку» [3, л. 37].

В Иркутской тюрьме художника допрашивала два раза. На первом допросе, состоявшемся 1 ноября, Вологдин отвергает все обвинения, но 8 февраля 1938 г., на втором допросе, признает себя виновным. В деле хранится отпечатанный на машинке текст о деятельности Вологдина в белогвардейской организации, скорее всего, заранее сочиненный следователем. Через три дня после этого Тройка приговорит художника к расстрелу с конфискацией всего личного имущества [2, л. 217]. 15 февраля 1938 г. Александр Иванович Вологдин был расстрелян. Реабилитирован 8 сентября 1957 г. Картины его авторства исчезли, возможно, их конфисковали согласно решению Тройки.

В рядах союза художников А.И.Вологдин восстановлен не был, место захоронения неизвестно, но на ул. Бабушкина сохранился деревянный дом, где он жил, а на документах 1930-х гг. стоит его подпись угловатыми стремительными буквами. Этюд «Вечер» наполнен печальными синими и черными тонами, которые 76

обволакивают деревянный дом, и кажется, что ультрамариновый покой вот-вот поглотит его, но дом сияет золотисто-оранжевым цветом уходящего солнца. Человек жив, пока есть память о нем.

Список литературы

- 1. Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 1078.
- 2. Архив Управления ФСБ по Иркутской области. Д. 5541.
- 3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 1.
- 4. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Дело В. Ф. Мигаева [В. Ф. Мигаев. Воспоминания о художниках : на правах рукописи].

ON THE TRAGIC FATE OF THE FIRST CHAIRMAN EAST SIBERIAN REGIONAL UNION OF SOVIET ARTISTS A. I. VOLOGDIN (1889-1938)

YA. Y. LISITSINA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The main stages of the life path of the Irkutsk artist Alexander Ivanovich Vologdin, who was repressed in the 1930s, who was the first chairman of the regional board of the East Siberian regional union of Soviet artists from the moment of its formation, are examined.

Keywords: East Siberian Region, Irkutsk, art, VSKRASSH, artists, repression, Kolchak, Vologdin.

Л**исицина Яна Юрьевна -** кандидат исторических наук, доцент, кафедра журналистики и медиаменеджмента, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: vaslis@mail.ru

Lisitsina Yana Yuryevna - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Journalism and Media Management, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vaslis@mail.ru

УДК 94(470-31472)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТУЛУНОВСКОГО ОКРУГА В 1926–1929 ГГ.

А. Л. МАТВЕЕНКО

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Аннотация. Освещается развитие образования Тулуновского округа в 1926-1929 гг. Рассмотрены процессы развития образования Тулуновского округа с момента его основания и до ликвидации округа в 1929 г. В середине XX в., в связи с районированием, на территории субрегиона происходили значительные социальные перемены, быстрыми темпами развивалась школьная сеть. Обоснована необходимость развития школ, рассматриваются задачи в области культурнопросветительской работы окружного исполнительного комитета, совокупность проблем финансирования школ.

Ключевые слова: Тулуновский округ, районирование, образование, школы, финансирование.

Огромное социокультурное значение 1920-х гг. XX в. состоит в том, что поколение, родившееся в это время, сыграло важнейшую роль в достижении победы в Великой Отечественной войне и послевоенном восстановлении народного хозяйства. На формирование советского мировоззрения и стереотипов поведения большое влияние, безусловно, оказала система образования.

Нам необходимо помнить о том, что дети войны тоже приближали победу вместе с фронтовиками и тружениками тыла. Им приходилось работать на протяжении всей войны, не жалея сил. Сколько было сшито кисетов, связано рукавиц и собрано лекарственных трав детьми школ Тулунского района.

Нет, не зря в воспоминаниях детей войны слезно звучит фраза: «Только бы не было новой войны...» Они знают, о чем говорят...

В начале 1925 г. прослеживались негативные тенденции в отношении развития образования и культуры на территории Тулуновского округа, как и на всей территории Сибирского края в целом. Для подъема сельского хозяйства и развития промышленности не хватало грамотных людей. Не хватало агрономов, землемеров, землеустроителей, ветеринаров, учителей и врачей. Только на основе знаний можно было перестроить отсталое хозяйство [3, с. 149].

В области культурно-просветительской работы советским органам власти Сибири необходимо было решить следующие задачи: а) проведение в округе мероприятий по поднятию культурного уровня населения, охране здоровья, оказанию социальной помощи, в частности: б) принятие мер по обеспечению округа сетью школьных и дошкольных, политико-просветительских учреждений; в) проведение мероприятий по ликвидации неграмотности; г) организация народных домов, изб-читален, клубов, школ для взрослого населения, библиотек, кинематографа и других просветительских учреждений; д) проведение мероприятий по борьбе с детской беспризорностью и правовой охране детей; е) практическое осуществление плана по введению всеобщего обучения [3, с. 150]. Эти же задачи были поставлены перед Окрисполкомом Тулуновского округа.

Задачи, возлагаемые на Окрисполком Тулуновского округа, было трудно решить, так как, несмотря на увеличение ассигнований местных бюджетов, в условиях районирования финансовых средств не хватало. Особенно это касалось принятия мер по обеспечению округа сетью школьных и дошкольных учреждений [1, с. 118].

Расходы Окрисполкома на социальную сферу по окончании районирования были значительно увеличены. Удельный вес неграмотных в Тулуновском округе постепенно снижался. В 1925–1926 гг. на образование было израсходовано 207 168 руб., в 1926–1927 гг. расходы увеличились до 452 833 руб., более чем вдвое, что составляет 218 %. Выросли расходы на народное образование: по расчету на душу населения в 1926/27 г. было израсходовано 2 руб., в 1927/28 г. этот расход возрос до 2 руб. 50 коп. [2, с. 34].

Весьма важным в деле народного образования является строительство школ и капитальный ремонт существующих. На новое строительство в 1926/1927 г. было израсходовано 53 тыс. руб. На эту сумму построено девять школ с 23 классными комнатами и одно общежитие на 50 чел. На капитальный ремонт в этом же году израсходовано 17 255 руб. По смете текущего 1927 г. на строительство и ремонт планировалось истратить 41 526 руб. С ростом финансирования на народное образование увеличилась и школьная сеть, но все же школ было недостаточно для обучения всех детей школьного возраста в округе. Так, в селах Тулунского округа обучались на 1 января 1926 г. лишь 36,8 % детей школьного возраста, в Иркутском – 50 % детей, в Канском – 43,2 % [3, с. 154].

Городские школы финансировались лучше, чем деревенские. Как отмечал делегат Ведерников, ссылаясь на отчетный доклад Окрисполкома, прочитанный товарищем Филимоновым, «школы – наши глаза, и поэтому их нужно крепить, не стесняясь выделением на это средства. Деревня забыта учителями, хорошие учителя все в городе» [4, л. 41].

В Тулунском округе, в Нижнеудинске, существовал детский дом, основанный в 1916 г., который финансировался на средства из местного бюджета. На содержание по смете в 1926/1927 гг. на зарплату со страховыми взносами было выделено 6 217 руб., на канцелярские расходы – 89 тыс. руб., хозяйственные расходы – 114 900 руб., командировочные – 4 500 руб., продовольствие на 186 человек – по 67 руб. 871 600 руб., обмундирование – по 15 руб. 2915 руб., учебные расходы – 115 руб., медикаменты – 13 600 руб., всего – 19 874 руб. Эти цифры говорят об увеличении ассигнований на решение проблемы беспризорности в Тулунском округе [4, л. 28].

Несмотря на столь крупные ассигнования, отпускаемые окружному, городскому, районному и сельскому бюджетам, это не могло удовлетворить потребности населения в обеспечении нужд просветительских учреждений. Расширение сети просвети-

тельских учреждений требовало увеличения работников, новых помещений и нового оборудования. Школьных зданий было недостаточно. В большинстве случаев под школы использовали крестьянские дома, мрачные с невысокими потолками.

Рост числа школ привел к трудностям с обеспечением их учительскими кадрами: учителей не хватало, что вело к перегрузке педагогов и снижению качества обучения, среди учителей был высок процент лиц с начальным образованием, невелика была и зарплата работников просвещения, и на протяжении 1920-х гг. с этими проблемами справиться не удалось.

Список литературы

- 1. Орлова И. В. Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.
- 2. Отчет Тулуновского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1926–1927 гг. Издание Тулуновского Окрисполкома. Тулун, 1928.
- 3. Сорокун В. П. Организация и деятельность окружных органов Советской власти в Сибирском крае 1925–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012.
 - 4. ГАИОФ. Р-496. Оп. оц. Д. 14.

DEVELOPMENT OF THE TULUN DISTRICT EDUCATION SYSTEM IN 1926–1929

A. L. MATVEENKO

National Research Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the development of education Tulunskogo County in the years 1926–1929, the author highlights the processes of education development Tulun County since its inception and until the elimination of County in 1929, in the mid-twentieth century, in connection with the zoning, the territory of the subregion has undergone substantial social changes, rapidly developing school system. The article substantiates the need for the development of schools, considers the tasks in the field of cultural and educational work of the district Executive Committee, the set of problems of school funding.

Keywords: Tulun district, zoning, education, schools, financing.

Матвеенко Анастасия Леонидовна - аспирант, кафедра истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: info@istu.edu

Anastasia Matveenko - Postgraduate, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: info@istu.edu

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ЛОСЕВИЧА 1926–1927 ГГ. В ИРКУТСКЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Л. Н. МЕТЁЛКИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается дело Иркутского ОМХа (отдела местного хозяйства), в рамках которого группа бывших и действующих советско-хозяйственных работников была привлечена к уголовной ответственности по обвинениям в развале учреждений городского коммунального хозяйства, злоупотреблении властью, подлогах, связях с нэпманами и дискредитации советской власти. Исследуются степень уникальности подобных обвинений для СССР второй половины 1920-х гг., причины их использования для организации показательного судебного процесса. Анализируются мотивы беспрецедентно-подробного освещения в региональных СМИ следствия и судебного процесса по данному делу, а также правовые и политические основания вынесения смертного приговора шести основным его фигурантам.

Ключевые слова: должностные преступления, отдел местного хозяйства, партийно-государственная ответственность.

В деле Иркутского ОМХа (или деле Лосевича), ставшем одним из главных событий 1926–1927 гг. не только регионального, но и сибирского масштаба, самым парадоксальным образом переплелись и чрезвычайно типичные для периода НЭПа процессы и явления, и поистине роковое для его фигурантов стечение ряда неблагоприятных обстоятельств.

Одним из распространенных явлений периода НЭПа стало порождаемое у многих членов партии «увлечение властью и игнорирование законных прав и интересов населения, а также безответственность и недопустимо презрительное отношение к беспартийным». Господствующим стало представление о безусловной справедливости получения представителями партийной и советской номенклатуры большей, по сравнению с остальными, долей жизненных благ [3]. Поскольку ограниченные «партмаксимумом» размеры жалования не позволяли реализовывать эти представления, резко возросло количество растрат коммунистами средств руководимых ими учреждений.

При этом отношение центрального руководства к данному, безусловно, дискредитирующему советскую власть явлению было крайне непоследовательным.

С одной стороны, руководство страны было вынуждено, хотя и в завуалированной форме, признать факт широкого распро-

странения должностных преступлений среди партийно-советской номенклатуры и начать борьбу с ними. В результате к середине 1920-х гг. должностные преступления составляли почти 90 % всех уголовных дел, заведенных на ответственных работников. При этом большинство должностных преступлений были связаны с умышленным расхищением государственной и общественной собственности, и отличительной их особенностью было массовое употребление неправедным образом полученных средств практически исключительно на пьянство, разгульную жизнь и иные атрибуты «красивой» жизни [14].

С другой стороны, максимально полное выявление и привлечение к уголовной ответственности нарушителей советской законности и тем самым предание гласности масштабов творимых представителями партийно-советской номенклатуры должностных преступлений как безусловно дискредитирующих советскую власть в целом и ВКП(б) в частности явлений не отвечали интересам высшего руководства страны. Поэтому даже уличенные в совершении таких преступлений руководители-коммунисты имели шанс уйти от ответственности с формулировкой: «принимая во внимание революционные заслуги...» Тем самым фактически был создан механизм возможного выведения руководителей-коммунистов из-под уголовной ответственности, основанный на представлении о том, что коммунист может быть судим только судом партийным. При этом даже в случае привлечения к уголовному суду обвинительный приговор суда не часто приводил к назначению реального наказания и, более того, не всегда рассматривался даже в качестве безусловного основания для исключения из ВКП(б).

Развитие рыночных отношений, повышение общего благосостояния, привлекательность нэпа с его стремлением к наживе, широкие потребительские услуги рынка, наконец, чувство победителя, требовавшее материальной компенсации, все больше повышали меркантильные запросы номенклатуры, которая стала активнейшим образом использовать возможности нэпа и служебного положения для удовлетворения своих материальных потребностей» [14]. Следствием такой практики стал стремительный рост должностных преступлений: подлогов, взяток, растрат, злоупотреблений служебным положением. К середине 1920-х гг. растраты стали самым распространенным среди должностных преступлений посягательством на собственность. Несмотря на то что кампании по борьбе с ними приобрели фактически постоянный характер на протяжении всего периода существования НЭПа, однако они не приводили к их сокращению (табл. 1).

Таблица 1 Количество граждан СССР, привлеченных к уголовной ответственности по обвинению в экономических преступлениях в 1924–1927 гг. [1, с. 16]

Персопулитория	Годы			
Преступления	1924	1925	1926	1927
Присвоение, растрата, подлог	220	368	1 817	1 947
Получение взятки	364	454	2 564	113

При этом в качестве санкции за эти виды преступлений была сохранена высшая мера наказания: «Оставлен расстрел за присвоение и растрату, совершаемую должностными лицами, а равно за присвоение ими особо важных государственных ценностей. Такая суровая санкция объясняется необходимостью борьбы с эпидемией растрат, имеющей место за последнее время» [1, с. 13].

И если дела о контрреволюции к 1926 г. стали редким явлением в судах, то судебные процессы над руководителями крупных хозяйственных органов, в которых обнаруживались взяточничество и незаконные сделки с представителями частного капитала, напротив, получили широкое распространение.

На этом фоне дело Иркутского ОМХа представляло собой, казалось бы, типичный образец такого рода дел.

Сущность данного дела, широко освещаемого на страницах иркутской газеты «Власть труда» и новосибирской – «Советская Сибирь», была представлена читателям следующим образом: «Группа ответственных работников, стоявшая в течение нескольких лет во главе Иркутского отдела местного хозяйства, поддавшись разлагающему влиянию нэповской среды, совершила ряд преступлений, приведших к полному развалу отдела местного хозяйства, Строительного треста, телефонной сети, городского коммунального хозяйства и лесного треста. Кутежи и развратная жизнь руководителей привели к установлению в отделе местного хозяйства и его предприятиях системы злоупотреблений властью, превышения и бездействия власти, взяточничества в скрытых формах, подлогов, дружеских векселей, связей с нэпманами и использования последними преступных руководителей и их сотрудников в личных целях.

Созданная в отделе местного хозяйства Лосевичем и другими система бесконтрольного и безотчетного расходования государ-

ственных средств привела к растрате в этих учреждениях свыше 40 тыс. рублей и нецелесообразным и незаконным расходам на сумму свыше 60 тысяч рублей. Бесплановость и бесхозяйственность, имевшие место в названных учреждениях, нанесли государству убыток на сумму свыше 200 000 рублей» [6, с. 4].

При этом неоднократно акцентировалось внимание на том, что, хотя «самый факт растраты такой суммы имеет большое значение и наносит ущерб нашему строительству, но еще большее значение процессу придают два момента: первый – общественное положение части обвиняемых, второй – факт овладения частью советского хозяйственного аппарата чуждыми, враждебными советской власти нэповскими элементами, использовавшими его в своих целях – во вред рабоче-крестьянской страны» [18, с. 1, 8].

Всего по делу Иркутского ОМХа было арестовано 32 человека. Шестеро из них - Лосевич, Фельдгун, Кузиков, Киселев (члены ВКП(б)), Поляков и Богданов - задолго до начала судебного процесса были выделены в качестве главных обвиняемых (табл. 2).

Таблица 2 Краткие биографические данные основных фигурантов по делу Иркутского ОМХа [16, с. 1, 4]

Nº	Ф. И. О.	Биографические данные	Последняя занимаемая должность в ОМХ/ Должность, занимаемая на момент ареста	Партстаж
1	Лосевич Евгений Вла- диславович	38 лет, сын чиновника из дворян, служащий, женат, 2 детей, образование среднее – 7 классов гимназии, по профессии – бухгалтер, бывший политический ссыльный, отбывший 4-летнюю каторгу, при соввласти не судимый, неимущий	Заведующий ОМХа/ Заместитель управляющего Сибирской конторой Госбанка (Новосибирск)	С 1904 г.
2	Киселев Михаил Галактионович	31 год, сын кустаря-столяра, служащий, женат, образование среднее (реальное училище), по профессии – канцелярист, член Иркутского горсовета, несудимый, неимущий	Заведующий Иркутским городским коммуналь- ным отделом и зампредседа- теля горсовета	С 1917 г.

Nº 3	Ф. И. О. Фельдгун Семен Ильич	Биографические данные 35 лет, служащий, образование незаконченное высшее, на иждивении 9 чело- век, по профессии – приказчик-	Последняя занимаемая должность в ОМХ/ Должность, занимаемая на момент ареста Управляющий Иркутской конторой Сиблестреста	Партстаж С 1918 г.
4	Кузиков Николай Алексеевич	канцелярист, несудимый 31 год, служащий, женат, образование низшее (городское училище), по профессии – телеграфист, при Колчаке был прапорщиком и содержался некоторое время под арестом, неимущий		С ноября 1921 г.
5	Поляков Матвей Матвеевич	52 года, служащий, образование среднее, по профессии бухгалтер, неимущий, осужден в 1921 г. Иркутской ГубЧК за расхищение народного достояния к ВМН – расстрелу. Постановление отменено и дело передано в Иркутский губревтрибунал, по приговору которого осужден на 1 год лишения свободы	Заведующий финансовой частью ОМХа/ Заведующий Строительно- монтажной конторой Са- марского гор- комхоза	Беспар- тийный
6	Богданов Михаил Адрианович	38 лет, служащий, по профессии бухгалтер, с его слов – «из политических ссыльных, отбывший при царском строе каторгу», подвергавшийся при советской власти нескольким задержаниям по подозрению в уголовных преступлениях	Заведующий финансовой частью ОМХа	Беспар- тийный
7	Голубцов Иннокентий Евтихиевич	42 года, из рабочих, женат, на иждивении более 3 человек, образование низшее, основная профессия – рабочий (монтер)	Управляющий Стройтрестом	С июня 1918 г.

В рамках данного дела им были предъявлены следующие обвинения:

- 1) растраты;
- 2) дискредитация власти кутежами;
- 3) использование женщин, подчиненных по службе или находящихся в какой-либо другой зависимости;

- 4) бесхозяйственное ведение дел учреждения;
- 5) взяточничество в форме угощений и других услуг;
- 6) предпочтение интересов частных лиц в личных целях при заключении с ними договоров [15, с. 45].

Среди привлекаемых по данному делу выделялись две категории лиц:

- «а) более или менее ответственные служащие ОМХ и родственных ему учреждений (Лестрест, Стройтрест и др.), которые рвали каждый по чину и за это активно помогали Лосевичу и другим совершать преступления и искусно заметать их следы,
- б) частные предприниматели, которые в корыстных целях устраивали кутежи с приглашением "нужных" людей (вроде Лосевича, Фельдгуна и др.), не останавливаясь перед дачей взяток в том или ином виде, перед сводничеством "любителей" с "девочками"» [22, с. 5, 8].

Именно факт взаимоотношений представителей первой и второй категорий, временами приобретавший весьма неформальный характер, служил основанием для обвинений совслужащих в «дискредитации советской власти».

Следует отметить, что сама специфика работы ОМХ во многом предполагала такое взаимодействие. С 1 января 1922 г. коммунальное хозяйство в РСФСР было снято с централизованного бюджетного финансирования и, таким образом, предприятия коммунального хозяйства были вынуждены перейти в работе на хозрасчет и сами зарабатывать средства [8, с. 32], т. е. существовать на собственные доходы [8, с. 38]. Проблема заключалась в том, что принцип классовости при этом не отменялся, пролетариат нужно было обеспечить жильем и связанными с ним благами (водой, светом, транспортом), если не бесплатно, то по максимально доступной цене. Поэтому основные расходы должны были быть переложены на так называемые нетрудовые элементы. Особенно ярко это проявлялось в жилищной политике, где тарифы по квартплате значительно различались в зависимости от социального происхождения жильца, что создавало сложности при начислении квартплаты и сдаче в аренду объектов социального назначения частникам и многочисленные конфликты на этой почве [8, с. 32]. Последние же, не имея возможности напрямую отстаивать свои интересы, искали неофициальные пути решения своих вопросов, устанавливая неформальные личные контакты с представителями власти, от которых зависело принятие нужного им решения. Эти

отношения между ответственными работниками, служащими и нэпманами не носили бескорыстного характера: используя затруднительное материальное положение советских работников, нэпманы предлагали им финансовую помощь или иные блага в надежде на ответную благосклонность и содействие. Первый прецедент возбуждения резонансного дела в отношении коммунальщиков был создан уже в 1922 г., когда к суду был привлечены 89 работников Московского коммунального отдела – по обвинению в организации «Товарищества московских гостиниц», которому они сдали на выгодных условиях более 100 московских гостиниц [8, с. 65].

В связи с распространенностью этих явлений, еще осенью 1924 г. на пленуме Центральной контрольной комиссии РКП(б) отмечалось: «Период нэпа таит в себе опасности, особенно для той части коммунистов, которая в своей повседневной деятельности соприкасается с нэпманами. Неустойчивые элементы начинают тяготиться режимом партийной дисциплины, завидуют размаху личной жизни новой нэпманской буржуазии, поддаются ее влиянию, перенимают ее навыки, ее образ жизни» [цит. по: 12, с. 61]. Именно такие проявления «разложения» были выявлены в ходе следствия по делу Иркутского ОМХа, что создавало благоприятную почву для злоупотребления властью и коррупции, в частности – создания «экономического фонда».

В 1922-23 гг. финансовые отделы исполкомов приступили к объединению приходо-расходных касс учреждений, находившихся на местном бюджете. В связи с этим пришла мысль о создании особого «экономического фонда» со своей секретной бухгалтерией, которая заносила бы на приход «сэкономленные» <...> доходы коммунхоза и списывала в расход непредвиденные траты Лосевича, Киселева, Полякова и др. Экономической базой данного фонда стал Отдел бездействующих предприятий, в ведении которого находились бездействующие предприятия, а также различное имущество и материалы. Никакому учету это имущество и материалы не подлежали, что давало возможность заведующему этим отделом распоряжаться ценностями по своему усмотрению. С февраля 1925 г. по январь 1926 г. по этому фонду прошло не менее 32 тыс. руб. [13, с. 2].

Одним из инициаторов создания и выгодоприобретателем от деятельности «экономического фонда», по мнению следствия, был Евгений Викторович (Владиславович) Лосевич, по имени которого это дело обрело свое второе название. Наиболее примеча-

тельными в его личности были три момента. Во-первых, 22-летний партийный стаж (в шестнадцатилетнем возрасте в 1904 г. вступил в Польскую социалистическую партию). Во-вторых, значительный стаж (суммарно около 9 лет) репрессий по политическим мотивам в дореволюционный период – административная высылка, тюремное заключение и, наконец, в 1916 г. водворение на вечное поселение, вследствие чего Лосевич оказался в п. Знаменка Киренского уезда Иркутской губернии. В-третьих, с этого момента его жизнь навсегда оказалась связана с Сибирью. В марте 1917 г. был амнистирован и до июля 1917 г. занимал должность комиссара по польским делам ЦИК Советов Сибири. В 1918–20 гг. находился на подпольной работе: в 1920–22 гг. – член Томского революционного комитета, заведующий томским губернским финансовым отделом, отделом труда.

С 1922 г., постоянно находясь в Иркутске, Лосевич был вторым, однако совершенно непубличным лицом советской власти в губернии и городе. В 1922-24 гг. являлся заведующим Иркутским губернским отделом коммунального (местного) хозяйства (ОМХа), бывшим одновременно и городским. В 1925 г. избран председателем Иркутского горсовета V созыва (до 20 февраля 1926 г.) и параллельно с этим в мае-ноябре 1925 г. - и. о. председателя Исполнительного комитета Иркутского губернского Совета. До апреля 1926 г. – заместитель, с 26 апреля по 24 июня 1926 г. – председатель Исполнительного комитета Иркутского губернского Совета. 26 июня 1926 г. был отозван на должность заместителя управляющего Сибирской конторы Госбанка и выехал на новое место службы - в Новосибирск. В двадцатых числах сентября того же года был арестован, в связи с причастностью к обнаруженной растрате в Иркутском ОМХа, и конвоирован в Иркутск, где был заключен под стражу в следственном изоляторе.

Можно предположить, что именно личность этого фигуранта сделала возможным использование дела Иркутского ОМХа для постановки открытого показательного судебного процесса. Уже 26 сентября 1926 г., сразу после ареста Лосевича, в самом начале расследования в интервью губернского прокурора Шмидта «Власти труда» был обозначен формат предстоящего судебного дела. «Вы спрашиваете о размерах растраты и преступления. Ответить точно на этот вопрос еще невозможно, так как следствие еще только начато. Во всяком случае, мы имеем здесь дело с крупным преступ-

лением. Для следствия по этому делу в Иркутск едет краевой прокурор. Как только следствие будет закончено, результаты его будут опубликованы, а предстоящий суд будет иметь широкий общественный характер. На вопрос – где будет этот суд, еще преждевременно отвечать. Дело это по своим размерам подсудно краевому суду, но процесс, я думаю, будет происходить здесь в Иркутске, куда вероятно прибудет выездная сессия краевого суда» [10, с. 8].

Одновременно предстоящему судебному процессу изначально стремились придать характер показательного: «Тот факт, что один из преступников, хотя и короткое время, но занимал должность председателя Губисполкома, враждебные нам элементы будут использовать в целях попыток дискредитирования и подрыва доверия ко всему советскому аппарату в целом и руководящим его работникам. Возможно использование этих фактов в целях клеветы на нашу партийную организацию, в целях ослабления ее авторитета в широких массах рабочих и крестьян» [4, с. 4, 8].

Для достижения максимального воспитательного эффекта показательные суды должны были проводиться в простой форме, а обвинение и приговор – отвечать утвержденному плану. Цель постановки показательных процессов была определена Верховным Судом РСФСР: выявить перед массами социальную опасность какого-либо преступления и показать им, как советская власть борется с этими преступлениями. При этом Верховный Суд предупреждал об осторожности при постановке показательных судебных процессов и соблюдении условий: ставить только при особом общественном или политическом значении дела и при сравнительно бесспорных данных о виновности привлеченных к делу лиц [2, с. 78]. Особенностью таких процессов было то, что наказание, ими определяемое, почти всегда было более суровым, чем во время обычных судов, и их приговоры почти всегда были предрешены [23, с. 73].

При определении меры наказания судами Верховный Суд РСФСР в директивном письме № 1 от 14 января 1925 г. рекомендовал следующий подход. Все преступления разделялись на две группы:

1) преступления, которые угрожают основам советского строя: контрреволюционные преступления, шпионаж, бандитизм, корыстные хозяйственные и должностные преступления с тяжелыми для государства последствиями;

2) остальные виды преступлений, которые в подавляющем большинстве случаев имеют бытовой или имущественный характер.

При назначении наказаний за преступления из первой группы Верховный Суд предписывал судам оставаться беспощадными. В отношении преступлений второй группы, напротив, рекомендовал снижать меру репрессии по бытовым и имущественным преступлениям. Именно в этом должна была проявляться особая роль судьи, так как мера наказания должна была зависеть не столько от санкции квалифицирующей статьи особенной части УК РСФСР, сколько от «правильного применения общих основ карательной политики судом» [2, с. 80-81].

Судебный процесс по делу ОМХа, длившийся с 11 декабря по 3 января 1927 г., был открытым, показательным и проходил в большом зале Клуба Октябрьской революции (сейчас это зрительный зал Театра юного зрителя) [17, с. 8].

Дело рассматривал Сибирский краевой суд по Иркутской постоянной сессии по уголовно-судебному отделу под председательством М. В. Кожевникова [9, с. 8]. Билеты на процесс распространялись среди населения по профсоюзной линии. Заседания шли практически весь день – с 10 до 15 и с 18 до 22–23 ч, при постоянном аншлаге, причем, несмотря на мороз, на улице толпились любопытствующие, не сумевшие попасть в зал.

3 января 1927 г. приговор был вынесен (табл. 3). Краевой прокурор Алимов в своей речи отметил, что в ходе судебного следствия выявлены убытки на сумму 334 076 руб. (при первоначально инкриминируемых убытках в сумме 58 тыс. руб. [21, с. 8]), что стало результатом проявленной руководителями ОМХа бесхозяйственности, превышения власти, злоупотреблений, подлогов, растрат, взяточничества, чрезмерно раздутых штатов, подбора работников, чуждых советскому строительству (из них вычищено более 30 %), отсутствия плановости в работе, предпочтения интересов народного хозяйства интересам нэпманов и принятия в связи с этим особых мероприятий в области налаживания аппарата ОМХа и т. д., – все это свидетельствует о том, что ОМХ развален. «Поэтому, предъявленные Лосевичу, Фельдгуну и Киселеву обвинения по 110 статье Уголовного Кодекса являются доказанными» [5, с. 1, 5–6].

Статьи Уголовного кодекса РСФСР (в редакции от 05.03.1926, вступил в силу с 01.01.1927), в соответствии с которыми был вынесен приговор в отношении основных фигурантов по делу Лосевича (делу Иркутского ОМХа)

Статья				
УK	Диспозиция	Санкция	Примечания	
РСФСР			* 17	
Ст. 17	Меры социальной защиты		* Подстрекателями счи-	
	судебно-исправительного		таются лица, склонившие	
	характера подлежат при-		к совершению преступ-	
	менению одинаково как в		ления.	
	отношении лиц, совер-		** Пособниками считают-	
	шивших преступление -		ся лица, содействующие	
	исполнителей, так и их		выполнению преступле-	
	соучастников – подстрека- телей* и пособников**		ния советами, указания-	
	телеи" и посооников""		ми, предоставлением	
			средств и устранением	
	ļ		препятствий или же со-	
			крытию преступника или	
			следов преступления	
Ст. 110	Превышение власти или	Лишение	* Злоупотребление вла-	
	служебных полномочий,	свободы на	стью или служебным	
	т. е. совершение действий,	срок не ниже	положением, т. е. такие	
	явно выходящих за пределы	шести меся-	действия должностного	
	прав и полномочий, предо-	цев	лица, которые оно могло	
	ставленных законом совер-		совершить единственно	
	шившему их, при наличии		благодаря своему слу-	
	признаков, предусмотрен-		жебному положению и	
	ных в предыдущей статье *		которые, не вызываясь	
			соображениями служеб-	
	Если же превышение вла-	Та же мера с	ной необходимости, име-	
	сти или полномочий со-	повышением	ли своим последствием	
	провождалось, сверх того,	в исключи-	• явное нарушение пра-	
	насилием, применением	тельных слу-	вильной работы учре-	
	оружия или мучительны-	чаях вплоть	ждения или предприятия	
	ми и оскорбляющими лич-	до расстрела	или причинили ему	
	ное достоинство потерпев-		имущественный ущерб,	
	шего действиями		• или повлекли за собой	
	1		нарушения общественно-	
			го порядка или охраняе-	
	1		мых законами прав и ин-	
			тересов отдельных граж-	
			дан, если эти действия	
			совершались должност-	
			ным лицом систематиче-	
			ски из соображений ко-	
			рыстных или иной лич-	
	1		ной заинтересованности,	

Продолжение табл. 3

			продолжение тиол.
Статья УК РСФСР	Диспозиция	Санкция	Примечания
			• или хотя бы и не по- влекли, но заведомо для должностного лица мог- ли повлечь за собой тя- желые последствия
Ст. 111	Бездействие власти*, а рав-	Лишение	* Невыполнение долж-
C1. 111	но халатное отношение к	свободы на	ностным лицом действий,
	службе**, повлекшее за со-	срок до трех	которые оно по обязан-
	бой волокиту, медленность в	лет	ности своей службы
	производстве дел и отчетно-		должно было выполнить,
	сти и иные упущения по		при наличии признаков,
	службе, при наличии тех же		предусмотренных ст. 109
	признаков		** Небрежное или недоб-
	_		росовестное отношение к
			возложенным по службе
			обязанностям
Ст. 113	Дискредитирование вла-	Лишение	
	сти, т. е. совершение долж-	свободы на	
	ностным лицом действий,	срок д о двух	
	хотя бы и не связанных с его	лет или дис-	
	служебными обязанностями,	циплинар-	
	но явно подрывающих в	ное взыска-	
	глазах трудящихся достоин-	ние, налага- емое соответ-	
	ство и авторитет тех органов власти, представителем ко-	ствующими	
	торых данное должностное	органами	
	лицо является	opranann	
Ст. 116	Присвоение или растрата	Лишение	
	должностным лицом или	свободы на	
	лицом, исполняющим какие-	срок до трех	
	либо обязанности по поруче-	лет	
	нию государственного или		
	общественного учреждения,		
	денег, ценностей или иного		
	имущества, находящегося в		
	его ведении в силу его слу-		
	жебного положения или ис-		
	полнения обязанностей	т	* T
	Присвоение или растрата,	Лишение	* Должностными лицами
	совершенные теми же лица-	свободы со строгой изо-	
	ми*, но при наличии у них особых полномочий, а равно	ляцией на	
	присвоение особо важных	срок не ниже	
	государственных ценностей	двух лет, с	
	то пределитья денностей	повышением	
		вплоть до	
		расстрела с	
		конфискаци-	
		ей имущества	

Окончание табл. 3

Статья			
УК	Диспозиция	Санкция	Примечания
РСФСР Ст. 117	Потитолика потитоли	Птиттотти	
Ст. 117	Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить	Лишение свободы на срок до двух лет	
	исключительно вследствие своего служебного положе-		
	ния Если получение взятки* совершено при отягчающих обстоятельствах, как-то: а) ответственном положении должностного лица, принявшего взятку, б) при наличии прежней судимости за взятку или неоднократности получения взятки, в) с применением со стороны принявшего взятку вы-	Лишение свободы со строгой изо- ляцией на срок не ниже двух лет, с повышением вплоть до расстрела с конфискацией имущества	* Должностным лицом
	могательства		
Ст. 128	Бесхозяйственность*, результатом чего явилось расточение или невозместимый ущерб имуществу учреждений и предприятий	Лишение свободы на срок до двух лет или принудительные работы на срок до одного года, а при незначительности причиненного ущерба – дисциплинарное взыскание	* Основанная на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных или общественных учреждений и предприятий, или их уполномоченных
Ст. 154	Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой	Лишение свободы на срок до пяти лет	

Из 32 обвиняемых по делу Иркутского ОМХа 25 были осуждены:

- шестеро (Лосевич, Киселёв, Фельдгун, Богданов, Поляков и Кузиков) приговорены к расстрелу (табл. 4);
- пятеро к трем годам строгого режима с последующим поражением в правах на пять лет;
 - шестеро к двум годам; шестеро к одному году;
 - двое к наказанию в два и один год условно;
 - семеро оправданы.

В связи с этим вызывает особый интерес необъяснимая снисходительность, проявленная судом к Голубцову – бывшему управляющему Стройтрестом (см. табл. 4). Возглавляемый им трест был ликвидирован вследствие полного банкротства еще до начала судебного процесса [24, с. 4]. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Голубцов «своей бесхозяйственностью сумел причинить республике большие убытки. Оцениваются они в 142 тысячи рублей долгов иркутской конторой Стройтреста, 50 000 рублей Читинской и 40 000 рублей убытка по даурским работам», т. е. суммарно в 239 тыс. руб. (при общей сумме убытков по делу ОМХа 334 076 руб.), и тем не менее ему было вменено только «бездействие власти» (ст. 111 УК РСФСР), в связи с чем он был приговорен лишь к 2 годам лишения свободы условно [19, с. 4], а в дальнейшем – и вообще оправдан.

Все осужденные подали кассационную жалобу в Верховный Суд РСФСР, по итогам рассмотрения которой 3 февраля 1927 г. двое из них (Голубцов и Борейша) были оправданы, а одному (Добкину) срок был снижен с двух лет до полугода. В то же время прошение о помиловании, направленное во ВЦИК приговоренными к высшей мере, осталось неудовлетворенным. Верховным Судом РСФСР приговор был оставлен без изменения [7, с. 1] и приведен в исполнение 11 февраля 1927 г.

Помимо этого, Иркутским окружным отделом местного хозяйства в отношении Лосевича, а также осужденных Полякова, Богданова, Киселева, Фельдгуна был заявлен гражданский иск в сумме 31 748 руб. 98 коп., подлежащий солидарному удовлетворению [5, с. 4].

Представляется, что суммы растрат, фигурировавшие в данном деле, в действительности не были главными, и дело это всетаки было политическим, но вместе с тем не являлось предвестником политических процессов 30-х гг. [15, с. 48].

		Статьи УК		
l	рсфст			Наказание
Nº	Ф. И. О.	(в ред.	Мера наказания	по сово-
		05.03.1926)		купности
1	Лосевич	ч. 1 ст. 110	5 лет лишения свободы со стро-	Расстрел
	Евгений		гой изоляцией	
	Владиславович	ст. 113	2 года лишения свободы	
		ч. 2 ст. 116	расстрел	
		ст. 128	2 года лишения свободы	
2	Киселев	ч. 1 ст. 110	5 лет лишения свободы	Расстрел
	Михаил	ст. 113	2 года лишения свободы	
	Галактионович	ч. 2 ст. 116	расстрел	
		ч. 2 ст. 117	3 года лишения свободы со	
			строгой изоляцией	
		ст. 154	5 лет лишения свободы	
3	Фельдгун	ч. 1 ст. 110	3 года лишения свободы со	Расстрел
	Семен		строгой изоляцией	_
	Ильич	ст. 113	2 года лишения свободы	
		ч. 2 ст. 116	расстрел	
		ч. 2 ст. 117	3 года лишения свободы со	
			строгой изоляцией	
		ст. 154	3 года лишения свободы	
4	Кузиков	ст. 113	2 года лишения свободы	Расстрел
	Николай	ч. 2 ст. 116	расстрел	
	Алексеевич			
5	Поляков	ст. 17 и	5 лет лишения свободы	Расстрел
	Матвей	ч. 1 ст. 110		
	Матвеевич ст. 17 и		2 года лишения свободы	
		ст. 128		
		ч. 1 ст. 116	3 года лишения свободы	
		ч. 2 ст. 116	расстрел	
6	Богданов	ст. 17 и	5 лет лишения свободы со стро-	Расстрел
	Михаил	ч. 1 ст. 110	гой изоляцией	
	Адрианович ч. 2 ст. 116		расстрел]
	ст. 17 и		2 года лишения свободы	
		ч. 1 ст. 128		
7	Голубцов	ст. 111	1 год лишения свободы	2 года ли-
	Иннокентий			шения сво-
	Евтихиевич			боды
				(условно)

Для Иркутска 1926 г. ознаменовался окончательной потерей его особого «столичного» статуса. Иркутская губерния, вошедшая в состав образованного 25 мая 1925 г. Сибирского края, в отличие от других территорий «с сохранением существующего ныне ад-

министративного деления», наконец-то должна была прекратить свое существование. 25 июня 1926 г. ВЦИК РСФСР издал декрет «О разделении Иркутской губернии на округа и районы», а уже на следующий день, 26 июня, на IV пленуме губкома ВКП(б) было сообщено об отзыве Лосевича на должность заместителя управляющего Сибирской конторой Госбанка и об утверждении в должности председателя губисполкома Александра Георгиевича Ремейко (Тихомирова), бывшего председателем Новосибирского окружкома. Примерно в то же время (август) ответственный секретарь Иркутского губкома ВКП(б) А. В. Гриневич был заменен на Николая Николаевича Зимина, присланного также из Новосибирска [11]. И в дальнейшем на протяжении всего дела отчетливо просматривается борьба «новосибирских» с «иркутскими», формально объясняемая тем, что «в Иркутском округе больше, чем где бы то ни было, осело колчаковских элементов, кроме того, Иркутск разделяет общую беду всей Сибири, которая является стоком для уголовных и контрреволюционных элементов Союза» [15, с. 47]. При этом для А. Г. Ремейко и Н. Н. Зимина – новосибирских «варягов» в Иркутске - успешное проведение следствия по делу ОМХа, организация связанных с ним чисток и подготовки общественного мнения для правильного восприятия показательного судебного процесса стали основными критериями эффективности их деятельности.

Следствие по делу только началось, а итоговая оценка его уже содержалась в постановлении Сибкрайкома ВКП(б) от 3 октября 1926 г. В разделе «А», предназначавшемся для печати, говорилось о том, что «Лосевич, Киселев, Фельдгун, которые, будучи членами партии, преступно предали интересы рабочих и крестьян, обманули доверие Рабоче-Крестьянской власти и Коммунистической партии...», что этот «"гнойник" вскрыт инициативой руководящего партийного органа бывшей Иркутской губернии и нынешнего округа и органа РКИ, прокуратуры и ГПУ». Далее Сибкрайком предлагал (за 2,5 месяца до суда!) «не ограничиться достигнутым – раскрытием преступников, которых ждет жесточайшая кара, но и добиться выявления характера и обстановки буржуазно-нэпмановского окружения, разлагавшего хозяйственный аппарат, и принять необходимые меры к решительному оздоровлению загнивших частей советского аппарата» [цит. по: 15, с. 47].

И именно фигура Лосевича – экс-председателя Иркутского губисполкома – придавала данному делу необходимую значи-

мость и повод для широкого общественного резонанса, десятилетия спустя отраженного, хотя и с существенными неточностями, в воспоминаниях Г. А. Лосьева: «В конце нэпа по всей Сибири, Забайкалью и Дальнему Востоку прогремело "Дело Лосевича и княгини Муратовой". Лосевич, в прошлом видный советский работник, участник Гражданской войны, во времена нэпа морально разложился. Оказавшись на огромном по тому времени посту председателя Красноярского крайисполкома, Лосевич беспробудно пьянствовал, окружил себя классово-чуждым элементом и по горло увяз в болоте половой распущенности. Когда рука партии, наконец, схватила перерожденца, оказалось, что прокучены, пропиты десятки тысяч государственных денег. Начался широкий процесс, прозвеневший набатом по городам Сибири. Газеты печатали судебные отчеты, посвящая им целые страницы. Одна за другой развертывались омерзительные картины морально-бытового разложения целой группы красноярских ответственных работников, устраивавших грандиозные попойки и "афинские ночи". <...> Рабочие массы Сибири откликнулись на процесс красноярских перерожденцев единодушным возгласом: "Смерть!" Иначе быть и не могло. Лосевич, Муратова и еще несколько краевых заправил, участвовавших в растратах и оргиях, заплатили за преступления жизнью. Остальных осудили на разные сроки лишения свободы» (курсивом выделены не соответствующие действительности факты) [цит. по: 11].

Список литературы

- 1. Богданов С. В. Власть и экономическая преступность в Советской России (1917–1941) // Историко-экономические исследования. 2012. Т. 13, № 2-3. С. 7-22.
- 2. Винниченко О. Ю., Филонова О. И. Модернизация судебной системы в период нэпа : монография. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. 172 с.
- 3. Воробьев С. В. Соблазны НЭПа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. С. 60-70.
- 4. Всем членам Иркутской Окружной партийной организации // Власть труда. Иркутск, 1926. 1 окт. (№ 223).
- 5. Вынесен приговор по делу б. сотрудников Иркутского ОМХа. Главные обвиняемые приговорены к расстрелу // Власть труда. 1927. 5 янв. (\mathbb{N} 3).
- 6. Дело быв. сотрудников Иротдела местного хозяйства. В чем обвиняются Лосевич и другие // Власть труда. 1926. 12 дек. (№ 285).
- 7. Жалоба Лосевича оставлена без последствий. Верховный Суд приговор утвердил // Власть труда. Иркутск, 1927. 6 февр. (№ 30).
- 8. Кириллова А. И. Городское хозяйство в период становления нэпа 1921–1925 гг. (по материалам Петрограда Ленинграда) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кириллова Елена Анатольевна; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2015. 224 с.
 - 9. К процессу Лосевича // Власть труда.1926. 10 дек. (№ 283).

- 10. Крупная растрата в ОМХ. Беседа с губернским прокурором тов. Шмидт // Власть труда. 1926. 26 сент. (№ 219). С. 8
- 11. Куделя М. Иркутский НЭП: начало конца. Дело иркутского ОМХа (1926–1927). Б. м.: Изд-во: Литагент Ридеро, 2016. 470 с. URL: https://knigoslon.ru/books/litagent-ridero %20/irkutskiy-nep-nachalo-konca-delo-irkutskogo-omha-1926–1927–81938/read-online (дата обращения: 16.10.2018).
- 12. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформа: Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. 344 с.
- 13. Лосевичевщина, Киселевщина // Советская Сибирь. Новосибирск, 1926. 4 нояб. (№ 255).
- 14. Никулин В. В. Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России: двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // NB: Исторические исследования. 2013. № 3. С. 1-43. URL: http://e-notabene.ru/hr/article 750.html (дата обращения: 16.10.2018).
- 15. Павлова И. В. «Иркутское дело» 1926 года // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. № 1. С. 43–48.
 - 16. Первая кара // Власть труда. 1926. 30 окт. (№ 248).
- 17. Перед процессом Лосевича и K-о (Беседа с председателем Иркутского окрисполкома т. Ремейко) // Советская Сибирь. 1926. 9 дек. (№ 285).
 - 18. Перед судом // Власть труда. 1926. 11 дек. (№ 284).
 - 19. Приговор вынесен // Советская Сибирь. 1927. 6 янв. (№ 4).
- 20. Приговор по делу Лосевича, Киселева и др. // Власть труда. 1927. 7 янв. (№ 5).
 - 21. Скоро суд над Лосевичем и др. // Власть труда. 1926. 11 нояб. (№ 258).
- 22. Следствие по делу Лосевича и др. подвигается быстро. Арестован еще целый ряд участников. Главным преступникам грозит расстрел (Беседа с заместителем краевого прокурора Сибири тов. А. М. Пачколиным) // Власть труда. 1926. 6 окт. (№ 227).
- 23. Соломон П. Советская юстиция при Сталине = Soviet Criminal Justice under Stalin : пер. с англ. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2008. 463 с.
- 24. Строительный трест ликвидируется // Советская Сибирь. 1926. 25 нояб. (№ 273).

THE SHOW TRIAL IN THE "LOSEVICH CASE" OF 1926-1927 IN IRKUTSK: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

L. N. METELKINA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This case was particularly signinficant because E. V. Losevich, who briefly served as a chairman of Irkutsk Provincial Executive Committee shortly beforehand, was brought to trial as one of the major suspects. A group of Soviet economic managers were accused of the complete breakdown of a number of municipal utilities, as well as of abuse of power, forgery, ties with NEPmen and defamation of the Soviet power. It was proven in court that the misappropriation amounted to 334 076 rubles. Nevertheless, 25 of the 32 accused in the Irkutsk Local Economy Department case were convicted, six of them were sentenced to death.

Keywords: malfeasance, Local Economy Department, party responsibility, state responsibility.

Метёлкина Лариса Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: 79148904445@yandex.ru

Metelkina Larisa Nikolaevna – Candidate of Science (History), Associate Professor, Departament of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 79148904445@yandex.ru

КОНТРФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

П. А. НОВИКОВ

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается современное состояние историографии Гражданской войны в России. Опыт политического, военного и хозяйственного строительства, накопленный красными и белыми, заслуживает осмысления и непредвзятых оценок альтернатив. Реконструкция общего контекста как по хронологии, так по территории способна вывести на новые обобщения. У метода рассмотрения исторических «развилок» давние корни, которые обозначены в данной статье. Общественное осмысление событий Гражданской войны еще не завершено.

Ключевые слова: Гражданская война, историография, исследователи, историки, методы, альтернативы, интерпретация.

Гражданская война в России навсегда определила судьбу нашей страны, ярко запечатлев в себе и зарождение всепроникающей коммунистической власти, и начальное сопротивление различных групп этому процессу. Лишь разгромив организованных и вооруженных противников, большевики в полной мере смогли приступить к осуществлению социальных преобразований. Опыт политического, военного и хозяйственного строительства, накопленный красными и белыми в экстремальных условиях Гражданской войны, заслуживает осмысления, реконструкции общего контекста и непредвзятых оценок альтернатив.

Как известно, в советской научной и художественной литературе довольно оперативно была выстроена четкая система канонизации и героизации действий большевиков, сформирован набор строгих догм и стереотипов. Официальная пропаганда бесцеремонно и потребительски обращалась с военными героями – потенциальными авторитетами и образцами для подражания масс, периодически быстро переходя от похвалы к вычеркиванию из памяти тех или иных персоналий. Быстро перестало быть правилом «Мертвые сраму не имут», а действия одних оказались приписаны другим. Декларировался приоритет материального над духовным, безраздельно доминировали интересы сиюминутной политической конъюнктуры. Усиление партийного контроля в сфере идеологии сопровождалось архивными и макулатурными чистками, развитием секретного делопроизводства.

Не многие участники оставили воспоминания, из написавших лишь единицы их опубликовали.

Отметим, что прежние историографические трактовки уже сами стали историей, вызвали в XX в. разнообразные социальнополитические и экономические последствия, воплотились в управленческие решения, в пропаганду, в общий интеллектуальный фон и т. п. и т. д. [7, с. 305].

Например, еще в 1950 г. бывший генерал Ф. Пучков подчеркивал, что, к сожалению, русский опыт при всем обилии его тщательных и детальных описаний исследован не полно и односторонне; выводы и заключения о нем сделаны без учета многих интереснейших фактов. Основной пробел в изучении Гражданской войны в России – почти полное игнорирование ей Восточного фронта, одинаково как белыми, так и красными авторами, хотя совершенно по разным причинам. Со стороны белых наиболее полно описаны и исследованы события на Южном фронте; в числе многих солидных работ имеются отчеты двух главнокомандующих – воспоминания генерал-лейтенантов А. И. Деникина (главнокомандующий с 8 января 1919 г.) и П. Н. Врангеля (с 22 марта 1920 г.).

Пучков продолжал: На Юге приняли участие верхи старой России, многие выдающиеся государственные деятели, историки и публицисты. Все происходившее записывалось и благодаря хорошей связи быстро сообщалось всему миру. Участие и влияние иностранцев на Юге было сильнее и заметнее, чем на остальных фронтах Белой борьбы. По всем этим причинам большевистская пропаганда в борьбе со старым строем находила здесь много благоприятного для нее материала и, естественно, уделила Южному фронту больше внимания. От себя отметим, что большевики также охотно подчеркивали действительную и мнимую роль интервентов на Дальнем Востоке и Севере [8].

По версии Ф. Пучкова, если бы история Восточного фронта была написана и изучена с той же тщательностью, то историкам Гражданской войны в России пришлось бы значительно изменить свои выводы и заключения. Но Восточный фронт оказался на положении пасынка; многое существенное из его истории изучено только поверхностно или совсем не затронуто. Основная причина этого пробела – недостаток или полное отсутствие фактического материала и гибель огромного большинства ответственных работников на этом фронте.

Верховный правитель России (с 18 ноября 1918 г.) адмирал А. В. Колчак и председатель (с 23 ноября 1919 г.) Совета мини- 100

стров Всероссийского правительства В. Н. Пепеляев расстреляны большевиками 7 февраля 1920 г. в Иркутске; Управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства (с 1 июля по 6 сентября 1918 г.) генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов застрелился 5 мая 1919 г. на Каспийском море, чтобы избежать красного плена; сменивший его генерал-майор А. Ф. Матковский расстрелян 8 июня 1920 г. в Омске по приговору местной ЧК; заместитель Пепеляева А. А. Червен-Водали, министр труда Л. И. Шумиловский, заместитель министра путей сообщения А. М. Ларионов, директор Русского бюро печати А. К. Клафтон расстреляны 23 июня 1920 г. в Омске по приговору Чрезвычайного революционного трибунала в Сибири; главнокомандующий Восточным фронтом (с 9 декабря 1919 г.) генерал-лейтенант В. О. Каппель умер 21 января 1920 г. на разъезде Утай Иркутской губернии.

Почти все архивы правительственных учреждений и воинских штабов были захвачены большевиками или уничтожены; спасти удалось только немногие разрозненные записи участников. Большевики предпочитают замалчивать то, что происходило за Волгой и в Сибири, ибо характер событий и состав Белых армий Восточного фронта легко опровергает самую злостную пропаганду красных о белых бойцах и мотивах всего Белого движения.

В 1920–1940-е гг. опыт Гражданской войны был наиболее актуальным для Красной армии. Отсюда появление большого количества прикладных работ советских военных историков (В. Ф. Воробьева, Ф. Огородникова, Ф. Попова, С. Тимошкова, В. В. Хрулева и других) по отдельным боевым операциям.

Современная российская историография добилась очевидных успехов в предметном изучении боевых действий Гражданской войны. С максимальной детальностью определены обстоятельства военных операций и отдельных боев. Реконструкция подробностей обеспечивает предельную отчетливость, очевидность, ясность, быстро вскрывая нестыковки и противоречия последующей пропаганды. За последние полтора десятилетия опубликованы исторические исследования А. М. Кручинина, Д. Г. Симонова, М. Г. Ситникова, М. Е. Вебера, О. Винокурова, содержание которых позволяет значительно уточнить и дополнить описание боевых действий на востоке России, приблизиться к соразмерному освещению их этапов [1; 2; 4; 10; 11].

Исход любой войны не является предрешенным в течение всего ее хода. От каждого эпизода, от каждого решения, от каждого подвига зависит вероятный перелом и окончательный финал. Ре-

конструкция общего контекста, как по времени (хронологии), так и в пространстве (по территории), выводит на новые обобщения и заключения [6]. Историографический задел оказывает и будет оказывать на изучение двойственное влияние, делая перспективным как дальнейшее развитие, так и критическую ревизию. Поэтому особенно интересен предметный анализ возможных альтернатив.

Например, как ранее нами отмечалось, выбор пункта введения в первый бой Иркутской дивизии (белых) в августе 1918 г. могло оказать на ход Гражданской войны в России важное, а вероятно, и определяющее влияние [5].

Особо подчеркнем, что у исследовательского приема предметного рассмотрения исторических «развилок» и умозрительных альтернатив давние историографические корни (умозаключения Б. Б. Филимонова, А. А. Свечина, А. А. Керсновского, Г. Х. Эйхе) [3; 9; 12; 13]. Особенно примечательно многократное и эмоциональное обращение А. А. Свечина к опыту советско-польской войны 1920 г., как своеобразного, говоря современным языком, «стресс-теста» Красной армии и большевистского режима в целом.

Среди исследователей Гражданской войны на территориях востока России особое и заслуженно почетное место принадлежит Борису Борисовичу Филимонову (1901–1952). Имея за плечами личное участие в боевых действиях на стороне антибольшевистских сил с августа 1918 г. под Казанью по октябрь 1922 г. в Приморье, он проявил себя и как исследователь, исключительно подробно и полно реконструировавший военные события. Причем именно те события, которые до него незаслуженно оставались в тени национального осмысления. Полноте научного анализа много способствовали личные опросы участников тех или иных боев.

Бывший поручик Б. Б. Филимонов в 1932–1933 гг. публикует в Шанхае (Китай) фундаментальный труд «Белоповстанцы. Хабаровский поход зимы 1921–22 годов», в 1934 г. там же выходит работа «На путях к Уралу» о событиях лета 1918 г. С июля по декабрь 1941 г. в Сан-Франциско (США) в «Вестнике Общества русских ветеранов Великой войны» Филимонов публикует цикл «Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 г.». В основном написанная в 1930-х гт., но так не завершенная им работа «Конец белого Приморья» была издана в США в 1971 г. Она увидела свет спустя 19 лет, после смерти автора. Филимонов умер 12 июля 1952 г. на о. Тубабао (Филиппины). Все его исследовательские труды сохранили свое научное и общественное значение.

Например, примечательно сопоставление в следующем фрагменте главы 5. «Противобольшевики и крестьяне (...Борьба 1918 г. и возстание 1921 г. Возможности, открывшиеся перед начальниками частей Западно-Сибирскаго отряда)» из цикла Б. Б. Филимонова «Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 г.» (далее приводим в современной орфографии. – Прим. П. Н.):

«Героический период борьбы с красными летом и осенью 1918 г. в пределах Западной Сибири и Зауралья, по свидетельству тамошнего местного жителя Туруханского, оказал огромное влияние на местное население. Об этом периоде борьбы народ сложил целые легенды, кои широко распространены еще и теперь (т. е. 1941 г.) в означенных местностях. В 1919 г. крестьяне уездов Шадринского, Курганского, Ялуторовского, Ишимского, Петропавловского, наблюдая отход белых, с удивлением говорили: "В прошлом году белые, в малом числе, с почти голыми руками, гнали красные банды, а теперь армия вооружена, хорошо снабжена, многочисленна и... отступает". Действия белых летом и осенью 1918 г. дали крестьянам Западной Сибири и Зауралья смелость и через год, после занятия Сибири красными, повторить то, что было в 1918 г.: в уездах Петропавловском, Курганском, Ялуторовском, Шадринском, Тюменском, Тобольском, т. е. на той территории, где началось очищение Сибири от большевиков, вспыхнуло крестьянское восстание. Города Петропавловск, Тобольск были уже освобождены от красных. Села Шатровское, Шороховское, Исецкое, Омутинское и Голикмановское были главными центрами восставшего населения. Крестьяне безлошадно избивали коммунистов. Коммунисты жестоко подавили это восстание» [12, с. 30].

И далее вполне себе контрфактическое моделирование Б. Б. Филимонова: «Вот какие чувства питало крестьянство к белым – своим избавителям от самодержавного большевизма, вот какие огромные силы таило в себе население. Однако летом и осенью 1918 г. крестьяне Западной Сибири и Зауралья не дали могучих пополнений в белые Степные полки. В это самое время на запад от главного хребта Уральского, в бассейнах рек Уфы и Белой, в округе Елабуги, Мензелинска, Ижевского и Воткинского заводов, крестьянство создало сильные и крепкие полки Народных Белых войск. «Вдумываясь глубже и ища причин, вследствие которых налицо оказались различные картины, приходишь к выводу, что в местностях действия частей Западно-Сибирского отряда военные и гражданские начальствующие не возбуждали само-

деятельности в крестьянстве. Белые оказались, с одной стороны, слишком "деликатными" (неодобрение мобилизаций), а с другой стороны, слишком "интеллигентами" (офицерские части так и оставались офицерскими). Этим белые лишались тех огромных преимуществ, кои они должны были бы использовать и кои дали бы им несомненную и быструю победу над врагом, конечно, в пределах тех областей, в которых действовали их отряды» [12, с. 30].

Если оценивать исход Гражданской войны вне идеологической риторики, следует подчеркнуть явную условность «оглушительного триумфа» большевиков. Усомниться в пафосе советской историографии позволяют военное поражение 1920 г. от Польши; вынужденное экономическое отступление в виде новой экономической политики с весны 1921 г.; включение Дальнего Востока с ноября 1922 г. только после сложной дипломатической игры во временно независимую Дальневосточную республику. А главное, инициированный и управляемый большевиками аграрно-хозяйственный (кулачества) и военно-профессиональный (казачества и офицерства) погром периода Гражданской войны (и далее служивший источником вдохновения актива) не только кратно снизил общие внешнеполитические ресурсы СССР, но и дал убедительные аргументы зарубежной антикоммунистической пропаганде.

Интерпретация минувших событий очень важна для аргументированного обоснования коллективного и личного «образа будущего». Общественное осмысление значения Гражданской войны закономерно находится на своеобразном перепутье. Если упростить картину, очевидно, что адмирал А. В. Колчак и его сподвижники, сражаясь, отстаивали ту социально-экономическую модель, которую реализует или как минимум декларирует современная Российская Федерация: частная, а не общественная собственность; приоритет национальных интересов над интернациональными. Иначе говоря, получается, что «колчаковцы» в 1918-1919 гг. предлагали идти по тому пути, к которому наша страна вернулась в 1991–1992 гг., спустя семь десятилетий.

Если направить советскую ностальгию в конструктивное русло, то появится шанс получить аргументированный ответ на вопрос, почему не случилась мировая революция. Перспективы построений о «связи времен» вообще весьма обширны. «Колчак как первый борец с троцкизмом»: ведь если, скажем, буквально принять ключевые тезисы советской историографии конца 1930-х гг., то Л. Д. Троцкий «вредительски» выиграл Гражданскую войну.

Трудно переоценить и «Значение боевого опыта жителей Сибири в рядах колчаковской армии в 1919 г. для боеспособности тех же возрастных когорт (1897–1901 гг. рождения) в Великой Отечественной войне» [7, с. 305].

Примечательно и то, что советские историки не использовали методологические и риторические возможности марксистского (классового) подхода (господствовавшего в исследовании Гражданской войны и объявленного универсальным) для изучения и описания Великой Отечественной войны, которая вполне могла быть определена ими как война германского пролетариата с советским колхозным крестьянством.

Список литературы

- 1. Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 310 с.
- 2. Винокуров О. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. Шумиха, 2013. 272 с.
- 3. Керсновский А. А. Философия войны. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2010. 208 с.
- 4. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 г. Екатеринбург, 2005. 200 с.
- 5. Новиков П. А. Боевой путь 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии белых войск // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 31–38.
- 6. Новиков П. А. От целого к деталям в мозаичной панораме Гражданской войны: пополнение и настроение войск А. В. Колчака осенью 1919 г. // Белая армия. Белое дело. 2019. № 26. С. 27–59.
- 7. Новиков П. А. Современное состояние историографии боевых действий Гражданской войны в Сибири // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могилевского): материалы Всерос. конф. с междунар. участием (Томск, 3–4 окт. 2019 г.): в 2 ч. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. Ч. 1. С. 302–306.
 - 8. Пучков Ф. Забытый фронт// Русская Жизнь. 1950. 25 нояб.
 - 9. Свечин А. А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. 263 с.
 - 10. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. Новосибирск, 2010. 612 с.
- 11. Ситников М. Г. Полковник Н. Н. Казагранди и боевые колонны // Белая армия. Белое дело. 2009. № 17. С. 5–48.
- 12. Филимонов Б. Б. Борьба в Зауралье. Действия Западно-Сибирского отряда. Осень 1918 г. // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. СанФранциско, 1941. Июль-дек.
 - 13. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

THE COUNTERFACTUAL MODELING IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

P. A. NOVIKOV

Irkutsk Research National Technical University, Irkutsk

Abstract. The article describes the current state of the historiography of the Civil war in Russia. The experience of political, military and economic construction accumulated by the red and white

people deserves to be considered and unbiased assessments of alternatives. A reconstruction of the General context, in chronological order, so the territory is able to bring a new generalization. The method of considering historical «forks» has long-standing roots, which are indicated in this article. Public understanding of the events of the Civil war is not yet complete.

Keywords: Civil war, historiography, researchers, historians, methods, alternatives, interpretation.

Новиков Павел Александрович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: novikov710@vandex.ru

Novikov Pavel Aleksanrovich – Doctor of Science (History), Professor, Head, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: novikov710@yandex.ru

VДК 027.8(571.53)

РОЛЬ ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК В ИНФОРМИРОВАНИИ ПЕДАГОГОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю. В. ПУЗАНКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Освещена проблема комплектования школьных библиотек необходимой учебно-методической литературой, учебными изданиями, приводящая к неудовлетворительному информированию школьных педагогов, невозможности последних следить за изменениями и тенденциями школьного образования. Информационный вакуум, назревающий в среде учителей, во многом спровоцирован недостатком финансирования библиотек, которое не всегда соответствует потребностям конкретных общеобразовательных учреждений. При этом уровень требований к педагогам с каждым годом возрастает, что противоречит уровню обеспеченности последних необходимым информационно-библиографическим обслуживанием. Школьные библиотеки ежегодно сталкиваются с проблемой неудовлетворенности педагогов, обучающихся и их родителей качеством библиотечных услуг. Библиотечно-информационные центры могут помочь изменить ситуацию к лучшему при условии сотрудничества с руководством на самом высшем уровне.

Ключевые слова: школьные библиотеки, информатизация, комплектование, библиография, библиотечно-информационные центры, методика, школа.

Последнее десятилетие XX столетия было для России временем больших перемен во всех сферах деятельности. Система образования также претерпела немало нововведений и преобразований, в том числе это затронуло и школьные библиотеки. Первая четверть XXI в. характеризуется формированием единого информационного пространства, освоением технических и технологических средств передачи информации и активным внедрением компьютерных технологий. Все это требует от библиотек большей мобильности, быстроты реакции на изменение запросов пользо-

вателей и их информационных потребностей. На современном этапе библиотеки являются одним из особо значимых социально-культурных институтов и выполняют функции культурных, просветительских, досуговых, информационных центров.

Самыми многочисленными библиотеками страны являются школьные библиотеки, общее число которых составляет 63 тыс. В настоящее время большинство из них находятся в трудном положении. По мнению директоров библиотек, эффективность их деятельности зависит от поддержки (способов защиты) органов законодательной и исполнительной власти; общественности; поддержки читателей. Особую роль играют федеральные законы в области культуры; внутрибиблиотечные и внутриорганизационные (если речь идет о школьных библиотеках) нормативные документы и материалы, призванные обеспечивать поддержку на всех уровнях: федеральном, региональном и местном. К сожалению, до сих пор руководители библиотек испытывают трудности, когда речь заходит о соблюдении правовых норм и правил со стороны чиновников разных уровней власти.

Библиотеки делятся на крупные и малые, при этом в подходе к комплектованию фондов существуют различия, которые, по оценке специалистов, составляют серьезную цифру - примерно в полторы тысячи раз. На практике это означает, что, например, Областная детско-юношеская библиотека ежегодно получает 800 названий периодических изданий, а любая школьная библиотека не имеет возможности подписаться даже на региональные издания. Главным условием комплектования периодических изданий для школьной библиотеки является сбор денег на подписку родителями учащихся, многие из которых готовы вникнуть в создавшееся положение и внести некоторую сумму на развитие школьной библиотеки. Многие родители считают, что обеспечивать учебный процесс, в том числе финансировать комплектование библиотеки, должно государство, и занимают в этом вопросе принципиальную позицию. Руководство школы не имеет права настаивать на сборе денег, поскольку это может быть приравнено к незаконным поборам - оно может только просить, поэтому формируется дефицит книжного фонда. В связи с этим эффективность обучения может быть снижена, поскольку не все учащиеся или учителя обладают возможностью или желание разыскивать необходимую литературу на стороне, включая ресурсы сети Интернет.

Исследования наглядно продемонстрировали уменьшение затрат на комплектование библиотек в три с половиной раза. При этом наша страна стабильно входит в первую пятерку издающих стран. В России ежегодно издается более 80 тыс. наименований, но только 5 % от всего книжного рынка входит в список тех изданий, которыми областные библиотеки комплектуют свои фонды. Существенным фактором, влияющим на недостаточное количество книжных фондов, является то, что школьные библиотеки комплектуются главным образом учебной литературой и лишь в том объеме, который удовлетворяет необходимому минимуму учебного процесса и не всегда соответствует потребностям конкретного общеобразовательного учреждения. Ни одна школьная библиотека региона не может похвастать выделением ей необходимой суммы на комплектование книжного фонда. При этом закупки учебной литературы производятся исключительно из списка, рекомендованного Министерством образования, и не всегда в нужном количестве. Итогом подобной политики стало то, что книжные фонды школьных библиотек на 80-90 % обветшали, информационно устарели и не соответствуют образовательному стандарту [3, с. 53].

Школьная библиотека востребована всеми участниками образовательного процесса, в том числе педагогами и родителями, на 100 %. Она является одной из основных частей образовательного учреждения и всего образовательного процесса, тем самым инструментом, который позволяет не только потреблять информацию, но и производить ее, с учетом производимых затрат и необходимой отдачи. Здесь должны генерироваться основные знания, которые передаются подрастающим поколениям. Построение общества знаний является общим делом, требующим сотрудничества всех: и органов власти, и представителей бизнеса, и каждого гражданина страны в отдельности. Начинать реформу школьного образования целесообразно с внесения необходимых изменений в деятельность школьных библиотек.

Какое место занимают школьные библиотеки в удовлетворении информационно-библиографических потребностей различных категорий педагогических работников? Частично ответы на этот вопрос были получены в ходе исследования, проведенного среди школ Иркутской области. В исследовании участвовали 904 респондента (учителя, руководители образовательных учреждений, методисты, работники школьных библиотек) из областного 108

центра и районных городов. Анализ результатов анкетирования показал, что большинство участников (56 %) довольно часто пользуются услугами библиотек (один раз в месяц и чаще), эпизодически – 27 %, один раз в квартал – 19 %. При этом 87 % педагогов обращаются к фондам библиотек своих общеобразовательных учреждений, 26 % – к библиотекам других учебных учреждений; 37 % – к фондам районных, городских или областных библиотек. Таким образом, респонденты достаточно высоко оценивают роль библиотек как информационных центров, но лишь 29 % удовлетворены полученной информацией, 61 % – частично, а 7 % – не удовлетворены совсем.

Одной из наиболее актуальных проблем, стоящих перед библиотеками в современных условиях дефицита комплектования фондов, является выбор приоритетных форм обслуживания. Именно поэтому особую роль должно сыграть мнение самих пользователей, которое поможет отсечь все лишнее и сформировать необходимый активно используемый фонд. Собрав все необходимые данные, можно добиться того, что книжные фонды не будут простаивать и, следовательно, практически исчезнет проблема неактуальности тех или иных разделов. Опираясь на результаты анкетирования, можно определить рейтинг популярности услуг, оказываемых библиотеками:

- постоянно действующие выставки новинок (65 %);
- периодические библиографические обзоры (50 %);
- тематические обзоры (на курсах, семинарах, встречах-беседах) (47 %);
 - информационные тематические стенды (42 %);
- систематическое оповещение о новинках через издание печатных материалов (каталогов, буклетов, списков литературы, пресс-релизов) (32 %);
 - дни информации (16 %).

Информационные потребности педагогов формируются в области взаимодействия как профессиональных, так и общественных и личных интересов. Активно влияет на данный процесс изменение школьных программ, аттестация педагогического труда, возможность участия в конкурсных отборах на право преподавания в престижных учебных заведениях. Все это определяет развитие интереса к содержанию своей работы, стимулирует саморазвитие, способствует реализации самоподготовки и, наконец,

увеличивает стремление к повышению профессиональной компетенции и мастерства [2, с. 35].

Наиболее распространенными услугами являются подбор и выдача литературы, подготовка тематических выставок, списков литературы, выполнение библиографических справок. Исходя из реальных возможностей, библиотекари пытаются использовать разнообразные формы и методы работы: создают сценарии внеклассных мероприятий, тематических выставок и т. д.

Для расширения своего информационного потенциала библиотеки ищут партнеров для сотрудничества, таковыми в регионе могут являться, например, Иркутская областная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского, районные и городские библиотеки, структуры Иркутского государственного университета и других вузов региона. Работники школьных библиотек нередко выступают на педсоветах, родительских собраниях, методических объединениях, семинарах по обмену опытом, организуют и проводят обзоры, выставки. Проведенное исследование показало, что школьные библиотеки весьма востребованы читателями не только школьного возраста, но и представителей всех поколений.

Очевидно, что деятельность школьных библиотек может отличаться в разных регионах страны. Это связано главным образом с региональной образовательной политикой. Средняя школа пока еще недостаточно ориентирует и учит школьника умению работать самостоятельно, а школьная библиотека не всегда может поспособствовать этому. Официально она входит в структуру образовательного учреждения, и многое в организации ее деятельности зависит от отношения администрации школы, от понимания руководством ее значимости в образовательном процессе. Необходимо на федеральном и региональном уровнях сближать информационную и образовательную политику.

Библиографическое информирование педагогов сегодня зачастую проводится дифференцированно, с максимальным учетом их интересов, эффективность которого достигается следующими путями:

- изучением потребности учителя через анкетирование, собеседование, наблюдение, исследование запросов;
- изучением состояния вопроса: в науке и практике (просмотр книг, журналов, газет и других источников информации);

- созданием непосредственно библиотечного продукта, направленного на развитие компетентности педагога (каталоги, в том числе и электронные, картотеки, библиографические списки, информационные бюллетени, обзоры, выставки).

Решением проблемы информирования учителей может стать создание библиотечно-информационных центров при общеобразовательных учреждениях. Библиотечно-информационный центр представляет собой качественно новое экономически и методически обоснованное обеспечение возможности самоподготовки педагогов. Необходимость создания таких центров продиктована возрастающими потребностями общества, активными темпами информатизации во всех областях профессиональной деятельности [3]. Главным препятствием к созданию подобных центров является нехватка кабинетов, многие школы весьма ограничены в помещениях, в связи с чем очень часто не представляется возможным открывать дополнительные службы, такие как музей, компьютерный класс или, как в нашем случае, библиотечно-информационный центр, который должен быть достаточно вместительным, чтобы успешно функционировать и выполнять свои задачи.

В пользу необходимости создания подобных центров говорят многие факторы современных реалий. Книга давно перестала быть единственным источником знаний. Видео- и аудиоматериалы, компьютерные сети и программы нарушили ее информационную монополию и все активнее интегрируются во все сферы человеческой деятельности. Умение пользоваться информационными ресурсами для решения поставленной проблемы (электронными учебниками, энциклопедиями и справочниками на CD, компьютерными тестами, телекоммуникационными сетями) - это не модная тенденция, а необходимость. При работе в сети Интернет появляется возможность быть на связи с педагогами других городов и стран, просматривать информацию с сайтов педагогических газет и журналов, виртуально посещать крупные библиотеки и работать с их фондами. Высокий уровень информационной культуры учителей создает дополнительную возможность для школ для более активной интеграции современных технологий в учебный процесс.

Большую популярность прогнозируют модельным библиотекам, открывающимся в регионе с 2019 г. Согласно определению, «модельная библиотека – это образцовая библиотека, расположенная в благоустроенном помещении, располагающая хорошо укомплектованным, многоотраслевым фондом, оснащенная со-

временным компьютерным оборудованием, использующая в своей работе новейшие информационные технологии» [1]. Такие библиотеки создаются на базе действующих муниципальных библиотек и являются, по сути, модернизированной их версией. Вопрос о том, возможно ли по данному образцу преобразовать школьные библиотеки, дать им перспективу превратиться в нечто большее и выйти за рамки исключительно составной части школьного образования или привнести некие элементы из этого грандиозного проекта, создав тем самым принципиально новую форму библиотеки, можно определить как спорный, но, безусловно, требующий обсуждения. Модельная школьная библиотека, рассчитанная на узкий кластер потребления услуг, но соответствующая всем стандартам и требованиям века информационных технологий, может стать весьма эффективным инструментом образования, привлекательным для всех возрастов и отвечающим всем современным требованиям информационного общества.

Данные проведенного исследования говорят о постоянном усложнении запросов, выполняемых педагогами: увеличивается тематический сегмент, более востребованными становятся фундаментальные работы известных теоретиков педагогики, в том числе современных авторов. Все чаще запросы в школьных библиотеках характеризуются предметностью содержания обращений, это связано с целями пользователей (подготовка к уроку, самообразование, подготовка к родительскому собранию, заседанию педагогического совета и т. д.), а также с внедрением новых учебных программ и стремлением к повышению уровня мастерства педагога.

Довольно прозрачной стала доступность информационных материалов для учителей, работающих вдали от культурных центров. Главной целью внедрения новой информационной системы является расширение спектра информационных услуг, предлагаемых педагогам, преодоление изолированности общеобразовательных учреждений от динамичных информационных потоков. Помощь учителю всегда являлась одной из важнейших задач школьной библиотеки. В частности, оторванными от информационного процесса оказались учителя-практики сельских школ. Учителя периферийных школ не только не получают необходимую информацию, но также лишены возможности приобретать нужные им книги, поскольку методическая литература и программные материалы обычно отсутствуют в ассортименте книжных магазинов и других книготорговых точек.

Исследования показывают, что 76,8 % учителей региона нуждаются в получении необходимой информации. У сельского учителя отмечается снижение удовлетворенности своей работой. При этом в качестве одной из основных причин указывается плохое состояние учебно-методического обеспечения преподаваемого предмета и низкий общий уровень информационного обеспечения школы.

Учебный процесс должен основываться в первую очередь на фундаментальном научном базисе, происходить параллельно с развитием общества и проецировать неискаженную картину современной реальности. Чтобы это стало возможным, необходимо поддерживать высокий уровень информированности учителей для обеспечения интересного выстраивания учебных занятий, разработки новых форм преподавания, активизации познавательной деятельности учащихся, создания дополнительной мотивации для обучения.

Деятельность библиотек, в том числе школьных, направлена на накопление и воспроизводство духовных ценностей, традиций и сохранение богатства культуры для последующих поколений.

Список литературы

- 1. ГОСТ 7.73-96 СИБИД. Поиск и распространение информации. Термины и определения // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200004733 (дата обращения: 07.02.19).
- 2. Дворкина М. Л. Библиотечное обслуживание: теоретический аспект : монография. М. : Изд-во МГИК, 1993. 248 с.
- 3. Моргенштерн И. Г. Информационный и книжный мир. Библиография. СПб. : Профессия, 2007. 440 с.

THE ROLE OF SCHOOL LIBRARIES IN INFORMING TEACHERS (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

YU. V. PUZANKOV Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the problem of the acquisition of school libraries with the necessary educational and methodical literature, educational publications, which leads to inadequate information of school teachers, the inability of the latter to monitor changes and trends in school education. The information vacuum that is maturing among teachers is in many respects provoked by a lack of funding for libraries, which does not always correspond to the needs of specific general education institutions. At the same time, the level of requirements for teachers grows every year, which contradicts the level of provision of the latter with the necessary information and bibliographic services. School libraries face the problem of the dissatisfaction of teachers, students and their parents with the quality of library services every year. Library and information centers can help change the situation for the better, provided they cooperate with the leadership at the highest level.

Keywords: school libraries, informatization, acquisition, bibliography, library and information centers, methodology, school.

Пузанков Юрий Владимирович - ведущий инженер-электроник, Центр новых информационных технологий (ЦНИТ), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: yurry1@mail.ru

Puzankov Yuri Vladimirovich - Leading Electronics Engineer, Center for New Information Technologies (CNIT), Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: yurry1@mail.ru

УДК 316.722(571.53)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНОГОРОДОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ Г. БАЙКАЛЬСКА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. В. САЯПАРОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается историко-культурное наследие отдельно взятого субъекта региона, на его примере транслируется необходимость поддержания моногородов в области сохранения исторического, культурного и природного наследия, носителями которого они являются. Анализируется роль моногородов в осуществлении проектов, посвященных развитию туризма, сохранению историко-культурного наследия. Освещается их несомненный вклад в развитие туристического потенциала региона и его экономическое развитие.

Ключевые слова: культура, природное наследие, память, историческое развитие, духовное воспитание, традиции.

В истории каждого народа есть события, значение которых не меркнет с течением времени, и спустя десятилетия они не исчезают из человеческой памяти. Более того, с течением времени все очевиднее становится их величие и определяющая роль в истории. Память об этих событиях, бережно хранимая и передаваемая от поколения к поколению, переживает века, являясь связующим звеном между прошлым и будущим; хранителями этой памяти являются памятники истории и культуры [1, с. 6]. Охрана культурного наследия – одно из важнейших явлений социального плана, которое невозможно без научных изысканий, подвижнической деятельности музейных работников, неравнодушия разного ранга чиновников.

Ресурсы – это денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов [2, с. 445]. Изучая историко-культурное наследие Байкальска, можно сделать вывод о том, что город, безусловно, является информационным туристским ресурсом, представляющим собой информацию о территории, ее исто-

рии, культуре, природе, людях, которую туристы получают во время путешествия или при подготовке к нему, или как воспоминание. Носителями такого вида ресурсов могут выступать практически все материальные объекты, обладающие исторической, художественной, научной или познавательной ценностью [2, с. 445–446]. Материальные объекты, обладающие каким-либо видом ценности и отражающие все стороны развития общества в своей совокупности, и составляют историко-культурное наследие в широком понимании этого термина. Таким образом, историко-культурное наследие отдельно взятого города определяется как социокультурный ресурс развития региона и идентифицируется как результат исторических событий в жизни народа, их литературного, художественного творчества, развития культуры региона.

Города со временем меняют свой облик – возводятся новые здания, площади, разбиваются скверы, открываются монументы, воссоздаются утраченные памятники. Насыщенным историческим прошлым и ценным культурным и природным наследием располагает весь Байкальский регион в целом и конкретно Байкальск.

Город основан в 1961 г. и, как правило, ассоциируется у населения с двумя объектами, каждый из которых определил вектор развития города: Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом (далее – БЦБК) и горнолыжным курортом «Гора Соболиная». Деятельность этих организаций разделила историю Байкальска на два периода, первый из которых характеризуется промышленным этапом развития города, во время работы БЦБК, второй этап вступил в полную силу после закрытия градообразующего предприятия, и теперь весь потенциал города направлен на туристическое развитие региона.

Изначально Байкальск представлял собой поселок, возведенный для строителей (БЦБК). Во время строительства последнего существовали планы превращения Байкальска в мощный индустриальный город с населением до 300 тыс. чел. Спустя пять лет, в 1966 г., после выдачи БЦБК первой продукции, Байкальск получил статус города и стал, таким образом, самым молодым городом Иркутской области.

История города и его развитие на протяжении всего существования неразрывно связаны с целлюлозно-бумажным комбинатом. В связи с постоянно возникающими вопросами экологии и экологической безопасности о. Байкал и прилегающего к комбинату ландшафта, в производство была внедрена уникальная си-

стема очистных сооружений, признанная лучшей в мире. Сточные воды подвергались многоступенчатой химической очистке и биологической доочистке в специальных прудах.

После распада СССР продукция градообразующего предприятия становилась все менее востребована, пока в 1992 г. не возник вопрос о полном перепрофилировании предприятия. С 1995 г. в городе наблюдается неуклонный уровень снижения прироста населения. Непрекращающиеся противоречия, связанные с наносимым производством вредом экологической ситуации в регионе, приводят к закрытию предприятия сначала на краткий период с 2008 по 2010 г., а затем в 2013 г. – к окончательной остановке производства.

В 1990-е гт. одновременно с индустриальным развитием в городе началась реализация туристического потенциала местности. Горная местность, живописная природа, непосредственная близость о. Байкал предоставляют большие перспективы для развития туризма. В предгорье, на склонах хребта Хамар-Дабан начинается строительство горнолыжной базы, получившей название «Гора Соболиная».

С 1994 г., когда была построена первая трасса, курорт постоянно развивался, пока не приобрел статуса известности на всю страну. Сегодня горнолыжный курорт «Гора Соболиная» является крупнейшим в Восточной Сибири и включает в себя: 15 км трасс, восемь подъемников, двенадцать трасс, различного назначения, три гостиницы на 192 чел., пропускная способность подвесной канатной дороги 1411 чел. в час, длительность лыжного сезона 180 дней, перепад высот 500 м.

Активное развитие туристической инфраструктуры позволяет Байкальску не просто развиваться, но и создавать новый образ экогорода.

Особое место в истории и развитии города занимает разведение клубники. В 1970 г. в городе впервые был посажен сорт клубники «виктория», который принес большой урожай.

Сегодня местными жителями выращивается более двадцати сортов клубники, самыми знаменитыми из которых являются «черный принц», «зенга-зенгана», «зенит», «фестивальная» и т. д. Микроклимат Байкальска позволяет добиться поразительных результатов урожайности. В конце июля в городе проходит ежегодный фестиваль клубники – знаковое мероприятие, привлекающее гостей из других городов и регионов страны. Во время фестиваля проходят конкурсы, спортивные соревнования, выступления му-

зыкальных коллективов. Работают сувенирные лавки, проводятся мастер-классы от местных умельцев, многие из которых известны за пределами региона. Фестиваль, как правило, длится три дня, и все это время происходит продажа различных угощений из клубники, а традиционное завершение фестиваля включает в себя поедание клубничного пирога огромных размеров.

На одном из фестивалей состоялось торжественное открытие памятника клубнике, а в планах горожан значится желание открыть музей клубники. Подобные мероприятия, являющиеся традиционными для тех или иных районов страны, несут на себе отпечаток развития региона и являются объектами нематериального культурного наследия, определенным брендом, привлекающим туристов.

Памятники являются важным атрибутом для любого города, они призваны напоминать как ныне живущим, так и будущим поколениям о тех или иных важных исторических событиях. В Байкальске находится достаточное количество памятников культуры, природы, памятных мест, связанных с главными вехами развития города и региона.

Помимо уже упомянутого памятника клубнике, в городе находится еще несколько объектов, транслирующих определенный культурный код. Среди них оригинальная скульптура «Ухо Байкала». Этот концептуальный памятник создан местным мастером кузнечного дела из металлических труб, выгнутых ручным способом и снабженных цилиндрическими колокольчиками, издающими при порывах ветра мелодию природы. Созданное не так давно «Ухо Байкала» незамедлительно обросло местными преданиями и приобрело популярность у туристов. Согласно создавшимся поверьям человек, услышавший эту мелодию, проходит таким образом обряд очищения от негативной энергии и приобретает положительные эмоции. Кроме того, появилась сопровождающая многие сакральные природные объекты традиция кидания монет и камушков с различными целями. В данном случае, если попасть точно в центр уха, то загаданное желание непременно исполнится.

Памятник, посвященный воинам, погибшим в боях за честь и свободу нашей Родины, установленный в одном из микрорайонов города, является формой репрезентации и актуализации исторической памяти о великом подвиге русского народа в годы Великой Отечественной войны. Площадь перед памятником служит для

проведения парадов в День Победы, здесь регулярно несут караул школьники, отдавая дань памяти защитникам нашей Родины. Такие памятники играют большую роль в нравственном воспитании подрастающих поколений и формировании у них гражданской позиции и патриотизма.

Одним из центров культурной жизни города можно считать музей «Природа Южного Прибайкалья», открытый в 2015 г. Экспозиция музея состоит из пяти отделов: подводный мир, водоплавающие, мир минералов, климат и погода на Байкале, удивительные места Прибайкалья. Сотрудники музея знакомят посетителей с особенностями климата, ландшафта, флорой и фауной о. Байкал, минералами, уникальными объектами природы. Главной целью деятельности музея является развитие экологического просвещения и образования, формирование и повышение уровня экологической культуры населения, вовлечение общественности в природоохранную работу, укрепление положительного имиджа Южного Прибайкалья как туристического региона.

Скальный останец «Чертов палец», получивший свое название за сходство с вытянутым к небу пальцем, находится в долине р. Солзан в пешей доступности и является популярным местом для посещения не только у туристов, у которых пользуется большим успехом, но и у местных жителей, совершающих к нему регулярные восхождения.

Поистине уникальным местом является пляж «Красные пески». Сюда приезжает большое количество туристов, привлеченных необычным песком гранатового цвета, который придает ему содержание минерала граната альмандина, вымываемого из гранатовых гнейсовых пород.

Исключительна роль каждого объекта для истории конкретного поселения, поэтому государство должно охранять и защищать их. Памятники истории и культуры являются носителями подлинной исторической, эстетической и технологической информации. Они оказывают определенное воздействие на современное общество, влияя тем самым на будущее его состояние.

История г. Байкальска достаточно богата и разнообразна событиями. Памятники природы и культуры всего региона являются ярким наглядным доказательством самобытного развития истории и культуры края. Охватывающие краткий период, они тем не менее несут в себе историческую память и представляют важность как социокультурный, информационный и туристический ресурс развития региона.

Список литературы

- 1. Труды Научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. М., 1970. Вып. 22. С. 6
- 2. Туристический терминологический словарь: справ.-методол. пособие / авт.-сост.: И. В. Зорин, В. А. Квартальнов. М.: Сов. спорт, 1999. 445 с.

THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE CITY OF BAIKALSK OF THE IRKUTSK REGION AS A SOCIO-CULTURAL RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGION

E. V. SAYAPOROVA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the historical and cultural heritage of an individual subject of the region, on his example the need to maintain single-industry towns in the field of preservation of the historical, cultural and natural heritage of which they are carriers is translated. The role of single-industry towns in the implementation of projects dedicated to the development of tourism and the preservation of historical and cultural heritage is considered. Their undoubted contribution to the development of the tourism potential of the region and its economic development.

Keywords: culture, natural heritage, memory, historical development, spiritual education, traditions.

Саяпарова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ignis_klio@mail.ru

Sayaparova Ekaterina Vladimirovna - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ignis_klio@mail.ru

УДК 316:930.25(571.53)(091)

К 100-ЛЕТИЮ АРХИВНОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 2018–2020 ГГ.)

Е. А. СЕРЕБРЯКОВ*, Р. Ю. ЗУЛЯР**

* Государственный архив новейшей истории Иркутской области, г. Иркутск ** Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Кратко представлена деятельность Государственного архива новейшей истории Иркутской области за два года, предшествующих 100-летию архивного дела в Сибири. Проанализировано исполнение основных показателей по предоставлению информационных и иных услуг для населения.

Ключевые слова: Государственный архив новейшей истории Иркутской области, рассекречивание, социально-правовой запрос, реставрация, оцифровка, источники комплектования, награждения, фонды, партия, комсомол, ветераны труда, мероприятия, 100-летие, юбилей архива.

Становление государственной архивной службы Сибири проходило в непростой обстановке: интервенция, Гражданская война, разруха. После создания Союза российских архивных дея-

телей идеи архивистов-реформаторов получили новый виток развития. Как отмечал К. В. Захаров, «на первом... собрании, состоявшемся в Петрограде 18 марта 1917 г., прозвучали предложения о безотлагательном спасении документального наследия "от случайностей переживаемого времени" и был поставлен вопрос общенационального плана – "о будущем наших архивов и централизации управления ими"» [2].

Однако в условиях развития революционного движения в России и продвижения фронта Первой мировой войны вглубь нашей страны невозможно было реализовать эти идеи. После событий октября 1917 г. советская власть столкнулась с фактом значительных потерь редких и ценных документов, использовавшихся прежде всего в политической борьбе и пропавших бесследно. Это стало одной из причин пристального внимания как властей, так и интеллигенции к архивным материалам, их охране и защите. В результате 1 июня 1918 г. Советом народных комиссаров был принят Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР, заложивший новые принципы его организации: были созданы Единый государственный архивный фонд и государственная архивная служба России» [2; 5].

Через 100 лет после принятия декрета государственная архивная служба России отпраздновала юбилей. Сибирские архивисты включились в этот процесс немного позже – только после окончательной победы Советской власти в Сибири в 1920 г. Таким образом, выстраиваются две основополагающие даты для понимания современного российского, и прежде всего сибирского, архивного строительства. Это 1918 и 1920 гг. Итак, в Восточной Сибири, и в частности в Иркутской губернии, архивная отраслевая политика начала работать с 1920 г., и в 2020 г. исполнилось 100 лет архивной службе Иркутской области. Исторические моменты создания отдельной отраслевой структуры можно отнести к деятельности Губернского комиссариата просвещения, в частности отдела народного образования – Губнаробраза, начавшего свою деятельность с февраля 1920 г. [1].

Для любой структуры 100 лет – это серьезная дата. За прошедший период были накоплены и обработаны тонны архивных материалов, составлены сотни тысяч каталогов и перечней, написано множество научных монографий и, что самое главное для всех архивов страны, говоря современным языком, окончательно сформировался подход по предоставлению государственной 120 услуги – выдаче населению архивных сведений по интересующим вопросам. Помимо поиска научной информации, составления генеалогического древа и различных родословных, архивисты ведут поиск исключительно важных для жизни человека документов. При обращении в пенсионный фонд за начислением пенсии зачастую необходимы архивные справки, подтверждающие трудовой стаж и заработную плату заявителя. Кроме этой информации, архивисты ведут поиск сведений о различных наградах и поощрениях граждан для присвоения заявителям звания «Ветеран труда» с соответствующими льготами и компенсациями.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области – учреждение специфическое (в прошлом – партийный архив Иркутского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза). В архив поступали документы руководящих партийных и комсомольских органов, комиссий партийного контроля, политотделов, учреждений партии, в том числе издательства «Восточно-Сибирской правды»; партийных комитетов и комитетов комсомола с правами райкомов и первичных партийных организаций [3]. Это богатейший документальный материал, являющийся источниковой базой для изучения политического, экономического и культурного развития региона – губернии, края, области в XX в.

Значительную часть документов архива составляют личные дела по партийному учету кадров, по приему в партию, персональные дела коммунистов. После развала советской партийной системы в 1991 г. на хранение в архив были переданы документы Иркутского областного комитета профсоюзов и отраслевых профсоюзных организаций. Используя этот богатый информационный потенциал, архивисты ведут ежедневный поиск различных исторических и личных сведений.

За прошедшие два года, т. е. за период 2018 и 2019 гг., архив занимался достаточно мультизадачными проектами. Какие же изменения произошли в деятельности архива за этот небольшой срок, предшествующий 100-летию архивной службы Иркутской области? Во-первых, изменения касаются материально-технической части функционирования архивного учреждения. В период 2018–2019 гг. был проведен фундаментальный плановый ремонт. Первым этапом в 2018 г. был ремонт и покраска фасада и наружных стен всего архива. Второй более серьезный этап ремонтных работ для архива был связан с заменой вентиляционно-

отопительного (климатического) оборудования по всему внутреннему контуру архива. В результате переоборудования были заменены все коммуникации, отвечающие за отопление и кондиционирование помещений архивохранилища, действовавшие с 1975 г., т. е. с момента постройки здания. Эти серьезные изменения в техническом оснащении архива, естественно, отразятся на уровне сохранности документов.

За последние два года изменения коснулись и оснащения рабочих мест сотрудников архива. На договорной основе выполнен частичный текущий ремонт читального зала и рабочих кабинетов на первом этаже. В течение года проводилась работа по развитию и поддержке направления информационно-коммуникационных технологий. Для упрощения обмена данными и совместной работы с ними в пределах архивного учреждения, а также для обеспечения управляемого доступа к Интернету, в 2019 г. смонтирована локальная сеть, объединяющая общим доступом компьютеры и устройства.

Для взаимодействия с районными и городскими отделениями пенсионного фонда посредством электронного документооборота приобретена программа защищенной сети ViPNet «Деловая почта». В Отделение пенсионного фонда РФ по Иркутской области направлено письмо о готовности ОГКУ ГАНИИО подписать соглашение об электронном взаимодействии с отделениями пенсионного фонда.

Одна из первостепенных задач, стоявшая перед архивом, – это сохранение и реставрация архивного фонда. Реставрация является важнейшим направлением практической деятельности архива по обеспечению сохранности архивных документов. Реставрируемые документы советского времени зачастую требуют выполнения всех возможных в условиях архива реставрационных работ.

В соответствии с планом реставрационных работ, восстановлению подверглись дела следующих фондов: № 1 «Иркутский губернский комитет ВКП(б)»; № Р-1812 «Управление Вост.-Сиб. железной дороги»; № 1134 «Усольский ГК ВЛКСМ»; № 749 «Эхирит-Булагатский РК ВЛКСМ»; № Р-420 «Иркутский губернский и окружной отделы профсоюзов химиков»; № 127 «Иркутский ОК КПСС»; № 159 «Иркутский ГК КПСС»; № Р-1812 «Управление Вост.-Сиб. железной дороги»; № 6742 «Фонд личного происхождения – доктора исторических наук, профессора ИГУ В. Т. Агалакова» и фонд ветерана пионерского движения, кандидата педагогических наук, доцента ИГУ Н. А. Ганзбург.

За два года было отреставрировано 491 ветхое дело, т. е. 96,5 тыс. страниц, при годовом плане в 40 тыс. страниц. Это достаточно высокий показатель, так как дела, приходящие на реставрацию, зачастую относятся к первой половине XX в. Кроме реставрации как таковой, осуществляется процесс постраничной нумерации дел с соответствующими изменениями в обложках дел и описей фондов.

Огромный объем работы архивистов занимает постеллажная проверка, последний раз она проводилась 25 лет назад. С 2017 г., в соответствии с планом цикличной проверки наличия архивных документов, началась сплошная постеллажная проверка партийных фондов. В 2018–2019 гг. работа проводилась по 225 фондам и 133 описям. За этот период проверки подверглись более 82,5 тыс. ед. хр., причем совокупный план за два года не превышал 45 тыс. ед. хр.

Исходя из вышеперечисленных количественных показателей, архивисты выполняют достаточно большой объем работ, значительно превышающий плановые показатели. В архиве соблюдается строгий контроль за движением архивных документов, за порядком выдачи дел из архивохранилищ.

Для большей наглядности приведем совокупные цифры за 2018–2019 гг. Что касается работы читального зала архива, то за двухгодичный период в установленном порядке исследователям выдано 3959 дел и 790 описей соответственно. Сотрудникам архива, исполняющим социально-правовые и тематические запросы, а также иные служебные функции, связанные с непосредственной работой с документами и делами, на руки в совокупности было выдано более 50 тыс. ед. хр.

Начиная с февраля 2018 г. архивом ведется плановая работа по оцифровке архивных дел на широкоформатном книжном сканере ScanMaster-2 производства Германии. Основная цель данного процесса – создание фонда пользования наиболее востребованных и находящихся в неудовлетворительном состоянии документов. Самым подходящим для этого был определен один из старейших фондов архива – Иркутского губкома ВКП(б), в котором находится 4123 ед. хр., собранные в период с 1920 по 1926 г. По обобщенным данным, на декабрь 2019 г. удалось оцифровать 948 ед. хр., что составляет более 150 Гб информации на электронном носителе. Это достаточно весомая цифра, учитывая, что специалист по оцифровке в архиве всего один и работает он в паре с одним реставратором.

Следующей важной для каждого архива задачей является организация учета документов. В 2018–2019 гг. работа по архивному учету была связана с поступлением новых документов на хранение, а также происходящими изменениями в учетных данных по результатам внутриархивных работ. В течение этого времени поступили документы в 42 архивных фонда, в том числе: в фонды 40 ведомств при плановых показателях – 38 организаций, кроме того, были пополнены фонды личного происхождения и фотофонд. Проведена серьезная работа по актуализации системы научно-справочного аппарата в части описей фондов. По состоянию на январь 2020 г. полный комплект имеют 6654 описи документов на бумажной основе и 3 описи фотодокументов, итого 6657 описей, что составляет 97,4 % от общего числа описей. Соответственно нуждаются в создании комплекта 176 описей, что составляет всего 2,6 %.

Одной из самых серьезных и жизненно важных для архива задач является функция по увеличению количества организаций источников комплектования архивного фонда. Сложность для архива новейшей истории Иркутской области, как и для большинства подобных архивов, состоит в том, что основная база – это различного рода некоммерческие общественные и иные негосударственные организации различных форм собственности с совершенно разным подходом к формированию собственного архивного наследия. На сегодняшний день в российском законодательстве нет законодательного акта, обязывающего общественные организации в обязательном порядке подготавливать и сдавать дела на хранение в архивное учреждение.

По состоянию на конец 2019 г. в списке организаций – источников комплектования архива 45 организаций, в том числе три государственные: ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Иркутской области»; ОГАУ «Иркутский дом литераторов»; Региональное отделение общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России Иркутской области», а также 42 общественные организации негосударственной формы собственности.

Кроме этого, продолжается работа по созданию фондов личного происхождения. На начало 2020 г. в архиве создано три фонда документов личного происхождения: Ф. № 6728 «Личный фонд кандидата педагогических наук, доцента Иркутского государственного университета Н. А. Ганзбург»; Ф. № 6731 «Личный 124

фонд доктора исторических наук, профессора Иркутского государственного университета И. И. Кузнецова»; Ф. № 6742 «Личный фонд доктора исторических наук, профессора Иркутского государственного университета В. Т. Агалакова». В дальнейшем работа по созданию фондов личного происхождения будет продолжаться.

За двухгодичный период архив принял на хранение более 1400 ед. хр. от 42 организаций – источников комплектования. Фотофонд пополнился в общей сложности более чем на 150 фотографий с подробным описанием. Политически значимым для архива является возобновление работы с региональным отделением политической партии «Единая Россия». В 2019 г. с партией было заключено соглашение о сотрудничестве, на основании которого будут обработаны и приняты документы партии до 2009 г.

В 2019 г. активизировалась работа по привлечению новых источников комплектования. В этот период архивом было направлено предложение о сотрудничестве девяти общественным организациям, среди которых можно выделить: Иркутскую областную общественную организацию «Центр бурятской культуры»; Иркутскую региональную общественную организацию развития гражданского общества «Клуб "Губерния"»; Первичную профсоюзную организацию АО «Байкалэнерго»; Первичную профсоюзную организацию ПАО «Иркутскэнерго», которой оказывается методическая помощь в обработке и подготовке документов; Иркутское отделение Общероссийской общественной организации «Союз кинематографистов России»; Иркутское отделение Общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей РФ».

За последние два года архивистами была проделана работа по совершенствованию системы научно-справочного аппарата в части организации использования документов Архивного фонда Российской Федерации. За это время создано 97 перечней вопросов и решений бюро, пленумов, конференций различных партийных организаций Иркутской области. Архив продолжил формирование автоматизированного научно-справочного аппарата ведением тематической базы данных «Регистрационные карточки членов партии образца 1936 г. в фонде Иркутского горкома ВКП(б)». Объем базы на начало 2020 г. составляет 1234 записи. С 2018 г. в локальной версии программы «Фотокаталог» создается электронное хранилище оцифрованных фотодокументов. Всего за два года туда внесены 334 фотографии.

Говоря о работе всех подразделений архива, нельзя не отметить и работу сотрудников отдела информации, публикации и научного использования документов. За прошедшие два года ими был подготовлен ряд тематических выставок документов с общим объемом отобранных документальных экспонатов 458 штук. Выставки всегда проводились на актуальные для страны или региона темы. Причем из всего многообразия партийных документов всегда выбирались самые интересные и показательные, политически актуальные и значимые как на момент создания документа, так и на момент экспонирования выставки. Среди них особо хочется отметить выставку, подготовленную к празднованию 100-летия государственной архивной службы России; экспозицию к 100летнему юбилею Иркутского государственного университета, а также к 100-летию ВЛКСМ. В 2019 г., в связи с празднованием 80летия военных действий на Халхин-Голе, была подготовлена тематическая экспозиция, посвященная этим событиям. С декабря 2019 по апрель 2020 г. на стендах архива была размещена выставка, посвященная трагическим событиям Гражданской войны 1918-1920 гг., основанная на воспоминаниях участников партизанского движения Иркутской губернии.

Огромную работу проделали сотрудники архива по части организации экскурсионной и просветительской деятельности, в совокупности за двухлетний период на различных мероприятиях архива были задействованы более 500 чел. Корме экскурсионной деятельности, сотрудники отдела осуществляют проведение выездных мероприятий – открытых лекций по краеведческой тематике и выступления гражданско-патриотического характера в ссузах г. Иркутска. За это время было проведено 13 выездных лекций с общим количеством участников более 450 чел.

Все мероприятия архива освещаются на официальной странице в социальных сетях «Фейсбук»: https://www.facebook.com/Ganiio, охват аудитории более 800 чел., и на странице архива в социальной сети «ВКонтакте»: https://vk.com/ganiio, аудитория более 100 чел.

Продолжается работа по рассекречиванию партийных и комсомольских документов. По состоянию на 1997 г., когда архив начинал работу по рассекречиванию, необходимо было просмотреть документы 493 основных фондов и 204 фондов первичных парторганизаций. На январь 2020 г. пересмотр режима доступа завершен по 431 фонду. Рассекречено 447 436 документов в 45 157 126

архивных делах. Планируется завершить работу по пересмотру режима доступа к документам в соответствии с законодательством в 2022–2023 гг.

Помимо плановой общественно-просветительской работы, сотрудники архива занимаются и научно-публицистической деятельностью. За два года сотрудниками отдела было подготовлено и опубликовано семь научных статей, в том числе три статьи в журналах из списка ВАК [4]. Архивисты отдела периодически выступают на конференциях различного уровня, среди которых можно выделить Всероссийскую научно-практическую конференцию «Сибирь в XVII-XXI веках: история, география, экономика, экология, право», проводившуюся на историческом факультете ИГУ; XXI межрегиональную молодежную научно-практическую конференцию, проходившую в г. Иркутске, и III Всероссийскую научно-практическую конференцию, прошедшую в г. Омске в ноябре 2019 г.

К юбилейной дате – 100-летию государственной архивной службы России – вышла из печати тиражом в 300 экз. брошюра «Сохраняя память поколений», посвященная ГАНИИО. Брошюра знакомит читателей с этапами становления и развития учреждения за более чем 85-летнюю историю его существования. Издание размещено на сайте архивного агентства Иркутской области.

В соответствии с Планом основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 100-летия государственной архивной службы, утвержденным приказом Росархива от 19.07.2017 № 107, создана видеопрезентация госархива продолжительностью 15 мин для включения в архивную коллекцию. И это далеко не полный список всех плановых и иных видов деятельности, осуществляемых сотрудниками архива.

Подводя итог, нужно, без сомнения, остановиться на еще одной немаловажной для архива работе – исполнении социальноправовых и тематических запросов. Эта составляющая работа любого архива является главной сферой государственных услуг, оказываемых архивными учреждениями России. Конкретизируя показатели по тематическим запросам за 2018–2019 гг., можно сказать, что их количество не уменьшается. Помимо одиночных запросов, поступающих лично от граждан, формируется целый ряд подборок тематических документов. Данные запросы направляют в адрес архива различные областные и городские организации и учреждения.

Среди наиболее сложных и значимых можно выделить тематические запросы от Музея истории г. Иркутска, Министерства образования Иркутской области. По запросу последнего проводилось целенаправленное выявление документов о руководителях губернского, окружного, областного отделов народного образования. По итогам заявителю было направлено 25 биографических справок. По запросу Музея истории г. Иркутска о предоставлении подборок документов в связи с подготовкой книги и выставки к юбилею ВЛКСМ представлены: список первых секретарей Иркутского ГК ВЛКСМ с 1921 по 1946 г.; биографические справки о шести первых секретарях; сканы двух фотографий; подборка документов V Иркутской городской комсомольской конференции 1940 г., анкеты делегатов конференции.

В рамках сотрудничества архивных учреждений Иркутской области и г. Санкт-Петербурга проведена работа по выявлению выдающихся личностей в истории Санкт-Петербурга (Ленинграда). По итогам выявлены восемь выдающихся имен, судьбы которых были связаны с Иркутской областью, по всем персоналиям составлены биографические справки. По запросу Министерства финансов Иркутской области выявлены биографические сведения 26 руководителей финансовых органов Иркутского губисполкома, Иркутского окрисполкома, Восточно-Сибирского крайисполкома и Иркутского облисполкома. Составлены 18 архивных справок, 39 листов ксерокопий.

Что касается социально-правовых запросов, то здесь ситуация несколько иная. Начиная с 2018 г. количество данных запросов увеличилось. Это связано прежде всего с подписанием в Иркутской области нового нормативного правового документа −закона Иркутской области от 13.07.2018 № 72-ОЗ «О ветеранах труда Иркутской области» [6]. На основании этого закона у заявителя, архивно подтвердившего партийные и комсомольские награждения, появилась возможность получения определенных социальных льгот. В результате ситуационно увеличился поток обращений граждан по поиску награждений.

Основываясь на внутриархивных статистических данных, связанных с ежегодным подсчетом количества запросов, как в общем объеме, так и в сегменте запросов по награждениям, можно обнаружить тенденцию. За календарный период 2018 г. общий объем обращений граждан в ГАНИИО составил 424 запроса, из них по награждениям – 66 запросов. И данные за 2019 г., после принятия 128

закона «О ветеранах труда Иркутской области»: всего запросов – 546, из них по награждениям – 165. Как видно из приведенных выше данных, количество запросов увеличилось (в особенности обращений, связанных с новым законом о ветеранах).

На основании всех приведенных выше количественных показателей можно подвести промежуточный итог. Работа архива к 100-летнему юбилею отрасли носит не декларативный характер, а имеет четкую профессиональную направленность и социальнополитическую актуальность в соответствии с реалиями современного информационного общества.

Список литературы

- 1. ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 540. Л. 1. 2.
- 2. Захаров К. В. Особенности становления и развития государственной архивной службы Сибири в период вооруженных конфликтов первой половины ХХ в. // Современные архивы в научном и информационном пространстве современного общества: материалы межрег. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 11 марта 2015). Новосибирск: [б. и.], 2015. С. 3-9.
- 3. Зуляр Ю. А. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по охране природы в период зрелого социализма (1971–1981 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Иркутск, 1984. 235 с.
- 4. Зуляр Ю. А. Кризис основных парадигм модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 15-29.
- 5. Костанов А. И. Архивы Сибири и Дальнего Востока в 1917–1920 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 13–26.
- 6. О ветеранах труда Иркутской области (с изменениями на 8 октября 2019 г.): закон № 72-ОЗ от 13.07.2018 // Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://eparlament. irzs.ru/ Закон/1753853 (дата обращения: 09.01.2020).

ON THE OCCASION OF CENTENARY OF ARCHIVAL AFFAIRS (THE ACTIVITY OF STATE ARCHIVE OF THE CONTEMPORARY HISTORY OF THE IRKUTSK REGION IN 2018–2020S)

E. A. SEREBRYAKOV*, R. YU. ZULYAR**

*Irkutsk Region Contemporary History State Archive, Irkutsk **Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper briefly presents the activity of State Archive of the Contemporary History of the Irkutsk Region over two years preceding centenary of archival affairs in Siberia. Fulfilling core indicators for providing information and other services available to the public has been analyzed.

Keywords: State Archive of the Contemporary History of the Irkutsk Region, declassification, social and legal request, restoration, digitization, sources of acquisition, awards, funds, party, Komsomol, labor veterans, events, centenary, the centenary of the archive.

Серебряков Евгений Александрович - начальник отдела информации, публикации и научного использования документов, Государственный архив новейшей истории Иркутской области, г. Иркутск, Россия, e-mail: silver.sea@yandex.ru

Serebryakov Evgeny Aleksandrovich – Head of the Department of Information, Publication and Document Use for Scientific Purposes, Irkutsk Region Contemporary History State Archive Irkutsk, Russian Federation, e-mail: silver.sea@yandex.ru

Зуляр Раксана Юрьевна - кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: raksana-m@yandex.ru

Zulyar Raksana Yurievna – Candidate of Sciences (Politology), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: raksana-m@yandex.ru

УДК 379.816

ДОМА И ДВОРЦЫ КУЛЬТУРЫ ГОРОДОВ ПРИАНГАРЬЯ: ЭТАПЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (1995–2018 ГГ.)

Т. П. VРОЖАЕВА

МАОУ «СОШ № 11», г. Усть-Илимск

Аннотация. Проведен анализ развития клубных и досуговых учреждений городов Иркутской области в период с середины 1990-х до 2018 г. Автор приходит к выводу, что основы клубной деятельности и само ее содержание постепенно менялись. Осуществлялось внедрение новых методов управления клубами, шла децентрализация управления по сравнению с советским периодом. С начала 2000-х гг. наблюдался рост финансирования и улучшение кадрового обеспечения клубов. Однако по сравнению с предшествующим периодом снизилось число творческих коллективов, в них стали преобладать камерные ансамбли.

Ключевые слова: Дворец культуры, клуб, самодеятельные коллективы, камерные ансамбли, дефицит финансирования, программы финансирования.

В 1990-е гг. клубы, дворцы культуры советского типа были переименованы в досуговые центры [23]. С 1991 г. существенно уменьшились государственные затраты на клубные учреждения. Бюджетный дефицит привел к тому, что значительно сократились перечисления из федерального центра, основные траты были переложены на региональный и местный уровень. Только в конце 1990-х – начале 2000 гг. несколько улучшилось материальное положение клубов и досуговых центров в связи с введением налоговых преференций, действовавших на уровне региона.

Еще в 1987 г., после открытия, Дворец культуры (г. Усть-Илимск) стал настоящим храмом искусств. В нем работали до 36 кружков, хоровых, танцевальных и театральных студий. В 1998 г. здесь радовали зрителей пять коллективов, завоевавших право называться народными. Это театр драмы и комедии под руководством режиссера Е. Пиндюрина. Заслуженным успехом пользовались выступления театра бальных танцев И. Жмуровой, участвовавшего в международных конкурсах и получавшего призы. Особой популярностью и признанием пользовался хореографический ансамбль «Сибирь». Среди интересных коллективов - студия эстрадного танца, смешанный хор «Благовест», ансамбль «Детство».

Понимание и помощь работники культуры получали от руководителей целлюлозного завода, ТЭЦ, усть-илимских банков и коммерческих структур, особенно положительно откликался центр занятости [4, с. 2]. Благодаря директору ДК А. Редькову рядом с «Дружбой» был разбит городской парк, ставший любимым местом отдыха горожан. Зимой там работала лыжная трасса, летом – скейтодромы для ребятишек, качели и карусели [24, с. 2].

Депутаты Законодательного Собрания региона продолжительное время добивались выделения средств на ремонт Дворца культуры им. И. И. Наймушина в левобережной части Усть-Илимска (был открыт в 1982 г.). Замены требовали коммуникации учреждения. Общий объем финансирования, требующийся на ремонт Дворца культуры, составлял 58 млн руб. В 2018 г. во Дворце культуры им. И. И. Наймушина открылся новый кинозал [22, с. 3].

Регулярные творческие фестивали проводил для жителей г. Ангарска Дворец культуры «Современник». В День города в мае 1998 г. в концерте было задействовано около 1 тыс. чел. [15, с. 1]. В мае 2001 г. на сцене ангарского Дворца культуры «Современник» состоялся очередной концерт творческих коллективов города. Блеснуть своим талантом и мастерством в небывалом концерте на сцене «Современника» на радость многочисленным зрителям постарались все без исключения дворцы и дома культуры, а также школы искусств города нефтехимиков [13, с. 1].

В 2013 г. профессиональный праздник работников нефтяной и газовой промышленности в г. Ангарске отмечался как один из главных праздников города. Основные торжества развернулись на центральной площади, у Дворца культуры «Нефтехимик», где гостей приветствовали творческие коллективы Ангарска и Иркутска. Накануне празднования в здании Дворца культуры «Нефте-

химик» собралось более 600 чел., в основном сотрудники «Роснефти» [10, с. 1].

Два юбилея в сентябре 2002 г. отметили жители г. Черемхово. Оба они прошли в муниципальном Доме культуры им. Горького. Известный среди любителей живописи самодеятельный художник Д. Лукманов отметил свое 70-летние. Вторым юбиляром была С. Логинова. Более десяти лет она была директором Дома культуры им. Горького. Массовые праздники стали любимой формой досуга для жителей города. В Доме культуры был создан детский театр-студия «ГРИММ», ставший лауреатом фестиваля «Театральная осень на Байкале» [11, с. 2].

В мае 2014 г. в г. Черемхово на сцене Дворца культуры «Горняк» прошел фестиваль творческих коллективов. Инициаторы проведения мероприятия выбрали площадку в г. Черемхово не случайно. Сюда легче доехать коллективам артистов из поселков Кутулик, Михайловка, Мишелёвка, Тайтурка, Бельск и др. Также приехали артисты из г. Ангарска, которые представили танцевальный номер вне конкурсной программы [2, с. 4].

50-летний юбилей г. Свирска в 1999 г. отмечался не так пышно, как в прежние годы. Однако горожане привыкли гордиться своими творческими талантами. По словам директора муниципального Дома культуры «Русь» И. Савенковой, каждое мероприятие и выступление творческих коллективов проходило с аншлагом. Свирские таланты были известны далеко за пределами городка, особенно студия эстрадного танца, народный коллектив «Альянс» и вокальная группа «Свирчанка» [12, с. 3].

К сожалению, случались и печальные события. В декабре 2000 г. в г. Зиме сгорел построенный еще в 1934 г. Дом культуры железнодорожников им. В. Гринчика. Несмотря на все усилия пожарной службы, было повреждено более 1,5 тыс. м² площади, уничтожены помещения библиотеки и духового оркестра. Музыкальные инструменты и часть мебели пожарные успели вынести на улицу. Пожарная инспекция неоднократно выносила постановления о запрещении эксплуатации Дома культуры. Последний ремонт здесь делали в 1989 г. [19, с. 2].

В 2001 г. специалисты облкомитета по культуре в рамках программы социально-экономического развития Иркутской области готовили проект программы «Культура Иркутской области на 2002–2005 гг.». В рамках этой программы планировалось постро-

ить Дом культуры в г. Киренске [14, с. 2]. Глава Киренска В. Слукин отметил, что город ждал строительства нового Дома культуры с 1995 г. В современном двухэтажном Доме культуры предполагалось разместить отделение художественной и музыкальной школ, различные кружки [7, с. 4].

Администрация г. Усолья-Сибирского не могла содержать огромный Дворец культуры, незначительные выплаты поступали с задержкой. И тогда его директор Г. Просвирнина решила сделать «дворцовый переворот» – Дворец стал выживать самостоятельно. В нем проводилось много платных мероприятий, но занятия для детей остались бесплатными. «Мы зарабатываем на свет, тепло и прочее обеспечение Дворца», – говорила Г. Просвирнина [6, с. 2].

Театр-студия «Зеркало» Дома культуры «Горняк» г. Железногорска-Илимского был хорошо известен в Иркутской области. Со дня основания коллектива руководила им выпускница Иркутского училища культуры И. Бушуева, которая в 2002 г. стала еще и директором Дома культуры «Горняк». «В новой должности у меня появились и новые возможности, помогающие находить спонсоров, организовывать творческие поездки и выступления», - отметила директор Дома культуры [17, с. 1].

В июне 2013 г. в Доме культуры «Горняк» г. Железногорска-Илимского прошел районный смотр-концерт хоров ветеранов. Открыл конкурс один из трех городских хоров – «Сибирячка». В творческое соревнование вступили хоровые коллективы из поселков Речушка, Рудногорск, Новая Игирма, Старая Игирма, Семигорск, Янгель [18, с. 2].

Финансовый кризис 2008 г. мог обернуться для жителей Шелехова, города-спутника областного центра, потерей нескольких объектов городской социальной инфраструктуры. В октябре 2008 г. у здания городской администрации прошел митинг, участники которого требовали не закрывать Дворец культуры «Металлург». Причиной беспокойства собравшихся стала политика градообразующего предприятия ИрКАЗа по отказу от финансирования социальных проектов. Без Дворца культуры г. Шелехов мог превратиться в провинциальный поселок [3, с. 1].

В 2012 г. на базе Дворца культуры в г. Нижнеудинске работало почти два десятка клубных студий. Постоянными посетителями стали более 600 чел., из которых более 450 чел. были детьми. Дворец культуры был построен в 1959 г., зданию нужен был ка-

премонт, сметная стоимость которого составила 15 млн руб. Благодаря посещению его депутатами областного Законодательного собрания Т. Сагдеевым и В. Барышниковым, нижнеудинский Дворец культуры вошел в программу «Развитие региональной социальной инфраструктуры» [21, с. 3].

В феврале 2014 г. жители г. Бодайбо и одноименного района на встрече с муниципальными депутатами подняли вопрос о строительстве в городе Дома культуры. Как рассказал депутат Н. Труфанов, люди просили восстановить культурное учреждение, здание находилось в аварийном состоянии [20, с. 1].

Реализация долгосрочной целевой программы по ремонту и переоборудованию домов культуры в городах Приангарья началась в 2010 г. Первые 50 ДК, признанных модельными, начали осваивать выделенные средства в 2011 г. Была проведена отделка внешнего фасада зданий клубов, осуществлен ремонт внутренних помещений, облагорожены приклубные территории. Также были закуплены современное звуковое и световое оборудование, оргтехника, электронные музыкальные инструменты и новые театральные кресла. Были обновлены сценические декорации и пошиты новые актерские костюмы [16, с. 2].

В 2015 г. на территории Иркутской области насчитывалось 646 учреждений культуры клубного типа, из них примерно 15 % находились в городах. Художественное, музыкальное и театральное искусство Иркутской области было представлено 4 тыс. творческими коллективами, более 200 из которых имели статус «народный». Пополнение состава самодеятельных творческих коллективов происходило за счет детей и молодежи [8, с. 32].

В 2016 г. на реализацию проекта «100 модельных домов культуры Иркутской области» из регионального бюджета было перечислено 46,5 млн руб. В ходе воплощения программы Иркутской области «Развитие культуры» на 2014–2018 гг. материальную помощь, направленную на обновление и переоснащение, получили почти 50 клубных заведений из разных городов и районов. За время реализации проекта число кружков, студий увеличилось на 375 ед., а количество участников – на 6,5 тыс. чел. [5, с. 3].

В программе «Местные дома культуры» в конкурсном отборе приняли участие 47 домов культуры, которые были расположены в населенных пунктах численностью до 50 тыс. жителей. Каждое учреждение получило более 1,6 млн руб. При этом еще 42 млн

руб. были выделены по программе «100 модельных домов культуры» [9, с. 4]. По итогам 2017 г. участниками программы стали 47 клубов из 25 районов с общим объемом финансирования 76,6 млн руб. В программу 2018 г. вошли 37 домов культуры. По одному дому культуры было оснащено в городах Зиме, Саянске, Слюдянке [1, с. 3].

В 2000-е гт. главным источником капиталовложений в клубную сеть по-прежнему оставалось государство (в регионе Приангарья – 96 %, в среднем по России – 90 %). Кроме бюджетных средств, наиболее значительным был доход от коммерческих услуг, предоставляемых населению. В целом по стране доля коллективов художественной самодеятельности в составе клубных учреждений незначительно изменилась (с 71 % в 1985 г. до 62 % в 2005 г.). Однако в городах Приангарья она значительно увеличилась: с 65 до 81 % [8, с. 33]. Причем динамика их развития оставалась неравномерной.

С середины 2000-х гт. возрос уровень финансирования клубов и досуговых центров, также улучшилось их кадровое обеспечение. Вместе с тем, по сравнению с предыдущим (советским) периодом, снизилась массовость в составе творческих коллективов. В них стали преобладать такие малые творческие объединения, как камерные ансамбли.

Список литературы

- 1. Андреева О. В Иркутской области уже модернизирован каждый четвертый дом культуры // Парламентские вести. 2018. 26 марта. С. 3–4.
- 2. Аплодисменты для «Папиных дочек»: Год культуры идет по Приангарью // Губерния. 2014. 13 мая. С. 3–4.
- 3. Борьба за дворец: жители Шелехова вышли на улицу, чтобы защитить городскую социальную сферу // Конкурент. 2008. 18 окт. С. 1.
- 4. Волков Н. Если поем, то мы еще живем // Лесохимик Усть-Илима. 1998. 11 дек. С. 2.
- 5. В Приангарье 49 домов культуры получат средства на модернизацию // Губерния. 2016. 9 фев. С. 2–3.
- 6. «Дворцовый переворот» Г. Просвирниной // Шелеховский вестник. 2004. 22 мая. С. 2.
- 7. Долгожданный дом культуры рассчитывают построить в Киренске в 2016 году // Парламентские вести. 2015. 26 июня. С. 3-4.
- 8. Дома культуры : альбом-справочник / под ред. Г. М. Кородюк. Иркутск : Областной центр народного творчества и досуга, 2018.
- 9. Дунина К. Деньги на развитие ДК получит область // Курьер. 2017. 24 апр. С. 3–4.
- 10. «Как дома, среди своих»: День нефтяника стал семейным праздником для ангарчан // Время. 2013. 10 сент. С. 1.

- 11. Ковальская Т. Душа трудиться не устанет // Черемховские вести. 2003. 25 окт. С. 2.
- 12. Ковальская Т. Там, где Ангара становится морем // Свирская энергия. 1999. 14 окт. С. 3.
 - 13. Козырев С. Смотр ангарских талантов // Время. 2001. 17 фев. С. 1.
- 14. Лаховский А. В области про культуру не забыли // СМ-номер один. 2001. 20 июня. С. 2.
 - 15. Мазурова С. Отметим день рождения вместе! // Свеча. 1998. 21 мая. С. 1.
- 16. Михайлова О. Культурный пример Дома культуры Приангарья подтверждают свой «модельный» статус // Губерния. 2013. 18 марта. С. 2.
 - 17. Отражаясь в «Зеркале» // Газета Приилимья. 2006. 30 марта. С. 1.
 - 18. Перфильев Ю. Споемте, друзья! // Газета Приилимья. 2013. 10 июня. С. 1-2.
 - 19. Пожар после дискотеки // Приокская правда. 2000. 5 дек. С. 2.
- 20. Рымарева М. Жители Бодайбо попросили депутатов Законодательного Собрания помочь восстановить Дом культуры // Ленский шахтер. 2014. 6 марта. С. 1.
- 21. Семенюк А. Дворец культуры в Нижнеудинске получит деньги из областного бюджета на капремонт //Парламентские вести. 2012. 19 нояб. С. 2–3.
- 22. Средства на ремонт ДК им. И. И. Наймушина в Усть-Илимске должны быть предусмотрены в бюджете // Восточно-Сибирская правда. 2018. 22 апр. С. 2–3.
- 23. Типовое положение о государственном и муниципальном учреждении культуры клубного типа, утв. решением Коллегии Минкультуры России от 29 мая 2002 г. П. 1.3 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
 - 24. Фейерверк над северным городом // Усть-Илимская правда. 2005. 4 мая. С. 2.

HOUSES AND PALACES OF CULTURE OF THE CITIES OF THE ANGARA REGION: STAGES OF POST-SOVIET TRANSFORMATION (1995–2018)

T. P. UROZHAEVA

Secondary School N 11, Ust-Ilimsk

Abstract. 1995–2018 – a special stage in the development of club institutions. Significant changes were made to the basis of club activities and its very content. The organizational basis of the club institutions was characterized by the introduction of new methods in the previous management system; decentralization of management with the transfer of basic powers to the regional and municipal authorities. Since 2002, when the existing conditions for the activities of club institutions have been supplemented by an increase in funding, improvement in staffing. However, in comparison with the Soviet times, the mass participation of creative groups has decreased, and chamber ensembles predominated in them.

Keywords: palace of culture; club, amateur groups; chamber ensembles; lack of funding; funding programs.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, MAOУ «СОШ № 11», г. Усть-Илимск, Россия, e-mail: olgoy@yandex.ru

Urozhaeva Tatyana Petrovna – Candidate of Sciences (History), Teacher of History and Social Studies of the Secondary School N 11, Ust-Ilimsk, Russian Federation, e-mail: olgoy@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЛИЦ ИЗ ГОЛОДАЮЩИХ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ В ГОРОД ИРКУТСК В 1921-1922 ГГ.

Г. Г. ЦИДЕНКОВ

Самарский государственный социально-гуманитарный университет, г. Самара

Аннотация. Во время голода 1921–1923 гг., охватившего огромные территории страны с крупными городами и промышленными центрами, происходило такое явление, как массовая эвакуация людей из пострадавших областей в относительно благополучные в продовольственном плане губернии. Эвакуация носила как стихийный характер, так и централизованный. Органы власти через структуры Центральной комиссии по эвакуации населения вывозили из голодающих местностей в первую очередь детей, а также квалифицированных рабочих с их семьями. Рассматривается такой аспект централизованной эвакуации, как работа Иркутской губернской эвакуационной комиссии по приему беженцев и вывезенных семей рабочих из голодающих губерний Поволжья в 1921–23 гг. Приводятся данные об их численности, профессиональном составе, условиях их проживания и питания.

Ключевые слова: голод 1921–23 гг., беженцы, Иркутск, Центральная комиссия по эвакуации населения, эвакуация.

Во время голода 1921-1923 гг., охватившего огромные территории РСФСР и УССР, советское правительство, не располагая на начальном этапе бедствия необходимыми ресурсами для питания населения на местах, неоднократно прибегало к эвакуации голодающих из пострадавших губерний в «благополучные» губернии. Организованной и планомерной эвакуации подлежали в первую очередь квалифицированные рабочие и дети. Процесс планомерной эвакуации, в соответствии с декретом ВЦИК от 28 июля 1921 г. «О планомерном выселении граждан из голодающих губерний» (далее - Декрет ВЦИК), начался 1 августа 1922 г. и проходил под контролем Центральной комиссии по эвакуации населения (далее - Центрэвак) и губернских комиссий по эвакуации населения (далее - губэвак) [7]. Эвакуация, проводившаяся органами Центрэвака в рамках Декрета ВЦИК, называлась «организованной эвакуацией» в противоположность массовой «стихийной» эвакуации населения, которая не поддавалась никакому учету. Ход эвакуации контролировался органами Центрэвака и губэваками на местах. Вопросы организованной эвакуации из голодающих районов не получили должного освещения в историографии голода начала 1920-х гг. из-за крайней сложности учета эвакуированных лиц и

беженцев. Эта проблема была ярко и образно сформулирована на совещании работников Востбазэвакопункта 21–23 марта 1922 г.: «...надлежит констатировать и то обстоятельство, что поднявшаяся в связи с голодом людская стихия всей силой своей тяжести обрушилась на органы Центрэвака, которым пришлось заботиться о планировке движения, о санобслуживании и в огромной степени даже о питании колоссальных движущихся масс, цифры коих выражаются в миллионах. Сотни и тысячи скромных сотрудников Базисных управлений и Линейных пунктов Центрэвака в районе так называемой неблагополучной по голоду и эпидемии зоны отметили своими трупами ту сверхчеловеческую работу, которая была совершена для того, чтобы в минимальной хотя степени облегчить условия передвижения оторвавшихся от своих пепелищ рабочих и крестьянских масс» [6, с. 3–4].

В статье рассматривается количественный и профессиональный состав лиц, эвакуированных из наиболее пострадавшей Самарской губернии, где на пике бедствия голодало 2 млн 600 тыс. чел. [1, с. 18], в г. Иркутск. Благодаря жестким и строгим, в соответствии с положением в стране, инструкциям Сибирского центрэвака движение беженцев и эвакуированных лиц по городу Иркутску и Иркутской губернии носило организованный характер и поддается учету. Так, инструкция Сибцентрэвака начальнику Иркутского губэвака Вавилову по организации работы в феврале 1922 г. гласила: «Все лица, самовольно покинувшие бараки губэвака, снимаются с продовольствия» [3, л. 14]. Прибывавшие в организованном порядке беженцы размещались в специально оборудованных бараках, ставились на довольствие и проходили профессиональный учет.

В отношении беженцев, прибывавших стихийным путем, Иркутский губэвак имел инструкции об их регистрации, помещении в карантин и по уборке трупов из железнодорожных вагонов [3, л. 16, 19]. Но ввиду того, что «стихийные» беженцы не прикреплялись к пайковому довольствию, их регистрация и учет носили крайне разрозненный и недостоверный характер.

27 декабря 1921 г. в Иркутске прошло межведомственное совещание при отделе Управления губисполокома, на котором была озвучена программа работы с беженцами из голодающих губерний, прибывающих организованным путем. Согласно докладу тов. Вавилова, в бараках губэвака на указанную дату находилось 147 человек: «антанты» (военнопленные стран, осуществлявших 138

интервенцию на территорию РСФСР и ДВР, а также иностранные граждане-военнопленные из «белых» армий, подлежавшие репатриации на родину), «гражданские» репатрианты и беженцы из голодающих губерний. Кроме того, в вагонах на станции Иркутск находилось еще 40 человек беженцев. Совещание приняло решение всех трудоспособных беженцев, после прохождения трехдневного карантина, передавать на иждивение в иркутский городской комитет правительственной Центральной комиссии помощи голодающим (далее - горком Помгола) и ставить на учет. Всех детей после карантина - распределять через городской комитет Помгола по детским домам и ставить на иждивение иркутского комитета народного образования (далее - Наробраз) [2, л. 9 (об)]. Данное решение, на наш взгляд, является свидетельством гуманного отношения Иркутского горисполкома, так как обеспечение стихийно прибывающих беженцев пайковым довольствием не входило в прямые обязанности горисполкома и органов иркутского губэвака.

Всего в первые полгода с начала эвакуации из голодающих губерний (с 3 августа 1921 г.) через питательные пункты иркутского губэвака прошло следующее количество эвакуированных, прибывших организованным путем:

- 190 «одиночек» работников-мужчин;
- 660 семей беженцев, общим составом в 2618 чел., в числе которых:
 - a) 668 работников-мужчин (25,5 %);
 - б) 1217 детей (46,5 %);
 - в) 743 прочих членов семей (28 %) [5, л. 78].

Работники-мужчины и дети здесь выделены в особую категорию, так как основу регистрации в условиях голода составляла проблема выдачи продовольствия: эвакуированные рабочие вливались в местное промышленное производство, где были повышенные пайки, дети же получали «прибавочные» продукты к своим пайкам (см. далее).

Общее число беженцев, прибывавших на ст. Иркутск в неорганизованном порядке, составляло 5443 чел. Обследование этого контингента губэваком не проводилось [Там же].

Эвакуированные лица, беженцы и репатрианты, прикрепленные к питательным пунктам иркутского губэвака, временно размещались в бараке около железнодорожной станции вместимостью на 300 чел. Барак был разделен перегородками на четыре

общежития. Согласно акту обследования общежитий для беженцев от 9 декабря 1921 г., все помещения содержались в относительной чистоте самими беженцами (грязными были только окна), температура воздуха была признана «нормальной». Все беженцы попадали в барак только после посещения бани и санитарной обработки на ст. Иннокентьевская. В первом общежитии размещались 60 чел. семейных татар из Казанской и Уфимской губерний. Второе общежитие было закрыто на карантин и санобработку после трех случаев заболевания тифом. В третьем общежитии проживало 100 чел. семейных, в основном прибывших из Самарской губернии. Размещались они на плотно расставленных нарах, в некоторой тесноте. Кроме того, в помещении были обнаружены клопы. В четвертом общежитии проживали 17 поляков, ожидавших предоставления мест в эшелоне, направляющемся в западные губернии, и 10 семей из Самары [5, л. 17]. Таким образом, по приблизительным подсчетам, эвакуированные из Самарской губернии составили около 150 чел.

В бараке была оборудована кухня, на которой беженцы готовили себе обед из выданных губэваком продуктов. Ежедневный паек состоял из следующих продуктов:

```
- 149,1 г мяса;
```

- **-** 153,36 г муки;
- 12,78 г соли;
- 4,26 г кофе;
- 3.4 г сала.

Кроме того, на детей выдавалось 15 г сахара и 3,4 г мыла 1 [5, л. 17]. Профессиональный состав работников мужчин (всего 858 чел.), поставленных на учет в горкоме Помгола, был следующий:

```
- горнорабочие – 2 чел. (0,23 %);
- камнеломы - 22 чел. (2,57 %);
- канцеляристы – 1 чел. (0,15 %);
- кладовщики – 1 чел. (0,15 %);
кузнецы – 3 чел. (0,35 %);
- овчинники – 2 чел. (0,23 %);
- пимокаты (валяльщики валенок) - 32 чел. (3,74 %);
– портные – 4 чел. (0,47 %);
- плотники – 12 чел. (1,4 %);
– пекари – 1 чел. (0,15 %);
```

¹ В оригинале данные приведены в золотниках.

```
– рабочие по снаряжению электрических лампочек – 2 чел. (0.23 \%);
```

```
- сапожники – 2 чел. (0,23 %);
```

- столяры 1 чел. (0,15 %);
- шапочники 2 чел. (0,23 %);
- хлебопашцы 204 чел. (23,83 %);
- чернорабочие 567 чел. (66,24 %) [5, л. 78].

Данные цифры прямо свидетельствуют о том, что органы Центрэвака четко и целенаправленно выполняли предписание п. II Декрета ВЦИК о первоочередной эвакуации «трудового элемента» [7]. Представители рабочих профессий составляют в общей сложности 76,22 % из числа эвакуированных лиц, трудовые крестьяне – 23,83 %. Указанные профессии также наглядно демонстрируют социальную принадлежность эвакуированных: это промышленные рабочие (горнорабочие, камнеломы), рабочие-кустари (овчиники, пимокаты, шапочники и т. д.), разнорабочие (чернорабочие) и крестьяне (хлебопашцы). Служащих в числе эвакуированных всего два чел. – канцелярист и кладовщик. Профессиональный состав эвакуированных, помимо прочего, указывает также на преимущественную эвакуацию городского населения.

Все беженцы и эвакуированные, имеющие профессию и способные трудиться, после постановки на пайковое довольствие в иркутском горкоме Помгола поступали в ведение иркутского Губтруда, который и распределял их на работы¹ [4, л. 2].

За то же время, с 3 августа до середины декабря 1921 г., через нижнеудинский эвакопункт иркутского губэвака проследовало 18 399 беженцев из голодающих губерний, прибывавших неорганизованным путем. Из них: 12 067 чел. взрослых и 6332 детей [4, л. 70]. На учет они не вставали, и данных по их питанию и профессиональному распределению не имеется.

Приведенные в статье документы Иркутского государственного архива позволяют сделать вывод о том, что государство пыталось организовать плановую эвакуацию голодающего населения. Экономическая разруха страны не позволяла проводить ее в полном масштабе, эвакуировалась крайне незначительная часть населения. Можно отметить то, что прежде всего эвакуации подлежали работники промышленности, которые должны были раз-

 $^{^{\}rm I}$ Протокол заседания Компомгола голодающим беженцам при иркутском губисполкоме от 4 августа 1921 г.

вивать промышленность на Востоке страны. Имеющиеся в распоряжении автора документы показывают, что в местах въезда эвакуированных им создавались благоприятные, исходя из реалий того времени, условия. История организованной, как и стихийной эвакуации, как уже отмечалось, требует дальнейшего изучения.

Список литературы

- 1. Голод в Средневолжском крае в 20-30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века: сб. док. / ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. 516 с.
 - 2. ГАИО. Ф. Р-10. Оп. 2. Д. 5.
 - 3. ГАИО. Ф. Р-10. Оп. 2. Д. 8.
 - 4. ГАИО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 186.
 - 5. ГАИО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 277.
- 6. Материалы по вопросу об эвакуации, как мере борьбы с голодом: совещание эвакоработников Востбазэвакпункта 21-23 марта 1922 года: [отчет]. Самара: Главэваквост, 1922. 71 с.
- 7. О планомерном выселении граждан из голодающих губерний: декрет ВЦИК от 28 июля $1921\, {\rm г.}\,//$ Собрание узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства, $1921.\, №\, 59.$

THE PROFESSIONAL COMPOSITION OF THE EVACUATED PERSONS FROM THE STARVING PROVINCES OF THE VOLGA REGION TO THE CITY OF IRKUTSK IN 1921-1922

G. G. TSIDENKOV

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara

Abstract. During the famine of 1921–23, which swept over vast areas of the country with large cities and industrial centers, occurred a mass evacuation of people from the affected areas to relatively food-safe provinces. The evacuation was both spontaneous and organized. The authorities, through the structures of the Central Commission for the Evacuation of the Population, evacuated primarily children, as well as skilled workers and their families, from starving areas. The article considers such an aspect of organized evacuation as the work of the Irkutsk provincial evacuation commission to receive refugees and evacuated families of workers from the starving provinces of the Volga region in 1921–23s. The article provides data on their number, professional composition, living conditions and nutrition.

Keywords: famine 1921–23, refugees, Irkutsk, Central Commission for the Evacuation of the Population, evacuation.

Циденков Григорий Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент, кафедра отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-гуманитарный университет, г. Самара, Россия, e-mail: gcidenkov@yandex.ru

Tsidenkov Grigory Gennadievich - Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Russian History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, e-mail: gciden-kov@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Н. ЧЕРЕПАНОВА, Г. В. ЛОГУНОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается государственная политика Российской Федерации в сфере высшего образования, исследуются задачи совершенствования системы высшего образования на региональном уровне и способы их решения.

Ключевые слова: государственная политика, высшее образование.

На современном этапе система высшего образования в Российской Федерации настойчиво пытается занять ведущие позиции на мировой арене (например, МГУ им. Ломоносова входит в сотню лучших университетов мира, согласно международному рейтингу QS World University Rankings 2018/2019) [9].

В современном мире высшее образование рассматривается как определяющий фактор социального, политического и экономического прогресса, поскольку важнейшей ценностью современного общества является человек, способный получать новые знания, принимать нестандартные решения. Сегодня в мире реализуется наукоемкая, высокотехнологичная и инновационная экономика. Этот процесс меняет содержание и характер трудовой деятельности, которая нуждается в работниках нового уровня, что повышает требования к подготовке специалистов. Экономическую функцию высшего образования можно охарактеризовать как подготовку молодежи к будущей профессиональной деятельности в соответствии с потребностями общества в работниках определенного уровня квалификации, а экономическая эффективность высшего образования определяется в зависимости от способности покрытия этого спроса. Общество меняется, усложняется его структура, осуществляется научно-технический прогресс, увеличивается объем информации, и это все усложняет жизнь человека, в том числе и процесс обучения. В настоящее время по некоторым инженерным направлениям подготовки специалистов переподготовка требуется чуть ли не раз в два года, когда к началу прошлого века специалисту хватило бы знаний на весь его трудовой путь. Без должных основ интегрироваться в общество неокрепшему индивиду в таких условиях тяжело. Для выпускников вузов это настоящий вызов. Современному специалисту необходимо иметь широкие навыки применения передовых информационных технологий. Сегодня для большинства вакансий на рынке труда в обязательном порядке требуется знание работы с компьютером, в то время как лет тридцать назад об этом даже и не думали.

Необходимо отметить, что практически все развитые страны проводили масштабные реформы своих систем образования, вкладывая в них значительные средства. Реформы высшего образования стали важнейшей составной частью государственной политики, так как государства стали осознавать, что уровень высшего образования определяет будущее страны. Такое положение дел привело к решению правительства России о модернизации высшего образования в стране, в частности о вступлении страны в Болонский процесс. Сегодня перед системой высшего образования встают задачи, связанные не только с удовлетворением текущих потребностей экономики страны в квалифицированных кадрах, но и с интеграцией в европейское и мировое образовательное пространство [5].

В 2012 г. президент Российской Федерации подписал серию майских указов, среди которых был Указ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». В июле 2012 г в Государственную Думу был представлен проект Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В результате была усовершенствована законодательная база Российской Федерации в области образования.

В рамках исполнения государственных программ, для проведения единой государственной политики правительство Российской Федерации было поставлено перед необходимостью решения таких важных задач в сфере высшего образования, как повышение эффективности деятельности вузов, повышение их конкурентоспособности среди ведущих научно-образовательных центров мира, повышение уровня финансового обеспечения студентов. Основные направления реализации государственной политики в сфере профессионального образования и профессионального обучения подробно прописаны в докладе правительства Федеральному собранию Российской Федерации [2].

В докладе сказано, что государственная политика в сфере высшего образования направлена на повышение доступности, конкурентоспособности, качества и открытости высшего образования, а также указаны направления, по которым идет реализация государственной политики в сфере образования, в том числе и высшего.

Сегодня современный человек в сфере своих личных достижений считает факт получения высшего образования очень важным элементом в своей жизни. Ни для кого не секрет, что в университеты поступает около 90 % выпускников школ, что значительно выше, чем это было в советское время. За последнее время статус высшего образования серьезно повысился в современном мире и в нашей стране.

Однако численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в 2015/2016 гг., значительно упала по сравнению с 2011/2012 гг. и составила 4 766 500 студентов на начало учебного года. В 2011/2012 гг. эта цифра составляла 6 490 000 студентов [8]. Эта тенденция продолжается. Ключевым механизмом обеспечения доступности высшего образования является формирование объемов и структуры контрольных цифр приема на обучение за счет бюджетных средств. Не менее чем 800 абитуриентов на каждые 10 тыс. чел. в возрасте от 17 до 30 лет имеют право получить бюджетное место в государственном вузе. На протяжении последних пяти лет каждый второй выпускник школы имеет возможность поступить на бюджетное место в университете, на каждые сто выпускников школы приходится 57 бюджетных мест на первых курсах в вузах [2].

Данные исследования «Доступность высшего образования в регионах России» [3], проведенного в 2016 г. Высшей школой экономики (г. Москва), показывают, что охват молодежи в возрасте 17–25 лет программами высшего образования в Иркутской области составляет 32,1, и среди других регионов Российской Федерации Иркутская область занимает 28–29-е место. Для сравнения: общий показатель в России составляет 32,9. Самыми высокими показателями обладают Курская область (49,6), г. Москва и Московская область (49,2), Томская область (46,4) и г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (43,1). Высокий охват высшим образованием в Курской области, где обучаются примерно 1 % всех студентов в России, объясняется сравнительно большой сетью вузов с учетом численности населения региона. В Курской области расположены 14 вузов, их контингент варьируется от 380 до 6100 студентов.

Повышение конкурентоспособности российского образования в первую очередь связано с реализацией проекта по осуществлению государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспо-

собности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, а создание университетских центров инновационного, технологического и социального развития в регионах планируется на базе опорных вузов.

Создание опорных вузов должно сделать регионы Российской Федерации более привлекательными для получения высшего образования, способствовать оттоку абитуриентов из столиц и удержанию выпускников общеобразовательных учреждений в регионах. В 2018 г. в Российской Федерации создан 51 опорный вуз (из запланированных 100). В списке опорных вузов присутствует только Иркутский национальный исследовательский технический университет (один из 29 в Российской Федерации), расположенный на территории Иркутской области. На территории Восточной Сибири есть еще один вуз из списка опорных - Сибирский федеральный университет (один из 10). Вряд ли одного вуза, достойного внимания федеральной власти, достаточно финансируемого, хватит для того, чтобы переломить ситуацию с сохранением в регионе выпускников общеобразовательных учреждений, сделать регион конкурентоспособным для получения высшего образования. Кроме того, ИрНИТУ готовит выпускников в основном технических направлений, но региону необходимы и гуманитарии, и специалисты в сфере естественно-научных направлений.

В настоящее время система высшего образования в Иркутской области включает в себя 25 вузов: 9 головных образовательных организаций, 4 филиала образовательных организаций, расположенных на территории региона, 9 филиалов образовательных организаций, а также 3 негосударственных образовательных организации. Среди вузов – Иркутский государственный университет – старейший вуз Восточной Сибири, классический университет, обладающий значительным научно-педагогическим потенциалом, объективно способный стать опорным вузом региона.

Важным приоритетом государственной политики является обеспечение условий формирования качественного образовательного контента. В связи с этим продолжена работа по актуализации и приведению федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) в соответствие с требованиями действующего законодательства и профессиональных стандартов [2].

Однако стоит оговориться, что стандартизация образования – вещь немного сомнительная. Образовательные стандарты высшего образования применяются для понимания друг друга специа-146 листов одной специальности, окончивших разные университеты, поскольку, согласно ФГОС ВО, ровно половина предметов, изученных выпускниками данной специальности, должна быть одинакова вне зависимости от университета, а вторая половина читаемых предметов – формируется исходя из интересов факультета. В то же время говорить о том, что введение новых образовательных стандартов приведет к негативным последствиям для высшего образования, еще рано. Ответ на этот вопрос можно будет получить только после первого выпуска специалистов, обучающихся по программам ФГОС 3++. В текущем году осуществился первый набор студентов, которые будут обучаться по новым образовательным стандартам высшего образования.

Еще одним важным направлением реализации государственной политики в сфере высшего образования является обеспечение открытости и прозрачности системы высшего образования. Ежегодно, начиная с 2012 г., Минобрнауки проводит мониторинг эффективности деятельности вузов. Система проведения мониторинга постоянно совершенствуется, корректируются его показатели. В 2017 г. в перечень мониторинга включены показатели по созданию условий для получения высшего образования лицами с ограниченными возможностями здоровья [7].

В 2012 г. мониторинг проводился по пяти критериям, по состоянию на 2018 г. он насчитывает семь показателей. В них входит: «Образовательная деятельность», «Научно-исследовательская деятельность», «Международная деятельность», «Финансово-экономическая деятельность», «Заработная плата профессорско-преподавательского состава», «Трудоустройство» и «Дополнительный показатель».

Вуз считается успешным, если как минимум половина оцениваемых показателей выше пороговых. Информация об итогах проведения мониторинга находится в открытом доступе, и ее можно найти на сайте Главного информационно-вычислительного центра [1].

Не совсем понятно, для чего проводится мониторинг. Если для того, чтобы обеспечить открытость и прозрачность высшего образования, – это одно. Однако на деле мониторинг стал инструментом «борьбы» с так называемыми неэффективными вузами, инструментом процесса сокращения количества вузов. Действительно, за 2014–2017 гг. количество вузов и филиалов в России сократилось на 52 % (с 2268 до 1171), в том числе государствен-

ных – на 15 % (с 567 до 484), негосударственных – на 53 % (с 371 до 178), филиалов – на 62 % (с 1330 до 509) [4].

В 2017 г. проведен мониторинг трудоустройства выпускников вузов с использованием данных о 1,3 млн выпускников 2015 г., предоставленных Пенсионным фондом и Рособрнадзором. Информация о результатах мониторинга находится в общем доступе и размещена на сайте Минобрнауки.

Немаловажным направлением государственной политики в сфере высшего образования является стипендиальное обеспечение и социальная поддержка студентов. Структуру стипендиального обеспечения студентов вузов составляют государственная академическая стипендия; государственная социальная стипендия; государственные стипендии аспирантам, ординаторам, ассистентам-стажерам; стипендии Президента Российской Федерации и стипендии Правительства Российской Федерации; именные стипендии; стипендии обучающимся, назначаемые юридическими или физическими лицами, в том числе направившими их на обучение; стипендии слушателям подготовительных отделений [2].

Размер стипендиального фонда определяется исходя из общего числа обучающихся бюджетников по очной форме обучения, в соответствии с Правилами формирования стипендиального фонда за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и нормативами, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации № 1390 от 17 декабря 2016 г. «О формировании стипендиального фонда», по каждому уровню профессионального образования и категориям обучающихся. В соответствии с Постановлением государственная академическая стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, составляет 1484 руб. в месяц, социальная стипендия – 2227 руб. в месяц.

Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» от 19.12.2016 № 415-ФЗ предусмотрена индексация стипендиального фонда: с 1 сентября 2017 г. – на 5,9 %, с 1 сентября 2018 г. – на 4,8 %, с 1 сентября 2019 г. – на 4,5 %

Одна из приоритетных задач Министерства образования Иркутской области состоит в том, чтобы выпускники вузов и молодые специалисты оставались в нашем регионе. В целях содействия формированию и развитию талантливой молодежи, ее закреплению в вузах в 2018 г. правительством Иркутской области было принято решение о ежемесячной выплате лучшим выпускникам 148

образовательных учреждений. По итогам отбора 211 чел., имеющих почетный знак «Золотая медаль за высокие достижения в обучении» или 100 баллов по результатам одного их ЕГЭ, получают денежную выплату в размере 5000 руб. из средств регионального бюджета. Выплата осуществляется в течение трех лет обучения при условии, что получатель выплаты ежегодно подтверждает хорошие результаты обучения и достижения в научноисследовательской деятельности.

В 2018 г. проведена Первая открытая региональная межвузовская олимпиада школьников Иркутской области «Золотой фонд Сибири», в которой приняли участие 1480 учащихся из Иркутска, Слюдянки, Нижнеудинска, Ангарска, Шелехова, Зимы и других городов области, а также представители Республики Казахстан. Победители получают дополнительные баллы при поступлении в вузы-организаторы, что является преимуществом для абитуриентов и весьма действенным механизмом по профориентации обучающихся образовательных организаций Иркутской области. Специфика проекта состоит в том, что результаты олимпиады засчитываются приемными комиссиями вузов-организаторов в одинаковых условиях.

Кроме того, на сегодняшний день также проводится чемпионат Worldskills как на уровне среднего профессионального, так и высшего образования. Целью данного мероприятия является повышение престижа рабочих профессий и профессионального образования путем гармонизации лучших практик и профессиональных стандартов. Также самые выдающие студенты, отличившиеся в научно-исследовательской или инновационной деятельности, могут претендовать на получение именной стипендии губернатора Иркутской области.

Что касается интеграции науки и образования, то в рамках реализации государственного задания вузам и научным организациям, находящимся в ведении Министерства науки и высшего образования России, осуществляется ряд мероприятий. В 2018 г. инновационным фондом развития проводился конкурс «СТАРТ-НТИ», целью которого является поддержка НИОКР в целях реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы. Размер гранта – до 3 млн руб. В 2018 г. всего на конкурс поступило 214 заявок по 8 «дорожным картам» НТИ, из них 19 заявок были не допущены до конкурса по формальным критериям. 148 заявок не рекомендованы для поддержки с учетом результатов заочной экспертизы и очного экс-

пертного жюри. Были рекомендованы к финансированию 47 заявок. Однако среди общего количества заявок ни один вуз Иркутской области не был найден [6].

На сегодняшний день существующая президентская программа поддержки молодых ученых, как делающих первые шаги, так и успешно реализующих научную карьеру, остается востребованным, эффективным и важным инструментом. На конкурс президентских грантов в 2019 г. было подано 2460 заявок от молодых ученых со всей России в разных областях наук, преимущественно в области знаний «общественные и гуманитарные науки». Победителями конкурса стали 400 докторов и кандидатов наук, один из которых – научный сотрудник лаборатории исторической и политической лаборатории, кандидат социологических наук Д. М. Тимошкин.

В рамках реализации основных направлений государственной политики в сфере высшего образования можно выделить основные проблемы этого процесса, их можно условно разделить на два уровня: государственный и региональный. На федеральном уровне имеет смысл говорить о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы высшего образования, о противоречивом статусе пребывания в Болонском процессе, о низких зарплатах профессорско-преподавательского состава, реорганизации системы руководства образовательным процессом на уровне государства, образовательных стандартах высшего образования. Есть проблемы, которые можно решить совместными усилиями, например проблема финансирования.

Однако есть среди проблем вполне решаемые и на уровне региона. Для их решения необходимо создание концепции развития высшего образования нашего региона. Разговоры о создании такой концепции ведутся начиная с 2007 г., ее разработкой занимался департамент инновационной деятельности, науки и высшей школы, но концепции не существует и по сей день. Вложение в образование – долгосрочная инвестиция в развитие общества, результаты которой можно будет увидеть не менее чем через десяток лет. Наличие у населения высшего образования определяет общий уровень культуры в обществе, степень развития научнотехнического прогресса страны.

Список литературы

- 1. Главный информационно-вычислительный центр. URL :https://miccedu.ru
- 2. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образо-

- вания. M., 2018. URL: http://static.government.ru/media/files/i6yH0TiCpoJ6dcd0z ebKpxcts8ttFE42. pdf (дата обращения: 12.03.2018).
- 4. Количество высших учебных заведений в России. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/presentations/akkred/Sadov.pdf (дата обращения: 21.06.2019).
- 5. Куприянов Р. В., Виленский А. А., Куприянова Н. Е. Болонский процесс в России: специфика и сложности реализации // Вестник Казанского технологического университета. 2014. С. 412-416. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/ bolonskiy-protsess-v-rossii-spetsifika-i-slozhnosti-realizatsii (дата обращения: 21.04.2019)
 - 6. Национально-техническая инициатива. URL: http://www.nti2035.ru.
- 7. О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования: приказ Министерства науки и высшего образования от 22 марта 2018 г. № 204. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc& base=EXP&n=717465#008184274445695161 (дата обращения: 20.04.2019).
- 8. Образование в цифрах: 2017 : краткий стат. сб. / Д. Р. Бородина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 80 с. URL: https://www.hse.ru/data/2017/11/24/1160886583/ОС %202017.PDF (дата обращения: 23.01.2019).
- 9. Educationindex образование за рубежом. URL: https://www.educationindex.ru (дата обращения: 01.06.2019).

MAIN DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION AT THE REGIONAL LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

A. N. CHEREPANOVA, G. V. LOGUNOVA Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The state policy of the Russian Federation in the field of higher education is considered, the problems of improving the system of higher education at the regional level and ways to solve them are investigated.

Keywords: publicpolicy, highereducation.

Черепанова Александра Николаевна - магистрант, Юридический институт, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: alexandralisitsa@gmail.com

Cherepanova Alexandra Nikolaevna - Undergraduate, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: alexandralisitsa@gmail.com

Логунова Галина Викторовна - кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Logunova Galina Viktorovna – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: logunova@admin.isu.ru

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

УДК 32:141.132

CONSPIRACY THEORIES AND FORECASTING. A CONTRIBUTION TO THE DISCUSSION

Ł. DONAJ, K. DUDA

Adam Mickiewicz University, Poznań

Abstract. Forecasting is, among others, an attempt to find certain regularities, specific algorithms that rule the world. Knowing them, it would be easier for us to look into the future. In science, we look for a balance between information and theory. However, our theory may contain cognitive errors. As much as possible in such a short work, the authors of this article try to present the phenomenon of the 'conspiracy theories', which include many cognitive errors. Although these errors might affect the assessment of historical events, they sometimes are the basis for explaining the present and creating a vision of the future.

Keywords: conspiracy theory; futurology; rationality

As A. Sepkowski indicates, forecasting is usually equated with predicting the future in its various aspects. However, we associate forecast with not some probabilities in tomorrow, but specific events that will occur with more or less certainty on the timeline. We can reliably predict the future when we use the verified scientific methods and tools. We can do it rationally as well when we rely on experience without using scientific methods. Nevertheless, sometimes we also use methods of irrational recognition when we rely on fortune-telling, prophecy, ordinary intuition, and conclusions we draw on this basis are not necessarily false more often than rational [44, p. 65]. Forecasting is understood as predicting based on specific trustworthy data. Futurology, in turn, is the science of predicting the future. The purpose of scientific forecasting to show a vision (model) of the future in the

most probable way that the phenomenonunder investigation will develop, including the directions and dynamics of its develop-ment. In the course of forecasting, we also aim to determine the conditions for the evolu-tion of the analysed phenomenon. A forecast prepared for this purpose must take account of the known relationships, types, and intensity of external influences and internalchanges expected in the development of the phenomenon [50, p. 1]. The termforecastshould be understood as 'a judgment based on scientific research practices, re-lating to a specific future, not the future in general; verified empirically; uncertain, yet ac-cepted, or reliable, credible, and plausible' [13, p. 7; 22, p. 7].

As rightly noted by Stryjski, forecasting social phenomena can, in many ways, bedifficult. The reason is that it is the nature of these phenomena to be closely and multilat-erally linked with physical, biological, and other social phenomena. Thus, making judge-ments about the future course of social phenomena, which, unlike physical phenomenabased on 'strong' science, are dependent on a large number of factors with varying de-grees of stability, is a complex task. It should also be added that it is rarely possible tocarry out experiments on a social phenomenon. All this makes the basis for predicting thefuture course of social phenomena weak – in this case, the forecast itself is a social phenomenon that, together with others, may influence forecasting in various ways [51, p. 30–32]. Predicting social phenomena (especially in a global sense) is hindered (limited) by:

- 1. The qualitative character of social science laws (formulated at a high degree of generality)
- 2. The Oedipus effect predicting triggers action that accelerates the predicted effect.
- 3. The syndromatic nature of social phenomena the phenomena that we study occur incertain wholes, often heterogeneous. Man and his behaviour as the object of study isa bio-psycho-socio-cultural being, so his behaviour is guided by genes, brain, and education (culture). The premise of predictions has to be laws of different nature, such as anthropology, psychology, sociology, and philosophy;
- 4. The evolving nature of socialreality the reality we live in is changing radically. The demands of history require thatnew general knowledge be complemented by new information about new epochs. Therefore, general knowledge has little relevance, in itself it must be saturated with new information. Consequently, in order to continue to predict, new concrete historical knowledgemust be taken into account [13, p. 7; 33].

Forecasting is also an attempt to find certain regularities, specific algorithms that rule the world. Knowing them, it would be easier for us to look into the future. In science, we look for a balance between information and theory. However, our theory may contain cognitive errors. Therefore, it may be challenging to account for why people believe in various strange things, and why they draw upon them to formulate some conclusions on the present and future [43].

Various conspiracy theories are literally packed with these cognitive errors. The body of scholarship on this issue is rather scarce. Great caution can be seen in undertaking research on conspiracy theories, and the reasons for this are various and complex. As the reasons for this state of affairs, J. Vankin and J. Whalen pointed out:

- Conflicting interests. Conspiracy theories, in a way by their nature, attack recognized authorities. One may expect that people with such authority will also respond with an attack.
- Laziness. It is not easy to learn the truth about any conspiracy. After all, it is much easier to rewrite press reports and remain in the comfortable belief that if someone returned to this topic, you would rely on open-access sources.
- Amateur psychoanalysis. It draws on rejecting conspiracy theories without delving into them, settling only for pointing out the alleged problems harassing their followers. Unfortunately, many highprofile conspiracy theorists do little to challenge this unfavorable stereotype. Nevertheless, the home Freudists rarely admit that their own views also have deeply hidden psychological motivations. Furthermore, it does not make you feel positive that one day something you know may turn out to be mistruth.
- Total pressure. Since most reporters, political analysts, and politicians themselves run away from conspiracy theories, they rarely decide to break out of the line, turn their necks and, as a result, take the risk of losing acceptance of others.
- Stereotypes. In 1994, there was much confusion about the proposal to exclude playmaker Steve "Lefta" Carlton from the basketball "Team of Stars" for his statement in the magazine "Philadelphia" that the twelve Jewish bankers who met in Switzerland exercised power over the world. Obviously, superstitions and stereotypes of thinking of various environments are behind this faithful nonsense. The existence of this type of unfortunate declarations, however, seems to unfairly

discredit other, more sensible conspiracy interpretations of events that do not make a scapegoat of any ethnic or religious community.

- Blind faith in democracy. There is a widespread belief that the American government protects citizens against injustice, corruption, and conspiracies that can occur in other, mainly less developed countries.
- By force of habit. Many conspiracy theories address the darker side of human nature and show those who are commonly held in high esteem in an unfavorable light. Instinctively, we reject these views because we feel better and safer with the conviction of our own and others' decency.
- Conspiracies! Let us suppose, however, that something happens. After all, the conspirators will not try to plead guilty, even if someone finds a trace of their involvement in the plot [56, p. 10–11].

Nevertheless, this does not mean that there is no scientific research on this phenomenon. The first problem is to create a good definition of "conspiracy theory". The existing definitions were reviewed by the authors of the publication "Understanding Conspiracy Theories". First, according to these authors, "conspiracy" is a secret plot by two or more powerful actors [27; 40]. Conspiracies typically attempt to usurp political or economic power, violate rights, infringe upon established agreements, withhold vital secrets, or alter bedrock institutions. This definition goes beyond simple criminal conspiracies, such as conspiring to rob a corner shop. Conspiracies such as the Watergate scandal do happen, but because of the difficulties inherent in executing plans and keeping people quiet, they tend to fail [19; 21; 27; 41]. When conspiracies fail - or are otherwise exposed - the appropriate experts deem them as having actually occurred [30]. "Conspiracy theories" are attempts to explain the ultimate causes of significant social and political events and circumstances with claims of secret plots by two or more powerful actors [1; 5; 7; 10; 27]. While often thought of as addressing governments, conspiracy theories could accuse any group perceived as powerful and malevolent. Conspiracy theories about the 9/11 terror attacks accuse the Bush administration, the Saudi Government, corporations, the financial industry, and the Jews; conspiracy theories about climate change accuse scientists, communists, the United Nations, Democrats, the government, and the oil industry among others. While a conspiracy refers to a true causal chain of events, a conspiracy theory refers to an allegation of conspiracy that may or may not be true. For a history of the term, see McKenzie-McHarg [35; 53], and for a critique of its usage, see Walker [53; 57]. Another term we will use throughout this review - "conspiracy belief" - refers to belief in a specific conspiracy theory or set of conspiracy theories. Many of the social scientific studies on conspiracy theories focus on beliefs about the assassination of President John F. Kennedy [34], the death of Diana, Princess of Wales [15], 9/11 "Truther" theories [29; 49], "chemtrail" conspiracy theories [52], and theories about Barack Obama's citizenship [17]. Other studies have looked at beliefs that are less specific about the plot but accuse groups of conspiring more generally [19; 48]. Another suggestion made more recently by scholars is that there may be such a thing as a tendency toward "conspiracy thinking, " or a general "conspiracy mindset" [4; 25; 38; 54]. This idea largely stems from the finding that people who already believe in particular conspiracy theories are likely to believe in others [20], even unrelated ones [58]. This may indicate an underlying tendency for some people to prefer conspiracy explanations because of a bias against powerful disliked groups and official accounts [26; 58]. Other terms used to refer to this idea include "conspiracy predispositions", "conspiracist ideation", "conspiracy ideology", "conspiracy mentality", and "conspiracy worldview". Finally, the term "conspiracy theorist" refers to a variety of concepts in both popular usage and in the literature. For some, the term refers to a person who believes in a particular conspiracy theory or has a strong tendency toward conspiracy thinking. It is sometimes used more specifically to denote a person who propagates conspiracy theories professionally (e. g., Alex Jones, David Icke) or to people who advocate strongly for a conspiracy theory, such as former Florida Atlantic University Professor James Tracy who claims that the 2012 killings at the Sandy Hook elementary school in Connecticut in the United States were a hoax, or Piers Corbyn - brother of UK Labour Party Leader Jeremy Corbyn - who claims that climate science is a fraud. We avoid this term in this review in exchange for more precise language [16].

It is important for scholars to define what they mean by "conspiracy theorist" and "conspiracy theory" because – by signaling irrationality – these terms can neutralize valid concerns and delegitimize people [24; 36; 39]. These terms can thus be weaponized, and because of this, people often deny that their ideas are conspiracy theories even though they clearly qualify. Politicians sometimes use these terms to deflect criticism because it turns the conversation back onto the accus-

er rather than the accused [7; 23]. The exact effect the term "conspiracy theory" and its variants have is open for debate. Some people are clearly repulsed by these terms, while others are attracted to them [59]. Nonetheless, conspiracy theories are a controversial subject [2; 18; 47] which can arouse passions both in and out of academia [8; 16; 31].

Conspiracy theories «account for» historical events, and simultaneously they are the basis for explaining the present and creating a vision of the future. There are many of these theories, for example: theories exposing the despicable actions of the Federal Reserve Bank, New World Order, the Trilateral Commission, the Council on Foreign Relations, Skull and Bones, a secret society at Yale University, the Knights Templar, Masonic Lodges, the Illuminati, the Bilderberg Group, the Rothschilds, the Rockefellers, and the Elders of Zion [45, p. 79]. As noted by Michael Shermer [37; 45, p. 79; 46], any theory of this kind should not be rejected a priori, because in the real world from time to time conspiracies do occur. However, one should look for signs that a conspiracy theory is not true. These are:

a. Evidence of a conspiracy theory is supposedly to be found by linking events that are generally not in any way causally related. When nothing confirms any linkage, apart from the allegations, or when the data fit well into different sequences of cause and effect or purely random events, a conspiracy theory is probably false.

b. The participants in a conspiracy would have to have an almost superhuman ability to be able to achieve its goals. People usually do not have as much influence as they are assigned.

- c. A conspiracy is extremely complex, and its success would require coordination of a huge number of elements.
- d. Similarly, a conspiracy involves a lot of people who would have to maintain absolute secrecy. The greater the number of people at stake, the more questionable the plot.
- e. Conspirators set for themselves a very ambitious goal of obtaining power over the state, economy, or political system. The theory is even less likely when it is power over the whole world.
- f. A conspiracy theory, coming from small events that just might be true, predicts events on a larger scale, much less likely.
- g.A conspiracy theory assigns portentous significance to innocent events of little importance.

h.A theory tends to mix fact and speculation and does not distinguish them from one another, it does not determine the degree of probability or reliance on facts either.

- i. The conspiracy theoretician blindly makes accusation against all possible government agencies and private organizations, which suggests the inability to distinguish between real and alleged conspiracies.
- j. The conspiracy theoretician refuses to consider alternative explanations, rejecting all inconvenient data, and acknowledges facts supporting only what they consider the truth [14, p. 61–69; 45, p. 79].

Conspiracy theories can, like memes, spread quickly when they fall on fertile ground [11, p. 117-131]. What can be such a ground? M. Kovic and T. Füchslin researched this problem. They formulated hypotheses that these conspiracy theories that might have been alternative explanations for events and states of affairs would have enjoyed widespread popularity: 'We test one possible explanation for why people are prone to conspiratorial thinking: We hypothesize that conspiratorial thinking as an explanation for events increases as the probability of those events decreases. In order to test this hypothesis, we have conducted five experiments in which participants were exposed to different information about probabilities of fictional events. The results of all experiments support the hypothesis: The lower the probability of an event, the stronger participants embrace conspiratorial explanations. Conspiratorial thinking, we conclude, potentially represents a cognitive heuristic: A coping mechanism for uncertainty' [more: 28].

When discussing conspiracy theories, one should pay attention to the aforementioned apparent rationality of these theories to explain the cause-and-effect sequence. The philosopher J. L. Mackie termed causality the "cement of the universe." By this, Mackie meant that causality is a force, real or imagined, that links events together in people's minds, and enables people to understand and respond to relations between events. The events that conspiracy theories typically seek to explain are not entirely random or unrelated to other events. Natural disasters, diseases, personal deaths and tragedies, election results, and socio-political circumstances do not occur in a causal vacuum but are enmeshed in a complicated matrix of causes. Nonetheless, even though conspiracy thinking takes place in contexts where events are seldom entirely random, it appears to be characterized by a willingness to draw imaginary causal connections between events [more: 32; 55].

As famous polish political scientist - Professor Andrzej Chodubski indicated: 'forecast of future is an important research challenge. It's dictated by life's theory and practice as well, and especially - the need of preparing human activity to changing reality of socio-economic and political life. Visions of future constitute relevant incentive activating every point striving for implementation of given aims, aspirations; it allows to analyze contemporary reality substantively and objectively, not only with presence in mind, but primarily with closer and further time horizon'. In his opinion, scientific forecast is always connected with analysis of given reality, which building blocks are:

- 1. Revealing development regularities being defined and occurring.
- 2. Determination of significant value factors, which create development regularities of international relations.
 - 3. Estimation of further development's conditions and assumptions.
 - 4. Phrasing at the same time brave and real future aims.

Analysis should be held comprehensively, i. e. there should be indicated phenomena, subjections, connections, conjunctions, influences etc. [6]. Starting point in forecasting is usually experience, observation, common sense, intuition and authority figure. These components cannot be overestimated or underestimated. In this respect trust and suspiciousness constitute significant issue [3; 6; 12, p. 41–42]. They usually result from the belief that the official or widely accepted version of circumstances or events is not valid, and the truth is hidden by people or organizations with an underlying purpose. Some of these theories have existed for centuries. However, in the age of the internet and mass communication, they are much easier to spread [42]. Thus, on the one hand, the theories may easily infect more followers. On the other hand, by using common sense, skepticism, and reliable methodology, one may find it easier to refute them... or... confirm. The aforementioned scientific skepticism means that we ask ourselves whether a theory is true or not, without knowing the answer. The problem, however, is that our scientific hesitation is often considered an 'argument for' to accept a theory as valid and formulate conclusions and forecasts on this contaminated basis.

Bibliography

- 1. Aaronovitch D. Voodoo histories: The role of the conspiracy theory in shaping modern history. New York : Riverhead Books, 2010. $388 \, \mathrm{p}$.
- 2. Bjerg O., Presskorn-Thygese T. Conspiracy theory: Truth claim or language game?. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263276416657880 (date of access: 25.02.2020).

- 3. Bodio T., Chodubski A. O prognostyce w politologii. URL:http://biblioteka.oapuw.pl/wp-content/uploads/2013/03/bodio-chodubski-o-prognostyce-w-politologii.pdf (date of access: 25.02.2020).
- 4. Brotherton R., French C. C., Pickering A. D., Measuring belief in conspiracy theories: The generic conspiracist beliefs scale. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg, 2013.00279/full (date of access: 25.02.2020).
- 5. Byford J. Conspiracy theories: A critical introduction, Basingstoke. United Kingdom: Palgrave MacMillan, 2011.
- 6. Chodubski A. Prognostyka jako wyzwanie metodologiczne w badaniu stosunków międzynarodowych // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin Polonia. Vol. XVI, 2 sectio k. URL:https://pbn.nauka.gov.pl/polindexwebapp/browse/article/article-fa159ad7-94e2-42a5-ab8b-d047af56dfd4 (date of access: 25.02.2020).
- 7. Coady D. Conspiracy theories: The philosophical debate. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?title=Conspiracy+Theories:+the+Philosophical+Debate &author=D+Coady&publication_year=2006& (date of access: 25.02.2020).
- 8. Cullen J. T. Communication with the public about the Fukushima Dai-ichi disaster. URL: https://books.google.pl/books?id=eUVvDwAAQBAJ&pg=PA135&lpg=PA135&dq=cullen+Communication+with+the+public+about+the+Fukushima+Dai-ichi+disaster&source=bl&ots=RPd1H-iy34&sig=ACfU3U3bSSzr7CpNPkiHV70FR670N mkfUQ&hl=pl&sa=X&ved=2ahUKEwivn-Ce2-3nAhXR-KQKHWCEA3wQ6AEwAHo ECA0QAQ#v=onepage&q=cullen %20Communication %20with %20the %20public %20 about %20the %20Fukushima %20Dai-ichi %20disaster&f=false (date of access: 25.02.2020).
- 9. Dai Y., Handley-Schachler M. A fundamental weakness in auditing: The need for a conspiracy theory. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212567115010746?via %3Dihub (date of access: 25.02.2020).
- 10. Dentith M. R., Orr M. Secrecy and conspiracy. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/episteme/article/secrecy-and-conspiracy/4A9A8CB9AD858835E532956380E9E0B4 (date of access: 25.02.2020).
- 11. Donaj Ł., Barańska M. Memetics and Political Science. Chosen problems // PolitBook. 2013. No. 2. P. 117–131.
- 12. Donaj Ł. Deterministic chaos theory and forecasting in Social Sciences. Contribution to the discussion // Przegląd Politologiczny. 2018. No. 1. P. 21–48.
- 13. Donaj Ł. Futurology and Heuristics (with Posthumanities in the Background). Selected Aspects // Przegląd Politologiczny. 2013. No. 3. P. 7–26.
- 14. Donaj Ł. Think Tanks: Between Action for the Public Good and the Independent (?) CreationofFutureTrends // Современное государство в условиях глобализации: институты, процессы, технологии: материалы Международного научно-практического круглого стола, Москва, 24–25 апреля 2013 г. / ред. С. А. Степанов. М.: МАКС Пресс, 2013. Р. 61–69.
- 15. Douglas K. M., Sutton R. M. The hidden impact of conspiracy theories: Perceived and actual influence of theories surrounding the death of Princess Diana. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3200/SOCP.148.2.210-222 (date of access: 25.02.2020).
- 16. Understanding Conspiracy Theories / K. M. Douglas, J. M. Uscinski, R. M. Sutton, A. Cichocka. URL: https://www.researchgate.net/publication/331930586_Understanding_Conspiracy_Theories (date of access: 25.02.2020).
- 17. Enders A. M., Smallpage S. M., Lupton R. N. (in press), Are all "Birthers" conspiracy theorists? On the relationship between conspiratorial thinking and political orientations. URL: https://www.cambridge. org/core/journals/british-journal-of-

- political-science/article/are-all-birthers-conspiracy-theorists-on-the-relationship-between-conspiratorial-thinking-and-political-orientations/70614D767A0ACD0D52DC918567A18159 (date of access: 25.02.2020).
- 18. Enders A. M., Smallpage S. M. Polls, plots, and party politics: Conspiracy theories in contemporary America. URL: https://www.researchgate.net/publication/329819138_Polls_Plots_and_Party_Politics_Conspiracy_Theories_in_Contemporary_America (date of access: 25.02.2020).
- 19. Furnham A. Commercial conspiracy theories: A pilot study. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2013.00379/full (date of access: 25.02.2020).
- 20. Goertzel T. Belief in conspiracy theories. URL: https://www.jstor.org/stable/3791630?origin=crossref&seq=1 (date of access: 25.02.2020).
- 21. Grimes D. R. On the viability of conspiratorial beliefs. URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10. 1371/journal.pone.0147905 (date of access: 25.02.2020).
- 22. Guzik B., Appenzeller D., Jurek W. Prognozowanie i symulacje. Wybrane zagadnienia, Poznań, 2004.
- 23. Hall P. M., Hewitt J. P. The quasi-theory of communication and the management of dissent. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10. 1111/pops. 12285 (date of access: 25.02.2020).
- 24. Harambam J., Aupers S. "I am not a conspiracy theorist": Relational identifications in the Dutch conspiracy milieu. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10. 1177/1749975516661959 (date of access: 25.02.2020).
- 25. Imhoff R., Bruder M. Speaking (un-) truth to power: Conspiracy mentality as a generalised political attitude. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10. 1002/per. 1930 (date of access: 25.02.2020).
- 26. Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine-grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10. 1002/ejsp. 2494 (date of access: 25.02.2020).
- 27. Keeley B. L. Of conspiracy theories. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1084585 (date of access: 25.02.2020).
- 28. Kovic M., Füchslin T. Probability and conspiratorial thinking. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/acp. 3408 (date of access: 25.02.2020).
- 29. Laine E. E., Parakkal R. National security, personal insecurity, and political conspiracies: The persistence of Americans' beliefs in 9/11 conspiracy theories. URL: https://papers.srn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3214541 (date of access: 25.02.2020).
- 30. Levy N. Radically socialized knowledge and conspiracy theories. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/episteme/article/radically-socialized-knowledge-and-conspiracy-theories/C20FFA7670B3815F3AA9D0482DB24EB0 (date of access: 25.02.2020).
- 31. Lewandowsky S. In Whose Hands the Future? URL: https://www.researchgate.net/publication/329816789_In_Whose_Hands_the_Future (date of access: 25.02.2020).
- 32. Mackie J. L. The cement of the universe: A study of causation. Oxford : Oxford University Press, 1980.
- 33. Materials about forecasting made available by M. Solak, in the author's possession.
- 34. McCauley C., Jacques S. The popularity of conspiracy theories of presidential assassination: A Bayesian analysis. URL: https://doi. org/10.1037/0022-3514.37.5.

- 637/https://psycnet. apa.org/doiLanding?doi=10. 1037 %2F0022-3514. 37.5. 637 (date of access: 25.02.2020).
- 35. McKenzie-McHarg A. Conspiracy theory: The nineteenth-century prehistory of a twentieth-century concept. URL: https://www.researchgate.net/publication/329818650_Conspiracy_Theory_The_Nineteenth-Century_Prehistory_of_a_Twentieth-Century_Concept (date of access: 25.02.2020).
- 36. McKenzie-McHarg A., Fredheim R. Cock-ups and slap-downs: A quantitative analysis of conspiracy rhetoric in the British Parliament 1916–2015. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10. 1080/01615440.2017.1320616 (date of access: 25.02.2020).
 - 37. Michael Shermer. URL: https://michaelshermer.com/ (date of access: 25.02.2020).
- 38. Moscovici S. The conspiracy mentality. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4612-4618-3.9 (date of access: 25.02.2020).
- 39. Orr M., Husting G. Media marginalization of racial minorities: "Conspiracy theorists" in U. S. ghettos and on the "Arab Street". URL: https://www.researchgate.net/publication/329816782_Media_Marginalization_of_Racial_Minorities_Conspiracy_Theorists_in_US_Ghettos_and_on_the_Arab_Street (date of access: 25.02.2020).
- 40. Pigden C. Popper revisited, or what is wrong with conspiracy theories? URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/004839319502500101 (date of access: 25.02.2020).
- 41. Popper K. R. Conjectures and refutations. London, United Kingdom: Routledge Kegan Paul, 1972. 582 p.
- 42. Prawda jest inna. Najstynniejsze teorie spiskowe. URL: https://www.msn.com/pl-pl/wiadomosci/swiat/prawda-jest-inna-najs %C5 %82ynniejsze-teorie-spiskowe/ss-BBNxyVr (date of access: 25.02.2020).
- 43. Schermer M. Why people believe weird things? URL: https://www.ted.com/talks/michael_shermer_why_people_believe_weird_things?language=pl#t-367575 (date of access: 25.02.2020).
 - 44. Sepkowski A. Człowiek a przyszłość. Toruń, 2005.
- 45. Shermer M. Probierz teorii spiskowych. Jak odróżnić te prawdziwe od fałszywych? // Świat Nauki. 2011. No. 1, P. 79.
 - 46. Skeptic. URL: https://www.skeptic.com (date of access: 25.02.2020).
- 47. Smallpage S. M. Conspiracy thinking, tolerance, and democracy. URL: https://www.researchgate.net/publication/329821605_Conspiracy_Thinking_Tolerance_and_Democracy (date of access: 25.02.2020).
- 48. Smallpage S. M., Enders A. M., Uscinski J. E. The partisan contours of conspiracy theory beliefs. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10. 1177/2053168017746554 (date of access: 25.02.2020).
- 49. Stempel C., Hargrove T., Stempel G. H. Media use, social structure, and belief in 9/11 conspiracy theories. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10. 1177/107769 900708400210 (date of access: 25.02.2020).
- 50. Stryjski K. J. Prognozy i symulacje międzynarodowe // Studia Międzynarodowe. Zeszyty Naukowe WSSM w Łodzi, 2003, No. 1. P. 1-6.
 - 51. Stryjski K. J. Prognozy i symulacje międzynarodowe, Łódź 2004. P. 94.
- 52. Tingley D., Wagner G. Solar geoengineering and the chemtrails conspiracy on social media. URL: https://www.researchgate.net/publication/320737644_Solar_geoengineering_and_the_chemtrails_conspiracy_on_social_media (date of access: 25.02.2020).
- 53. Conspiracy theories and the people who believe tchem / ed. J. E. Uscinski. URL: https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190844073.001. 0001/oso-9780190844073 (date of access: 25.02.2020).

- 54. Uscinski J. E., Parent J. M. American conspiracy theories. URL: https://global.oup.com/academic/product/american-conspiracy-theories-9780199351800?cc=us&lang=en& (date of access: 25.02.2020).
- 55. Suspicious binds: Conspiracy thinking and tenuous perceptions of causal connections between co-occurring and spuriously correlated events / R. C. van der Wal, R. M. Sutton, J. Lange, J. P. N. Braga. URL: https://www.researchgate.net/publication/325134160_Suspicious_binds_Conspiracy_thinking_and_tenuous_perceptions_of_causal_connections_between_co-occurring_and_spuriously_correlated_events (date of access: 25.02.2020).
- 56. Vankin J., Whalen J. Największe spiski ostatniego stulecia. Warszawa 1997. P. 381.
- 57. Walker J. What we mean when we say "conspiracy theory". URL: https://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/oso/9780190844073.001. 0001/oso-9780190844073 (date of access: 25.02.2020).
- 58. Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. Dead and alive: Beliefs in contradictory conspiracy theories. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1948550611434786 (date of access: 25.02.2020).
- 59. Wood M. J. Some dare call it conspiracy: Labelling something a conspiracy theory does not reduce belief in it. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10. 1111/pops. 12285 (date of access: 25.02.2020).

ТЕОРИИ ЗАГОВОРА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ. ВКЛАД В ОБСУЖДЕНИЕ

Л. ДОНАЙ, К. ДУДА

Университет Адама Мицкевича, г. Познань

Аннотация. Прогнозирование – это, в частности, попытка найти определенные закономерности, определенные алгоритмы, управляющие миром. Зная их, нам будет легче смотреть в будущее. В науке мы ищем баланс между информацией и теорией. Однако наша теория может содержать когнитивные ошибки. В максимально возможной стапени в такой короткой работе авторы этой статьи пытаются представить феномен «теорий заповора», который включает в себя множество когнитивных ошибок. Хотя эти ошибки могут повлиять на оценку исторических событий, они иногда являются основой для объяснения настоящего и создания видения будущего.

Ключевые слова: теория заговора, футурология, рациональность.

Łukasz Donaj – Professor, Department of International Relations of Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland, e-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl

Лукаш Донай - профессор, кафедра международных отношений факультета политологии и журналистики, Университет Адама Мицкевича, г. Познань, Польша, e-mail: lukasz.donaj@amu.edu.pl

Krzysztof Duda – Assistant Professor, Department of Political Culture of Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland, e-mail: krzysztof.duda@amu.edu.pl

Кшиштоф Дуда - доцент, кафедра политической культуры факультета политологии и журналистики, Университет Адама Мицкевича, г. Познань, Польша, e-mail: krzysztof.duda@amu.edu.pl

THE POTENTIAL OF MICROHISTORY REGIONAL RESEARCH – THE CASE OF THE YUKHARI GOVHAR AGHA MOSQUE IN THE CITY OF SHUSHA¹ (NAGORNO-KARABAKH)

M. LORENC

Adam Mickiewicz University, Poznań

Abstract. This text is an attempt to apply microhistory to study a fragment of Azeri material heritage in the Armenian-controlled region of Nagorno-Karabakh as illustrated by the so-called Upper Mosque in Shusha. The basic study question is: how to write a biography of a mosque which would become a gauge of Azeri-Armenian relations in Nagorno-Karabakh?

Keywords: microhistory, Shusha, Yukhari Govhar Agha Mosque, Nagorno-Karabakh conflict.

Regional microhistories

Microhistory seems to be a useful, even though criticised, study practice, so far rarely used in regional studies. In order to verify this hypothesis I tried to apply it in an analysis of an element of Azeri material heritage in Nagorno-Karabakh, controlled by Armenians. The basic study question I formulated was: how to study and describe a regional microhistory as illustrated by the so-called Upper Mosque in Shusha?

As per microhistoric tradition I decided to write in first person, thus expressing my critical attitude to the illusion of objectivity which accompanies an impersonal form. An indispensable element of the microhistoric method is also using the phrase "I think", which, although it shows lack of confidence, is treated as an advantage, and not an error in the method. It is similar when it comes to subjectivism of comment, which is a weakness of microhistory according to its critics, and methodological self-awareness for its supporters [1, s. 262].

Resources are incomplete, but sufficient to describe the topic. In my opinion the visual material was basic. It comprised photographs taken *in situ* in November 2017 (fig. 1) and a field note which I made after a talk with an Armenian taxi driver from Stepanakert. While in

¹ Language is not neutral. Whether I use the name "Shusha" or "Shushi", has axiological, but also political implications. While "Shusha" is an Azeri name of the town, "Shushi" is an Armenian one. In international law it is justified to use only the Azeri name, which results from the international community not approving of Armenian *debellatio* of Nagorno-Karabakhand seven provinces in 1992, which *de iure* belonged to Azerbaijan, *de facto* were controlled by the authorities by the Nagorno-Karabakh Republic (NKR), called Artsakh by Armenians.

Shusha he first suggested a visit to the Christ the King's Cathedral, he questioned the point of visiting the mosque, and while staying on the square in front of the mosque he drew our attention to a plaque with the information about plans to reconstruct the building. The sources I created constituted a starting point for a query, in which I obtained statements by Armenians and Azeri about the mosque which were available online. I also considered that press releases presenting the opinion of the NKR and Azerbaijan on its renovation were significant. Especially two stamps, issued by the Azerbaijani post in 1997 and 2016, which showed the Upper Mosque of Govhar Agha, were of significance (fig. 2 and 3).

Fig. 1. Upper Mosque of Govhar Agha, Shusha

Fig. 2. Azerbaijani stamp of 1997

Fig. 3. Azerbaijani stamp of 2016

Source: Photo M. Lorenc, XI 2017 Source: http://Azerimarka.az/en/search.php?misc

Source: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/=search&subaction=showfull&id=1130930823&archivec/c1/Stamps_of_Azeribaijan %2C_2016-1249. jpg (date of access: 7.02.2020)

Azeri mosque and two stamps

The Upper Mosque of Govhar Agha, in Azeri called *Yuxarı Gövhər ağa məscidi*, is situated in the main square of Shusha, in Yusif Vazir Chamanzaminli street. The street was named after an Azeri writer (his name and pen name). Azeri researchers claim that he co-authored the most famous Caucasian romantic novel titled "Ali and Nino" of 1937, thus questioning a more widespread hypothesis that the novel was written by Essad Bey (Lev Nussimbaum) [more about the Azeri perspective: 12]. The adjective "Upper" is added to differentiate it from a lower-located "Lower Mosque" Govhar Agha, in Azeri: Aşağı Gövhər ağa məscidi. The Upper Mosque also used to be called Boyuk Juma Mosque of Govhar Agha, i. e. "The Great Cathedral". It was built as a Shiite mosque and a social and religious centre, comprising e. g. a madrasa and shops. Its construction was planned in the 1750s and commissioned by Panahali Khan [5]. However, only under the rule of

his son Ibrahim Halil Khan did the construction start and, according to historian Mirza Jamal, author of Karabakh nameh, the mosque was built in 1182 AH of the Islamic Hijri calendar (i. e. from 18 May 1768 to 6 May 1869 of the Gregorian calendar) [9, p. 42]. According to the donation document (Persian vagfnameh) by Govhar Aga, daughter of Ibrahim Halil Khan, the construction of the Upper Mosque (as well as the Lower one and the madrasas) was to be completed by 1282 AH (i. e. from 26 May 1865 to 15 May 1866). However, the building achieved its final architectural form only 20 years later, i. e. in the 1880s. The effect was an almost square prayer hall, divided into a nave and two aisles with six pillars and lit by two rows of windows. The building was made of stone, and two minarets of brick. The preserved inscriptions in Arabic, however, raise doubts as to the dates of commencement and completion of the works and their character. One of them mentions "renovation" completed in 1302 AH (i. e. 21 October 1884 to 9 October 1885), another one says: "Made by Karbalayi Safikhan Karabakhi. 1301 Hijri", i. e. in the period between 2 November 1883 and 20 October 1884 [translation of the inscription from Arabic into English: 9, p. 42-43]. The latter inscription also confirms the authorship of the building design, attributing it to Karbalayi Safikhan Karabakhi, known e. g. for the mosques of Barda and Aghdam [9, p. 42].

The donors, the name of the Great Cathedral and the artistic value of the building, resulting from it being designed by one of the best known Karabakh architects of the second half of the 19th century, certify the mosque's significance for the local Moslem community. Also the choice of location was important. Shusha is a city and a symbol, called "the gate to Karabakh". This results from the city's location on a hill, whose control is of crucial strategic importance. In the past it was the capital of the Karabakh Khanate and one of key trade centres between the Russian Empire and Persia. The First World War and the October Revolution brought on a change in political and ethnic relations in the region. On 28 April 1920 the Azerbaijan Socialist Soviet Republic was proclaimed. In that same year Moslems murdered about 2000 Armenians in Shusha. After the massacre the city deteriorated and lost its status as a main cultural and political centre of the region, which in 1923 became an autonomous area. Since the 1960s Shusha started to regain its importance as a mountain resort. The share of the Azeri population gradually increased and at the end of the 1970s the Azeri made up

about 85 % of city inhabitants [11]. According to some people's accounts the mosque was used as a warehouse in Soviet times [6], while others claimed it was a historical museum [13]. The building was restored to its religious functions only in 1988, when it was made available for the Azeri Shiites again. In the same year Shusha was granted the status of a state historical and architectural reserve of the Azerbaijan Republic. In the times of the USSR the city's strategic value of its hill location was also appreciated and a military base was created there. The location and weapons held by the Red Army were used by the Azeri during the escalation of the ethnic conflict in 1991 in connection with the referendum, in which the Armenian majority in Nagorno-Karabakh voted for separating from the Azerbaijan Republic proclaimed on 30 August. Shusha was then a convenient place to shoot the lower-situated and controlled by Armenians capital city of the region: Stepanakert. On 8 May 1992, after a successful Armenian attack, the city was taken, and Azeri were forced to leave it, becoming Internally Displaced Persons (IDPs). The mosque governors were driven out of the NKR, which was not acknowledged by the international community, and Nagorno-Karabakh became almost uniform ethnically, with mainly Armenian inhabitants, coming back after forced Soviet atheisation to the Christian Apostolic Armenian Church.

After that armed conflict the mosque and the madrasa were damaged, particularly the minarets. The mosque floor was also affected. Haji Mir-Abdullah Hasanli, Imam of the Shusha Muslim community, claims that "cattle was kept there" [5]. However, it should be noted that after 1992 Azeri had not access to the remains of their own heritage on the territories controlled by the NKR [10]. This could lead to mistakes or unjustified generalisations concerning the ways the Armenians desecrated Muslim places of cult¹. An illustration of mistakes made by Azeri and related to the Upper Mosque is one of the three stamps of a short series called *Azerbaijan mosques*, issued by the post of

-

¹So if Janusz Górecki mentions the remains of the Aghdam mosque being used as a "cattle shelter" [2, however, photo 2 on p. 179 only shows the exterior of the ruined building, so it cannot be used as proof of the mosque desacrations as indicated by the author], it is not impossible that other mosques were treated in a similar manner, including the Upper one in Shusha, but I did not find other evidence of this action than IDPs' oral accounts.

the Azerbaijan Republic on 18 September 1997 (fig. 2)¹. It shows Yuxarı Gövhər ağa məscidi, i. e. the Upper Mosque. However, the description was only limited to the information that it was "Gövhər ağa məscidi" in "Shusha town" from "1875", whose architect was "Safixan". The lack of the adjectives "Upper" or "Lower" is misleading, as it suggests only one Gövhər ağa məscidi existed in Shusha. Additionally the year 1875 on the stamp is the completion date of the Lower Mosque, not the Upper one shown in the stamp. Misunderstandings related to the stamp go further and concern philatelic magazines. In the German magazine "Michel-Rundschau" from 1998 (No 11, p. 951, item 395), the description of the black-and-white reproduction of the originally colourful stamp reads: "Aschagi-Metscheti-Gowchar-Agi-Moschee (1875), Shusha"2. A similar mistake was made in the description on the Azeri website of "Azermarka", where a notice in Azeri under the number 488 says: "250 man. Şusa «Aşağı Gövhər ağa məsçidi» - 1874-1875. Memarı Səfixan", and in English: "250 man. «Shusha Ashagi Govhar aga» mosque - 1874-1875. Architect Safixan" (source description under fig. 2). However, both mosques basically differ: the two minarets of the Upper Mosque can be found on the façade on the sides of the veranda, while in the Lower Mosque they are placed at the back of the building. They also differ in decorations. The cylindrical bodies of the Upper Mosque minarets are divided with horizontal stripes with different geometric decoration, while those in the Lower Mosque are uniform. This makes the Upper Mosque similar to that in Aghdam. It also seems that Azeri have noticed their mistake and have tried to correct it by issuing another stamp in 2016, this time providing the correct building and its name ("Yuxarı Gövhər ağa məscidi") (fig. 3).

An "Iranian" mosque

On 14 October 2019 the renovated mosque and madrasa and their tidied surroundings were made available to the public by the NKR authorities. This was a completion of the works started in 2017. According to official data the reconstruction cost 1. 5m dollars [3]. The enterprise was funded by a donation by a Kazakh businessman Kayrat

¹I took up the trace, having seen this stamp in Wikipedia under the entry "Yukhari Govhar Agha Mosque". URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Yukhari_Govhar _Agha_Mosque (date of access: 7.02.2020).

 $^{^{2}\,\}mathrm{My}$ sincere thanks to Mr Maciej Krzyżaniak for letting me use this publication and a philatelic consultation.

Boranbayev (13th richest Kazakh according to "Forbes" in 2017) and through a charity called Initiatives for Development of Armenia (IDeA). As per a statement published on their website, the donor's aim was "восстановление этого уникального памятника" and creating a new centre "на туристической карте Арцаха" [13]. The project was supervised by The Eastern Historical Heritage Foundation and the NKR authorities. The conservation works were conducted by Armenians and Iranians, under the supervision by and cooperation with specialists from ICOMOS-Armenia and ICOMOS-Iran.

The opening ceremony was accompanied by speeches and a press conference with top NKR officials, Armenian scholars and journalists. During the ceremony a timetable of renovation works was presented – their starting point was set for 2006/7. Other actions, performed in 2009, consisted in covering the mosque with a metal roof. Finally the restored buildings were handed over to the monument protection service at the NKR Ministry of Culture. The NKR President Bako Sahakyan said: "The centre [located in the buildings – M. L.] will play an important role in strengthening Armenian-Iranian relations, developing inter-religion and inter-civilisation dialogue, as well as developing tourism in Shushi" [3]. Prof. Ruben Melkumyan, Dean of the Department of Oriental Languages of the State University at Yerevan, who attended the conference, said that "renovation of monuments is necessary to attract tourists" and "the Upper Mosque is an example of Iranian religious and cultural heritage" [3].

It was an unprecedented event, as in Shusha area the NKR authorities identified almost 600 monuments, which were taken under protection, and which due to a shortage of funds until 2019 had not been subjected to renovation works. In such circumstances investing in the renovation of the mosque raised objections from some Shusha inhabitants, as illustrated by Alonya Melkumyan's words: "When I know that my culture is dying and needs to be restored, I am opposed to restoring the culture of another nation. I would not be against the restoration of the mosque only if it remains a cultural building and there will never be Muslim prayer services" [8]. The renovation of the damaged mosque was a "very unusual" thing, while the sight of the reconstructed minarets was "completely new" and "unique for post-war Karabakh" [11]. Basic questions that the enterprise raised among Shusha inhabitants were the following: who will pray in the mosque

and why is the mosque being renovated when there is more pressing need for housing and commercial spaces? [11]. The fact that the renovation was funded by a private donor, and not from NKR public sources, was approved by the inhabitants [4].

The Azeri negatively responded to the mosque renovation by Armenians, as can be proven by an opinion by Kerim Kerimeli, one of IDPs: "They shot at inscriptions from the Qu'ran. [... – M. L.] First off – how is it that that they've destroyed hundred monuments in Shusha, but now all of the sudden they have decide to restore the mosque? Changing its appearance and historical significance what are they trying to tell us? «We don't let you back here? We're restoring the mosque in order to boast in front of the world?»" [7].

Conclusions

The microhistory of the Upper Mosque in Shusha is a gauge of Azeri-Armenian relations in Nagorno-Karabakh. Considering its importance as one of the most significant monuments of Islam culture in the town crucial for the region, the mosque was and still is an object of a political game. The NKR authorities enabled its renovation, but at the same time failed to admit that it is Karabakh Azeri heritage, all the time emphasizing it is an "Iranian" mosque. As there are no Persians or Azeri in Shusha, which is dominated by Armenian Christians, the reconstructed mosque will not be used as a place of cult, but a centre of culture and a tourist attraction. Regardless of its function now, its very existence in Shusha is historical evidence and a material trace of the Muslim community in this disputed region.

Bibliography

- 1. Domańska E. Styl, forma i cechy mikrohisotrii // Mikrohistorie. Spotkania w międzyświatach / ed. E. Domańska. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2005. P. 259–275.
- 2. Górecki J. Krajobraz sakralny Górskiego Karabachu // Peregrinus Cracoviensis. 2007, No. 18. P. 175–817.
- 3. Григорян А. Чиновники обозначили проблемы реставрации исторических памятников в Шуши // Кавказский Узел. 2019. Oct 16. URL: https://www.kavkazuzel.eu/articles/341249/ (date of access: 09.02.2020).
- 4. Hakopyan R. Opinion, film // JAMnews. 2019. URL: https://youtu.be/vx_VXTfvQ6Q (date of access: 12.02.2020).
- 5. Hasanli H. M-A. Opinion, film // JAMnews. 2019. URL: https://youtu.be/vx_VXT fvO6O (date of access: 12.02.2020).
- 6. Huseynov Y. Opinion, film // JAMnews. 2019. URL: https://youtu.be/vx_VXTfvQ6Q (access: 12. 02. 2020).

- 7. Kerimli K. Opinion, film // JAMnews. 2019. URL: https://youtu.be/vx_VXTfvQ6Q (date of access: 12.02.2020).
- 8. Melkumyan A. Opinion, film// JAMnews. 2019. URL: https://youtu.be/vx_VXTfvQ6Q (date of access: 12.02.2020).
- 9. Neymat M. Epigraphic monuments of Karabakh // Heritage. 2011. No. 3(10). P. 36–43. URL: http://irs-az. com/new/pdf/201301/1358935247422811015.pdf (date of access: 07.02.2020).
- 10. Qarabağlı R. Qarabağın qədim məscidləri // QARABAĞ DÜNƏN, BU GÜN VƏ SABAH VIII". Baki, 2009. No. 34. URL: https://translate. googleusercontent.com/translate_c?anno=2&depth=1&hl=pl&rurl=translate.google.com&sl=az&sp=nmt4&tl=pl&u=https://web.archive.org/web/20110721185550/http://karabakh-doc.azerall.info/ru/articls/artc124az-

35.php&usg=ALkJrhiq4cfjmdaLiAKxdnV0INrlUD3phw (date of access: 15.02.2020).

- 11. Voskanyan A. Why are Karabakh Armenians restoring a mosque? // JAMnews. 2019. August 10. URL: https://jam-news.net/why-are-karabakh-armenians-restoring-a-mosque/ (date of access: 12.02.2020).
- 12. Who wrote Azerbaijan's most famous novel Ali and Nino? // Azerbaijan International, 2011. Vol. 15. P. 2–4.
- 13. Жуков И. Кайрат Боранбаев жертвует средства на восстановление мечети в Нагорном Карабахе // Forbes. Kazakhstan. 2018. Jan 31. URL: https://forbes. kz/life/observation/kayrat_boranbaev_jertvuet_sredstva_na_vosstanovlenie_mecheti_v_armenii/ (date of access: 12.02.2020).

ПОТЕНЦИАЛ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ МЕЧЕТИ ЮХАРИ ГОВХАР АГА В ГОРОДЕ ШУША (НАГОРНЫЙ КАРАБАХ)

М. ЛОРЕНЦ

Vниверситет Адама Миикевича, Познань

Аннотация. Показана попытка применения подхода микроистории для изучения фрагмента азербайджанского материального наследия в контролируемом Арменией регионе Нагорного Карабаха, как это видно на примере так называемой Верхней мечети в Шуше. Основной вопрос исследования: как написать историю мечети, которая стала бы образцом азербайджано-армянских отношений в Нагорном Карабахе?

Ключевые слова: микроистория, Шуша, мечеть Юхари Говхар Ага, нагорно-карабахский конфликт.

Magdalena Lorenc - Ph. D. in Political Sciences, Department of Political Sciences and Journalism, Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland, e-mail: magdalena.lorenc@amu.edu.pl

Магдалена Лоренц - доктор политических наук, Департамент политических наук и журналистики, Университет Адама Мицкевича, г. Познань, Польша, e-mail: magdalena.lorenc@amu.edu.pl

NEO-MILITANT DEMOCRACIES IN EUROPE: REVIVAL OF INTER-WAR POLITICAL TENDENCIES¹

J. RAK

Adam Mickiewicz University, Poznań

Abstract. This paper aims to identify and account for the directions for research on contemporary political regimes in the region of Europe. As it argues, there is a need to formulate a middle-range theory that determines the causal relationships between contentious politics and neo-militant democracy in Europe. This theory is to explain why particular European neo-militant democracies emerge, while others decline, how they differ from each other, what brings the differences and similarities between them, how and why they change over time. The study advances theory-driven hypotheses that the neo-militant democracies, which occurred in the member states of the EU after the 2008 financial crisis, are on the continuum determined by the antinomic ideal types of fighting and defending neo-militant democracies in given distances to the extreme values of the continuum. The particular types of neo-militant democracy probably change in time, along with the cycles and nature of contention in the states.

Keywords: militant democracy, democracy, authoritarianism, political regime, Europe, region, political tendencies, new social milieu, contentious politics.

In the 1930s, Karl Loewenstein formulated the concept of militant democracy to comment on the beginning and consolidation of a political regime in Adolf Hitler's Germany [11, p. 418; 12, p. 640]. This originally contextual concept caught on in the Social Sciences and Humanities and gained a universal meaning [4, p. 239; 20, p. 111]. While some researchers discuss how to create the effectively self-preserving militant democracy and thus offer studies of an implementation value [14, p. 442], others are interested in how and why it works [16, p. 142]. Loewenstein's approach has attracted the interest of contemporary political scientists and constitutional lawyersstudying the changes in political regimes.

This paper aims to identify and account for the directions for research on contemporary political regimes in the region of Europe. Source analysis and a phrase searching technique served to search for the studies containing the exact searching phrase "militant democracy." Then, the current specialist literature concerning the category of mili-

-

¹This paper is a result of the research project *Contentious Politics and Neo-Militant Democracy*. It was financially supported by the National Science Centre, Poland [grant number 2018/31/B/HS5/01410]. When working on the article, I was supported by the Foundation for Polish Science (FNP) in the form of START Scholarship and Barbara SkargaScholarship.

tant democracy wassystematically and critically analyzed with the use of the category's established conceptual framework. The study evaluates to what extent the existing theoretical frameworks apply to examine political reality, and how they contribute to the understanding of contemporary political regimes.

During the past decade, European democratic regimes began to take on the features of non-democracies by using legal restrictions on contentious politics, mostly on political demonstrations and protest in social media [22, p. 15], constitutional amendments, refusals of party registration, and restrictions on referendums [21, p. 237; 7, p. 288; 15, p. 34; 10, p. 133; 18, p. 2256]. The systems have taken these measures to guard themselves against not only anti-democratic political subjects but political opponents in general as well as to survive in a new social milieu. Nowadays, the regimes fail to meet the essential features of the old neutral model of liberal democracy, which assumed that all political views give people the same rights of expression and association [3, p. 210]. These factors have brought about the revival of the studies on militant democracy that aimed to address the inter-war tendencies in Europe. This research assumes that contemporary political regimes are substantively different from the system, which was the subject of the first attempt to formulate the category of militant democracy, namely the beginning and consolidation of the political regime in a time of Adolf Hitler's Germany.

Rather than redefining the category, this study formulates the category by adding the prefix "neo-." According to the newly proposed definition of neo-militant democracy, it is the democratic system that legally restricts individual democratic freedoms to protect itself from the threat of being changed by legal means. Neo-militant democracy is a foreshadower of the repressive state that does not defend itself only against non-democratic parties but against any type of non-systemic political opposition. For the sake of clarity, non-systemic political opposition has a broader semantic field than the category of anti-systemic opposition. In contrast to militant democracy [3, p. 207], a sizeable totalitarian party that challenges government stability is not an essential feature of neo-militant democracy. This proposal is innovative in its definition and category of neo-militant democracy.

Giovanni Capoccia's comprehensive literature review on militant democracy [3, p. 208] shedslight on the use of the concept and reveals the challenges for comparative political scientists. According to Capoccia, on the one hand, comparative constitutional lawyers describe qualitative changes in the contemporary democracies that restrict some rights for self-preservation [16, p. 141]. Then, as legal scholars argue, the particular historical background of each state results in considerable cross-national variation in the formal design and use of the restrictions [19, p. 125]. However, the scholars avoid formulating the typology of militant or neo-militant democracy that would show the range of values that may be taken on by the variable of the type of neo-militant democracy, whereas neo-militant democracy is not a homogenous phenomenon. Additionally, the current research concentrates on the history of political regimes, while the other aspects of historical background, such as the history and nature of political non-systemic opposition (contentious actors) and contentious politics remain analytically uncovered [13, p. 1]. Noteworthy, the influence of contentious politics on political regimes is still an understudied research field.

As Capoccia aptly argues, political scientists, on the other hand, focus on specific militant restrictions on extremist political subjects [8, p. 12] and philosophical aspects of the relationships between political subjects in militant democracies [9, p. 183]. This large body of scholar-shipoffers mostly descriptive studies. Nevertheless, researchers have started to advance and test causal hypotheses accounting for variation in militant democracy policies [14, p. 442], which, however, has not eventuated in the formulation of their typology. The developments indicate that militant restrictions are a significant feature of modern democracies, but we still do not fully understand the causes and nature of this change [3, p. 208].

Despite dealing with refusals of party registration and ban practices [2, p. 221], constitutional amendments, restrictions on referendums [7, p. 221], the other aspects of neo-militant democracy, which are protest policing, discoursive legitimation of the use of political violence, and discoursive self-legitimation remain unexamined. The role of protest policing for the nature of neo-militant democracy is predicted and built into the hypotheses on the basis of the theories of contemporary repressive state apparatuses. They suggest that the means used to police protest reveals the extent of the state repressiveness used to reply to previous contentious politics [5, p. 64]. The other indicators of neo-militant democracy are discoursive legitimation of the use of political violence and discoursive self-legitimation. They are separate but coherent with the protest policing indicator because they occur on the

levels of repression justification and justification for taking on the features of neo-militant democracies.

There are no works on the menaces to democratic regimes during rapid globalization changes and development of information civilization and the systems' ways of responding to these threats [1, p. 63]. It is a serious drawback since the new social milieu, which emerged from the IT (Information Technology)revolution, armed both democratic and non-democratic forces with the unseen resources used to broaden the range of contentious performances. Contentious politics takes forms of contentious performances that draw on the employment of disruptive techniques to make political claims. The old repertoire of performances embraced mainly demonstrations, marches, strikes, and petition drives. The development of contentious performances and the appearance of innovations, e. g., "Solidarity Initiatives", "March for Dignity", and "Protestivals", provide contentious actors, especially claimants, with the new potentially efficient means of support of active episodes in the cycles of contention. Thus, the social, political, economic, and cultural context of neo-militant democracy is significantly different from the militant democracy in a time of Adolf Hitler's Germany.

Meanwhile, the nativist and counter-acculturative processes, which are the consequences of the changes, use the existing state apparatuses and become an awareness framework for anti-globalization, escapist, and self-isolationist movements. Thus, the studies cannot be limited to the role of non-democratic political parties for the development of militant democracies any longer. Note should be taken, in the contemporary world, the nature of adopting the non-democratic elements by democratic regimes is completely different from before and after World War II. The process of adoption is not program-(quasi)ideological, but it is the result of impetuous and reactive political activities. After World War II, especially from the end of the Cold War to the 2008 financial crisis, non-democratic movements were fragmented and marginalized. In contrast, nowadays, the tendency to create nondemocratic structures and epistemic apparatuses as well as to propagate non-democratic type of political awareness occur under cover of populism in strong catch-all parties. Thereby, the parties are not the creators but often the passive utterers (passive as long as they reactively go by polls) of non-democratic tendencies or disapproval of democratic mechanisms that are found in contemporary society. It makes evident the necessity to reformulate the existing descriptive approach towards militant democracy by creating theoretical frameworks of social and cultural determinants of neo-militant democracy, which defends itself against all kinds of non-systemic political opposition, not only against non-democratic forces.

To sum up, there is a need to formulate a middle-range theory that determines the causal relationships between contentious politics and neo-militant democracy in Europe. This theory is to explain why particular European neo-militant democracies emerge, while others decline, how they differ from each other, what brings the differences and similarities between them, how and why they change over time.

The literature review allows us to formulate theory-driven hypotheses, which, however, ought to be verified through in-depth empirical research. Their verification may contribute to the prospective theory. First, the neo-militant democracies that occurred in the member states of the EU after the 2008 financial crisis may be on the continuum determined by the antinomic ideal types of fighting and defending neo-militant democracies in given distances to the extreme values of the continuum. The highest extent of neo-militancy typifies the fighting neo-militant democracy, whereas the lowest the defending one. Most likely they differ in the values of their six essential features: constitutional amendments (or legal in the case of the states with no constitution), refusals of party registration, restrictions on referendums, type of protest policing, type of discoursive legitimation of the use of political violence, and the type of discoursive self-legitimation. The distances of the types to the extreme values depend on the configuration of values of the essential features for the types.

Second, neo-militant democracies might have their own dynamics of change specific to the particular types and alter themselves in the values of theiressential features. The particular types of neo-militant democracy may change along with the cycles and nature of contention in the states. The more frequent the cycles of contention in the state are, the higher the extent of the intensity of the regime's neo-militancy is. The longer the active episodes of contention in the state are, the higher the extent of the intensity of the regime's neo-militancy is. The more diversified and innovative contentious performances in the state are, the higher the extent of the intensity of the regime's neo-militancy is.

Finally, the claimants that produce contentious politics should not be labeled as democratic or non-democratic. Similarly, one ought to avoid describing protests (all types of contentious performances) as 176

democratic or non-democratic because the current studies on contentious politics show that the involvement of innovations to a repertoire of contention and the dynamics of contention are of stronger explanatory power than the simple division of democratic and non-democratic forces and their political means. Therefore, the nature and activities of the claimants might be the factors that influence the occurrence of particular types of neo-militant democracy. However, the kind of influence has to be discovered according to the established body of work on contentious politics to achieve the research goals and build the middle-range theory.

Bibliography

- 1. Bäcker R., Rak J. "Trajektoria trwania opancerzonych demokracji // Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem. 2019. 41(3). P. 63-82.
- 2. Bourne A. K., CasalBértoa F. Mapping 'Militant Democracy': Variation in Party Ban Practices in European Democracies (1945–2015) // European Constitutional Law Review. 2017. 13(2). P. 221–247.
- 3. Capoccia G. Militant Democracy: The Institutional Bases of Democratic Self-Preservation // Annual Review of Law and Social Science. 2013. N 9. P. 207–226.
- 4. Caterina E. La metamorfosidella «democraziamilitante» in Germania // Dirittopubblicocomparato ed europeo. 2018. 20(1). P. 239–258.
- 5. Earl J. "Introduction: Repression and the Social Control of Protest // Mobilization: An International Quarterly. 2006. 11(2). P. 129-143.
- 6. Giroux H. A. Terror of Neoliberalism: Authoritarianism and the Eclipse of Democracy. London and New York: Routledge, 2018.
- 7. Ijabs I. After the Referendum: Militant Democracy and Nation-Building in Latvia // East European Politics and Societies. 2016. 30(2). P. 288–314.
- 8. Issacharoff S. Fragile Democracies: Contested Power in the Era of Constitutional Courts. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- 9. Jesse E. Sachsen: einBundesland in der Kritik // PolitikwissenschaftalsBeruf / eds. Ch. Meißelbach, J. Lempp, S. Dreischer. Wiesbaden: Springer VS, 2018. P. 183–199
- 10. Klamt M. Militant democracy and the democratic dilemma: Different ways of protecting democratic constitutions // In Explorations in Legal Cultures / eds. F. Bruinsma, D. Nelken. The Hague: Read Business BV, 2007. P. 133–159
- 11. Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, I // The American Political Science Review. 1937a, 31(3). P. 417–432.
- 12. Loewenstein K. Militant Democracy and Fundamental Rights, II // The American Political Science Review. 1937b, 31(4). P. 638–658.
- 13. Keränen O. The Contentious Politics of Statebuilding: Strategies and Dynamics. London and New York: Routledge, 2017.
- 14. Malkopoulou A., Norman L. Three Models of Democratic Self-Defence: Militant Democracy and Its Alternatives // Political Studies. 2018. 66(2). P. 442–458.
- 15. Mareš M. Czech Militant Democracy in Action: Dissolution of the Workers' Party and the Wider Context of This Act // East European Politics and Societies. 2012. 26(1) P. 33–55.

- 16. Müller J. W. The EU as a militant democracy, or: are there limits to Constitutional mutations within EU member States // Revista de estudiospolíticos. 2014. 165. P. 141–162.
- 17. Rummens S., Abts K. Defending Democracy: The Concentric Containment of Political Extremism // Political Studies. 2010. 58(10). P. 649–665.
- 18. Sajó A. From militant democracy to the preventive state // Cardozo Law Review. 2005. 27(5). P. 2255–2294.
- 19. Tyulkina S. Militant Democracy: Undemocratic political parties and beyond. New York and London: Routledge. 2015.
- 20. Wiegandt M. H. Streitbare Juristen und Juristinnen: Eine Porträtsammlung // Recht und Politik. 2018. 54(1). P. 111-121.
- 21. Weill R. On the Nexus of Eternity Clauses, Proportional Representation, and Banned Political Parties // Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy. 2017. 16(2). P. 237–246.
- 22. Wolin S. S. Democracy incorporated: Managed democracy and the specter of inverted totalitarianism. Princeton: Princeton University Press, 2017.

НЕОВОИНСТВУЮЩИЕ ДЕМОКРАТИИ В ЕВРОПЕ: ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕЖВОЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

П. РАК

Университет Адама Мицкевича, Познань

Аннотация. Рассмотрены и определены направления исследований современных политических режимов в Европе. Как утверждается, существует потребность в разработке теории среднего радиуса действия, которая определяет причинно-следственные связи между спорной политикой и неовоинствующей демократией в Европе. Эта теория призвана объяснить, почему возникают определенные европейские неовоинствующие демократии, а другие приходят в упадок, чем они отличаются друг от друга, в чем заключаются различия и сходства между ними, как и почему они меняются с течением времени. Исследование выдвигает гипотезы о том, что неовоинствующие демократии, возникшие в государствах – членах Европейского союза после финансового кризиса 2008 г., находятся в континууме, определяемом антиномическими идеальными типами борьбы и защиты неовоинствующих демократий на заданных расстояниях до его крайних значений. Конкретные типы неовоинствующей демократии, вероятно, меняются со временем вместе с циклами и характером раздоров в государствах.

Ключевые слова: воинствующая демократия, демократия, авторитаризм, политический режим, Европа, регион, политические тенденции, новая социальная среда, спорная политика.

Joanna Rak - Dr hab. Assistant Professor, Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland, e-mail: joanna.rak@amu.edu.pl

Джоанна Рак – хабилитированный доктор, доцент, факультет политологии и журналистики, Университет Адама Мицкевича, г. Познань, Польша, e-mail: joanna.rak@amu.edu.pl

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Т. Е. БЕЙДИНА, А. В. НОВИКОВА, А. Н. КУХАРСКИЙ

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Рассмотрена авторская характеристика информационной безопасности органов власти на примере Забайкальского края и определены пути совершенствования информационной безопасности Забайкалья. Как следует из приведенного материала, информационное пространство органов власти составляют информационно-телекоммуникационные системы, обеспечивающие информационную поддержку безопасности личности, общества, государства. Анализируется динамика гражданского общества, связанная с обеспечением максимального и свободного доступа граждан к информации о деятельности органов власти. Данный институт доступа осуществляет помощь в контроле за действиями органов, оказывает конструктивное влияние на принятие ими решений. Перспективы дальнейшего изучения проблемы связаны с достижением эффективности системы обеспечения информационной безопасности, с созданием вариантов развития как государственной, так и муниципальной системы защиты информации. Обеспечение непрерывной коммуникации и взаимодействие между людьми в интересах как населения общественных пространств, так и органов государственной, муниципальной власти предполагает реализацию программы «Электронное правительство».

Ключевые слова: информационная безопасность, Забайкальский край, органы власти, коммуникации, защита информации.

Информационная безопасность характеризуется как позитивными факторами, так и возрастанием международных информационных угроз в экономической, военной и политической сферах жизнедеятельности государства, что ослабляет стабильность и сотрудничество стран на мировой арене. Помимо внешнеполитической составляющей, угрозы реализуются посредством применения современных технологий в сфере информатизации, направленных на развал политической системы, дестабилизацию традиционных ценностей, размывание личности, нарушение территориальной целостности и суверенитета государств. Это характеризует внутриполитическую составляющую информационной безопасности.

В современный период продолжается развитие инновационных технологий. 23 октября 2019 г. в инновационном центре «Сколково» завершился VIII Международный форум «Открытые инновации», который посетили более 20 тыс. чел. За три дня на площадках форума состоялось свыше 150 деловых сессий. «От-

крытые инновации – 2019» прошли в формате трех тематических дней – «Цифровой человек», «Интеллектуальная экономика», «Технологии будущего» [3].

Как утверждает В. Н. Лопатин: «Вновь формируемые информационные ресурсы, включаемые в единое информационное пространство, должны быть на законном основании доступны органам управления государственной власти, хозяйствующим субъектам и гражданам. Развитие информационного пространства в интересах органов государственной власти направлено на объединение и продвижение существующих информационно-аналитических ресурсов, предназначенных для обеспечения их эффективной управленческой деятельности» [2]. Существует необходимость функционирования единой информационной территории.

При всех недостатках информационных систем органы власти могут быть базой, обеспечивающей реализацию государственных информационных ресурсов. Ведение министерствами и ведомствами государственных информационных ресурсов с целью интеграционного взаимодействия предполагает решение сложных организационных моментов и технических вопросов, связанных с обеспечением скоординированного развития. Несмотря на то что главной обязанностью чиновников является оказание услуг населению, в настоящее время органы осуществляют услуги дистанционно. В данной ситуации просматривается закономерная реакция граждан на деятельность властей, демонстрируется недоверие, отчуждение и конформизм.

По опыту зарубежных стран, имеющих аналогичную законодательную базу, специализированные органы власти работают с информационной открытостью: по жалобам, надзору и контролю исполнения нормативных актов в сфере защиты информации. Например, в Великобритании в 2000 г. был принят закон «О свободе информации», в соответствии с которым был сформирован специальный орган по рассмотрению споров Комиссара и Трибунала по вопросам информации или Комиссию по доступу к административным документам (САDA), которая является парламентским учреждением.

На наш взгляд, ситуация, сложившаяся в Забайкалье, характерна для поселков и малых городов Российской Федерации, находящихся в отдаленных регионах. Как уже было указано выше, для современного периода, который общепризнанно считают информационным веком, важнейшим и во многом определяю180

щим фактором производства, характерным для данного времени, и является собственно информация. Не имея этого фактора или имея неполные либо недостоверные сведения, предприниматели, соответственно, не могут создавать и развивать какие-либо производства, а инвесторы не имеют возможности планировать и реализовывать какие-либо инвестиционные проекты.

Следовательно, территория с находящимися на ней ресурсами и перспективами развития, неосвещенная в информационных источниках окружающего мира, так и остается неиспользованной, как следствие, неразвитой в экономическом отношении. Низкий уровень экономического прогресса служит предпосылкой для неразвитости в социальной, культурной, демографической и иных сферах функционирования территорий.

Нами выделена разноаспектность защиты информации в органах государственной и муниципальной власти. Очевидно, что целый спектр государственных и муниципальных мероприятий зависит от числа опасностей и возможностей органов власти регулировать данные угрозы, используя надлежащие контрмеры. Одной из имеющихся угроз защиты информации служит потеря сведений по техническим каналам. Объектами допуска являются элементы информатизации органов государственной и муниципальной власти, в том числе технологическое оборудование, архивы, специализированные библиотеки, те объекты, в которых имеется информация ограниченного допуска. Для преодоления большей части технических каналов утечки сведений органы власти осуществляют технологически сложные методы защиты информации.

Проанализированы наиболее значимые факторы, стимулирующие угрозы информационной безопасности деятельности органов власти. Органы муниципальной власти отмечают незащищенность в технологическом плане информационных систем, создаваемых на территории муниципального образования, которыми могут являться:

- незаконное использование и сбор информации;
- несоблюдение технологий обработки информации;
- внедрение нелицензированных программных компонентов;
- активное вмешательство в ключевые системы защиты данных;
- взлом паролей и средств защиты информации;
- утечка информации по техническим каналам;

- внедрение средств-устройств перехвата информации по каналам связи;
 - хищение, уничтожение носителей информации;
 - перехват информации в сетях, дешифрование информации;
- несанкционированный доступ к информации, находящейся в базах данных;
- нарушение нормативных правовых актов, ограничивающих распространение информации.

Сформулированы направления по развитию информационной безопасности, среди которых информационное регулирование функционирование деятельности как государственных, так и муниципальных органов власти. Второе направление – «развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, обеспечение потребностей внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов. Для этого требуется развивать инфраструктуру единого информационного пространства Российской Федерации; отечественную индустрию информационных услуг с одновременным повышением эффективности использования государственных информационных ресурсов; производство в Российской Федерации конкурентоспособных средств и систем информатизации, телекоммуникации и связи, расширять участие России в международной кооперации производителей информационных средств и систем» [1].

Третье направление – защита информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности телекоммуникационных систем. С этой целью необходимо повышать безопасность в первую очередь первичных сетей связи, федеральных органов власти, органов власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Особое внимание по защите информационных ресурсов надо обратить на финансовокредитную сферу, на административно-хозяйственную деятельность, на вооружение, военную технику, инфраструктуру всех органов власти и их ресурсное обеспечение.

Существуют следующие тенденции совершенствования информационной безопасности муниципалитетов Забайкальского края: административный и организационный уровни. Административный путь предполагает улучшение нормативно-правовой

базы информационной безопасности. Организационный уровень ориентирован на улучшение защиты информации путем технизации управления (введение паролей пользователей; ограничение доступа к серверам; плановое сканирование систем и обновление антивирусных программ; установка на компьютер-сервер сетевого экрана Agnitum Outpost FireWall). С целью защищенности объектов вычислительной сети должна применяться программа информационной защиты персональных компьютеров от спама и защита рабочих станций управленцев.

Список литературы

- 1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646). URL: https://www.garant.ru/ products/ipo/prime/doc/71456224/ (дата обращения: 21.01.2020).
- 2. Лопатин В. Н. Теоретико-правовые проблемы защиты единого информационного пространства и их отражение в системах российского права и законодательства. URL: https://elibrary.ru/item. asp?id=21585664& (дата обращения: 17.01.2020).
- 3. Официальный сайт форума «Открытые инновации». URL: https://openinn ovations.ru/press-center/news (дата обращения: 17.01.2020).

INFORMATION SECURITY DEVELOPMENT TENDENCIES IN THE TRANSBAIKAL REGION

T. E. BEYDINA, A. V. NOVIKOVA, A. N. KUKHARSKY

Trans-Baikal State University, Chita

Abstract. The article describes the author's description of the information security of authorities on the example of the Trans-Baikal Territory and identifies ways to improve the information security of Trans-Baikal. As follows from the above material, the information space of government is composed of information and telecommunication systems that provide information support for the security of individuals, society, and the state. It analyzes the dynamics of civil society related to ensuring maximum and free access of citizens to information on the activities of government bodies. This access institution provides assistance in monitoring the actions of bodies and has a constructive influence on their decision-making. Prospects for further study of the problem are associated with achieving the effectiveness of the information security system, with the creation of development options for both state and municipal information protection systems. Ensuring continuous communication and interaction between people in the interests of both the population of public spaces and the bodies of state and municipal authorities involves the implementation of the e-Government program.

Keywords: information security, Trans-Baikal Territory, authorities, communications, information protection.

Бейдина Татьяна Евгеньевна – доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра государственного, муниципального управления и политики, факультет экономики и управления, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: beydina@inbox.ru

Beydina Tatyana Evgenievna – Doctor of Sciences (Political), Professor, Head, Department of State, Municipal Management and Politics, Trans-Baikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: beydina@inbox.ru.

Кухарский Артем Николаевич - аспирант, кафедра государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: kukharskijjartom@yandex.ru

Kukharsky Artyom Nikolaevich – Postgraduate, Department of State, Municipal Management and Politics, Trans-Baikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: kukharskijjartom@yandex.ru

Новикова Анна Владимировна - кандидат политических наук, доцент, кафедра государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: anna novikova2010@mail.ru

Novikova Anna Vladimirovna - Candidate of Sciences (Politology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of State, Municipal Management and Politics, Trans-Baikal State University, Chita, Russian Federation, e-mail: anna_novikova2010@mail.ru

УДК 070:343.32(470)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ ОФИЦИАЛЬНЫМИ РОССИЙСКИМИ ГАЗЕТАМИ

М. И. ВОЛГУШЕВА, Г. В. ЛОГУНОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается освещение террористических актов средствами массовой информации; исследуется, как трактуются различными газетами выбранные для анализа теракты. Выявлено общее и различное в подходах к освещению террористических актов официальными российскими газетами.

Ключевые слова: террористический акт, средства массовой информации.

Терроризм – явление не новое. С каждым годом количество терактов не уменьшается, становясь неотъемлемой частью жизни людей. Подтверждением этого является теракт в Новой Зеландии, в мечетях г. Крайстчерч. Освещение террористических актов средствами массовой информации осуществляется с целью информирования населения. Однако трактуются события в каждой газете по-разному. Анализу того, как преподносит теракты то или иное печатное периодическое издание, посвящается данная статья.

Для анализа были выбраны четыре официальные газеты России. Отбор осуществлялся исходя из их политической направленности, территории распространения и индивидуальной специфики СМИ. Это газеты: «Аргументы и факты» («АиФ») - одна из

самых влиятельных газет, которая входит в топ-10 газет России. Издание принадлежит мэрии Москвы; «Вечерняя Москва» – столичная газета, выпускаемая московским правительством; «Новая газета» – либерально-оппозиционная популярная газета, известная своими смелыми предположениями; «Восточно-Сибирская правда» («ВСП») – независимое иркутское областное издание, региональная газета, которая интересна особенностями преподнесения событий в нашем регионе. Иркутские журналисты находятся на значительном расстоянии от чрезвычайных событий и имеют меньше возможностей получить оперативную достоверную информацию. То, как они преодолевают этот барьер и какой результат региональные читатели получают в итоге, является основной причиной при выборе данного СМИ.

В качестве объектов анализа взяты три теракта с учетом особенностей каждого из них:

- 1. Теракт 11 сентября 2001 г. в США крупнейший в мире по числу жертв. Он до сих пор вызывает множество споров, спровоцированных причиной крушения башен-близнецов, которые нашли широкое освещение на страницах российских газет.
- 2. 23-26 октября 2002 г. захват заложников в здании Театрального центра на Дубровке. Меры по освобождению заложников вызвали серьезную критику и споры, что дает основу для выступлений в СМИ до настоящего времени.
- 3. 22 марта 2016 г. взрывы в брюссельском аэропорту и брюссельском метрополитене. Ответственность за произошедшее взяла на себя запрещенная в Российской Федерации организация ИГИЛ.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить, каким образом освещаются террористические акты средствами массовой информации, и выявить причины различного трактования одного и того же события.

Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) проанализировать содержание материалов;
- 2) изучить приемы освещения террористических актов каждой из выбранных газет;
 - 3) выявить общее и различное в подходах изложения материала.
- В качестве метода исследования был использован контентанализ методика объективного качественного и систематического изучения содержания средств коммуникации. Это анализ фор-

мы и содержания текстов и информационных источников: их обработка, оценка и интерпретация. Он позволяет исследовать объекты, явления, процессы и свойства социальной реальности, которые представлены в этих текстах.

Принцип работы заключался в поиске материала на официальных сайтах газет. Был изучен архив по запрашиваемому теракту. Выбор новости осуществлялся после установления совпадения заголовка и ведущего абзаца с сутью материала. После устранялись те новости, которые напрямую не касались террористических актов, внимание сосредотачивалось на материале, подходящем для исследования. В среднем было взято около 10 публикаций в каждой газете по заданной теме. Количество не удалось сравнять, так как не все газеты освещали некоторые теракты.

1. Теракт 11 сентября в США

11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке два самолета врезались в башни Всемирного торгового центра. В результате теракта погибло 3 тыс. чел., не считая террористов. Крупнейший в истории по числу жертв теракт, по официальным данным, был спланирован «Аль-Каилой».

1.1. «Новая газета»

«Похоже, что операцию готовили люди, не только свободно передвигавшиеся по стране, но и безусловно находившиеся вне подозрений» [1] – основная мысль, которая проходит во всех ранних материалах газеты. «Новая» не страшится громких фраз и утверждений, она открыто говорит о том, что это был не арабский теракт, а долго планируемый взрыв со стороны США. Большое количество аналитического материала, экспрессивных оценочных суждений, неофициальных теоретических предположений содержится на страницах газеты. Столь смелые выступления могут быть обусловлены политической направленностью. Газета не ограничена цензурой, в связи с чем вольно излагает свое отношение к произошедшему.

1.2. «Аргументы и факты»

Газета придерживается умеренной позиции. Не выступает на чьей-либо стороне. В 2001 г. не было никаких шокирующих статей и предположений. В материалах в основном содержатся репортажи с места событий, информационные заметки. «АиФ» также упоминает о предположительном взрыве со стороны США, но не утверждая этого. Эта тема затрагивается в интервью с Джульетто

Кьеза, который написал книгу Zero об 11 сентября. «АиФ» не поддерживает Джульетто, который настаивает на том, что теракт был организован США. Газета задает вопросы, ответы на которые исчерпали бы сомнения, пытается быть наиболее объективной. Основные информационные поводы: смерть Усама бен Ладена в 2011 г., сожжение Корана в День памяти и другие новости, которые не содержат аналитики.

1.3. «Вечерняя Москва»

Нейтральное освещение теракта – поминутный репортаж, заметки о годовщине терактов, о виновных и осужденных. Архивные материалы не охватывают события 2001 г., информационные поводы датируются 2012 г. Вероятно, из-за временного барьера газета не содержит аналитических, оценочных выступлений.

1.4. «Восточно-Сибирская правда»

В наше время материалы о теракте «ВСП» не предоставляются. Специфика материалов данной газеты своеобразная, не похожая на другие. Аналитические материалы посвящены не самому обсуждаемому вопросу – почему обрушились «близнецы», а терроризму в целом, его историческим корням. В основном материалы о данном событии обретают форму опроса или интервью.

2. Теракт на Дубровке 23-26 октября 2002 г.

Захват заложников в Московском театральном центре, начавшийся 23 октября и продолжавшийся по 26 октября 2002 г. Было взято в заложники 916 чел., 130 погибло (по официальным данным).

2.1. «Новая газета»

Большое количество материала по этой теме публикуется газетой, но в каждом из них авторы освещают только одну сторону события. «Новая» обвиняет спецслужбы за применение неизвестного газа, из-за которого погибли заложники. Газета эмоционально воздействует на читателя через оформление текста: «Они НЕ ПОГИБЛИ», – поправляют чиновники. А что же с ними случилось – со 130 задохнувшимися и неспасенными?» [2]; через выразительные средства речи – риторические вопросы и эпитеты. Материалы о теракте только аналитические, эмоционально выраженные. Часто за оценочными статьями теряется мысль автора.

2.2. «Аргументы и факты»

Газета отличается объективным освещением теракта. Не выносятся на широкую публику предположения о виновности спецслужб до основного разбирательства в суде. Газета опубликовывает различные точки зрения, иногда полностью противоречащие

друг другу, для того чтобы читатель, имея фактологическую базу и предположения, сам сформировал свое мнение. Освещается теракт во всех жанрах, информационный преобладает. Качество изложения высокое, всегда понятен мотив информационного повода.

2.3. «Вечерняя Москва»

Газета не строит предположений, не анализирует и не разбирает теракт. Только информационное освещение произошедшего. «Вечерняя Москва» пишет о задержанных террористах, днях памяти и о материальной стороне вопроса.

2.4. «Восточно-Сибирская правда»

Газета немного писала о теракте, опиралась на изложенные другими СМИ предположения. Освещение происшествия поверхностное, на формирование позиции по этому вопросу у читателей не претендует.

3. Террористические акты в Брюсселе 22 марта 2016 г.

Взрывы в брюссельском аэропорту и брюссельском метрополитене на станции «Малбек» – погибло 38 чел. Ответственность за произошедшее взяла на себя организация «Исламское государство».

3.1. «Новая газета» и «Вечерняя Москва»

Обе газеты публикуют безоценочные материалы, в которых отображаются действия террористов. Принцип освещения – сжатое информирование.

3.2. «Аргументы и факты»

Издание не придерживается нейтральной стороны. Спектр журналистских жанров разнообразный, с помощью которого газета говорит о том, что ИГИЛ – это зло. Методы достижения этой цели на страницах газеты очевидны. Авторы предупреждают об опасности террористической группировки.

3.3. «Восточно-Сибирская правда»

Материалов нет.

Таким образом, все выбранные газеты преподносят террористические акты разнообразно. Тенденции каждой обусловливаются индивидуальной спецификой. Газеты напрямую зависят от политической направленности и территории распространения.

Либерально-оппозиционной «Новой газете» присущи такие черты, как поспешность выводов, предвзятость, эмоциональность. В большинстве материалов газета критикует власть, государственные органы и службы. За негативно-оценочными материалами маскируется цель издания, которое стремится подорвать

репутацию действующего государственного аппарата и главы государства.

Газеты с умеренной политической позицией такие, как «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва» и «Восточно-Сибирская правда», различаются между собой территорией распространения. Каждая газета объективно освещает теракт и каждой присуще сдержанное и беспристрастное повествование с фактологической базой. Но качество информирования и глубина рассуждения у газет разные. Областная «Восточно-Сибирская правда» уступает другим изданиям по количеству материалов и аналитике, что связано с ее территорией распространения. Основной газетой, имеющей притязание на формирование позиции у читателя, является «Аргументы и факты», которая тиражируется по всей стране. Газета дает всестороннее рассмотрение ситуации, опираясь на которое, читатель формирует свою точку зрения, в зависимости от его индивидуальности.

Равным образом было выявлено сходство между газетами. Теракт, совершенный ИГИЛ, двумя изданиями освещен слабо, а одним не освещен совсем. Теракт в Брюсселе был рядовым у террористической группировки. До этого события «Исламское государство» осуществило не один десяток подобных действий, которые стали в нашем обществе обыденностью. Предполагаем, что отсутствие аналитических материалов обусловлено изобилием подобных преступлений.

Итак, освещение террористических актов – явление противоречивое. Способы и мотивы у каждого СМИ различные. Методы подачи материала, которые могли бы воздействовать на читателя, газеты используют разнообразные. Если задача журналиста – рассказать правду, то чаще используются те жанры журналистики, с помощью которых материал показался бы наиболее убедительным – это интервью со специалистами или очевидцами. При информировании населения авторы используют заметки и репортажи, которые вводят в курс дела. Если же задача – манипулировать, то материалы не сопровождаются фактами, перенасыщены выразительными средствами речи и оценочными суждениями.

Причины различного трактования одного и того же теракта связаны с целью газеты. Из всех проанализированных газет выделены две цели. Первая цель – освещение проблемы терроризма в мире – присуща всем газетам. Вторая цель – настраивание обще-

ства против действующего правительства, критика в его адрес. Ее преследует «Новая газета», которая стремится сформировать либерально-оппозиционную точку зрения у читателя. Газета такого порядка характеризуется выступлением перед читателями со слабой доказательной базой. Связано это с желанием опубликоваться в СМИ как можно раньше, для того чтобы сильнее воздействовать на аудиторию. В связи с этим уровень достоверности газеты падает.

Список литературы

- 1. Поджог рейхстага в Нью-Йорке // Новая газ. 2001. 17 сент. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2001/09/17/10850-podzhog-reyhstaga-v-nyu-vorke (дата обращения: 20.01.2019).
- 2. Год после «Норд-Оста». Приватизация беды // Новая газ. 2003. 20 окт. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2003/10/20/16832-god-posle-nord-osta-privatizatsiya-bedy (дата обращения: 15.02.2019).

THE MAIN TRENDS IN THE COVERAGE OF TERRORIST ACTS IN THE OFFICIAL RUSSIAN NEWSPAPERS

M. I. VOLGUSHEVA, G. V. LOGUNOVA Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with the coverage of terrorist acts by the mass media; examines how different Newspapers interpret the terrorist acts chosen for analysis. Common and different approaches to the coverage of terrorist acts by official Russian Newspapers are revealed.

Keywords: terrorist act, mass media.

Волгушева Мария Игоревна - студент, Институт филологии, иностарнных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: volgusheva.maria@yandex.ru

Volgusheva Maria Igorevna – Student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: volgusheva.maria@yandex.ru

Логунова Галина Викторовна - кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Logunova Galina Viktorovna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: logunova@admin.isu.ru

ОБРАЗ «ИДЕАЛЬНОГО» ГУБЕРНАТОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. С. ГАНЖА, Д. А. МЯСНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается проблема выстраивания определенного образа кандидата в губернаторы Иркутской области, анализируются предпочтительные для избирателей характеристики. Дается определение понятию «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. Изучены основные запросы со стороны электората к кандидатам на пост губернатора Иркутской области. Проведены качественное и количественное социологические исследования. Определены основные личностные и общественные характеристики «идеального» губернатора.

Ключевые слова: имидж, образ, высшее должностное лицо, губернатор, выборы.

Как известно, система органов власти в Российской Федерации делится на два уровня: федеральный и региональный. Ключевое звено региональных органов власти – высшее должностное лицо субъекта федерации. Высшее должностное лицо (далее – ВДЛ) субъекта Российской Федерации – руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, представляющий субъект [1].

Значение ВДЛ в политической системе Российской Федерации несомненно, так как именно институт высших должностных лиц субъектов является в первую очередь тем звеном в вертикали власти, которое находит баланс между запросами жителей региона и задачами, поставленными федеральными органами исполнительной власти. Без глав регионов на сегодняшний момент будет серьезно затруднено развитие и функционирование субъектов Российской Федерации, более того, именно пост губернатора является наиболее политически значимым для всех акторов региональной политики. Поэтому изучение института высших должностных лиц является актуальной на сегодняшний день темой для исследований.

Основной составляющей успеха или неудачи избирательной кампании любого уровня остается правильное выстраивание имиджа кандидата. Образ должен попадать в запросы целевой аудитории (в данном случае электората). Данная статья как раз и посвящена выявлению данных запросов.

Помимо общетеоретических методов, были использованы эмпирические, такие как метод экспертного опроса и количественное исследование посредством анкетирования (количественный

опрос респондентов, «опрос случайного прохожего» и интернетопрос). В связи со сложностью проведения полноценного социологического исследования в масштабах области была определена выборка в двести человек (сто – из Иркутска и сто – из различных населенных пунктов Иркутской области). Данное исследование является пилотажным с построением выборки, максимально приближенной к репрезентативной и реализуемой в рамках работы.

Опираясь на данные Иркутскстата по численности населения на 1 января 2019 г., была выделена выборка исследования, которая представлена в табл. 1.

Таблица 1 Выборка исследования: количество респондентов и их разделение по полу и возрасту, г. Иркутск

Возраст	Мужчины	Женщины
18-30	12	14
31-55	21	25
56 и старше	10	18
Итого	43	57

Как мы можем видеть из таблицы, мужчин во всех возрастных группах в г. Иркутске меньше, нежели женщин. Перейдем к рассмотрению табл. 2.

Таблица 2 Выборка исследования: количество респондентов и их разделение по полу и возрасту вне г. Иркутска (городское население)

Возраст	Мужчины	Женщины
18-30	7	7
31-55	16	18
56 и старше	9	16
Итого	32	41

В городах вне Иркутска ситуация практически аналогичная, за исключением представителей групп младших возрастов, где количество мужчин и женщин равное. Обратимся к табл. 3.

Таблица 3 Выборка исследования: количество респондентов и их разделение по полу и возрасту вне г. Иркутска (сельское население)

Возраст	Мужчины	Женщины			
18-30	3	3			
31-55	6	6			
56 и старше	4	5			
Итого	13	14			

В селах Иркутской области, согласно выборке, наблюдается равенство опрошенных мужчин и женщин. Однако присутствует небольшой перевес в пользу последних в старших возрастах.

Кроме Иркутска, в опросе приняли участие жители городов: Ангарска, Черемхово, Братска, Железногорска-Илимского, Усолья-Сибирского, Усть-Илимска, Шелехова, поселков: Качуг, Тельма, Баклаши, рабочего поселка Марково, сел: Чемодариха, Малое Голоустное.

Была определена трехступенчатая выборка – пол, возраст, место жительства – как наиболее отвечающая цели исследования. Три группы возрастного деления отражают социальную структуру общества: 18–30 лет – молодежь, зачастую не создавшая еще семьи и не родившая детей, на выборы ходит редко; 31–55 лет – средний возраст, семейные, работающие, начинают ходить на выборы; 56 и старше – предпенсионный и пенсионный возраст, часто ходят на выборы. Данные о предпочтениях сельских и городских респондентов позволяют точнее определить различия и сходство в запросах избирателей Иркутской области. Различий в ответах респондентов, отвечавших очно и в Интернете, влияющих на результат, не выявлено, поэтому результаты приводятся в обобщенном виде.

В процессе разработки анкеты для определения наиболее актуальных характеристик был проведен экспертный опрос, в ходе которого было опрошено семь экспертов из разных сфер общественно-политического процесса. На основании ответов экспертов была произведена доработка анкеты количественного опроса. Все характеристики и запросы, выявленные автором в ходе проведения исследования, можно условно разделить на два типа: так называемые личностные (пол, возраст, семейное положение претендента и т. д.) и так называемые общественные (партийность, сфера деятельности претендента и т. д.)

Итоговый портрет личностных характеристик, выявленных автором в ходе исследования: скорее, станет губернатором местный мужчина пятидесяти лет, городского происхождения, с техническим образованием, занимающийся спортом, имеющий детей, верующий, но не выставляющий это напоказ и не лоббирующий интересы своей религии.

Если рассматривать пул общественных характеристик, то они таковы: опытный политик скорее с демократическим стилем управления, самовыдвиженец (если все же представитель партии,

то или КПРФ, или «Единая Россия»), профессионально занимающийся политикой, со средним достатком, известный, избранный, а не назначенный, честный, ориентирующийся на мнение жителей области (но совмещающий его с мнением президента), выступающий за развитие области, арбитр между разными силами (при этом в случае необходимости проявляющий себя как человек жесткой руки), общающийся с людьми, и на своем посту ему лучше оставаться два срока. Разумеется, ни один из факторов сам по себе не является определяющим, однако совокупность их наличия у потенциального кандидата повышает вероятность симпатий избирателей. Также, согласно качественной расшифровке ответов экспертов и респондентов, потенциальному претенденту (или непосредственно ВДЛ региона) крайне важно предложить и реализовать так называемый проект прорывного развития в масштабах области. В качестве примера приводились: строительство 130го квартала (при Д. Мезенцеве), строительство нового терминала иркутского аэропорта и т. д.

По прошествии выборов губернатора Иркутской области можно с уверенностью заявить, что кандидаты, занявшие первое и второе места (Игорь Кобзев и Михаил Щапов соответственно), больше других попадали в запросы, выявленные автором в ходе исследования. Сравнительный анализ представлен в прил. 1–2.

Список литературы

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 24.10.2019).

ПРИЛОЖЕНИЯ Приложение 1 Сравнительная таблица соответствия выявленных личностных характеристик у основных претендентов на пост ВДЛ Иркутской области

Городское Техническое Занимается Имеет Претендент Мужчина 50 лет Местный происхожобразование спортом детей дение 54 Игорь + + 4 Кобзев года Михаил 45 4 Щапов

Сравнительная таблица соответствия выявленных общественных характеристик у основных претендентов на пост ВДЛ Иркутской области

Претен- дент	Опыт- ный поли- тик	Демокра- тический стиль управле- ния	_	Про- фессио- наль- ный политик	нии доста- ток	Извест вест- ный	Ориен- тация на мнение жителей области	За разви- тие обла- сти	Ар- битр между разны- ми силами	людьми
Игорь Кобзев	+ -	мало данных для анализа	+	1	-	+ -	+	+	+ -	+
Михаил Щапов	+	мало данных для анализа	-	+	-	+ -	+	+	+ -	-

THE IMAGE OF THE «IDEAL» GOVERNOR IN THE VIEWS OF VOTERS OF THE IRKUTSK REGION

N. S. GANZHA, D. A. MYASNIKOV Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The problem of building a certain image of a candidate for Governor of the Irkutsk region is considered, and the characteristics that are respectful to voters are analyzed. The definition of the concept of the highest official of the subject of the Russian Federation is given. The main requests from the electorate to candidates for the post of Governor of the Irkutsk region were studied. Qualitative and quantitative sociological research was conducted. The main personal and social characteristics of the «ideal» Governor are defined.

Keywords: image, the highest official, the Governor, the election.

Ганжа Никита Сергеевич - магистрант, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: nikktoss@yandex.ru

Ganzha Nikita Sergeevich - Undergraduate, Department of Political Sciences, History and Region Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: nikktoss@yandex.ru

Мясников Дмитрий Александрович - кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mda80@yandex.ru

Myasnikov Dmitry Alexandrovich - Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mda80@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

И. А. ГРИГОРЬЕВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Раскрывается проблема формирования политических ценностей современной российской молодежи. Анализ материалов проведенных социологических исследований за 2014–2019 гг. показывает, что на сегодняшний день у молодого поколения такие ценности, как гражданственность и патриотизм, оформлены как ведущие. Большая часть молодежи аполитична и пассивна, лишь небольшая группа активно участвует в политической жизни своего региона и страны.

Ключевые слова: молодежь, политические ценности, политика, патриотизм, социологические исследования.

Россия – страна возможностей в различных сферах жизни для всех категорий населения. Молодежь – это особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет, характеризующаяся специфическими интересами. Молодое поколение играет значительную роль в становлении политической культуры, а также является одним из самых важных ресурсов любого государства.

Политическая культура – это часть общей культуры, включающая в себя исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение граждан [8]. Другими словами, политическая культура – это такая система ценностей, различных установок, убеждений, представлений, моделей поведения, которые проявляются в конкретной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивают динамику политической жизни общества на основе преемственности [7, с. 60].

Политические ценности у представителей социальных групп населения разные, но особого внимания заслуживают уникальные политические ценности молодого поколения, которые очень динамичны, меняются под влиянием окружающей их социальной среды. Когда одно поколение молодежи сменяет другое, соответственно, происходит изменение в ценностных установках, следовательно, всегда исследование их остается актуальным [11, с. 757].

Тема политических ценностей актуальна и обусловлена российскими реалиями, в которых молодое поколение занимает одну из важных позиций современного общества. Доказательством этому может служить обширная проводимая молодежная полити-196 ка как на федеральном уровне, так и на региональном, где патриотическое воспитание ставится практически во главе и реализуется с помощью культурного образования и воспитания молодежи, создания патриотических молодежных движений и проведения различного рода мероприятий [5, с. 3].

Для того чтобы изучить особенности формирования политических ценностей молодежи, автором был проведен вторичный анализ социологических исследований.

Первое выбранное нами исследование проводилось в 2014 г. в г. Астрахани, в ходе которого было опрошено 100 чел. в возрасте от 18 до 25 лет методом анкетирования. Анализ показал неоднозначное представление о ценностных установках молодежи Астрахани. 38 % опрошенных считают себя патриотами России, в противовес этому 8 % – не считают себя патриотами, 41 % – скорее да, чем нет и 13 % – скорее нет, чем да. Это говорит о том, что чуть больше трети респондентов относят себя к числу патриотов и делают это осознанно, потому что они выделяют такие качества, присущие патриотам, как любовь к Родине (68 %), соблюдение законов государства (57 %), знание и гордость за культуру страны (45 %), защита страны с оружием в руках при необходимости (39 %) и др. Что же касается политической активности молодых людей, то, судя по опросу, она низкая, потому что лишь 12 % ходят на выборы, 14 % - если позволяет время, по 37 % - от случая к случаю и вообще никогда не ходили на выборы. Отсюда следует, что, несмотря на одну из значимых ролей молодежи, по мнению опрошенных, - это активное участие в голосовании на выборах (36 %), на самом деле картина отрицательная, возможно, это связано с незаинтересованностью в политике. Это может подтвердить то, что всего 16 % молодых людей внимательно следят за происходящими в стране событиями, в частности экономическими и политическими, не интересует эта сфера 37 % респондентов. Наибольшее число респондентов (53 %) ответили, что основными факторами, которые влияют на формирование политических ценностей молодежи, являются средства массовой информации, на втором месте - интернет (47 %) и семья (46 %), замыкает тройку образовательные учреждения. Это связано с тем, что СМИ сейчас активно представлены во многих социальных сетях, где молодое поколение проводит достаточно времени.

Анализ проведенного социологического исследование позволяет сделать вывод о том, что молодежь имеет как политические

знания, так и обладает политическими ценностями и определенными установками. Также опрос показал, что молодые люди понимают смысл термина «патриот» и большинство осознанно относят себя к их числу. В то же время молодежь политически неактивна, что говорит о неустойчивом состоянии системы ценностей данной группы населения [11, с. 759–760].

Следующее анализируемое исследование проводилось весной-летом 2017 г., были опрошены молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет, общероссийская выборка составляла 1600 чел. Большая часть респондентов выделила такие ключевые ценности Российского государства, как справедливость (69,2 %), патриотизм (56,8 %), уважение к традициям (55,5 %), равенство (48,6 %). Треть опрошенных (33,5 %) выбрали такую ценность, как державность, и 14,3 % считают, что ключевой ценностью является ориентация России на западные идеалы. Таким образом, российская молодежь положительно рассматривает свою страну с точки зрения ее главных ценностей. На вопрос о патриотизме ответы были разнообразные: 33 % - считают себя патриотами, 41,4 % - скорее да, чем нет, но каждый шестой признался в том, что не относит себя к числу патриотов: 9,6 % - скорее не считают себя патриотами, чем считают, 7,4 % - не относят себя вообще к патриотам и 8,3 % - затруднились ответить на этот вопрос. Возможно, протестное настроение имеют молодые люди, не признающие себя патриотами России и уезжающие из нее. Каждый пятый из опрошенных (20 %) на вопрос о миграции изъявил желание уехать из России и жить за границей, но 71,6 % все-таки хотели бы остаться на Родине, при этом часть из них - сменить регион проживания.

В настоящее время одной из областей самореализации молодежи выступает политическая сфера, функционируют различные политические партии и общественные организации, которые открыты для молодых людей. Они представляются каналами для социальной мобильности молодежи. Результаты опроса показали, что у молодого поколения есть умеренный интерес к политической сфере. Почти половина респондентов (48,9 %) интересуется политикой от случая к случаю, 30,7 % – не интересна политическая сторона жизни вообще. Таким образом, можно сказать о том, что большая часть опрошенных молодых людей аполитична, а следовательно, они могут быть подвергнуты манипуляции в этой сфере в силу отсутствия знаний и интереса к политическим событиям. Лишь 16,5 % тщательно и с большим интересом наблюдают 198

и даже сами принимают активное участие в политической жизни как России, так и мира [1]. Таким образом, необходимо как можно больше предоставлять молодежи возможностей для реализации своих интересов в политической сфере. Результатом этого будет активное вовлечение молодого поколения в вопросы политики и государства.

В мае-июне 2019 г. немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром» было проведено исследование «Российское "Поколение Z"»: установки и ценности». Были опрошены молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет, общероссийская выборка составляла 1500 респондентов [9, с. 52]. Более 80 % опрошенных не интересуются политикой или не имеют однозначного мнения на этот счет. Проявляют же интерес лишь 19 % респондентов, что подтверждает тезис об отсутствии выраженного интереса молодежи к политической сфере. Объяснить это можно не только непониманием смысла политической деятельности и принципа работы политики, но и тем, что повседневная жизнь молодежи мало связана с политикой в том смысле, в котором она себе ее представляет, говорится в исследовании. Также необходимо отметить, что интерес к региональной политике еще менее выражен, чем интерес к политическим событиям федерального значения, потому что молодые люди знают очень мало о политической сфере (только 3 % опрошенных оценивают свои знания как достаточные и 8 % - скорее, как удовлетворительные).

Политические взгляды у молодого поколения разнородные, в большинстве (28 %) молодежь придерживается социал-демократических взглядов, 16 % относит себя к русским националистам, 12 % – к либералам, коммунистические идеи поддерживают 11 %, сторонников режима «тяжелой руки» оказалось 6 % и аграрников 4 %. Это говорит о дифференциации политических взглядов, которая обусловлена, скорее всего, различным социальным положением респондентов, уровнем образования и их социальным статусом [3]. Таким образом, несмотря на отчужденность от политики, молодое поколение имеет собственные политические взгляды и ценности, которые необходимо развивать дальше.

В 2017 г. было проведено исследование коллективом Московского государственного университета управления на тему «Ценности российской молодежи» с помощью такого метода исследования, как экспертное интервью. Опрашивались научные работники, специализирующиеся в сфере исследований молодежной

проблематики, и руководители образовательных организаций [12, с. 48–49]. Эксперты отметили, что та часть молодого поколения, которая работает, в меньшей степени учитывается в процессе осуществления молодежной политики, здесь необходимо делать акцент на неработающую и студенческую молодежь.

По мнению экспертов, основными ценностями современной российской молодежи выступают: материальные ценности, любовь/отношения, дружба/социальные контакты/общение, патриотизм/гражданская позиция, культурные ценности/ культурная идентичность, карьера, индивидуализм, ЗОЖ, самореализация, образование, социальная успешность, семья, удовольствия, стремление к переменам. Стоит обратить внимание, что патриотизм как составляющая политических ценностей находится в ТО-Пе-5 всех ценностей молодежи, следовательно, он играет ключевую роль в жизнедеятельности молодых людей. Эксперты указали, что гражданская позиция и патриотизм среди сегмента младшей молодежи занимают 3-4-е место, а вот старшая молодежь осознает патриотизм и свою гражданскую позицию, которые оформлены у нее как ведущие ценности [12, с. 54].

Источниками формирования ценностей, по мнению экспертов, выступают образовательные организации, семья, друзья, СМИ, Интернет. Первые три источника являются основополагающими, а остальные – второстепенными. Но, несмотря на это, формирование и развитие политических ценностей зависят напрямую в большей степени от них, так как современная молодежь достаточно много времени проводит в сети Интернет, СМИ широко представлены в социальных сетях, откуда молодое поколение черпает информацию. Одновременно эксперты отмечают, что молодежь в большинстве своем пассивна, не готова отстаивать личные интересы, как и общественные, и политические. Конечно же, есть та часть, которая убеждена защищать свои интересы, а также бороться за свою гражданскую позицию и патриотизм [12, с. 60].

Проанализировав данное исследование, можно сказать, что современная российская молодежь неоднородна, она очень разная. Результаты экспертного интервью показывают, что у молодежи ярко выражена сегментированность, которая проявляется и в выборе ценностей ориентации, и в оценке своих будущих перспектив. Таким образом, необходимо дальше развивать молодежную политику в России, активно включаться в работу с молодым поколением на предмет формирования их политических ценно-

200

стей и предоставить еще больше вариантов самореализации молодежи в политической сфере [12, с. 74].

Если говорить про Иркутскую область, то и здесь проводятся социологические исследования, которые затрагивают тему политических ценностей молодежи, но их сравнительно немного. В первом квартале 2009 г. исследование проводилось комплексно среди молодежи Иркутской области в возрасте от 14 до 30 лет, выборка составляла 1000 чел. На вопрос о том, откуда молодые люди получают информацию о политических событиях, происходящих в регионе, стране и мире, ответы разделились следующим образом: из СМИ - 73, 9 %, от знакомых и родственников - 20,5 %, из других источников - 5,6 %. Под средствами массовой информации молодежь понимает телевидение - 78,5 %, печатную прессу -24,7 % и Интернет - 20,7 %. Это говорит о том, что популярность Интернета была еще незначительна, и предпочтение отдавалось телевидению. Таким образом, 11 лет назад ценности молодежи формировались немного другим способом, потому что основной массив информации они получали от просмотра телепередач и от общения с близкими людьми [6].

С 21 апреля по 1 июня 2020 г. по инициативе Молодежного парламента Иркутской области проходило социологическое исследование, но тема политических ценностей не была затронута. Опросник включал в себя темы, посвященные трудоустройству и профессиональному развитию, ценностям и жизненным планам, условиями для спорта и творчества, а также в отдельный блок были вынесены вопросы добровольчества. Таким образом, исследование показало, что молодежь Иркутской области заинтересована в развитии малой Родины и основными ценностями являются семья, друзья и здоровье, активно развивается добровольческая деятельность [2].

В государственных докладах Министерства по молодежной политике Иркутской области есть целый раздел, посвященный политическому становлению и гражданской позиции молодежи, т. е. каждый год проводится исследование для выявления степени интереса молодого поколения Иркутской области к политике. В последнем из государственных докладов (за 2018 г.) сделан акцент именно на моделях поведения молодого электората. В ходе исследования были выделены три модели негативного электорального поведения молодежи, среди них:

1) «На выборы не хожу, потому что никому не верю»;

- 2) «На выборы не хожу, потому что мой голос ничего не изменит»;
- 3) «На выборы не хожу, потому что мне это вообще неинтересно».

Таким образом, исследование показывает, что молодежь, негативно относящаяся к выборам, может стать объектом для манипулирования в период избирательных кампаний. Необходимо вовлекать молодежь в избирательный процесс с целью повышения эффективности ее самореализации в политической сфере. Для этого нужно совершенствовать старые и реализовывать новые направления и наиболее эффективные формы работы с молодежью в ходе избирательного процесса, а самое главное – повышать уровень электоральной культуры молодых избирателей. Если поставленные цели будут достигнуты, то политические ценности молодого поколения Иркутской области изменятся и будут носить положительный характер во всех смыслах [4, с. 68–69].

С 19 августа по 1 сентября 2020 г. Министерством по молодежной политике Иркутской области проводилось социологическое исследование молодежи от 14 до 30 лет. Среди представленных тем были: «Портрет настоящего патриота глазами молодежи» и «Гражданская позиция и формы политического участия молодежи», которые являются составляющими политических ценностей молодого поколения. Результаты данного исследования опубликованы на сайте Министерства по молодежной политике Иркутской области во вкладке «Деятельность» – «Государственный доклад» [10].

Проведенный анализ показал, что научная работа по вопросу политических ценностей молодежи ведется как в стране в целом, так и на территории Иркутской области. Но изучение этой темы происходит в системе исследований молодежной политики, отдельно данный аспект практически не рассматривается. Таким образом, проблема формирования политических ценностей с каждым годом становится актуальной и набирает обороты для исследований.

Список литературы

- 1. Баранов Н. А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды СПБГИК. 2015. № 208. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ politicheskaya-kultura-rossii-traditsii-i-sovremennost (дата обращения: 06.09.2020).
- 2. Более 2 тысяч человек приняли участие в социологическом опросе среди молодежи Иркутской области // Открытое Правительство Иркутской области. URL: https://clck.ru/Qqxyq (дата обращения: 14.09.2020).
- 3. Более 80 % российской молодежи равнодушны к политике // Ведомости. URL: https://clck.ru/QmijV (дата обращения: 09.09.2020).

- 4. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области» 2018 / Министерство по молодежной политике Иркутской области // Министерство по молодежной политике Иркутской области. Улан-Удэ: Витадини, 2019. 365 с. URL: https://clck.ru/MLRk6 (дата обращения: 09.09.2020).
- 5. Корякина Ю. В. Влияние политических ценностей на политическое поведение молодежи Санкт-Петербурга. СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. 93 с. URL: https://clck.ru/QpwXu (дата обращения: 09.09.2020).
- 6. Озвучены результаты социологического исследования среди молодежи Иркутской области // Иркутская область : офиц. портал. URL: https://irkobl.ru/news/archiv/56811/ (дата обращения: 13.09.2020).
- 7. Подрезов К. А., Смелова М. В. Политические ценности как элемент ценностных ориентиров и политической культуры // Молодой ученый. 2016. № 13. 2(117. 2). С. 57–60. URL: https://moluch.ru/archive/117/32483/ (дата обращения: 03.09.2020).
- 8. Политическая культура // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_культура (дата обращения: 03.09.2020).
- 9. Российское «Поколение Z»: установки и ценности / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина, К. Пипия, А. Рысева. М.: АО «Первая образцовая типография», 2020. 152 с. URL: https://clck.ru/Qmif3 (дата обращения: 09.09.2020).
- 10. Твой легкий способ сделать Иркутскую область лучше // Молодежная политика Иркутской области: [ВКонтакте: социальная сеть]. URL: https://vk.com/wall-118293021_2720 (дата обращения: 14.09.2020).
- 11. Тырнова Н. А., Зулькорнеева Л. И., Исагалиева А. С. Особенности формирования политических ценностей и ориентаций молодежи // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 757–760. URL: https://moluch.ru/archive/62/9529/ (дата обращения: 06.09.2020).
- 12. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С. В. Чуева]. М.: Издат. дом ГУУ, 2017. 131 с. URL: https://clck.ru/Qq2qs (дата обращения: 09.09.2020).

POLITICAL VALUES OF RUSSIAN YOUTH: TOWARDS A PROBLEM STATEMENT

I. A. GRIGORIEVA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article reveals the problem of forming political values of modern Russian youth. The materials of the conducted sociological research for 2014–2020 show that today the young generation has such values as citizenship and patriotism as the leading ones. Most young people are apolitical and passive, but there is a small group that actively participates in the political life of their region, country, and even the world.

Keywords: youth, political values, politics, patriotism, sociological research.

Григорьева Ирина Алексеевна – магистрант, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ira_grigorieva1998@mail.ru

Grigorieva Irina Alekseevna - Undergraduate, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ira_grigorieva1998@mail.ru

ПРОТЕСТНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (КОНТУРНЫЙ АНАЛИЗ)

К. С. ЖУКОВ, А. Д. КАРНЫШЕВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается протестное голосование во время выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. Положения, изложенные авторами, адресованы широкому кругу читателей. Они будут полезны студентам, магистрантам, обучающимся по направлениям «Политология», «Психология», а также сотрудникам аппаратов руководящих органов политических партий, кандидатам на выборные должности во властные структуры разных уровней, их доверенным лицам, организаторам и руководителям избирательных кампаний и членам их команл.

Ключевые слова: многозначность понятия «политика», протестное голосование, социальная и психологическая значимость выборов, личностный феномен, локус контроля, внешний локус контроля, внутренний локус контроля, механизм социальной атрибуции.

Происходящие в последние годы социальные и политические изменения делают проблему электоральных процессов чрезвычайно интересной, в том числе и для политической психологии. «Политическая деятельность» по своему содержанию – понятие многомерное, многоликое. Она всегда выступала и выступает сложным общественным и личностным феноменом, поскольку ее субъектами являются как отдельные индивиды, так и социальные группы и различные политические институты.

В одной из первых книг по политической психологии в России Е. Б. Шестопал и Л. Я. Гозман показывают многозначность политики, в основе которой, по их мнению, есть некая цивилизованная форма отношений по поводу власти.

- Политика как система государственных институтов: президент и парламент, различные министерства и ведомства. В «деталях» этой системы необходимо различать ветви власти (законодательная, исполнительная, судебная); политические организации: партии, общественные объединения и движения, политические лидеры.
- Политика как процесс, поскольку названные политические институты, организации и т. п. постоянно находятся в динамике: «наводят мосты» или, наоборот, размежевываются друг с другом,

меняют свои позиции и формы, совершенствуют методы, создают новые органы и т. п.

- Политика как система правил игры. Любое общество для эффективности и стабильности своего функционирования вырабатывает писаные (нормы, правила) и неписаные (традиции, обычаи) законы. Согласно этим законам, сведенным в конкретные документы или негласные предписания, происходит политическая жизнь. И в ней порой официальный закон становится исключением, а негласное правило, поддерживаемое властной группировкой, официальной нормой.
- Политика как система ценностей, норм, установок. Здесь речь идет об идеологических позициях людей, лежащих в основе их поступков. Идеи и ценности, которым следовали и отдельные лица, и группы, всегда были самыми разнообразными, но без их обобщения, учета и формирования ни одна государственная система или политический лидер не могут оказывать свое влияние на поведение гражданина.
- Политика как вид человеческой деятельности. Субъектами любой политики являются люди: одни из них принимают решения, другие их реализуют в конкретные дела, третьи проявляют свою политическую активность только на выборах и т. п. Но вне поступков и действий людей нет никакой политики, и именно они и есть главный объект политической деятельности [2, с. 8–15].

Многогранность понятия «политика» затрудняет его интерпретацию, поскольку в каждом случае надо понять: о чем конкретно идет речь – о системе, процессе, ценностях или деятельности.

Но есть еще одно, более негативное, последствие феномена многогранности и неисчерпаемости политики: возникает размытость, неопределенность критериев, на основе которых можно судить об эффективности деятельности людей, выступающих в качестве активных субъектов политики. Данная размытость может выступать в самых различных «ипостасях»:

- в обширности и заранее предрешенной несбыточности обещаний и «задумок» политика (особенно в период предвыборного соперничества);
- в возможности «разглагольствовать» о различных глобальных проблемах общества, не затрагивая и не пытаясь решать конкретные острые вопросы развития;
- в отказе заниматься определенными непопулярными и неблагодарными «деятельностями» (нужными и значимыми для

определенных групп населения) со ссылкой на чрезмерную загруженность другими проблемами – подтекст: «нельзя объять необъятное»;

- в возможности политика приписывать себе положительные результаты каких-то дел, в которых принимал лишь косвенное самое отдаленное участие: «"и мы пахали", сказала муха, сидя на лбу у вола»;
- в неопределенности и многомерной разбросанности оснований оценки собственной деятельности, когда в качестве критериев «выискиваются» положительные изменения в разных сферах жизнедеятельности общества (зачастую происшедшие по объективным причинам);
- в стремлении возлагать ответственность за реальные изъяны и недостатки в социально-экономической и иных областях общественной жизни на своих оппонентов и противников, представляя это, прежде всего, как их недальновидность и недоработки;
- в объявлении виновниками срывов и сбоев разного рода политических и социальных мероприятий представителей «мирового империализма, одиозных групп и политических фигур».

В связи с этим политика сегодня как никогда нуждается в выработке четких критериев оценки собственной эффективности в любой из своих сфер.

И при этом, разумеется, возникает вопрос о социальной и психологической значимости выборов. Можно уверенно говорить, что именно выборы властных структур разных видов (законодательные, исполнительные, муниципальные) и уровней (страна, регион, город, район и т. д.) по-настоящему способствуют развитию демократических процессов в России (как с положительными, так и с отрицательными последствиями данного факта).

Выборы представляют собой способ формирования государственных, муниципальных и иных органов, в основе которого лежит волеизъявление граждан в форме или непосредственного голосования, или уполномоченных на то лиц. К основным принципам современных выборов относят:

- а) всеобщий характер право голоса имеет каждый;
- б) свободное участие граждан каждый решает этот вопрос сам;
- в) равное голосование каждый обладает равным количеством голосов;
- г) тайное голосование запрет какого-либо контроля за волеизъявлением граждан.

То, что выборы являются основным способом легитимного (законного) прихода к власти, и в этом своем значении они бесценны, знает и понимает каждый человек.

Но не каждый задумывается о других аспектах социальной и психологической ценности выборов. Анализ различных сторон политических процессов и политической деятельности показывает, что они так или иначе связаны с выборами, отталкиваются от них или строятся на них. Попытаемся отразить это в конкретных аргументах.

Принятое решение об участии в выборах побуждает субъекта политической деятельности (будь то партия, отдельный человек или группа единомышленников) четко определиться с целями и задачами своего участия в жизни страны и (или) региона, начать разработку программы, которую он может предложить избирателям в качестве доказательства своей компетентности в социально-экономических и политических вопросах.

Установление целей и разработка программы, если это делается неформально, требует тщательного анализа социально-экономических, политических, правовых и т. п. аспектов жизнедеятельности конкретной структуры, во власть которой человека или группу приведут выборы. Здесь важно знание запросов и проблем населения (лучше всего в разрезе социальных групп), его отношения к существующей власти и ее потенциальным соперникам и еще многие другие характеристики. Субъект избирательной кампании для соответствующего анализа должен обладать широким кругозором (или, по крайней мере, иметь экспертов соответствующего уровня в своем окружении).

Агитационная работа в ходе предвыборного соперничества позволяет по реакциям избирателей определить, насколько удачно (или, наоборот, неудачно) были избраны цели и приоритеты в решении имеющихся проблем, в улучшении благосостояния жителей и т. п. Одновременно оценка возможной эффективности программных мер дает основу для корректировки целевых ориентиров, средств и способов, с помощью которых их можно достичь. В ходе такой работы уточняются детали и нюансы организаторской работы по реализации планов.

Еще один важный аспект предвыборной «гонки» – это проверка на деле сторонников и последователей политических лидеров, работоспособности, ответственности и бойцовских качеств их команд. При подготовке и проведении избирательной кампании возможны разнообразные ситуации, правильный выход из кото-

рых зависит от настойчивости, последовательности, творчества и нестандартности мышления людей. Все это позволяет четко определить, «кто есть кто в команде», какими потенциалами обладает каждый для последующей деятельности.

Немаловажно и то, что в ходе предвыборных встреч на избирательных участках, непосредственно по месту жительства граждан, на митингах и собраниях субъекты политического соперничества могут «обрастать» сторонниками из числа людей, которые раньше были политически инертными или даже выступали «против». Происходит своего рода убеждение словом и делом, но это возможно только в том случае, если идеи и намечаемые меры понятны и реалистичны.

С последним моментом связано и то, что выборы позволяют сделать мониторинг политической активности разных социально-демографических групп и представителей общественных движений: мужчин и женщин, молодежи и ветеранов, богатых и бедных, «зеленых», скинхедов и т. д. и т. п. Подобная оценка позволяет увидеть различные политические силы, которые в последующем могут стать опорой в реализации конкретных программ, союзниками в важных делах или, наоборот, оппонентами.

Наконец, нельзя не отметить тот факт, что выборы для некоторых лиц, особенно молодых, становятся своеобразным пропуском в «большую политику», «мандатом» на социальное лидерство среди населения. И, наоборот, некоторые неоправданно честолюбивые личности получают справедливый урок по знанию своей истинной цены в качестве политического деятеля.

К сожалению, необходимо признать, что в последние годы в связи с известным принципом «деньги решают все» в предвыборных баталиях нередко побеждают одиозные и некомпетентные лица, чье преимущество лишь в демагогии да поддержке со стороны богатых спонсоров.

В СМИ, социальных сетях и повседневной общественной жизни граждан постоянно муссируются сведения, факты, мнения, слухи о том, что в политике очень много случайных людей. Такого рода одиозные «деятели», «грязь и чернота» их избирательных кампаний, некомпетентная реализация властных полномочий все больше и больше дискредитируют перед населением роль и значение политической деятельности, вселяют в души неверие в возможности улучшения жизни с помощью политических средств под руководством авторитетных лидеров.

Подобное положение вызывает определенный социальный пессимизм даже у тех, кто связал свою судьбу и профессиональную деятельность с политикой. И здесь очень важно окончательно не потерять веру в возможность правильного решения острых политических проблем в России, в становление открытой и честной политики посредством адекватных выборов.

Таким образом, анализируя избирательные кампании по выборам в те или иные органы государственной власти или муниципального самоуправления, мы не должны забывать и один из сложных феноменов – личностный феномен, т. е. в избирательном процессе есть чрезвычайно значимая составляющая: психологическая компонента. И в этой составляющей особенно актуальны были всегда такие элементы, как мотивы избирателей, механизмы фиксирования политических установок, содержание и уровень электоральной культуры россиян в целом и избирателей конкретных регионов (например, Иркутской области или г. Иркутска); а также другие специфические особенности – национальнокультурные традиции, социально-экономические ситуации и проблемы, уровень социально-психологической напряженности, тревожные настроения и т. д и т. п. Все это так или иначе влияет на протестные настроения и формы политической активности.

Так, по данным наших лабораторий – гуманитарных и политических технологий кафедры политологии, отечественной истории и регионоведения исторического факультета ИГУ и междисциплинарной лаборатории психолого-экономических и кросскультурных исследований Института социальных наук ИГУ – в Иркутской области в конце 1990-х гг. середине первого десятилетия 2000-х гг. более 50 % избирателей не усматривали в этот период принципиальной разницы между тем, чтобы проголосовать «против» и тем, чтобы вообще «не являться на избирательные участки».

Массовые опросы (анкетные), фокус-группы, методика ассоциаций и другие методы социологических исследований позволили выявить, что в основе протеста лежали такие детерминанты (взяты из протоколов, отчетов исследований), как «чрезвычайно низкая степень индустриализации – одна коммерция», «безработица», «нестабильное социально-экономическое положение», «очень низкий уровень качества жизни», «крайне плохое медицинское обслуживание», «низкий уровень образования в школах», «нарушение жизненных стереотипов – в том числе морально-психологических, нравственных», «преступность, хулиганство, воры, наркотики, коррупционеры», «хулители-либералы, которых раньше называли демократами» и др.

Но данные, полученные в исследованиях уже и в последние восемь лет, подтверждают, что и сегодня протестное голосование также стимулируется в том числе и внешними факторами объективной социально-экономической и общественно-политической логики; так что если политическим оппонентам удается интуитивно или с политико-психологической точки зрения грамотно воздействовать с помощью определенных агитационных средств, методов, приемов на те или иные электоральные группы, повлиять на мнения избирателей, то на успех они просто обречены.

Ведь нельзя забывать, что феноменом протестного голосования с точки зрения психологии является ценностно-смысловая сфера личности, которая и формирует поведенческие акты и действия людей в политической деятельности, в том числе в избирательном процессе.

При этом надо отметить, что при анализе протестного голосования не всегда учитываются избиратели в аспекте направленности личности (НЛ) – влечения, желания, интересы, мировоззрение, убеждения, а также особенности мужской и женской психологии, возрастные.

При организации и проведении избирательных кампаний нельзя забывать, что социологическая инерция с конца 1990-х – середины 2000-х гт. «не закончилась» – в той или иной степени становление политической структуры – процесс чрезвычайно болезненный.

Не всегда при анализе протестного голосования также учитывается (а бывает, и не осознается достаточно глубоко), что разрушение политической системы в 1980-1990-е гг., распад социальных связей, смена социальных статусов и ролей актуальны еще и сегодня, особенно для старших возрастных электоральных групп, которые наиболее активны и во время избирательных кампаний, и в день выборов.

Надо принимать во внимание и то, что подходы к организации и проведению избирательных кампаний 25–30 лет тому назад и сегодня – это, образно говоря, «день и ночь».

Во-первых, многие ожидания, например, молодых людей и тех, кому сегодня 40+, не стали реальностью. И это убедительно показали события в Москве (Болотная площадь), Санкт-Петербурге в 2012 г. и выступления юношества в 2017–2018 гг.

Во-вторых, изменилась политическая и электоральная активность значительной массы личностей – особенно в 2010-е гг. (мы это наблюдали по результатам наших исследований, но получен-210

ные результаты, к сожалению, не были востребованы политическим руководством Иркутской области в 2009–2019 гг.).

И только в последние семь-восемь лет, как нам кажется, в нашей стране стали появляться ответы на некоторые вызовы – появились новые возможности для политического, профессионально-карьерного роста образованных, активных молодых людей (для них практически в 1990–2000-е гг. не работали так называемые социальные лифты).

Да, в последнее время обновляется репертуар поведенческих актов и действий некоторых электоральных групп, и прежде всего молодежных, меняется их направленность. Малоактивные люди в прошлые десятилетия начинают заниматься общественной деятельностью – и их становится все больше и больше. Это уже общероссийская тенденция.

С другой стороны, для протестного избирателя характерен внешний локус. Локус контроля – понятие в психологии, характеризующее свойство личности приписывать свои успехи или неудачи только внутренним либо только внешним факторам (введено в научный оборот американским социальным психологом Джулианом Роттером).

Так, если человек склонен приписывать результаты деятельности исключительно внешним факторам - это внешний локус контроля. А склонность человека приписывать результаты деятельности внутренним факторам - это, соответственно, внутренний локус контроля.

Представители первой группы винят в своих бедах различные внешние факторы. Как часто мы слышим от многих людей о «неадекватном начальстве», «негативном стечении обстоятельств», «злом роке» и других, по их мнению, негативных воздействиях со стороны внешней среды.

Так вот, «протестники», как показывают исследования, чаще всего не устанавливают смысловые связи между своими действиями и значимыми событиями своей жизни. И они полагают, что большинство их действий есть результат случайности или действий других людей. У «протестников», как отмечают отечественные и зарубежные ученые, слабая ориентация на будущее, а сильная ориентация на настоящее и особенно прошлое.

Кстати, на рубеже 1960–1970 гг. стали обращать внимание на феномен «неосознанный ввод в заблуждение» или «неосознанный обман». Исследования, в том числе и наших лабораторий, пока-

зывают, что есть многие, кто «рад обманываться» (они и есть из первой группы внешнего локуса контроля).

Для значительной части «протестников», как показывают результаты исследований, характерно упрощенное восприятие кандидата (человека) на ту или иную выборную должность в органы государственной власти или местного самоуправления той или иной политической партии во время электоральных кампаний; т. е. у них преобладает зачастую очень сильное эмоциональное негативное восприятие при демонизации того или иного кандидата во властные органы, той или иной политической партии.

Так, например, люди из второй группы (контрольных групп), которые считают, что результаты деятельности определяются внутренними факторами, напротив, были убеждены, как показывают результаты исследований, в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и свободно воплощать их в жизнь.

Эти различия в той или иной степени и влияют на то, что в некоторых избирательных кампаниях наблюдается чрезвычайно значительная доля компрометирующих материалов по отношению к оппонентам (это проявилось и со стороны одной оппозиционной партии во время выборов губернатора Иркутской области в сентябре 2020 г.), которые способствуют эмоционально воздействовать на «протестников».

Многие избиратели уже знают, что существуют современные технологические методы «оболванивания» индивидуального и общественного сознания. Они понимают, что эти техники разрабатывались для иных целей, но в 1990-е гг. их стали применять в политике, маркетинге, рекламе, в том числе и политической. Они уже знают, что применение подобных методов в политике утаивается.

Ученые подробно описали этот механизм влияния (позитивного или негативного) на общественное мнение по поводу того или иного человека или группы людей, т. е. механизм социальной атрибуции.

Ведь уже доказано многими и многими настоящими профессионалами, что не чудовищная лавина компрометирующих материалов в адрес политического оппонента является действенной и приносит победу на выборах, а именно только правдивая агитация достижений, оптимистических реальных перспектив и есть самая продуктивная, самая эффективная и самая результативная контрагитация. Но она по самому высокому стандарту должна 212

быть профессиональна. А вот именно этого профессионализма, к сожалению, не хватает у определенной части политтехнологов, политконсультантов, работающих в командах тех или иных кандидатов на выборные должности во властные органы или политических партий во время электоральных кампаний.

Они используют или «гипертрофированный административный ресурс», или большой массив «компрометирующих агитационных материалов». Такие вот горе-специалисты программируют людей на то, чтобы не только вызвать неприязнь к тому или иному кандидату или к политической партии, но и опустить, образно говоря, руки, еще больше утвердиться в мыслях: ничего изменить нельзя в этой жизни – только возненавидеть все и всех вокруг. Все это создает реальную опасность для психического и психологического здоровья людей.

Таким образом, в модели протестного голосования преобладают внешний локус контроля, ориентация на «прошлое» и «настоящее», неудовлетворенность процессом своей жизни, т. е. голосование базируется в основном на эмоциональном подходе (*«голосуй сердцем, «меньшее зло»* и т. п.). Если в рациональном голосовании именно ценности и смысловая сфера задают вектор политической активности в целом, то в протестном голосовании они имеют частное значение.

Надо, конечно, отметить, что протестные голосования в Российском обществе как были, так и будут. Протест может приобретать разные формы его проявления – и сегодня трудно предположить, через какие именно формы политической активности (и не только электоральной) он будет реализовываться.

Ведь именно ценностно-смысловая сфера «протестных личностей» (в отличие от тех, как отмечают исследователи, кто склонен голосовать за конкретного кандидата или конкретную политическую партию) обладает такой особенностью, как внешний локус контроля.

Протестное голосование, т. е. попытки избирателей показать отсутствие на выборах достойных претендентов, существовало еще и в советское время. Осуществлялись данные попытки посредством вычеркивания всех претендентов на выборную «должность», и в официальных отчетах избирательных комиссий обычно не учитывались.

В начале 1990-х гт. прошлого века в бюллетенях появилась графа «Против всех», которая и стала основным показателем про-

тестного голосования. Известный российский специалист по конституционному праву С. А. Авакьян считал, что графу «Против всех» можно рассматривать как проявление права на народовластие: чем больше голосов по графе, тем меньше легитимна неавторитетная избираемая власть и больше авторитет народного волеизъявления [1, с. 10–12].

Конституционный суд Российской Федерации в решении от 15.01.2012 установил, что свободные демократические выборы предопределяют и норму протестного голосования.

Мотивы, которыми избиратель руководствуется, осуществляя протестное голосование, могут быть самыми разными:

- показать недоверие к избирательной системе и ее процедурам;
- продемонстрировать пренебрежение к конкретным кандидатам на должности и/или показать более достойную кандидатуру;
- вместе с другими избирателями реализовать определенный бойкот выборов и т. п.

Таким образом, результаты достижений «протестников» и избирателей из контрольных групп свидетельствуют о существенном (значительном!) различии в оценке ими следующих категорий: жизнь, ценности жизни; труд, необходимость труда, отношение к труду, руководителям органов государственной власти или местного самоуправления; прошлое, полнота прошлого, а не только какие-то его частности; будущее, завершенность будущего и настоящее.

Список литературы

- 1. Авакьян С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 3–17.
- 2. Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология и политическая практика. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 448 с.

PROTEST VOTING: POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL DIMENSION (CONTOUR ANALYSIS)

K. S. ZHUKOV, A. D. KARNYSHEV Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with the protest vote in time of state and local government elections self-government. The provisions set out in it are addressed to a wide range of circle of readers. They will be useful for students, undergraduates, students in the fields of political science, psychology, and employees of the offices of the governing bodies of political parties, candidates for elective positions in power structures of different levels, their proxies, organizers and managers election campaigns and their team members.

Keywords: polysemy of the concept of "politics", protest voting, social and psychological significance of elections, personal phenomenon, locus of control, external locus of control, internal locus of control, mechanism of social attribution.

Жуков Константин Сергеевич - кандидат исторических наук, почетный профессор ИГУ, заслуженный учитель Российской Федерации, руководитель лаборатории гуманитарных и политических технологий, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: kpgt.ks@yandex.ru

Zhukov Konstantin Sergeevich – Candidate of Sciences (History), Honorary Professor of ISU, Honored Teacher of the Russian Federation, Head of Laboratory of Humanities and Political Technologies, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kpgt.ks@yandex.ru

Карнышев Александр Дмитриевич - доктор психологических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, заведующий, междисциплинарная лабораторией психолого-экономических и кросс-культурных исследований, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mail@pi.isu.ru

Karnyshev Alexander Dmitrievich - Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Head, Interdisciplinary Laboratory of Psychological, Economic and Cross-Cultural Research, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mail@pi.isu.ru

УДК 94

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ НЭПА В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. В. ИВАНОВ

Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса сельского хозяйства в годы НЭПа отечественной исторической наукой. Показаны основные этапы развития отечественной историографии этого вопроса. Первоначально в работах советских историков отсутствовал критический анализ проводимой государством политики, господствовал тезис об отсталости доколхозной деревни и бесперспективности НЭПа. В годы перестройки, наоборот, новая экономическая политика идеализировалась. Современная историография отошла от прежних концепций и освободилась от идеологического контроля. Проблема рассматривается многогранно и с разных сторон. Намечаются новые подходы в исследованиях.

Ключевые слова: аграрный сектор, большевики, историки, историография, исследователи, НЭП, публикации, экономика.

В 1920–1921 гг. советское руководство столкнулось с массовыми крестьянскими восстаниями, советское государство переживало тяжелый экономический кризис. Стало очевидно, что политика военного коммунизма потерпела крах. Большевики понимали, для того чтобы остановить надвигающийся голод и удержаться у

власти, необходимо хотя бы временно отказаться от своих идеологических установок в политике и пойти на уступки крестьянству. В марте 1921 г. было объявлено о переходе к новой экономической политике (НЭП).

В области сельского хозяйства были допущены рыночные отношения, крестьянам была разрешена свободная торговля, продразверстка была заменена на собиравшийся в натуральном виде продналог, а затем – на единый денежный налог. Крестьяне получили возможность беспрепятственно вести свое хозяйство, а также продавать на рынке излишки своей продукции.

Однако НЭП противоречил коммунистическим постулатам, с самого начала большевики воспринимали его как тактическое отступление. В середине 1920-х гг. в партийных кругах активно велись дискуссии о целесообразности продолжения НЭПа. В конце 1920-х гг. победу одержали те коммунисты, кто выступил за отказ от рыночных принципов и переустройство сельского хозяйства на социалистических началах. В итоге в 1927–1928 гг. НЭП был свернут, власти вернулись к военно-коммунистическим методам насильственного изъятия продовольствия, а в 1929 г. началась коллективизация сельского хозяйства, выразившаяся в ликвидации частной собственности крестьян и насильственном объединении их в колхозы.

С самого своего введения НЭП вызывал неоднозначные оценки со стороны историков и общественных деятелей. Историография крестьянского вопроса в годы НЭПа очень обширна и разнообразна. Она подразделяется на 5 периодов: 1) 1920-е гг. – период от введения до свертывания НЭПа; 2) период 1930–1950-е гг. – сталинский; 3) 1950–1980-е гг. – историография НЭПа в период оттепели и застоя; 4) 1985–1991 гг. – историография эпохи перестройки; 5) 1991 г. – по настоящее время – постсоветская историография.

Историография первого периода непосредственно эпохи НЭПа была отмечена выходом большого ряда теоретических публикаций о проблемах НЭПа в отношении аграрного сектора. Авторами этих публикаций были известные государственные деятели В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, И. В. Сталин, Е. А. Преображенский, Г. Я. Сокольников и другие, а также известные экономисты, журналисты и публицисты. Авторы пытались проанализировать и выработать курс государственной политики в отношении крестьянства, а также стремились объяснить НЭП с точки зрения коммунистической идеологии.

Между советскими государственными деятелями на протяжении 1920-х гг. проходили активные дискуссии о целесообразности НЭПа. В частности, Н. И. Бухарин в середине 1920-х гг. выступал горячим сторонником НЭПа, в своем обращении к крестьянам он бросил лозунг: «Обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство!». Правда, впоследствии он отказался от своих слов [9, с. 145]. Другие же партийные деятели, такие как Троцкий, Зиновьев, Каменев, выступали против НЭПа и говорили об опасности реставрации капитализма.

Проблемы сельского хозяйства НЭПа затрагивали и советские экономисты 1920-х гг. Широкий теоретический разбор сельского хозяйства проводили А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев [33, с. 95-136]. Оба автора считали мелкое фермерское крестьянское хозяйство в России нежизнеспособным. Оба ученых видели преимущества крупно-семейного крестьянского хозяйства над мелким, которое сможет обеспечить рост производства, так как в нем отсутствует акцент на получении прибыли. А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев полагали, что землепользование в деревне должно быть уравнительным семейно-трудовым. Будущее сельского хозяйства ученые связывали с развитием крупных крестьянских хозяйств в форме кооперации.

Другой крупный экономист аграрник этого периода Л. Н. Литошенко активно критиковал позицию Н. Д Кондратьева и А. В. Чаянова. В 1926 г. он издал книгу «Социализация земли в России», в которой выступал за развитие частной собственности на землю. Литошенко считал, что государство в первую очередь должно сделать ставку на развитии крепкого зажиточного фермера-хозяйственника [22].

Среди других авторов этого периода следует отметить Л. Н. Крицмана [21], который один из первых выделил зажиточные и беднейшие слои крестьянства, изучал проблемы применения наемного труда в крестьянском хозяйстве. Л. Н. Крицман выступал за выделение трехзвенных слоев крестьянства (кулак, середняк, бедняк), которые потом легли в основу коллективизации. Ученый активно критиковал семейно-трудовую теорию А. В. Чаянова, считая ее мелкобуржуазной.

Работы советских политиков, экономистов, общественных деятелей и историков 1920-х гг. характеризовались теоретической проработанностью и политической разнонаправленностью. В них отражалась дискуссия о том, какую должно государство проводить

дальнейшую политику, обсуждался вопрос продолжения или свертывания НЭПа. Все работы советских авторов 1920-х гг. правильнее отнести к историческим источникам, а не к исследованиям.

Немалый вклад в изучение аграрного вопроса России в годы НЭПа внесли ученые-эмигранты. Работавший в Париже и Берлине Б. Д. Бруцкус выступал за развитие свободного рынка. Работавший в Праге бывший министр продовольствия Временного правительства С. Н. Прокопович занимался систематизацией данных по сельскому хозяйству в этот период. Критиковал советскую власть за использование насильственного метода принуждения и огосударствления [31].

В 1925 г. А. Н. Челинцев вернулся в СССР и работал экспертом в различных ведомствах. Он уделял большое внимание естественно-географическим факторам, влияющим на сельское хозяйство, рассматривал вопросы экономического районирования. В 1926–1927 гг. ученый активно критиковал проект районирования Госплана, который, по его мнению, не учитывал интересы сельского хозяйства и не выделял однородные сельскохозяйственные районы. Однако Госплан не принял во внимание соображения А. Н. Челинцева [24].

После завершения сплошной коллективизации и окончательного укрепления сталинской системы в 1930-е гг. наступил новый этап трактовки НЭПа. Значительная часть исследователей была репрессирована, включая Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова. Репрессиям подвергались целые научные коллективы, как, например, авторы «Сибирской советской энциклопедии». В результате какие-либо серьезные научные дискуссии вокруг НЭП были свернуты. Работы историков, экономистов, общественных деятелей стали носить исключительно партийно-пропагандистский характер. Изучение проблемы было поверхностным, скрупулезный анализ отсутствовал. Партийные органы в своих резолюциях и постановлениях настойчиво предписывали показывать только позитивные стороны новой аграрной политики. Это стало сигналом для ученых, в каком духе следует писать [20].

Все авторы стремились изобразить НЭП как период подготовки к установлению самой прогрессивной формы крестьянского хозяйства – колхозной системе. Приоритет отдавался в первую очередь изображению созидательной роли партии в восстановлении народного хозяйства после Гражданской войны, государственной поддержке сельского хозяйства, а также культурно-218

просветительским мероприятиям [30]. Доколхозная система ведения сельского хозяйства изображалась в крайне негативном свете. Авторы подчеркивали аграрную отсталость дореволюционной деревни, которая досталась большевикам в наследство, а также неэффективность и малопроизводительность мелкого крестьянского хозяйства. Классовая борьба абсолютизировалась, зажиточные слои крестьянства изображались исключительно как эксплуататоры беднейших слоев населения и главное препятствие на пути строительства социализма.

Среди известных авторов этого времени следует выделить И. Ф. Гладкова, в монографии которого рассматривается развитие экономики в 1920-е гт. [8]. Большой интерес представляет работа М. Я. Залеского, в которой автор отмечает, что налоговая политика 1920–1930-х проводилась в рамках классового подхода и была направлена на вытеснение капиталистических элементов из деревни [15].

Третий период изучения сельского хозяйства в годы НЭПа начался в середине 1950-х и продолжался до середины 1980-х. Тотальный идеологический контроль несколько ослаб. В научный оборот были введены новые источники. У историков возрос интерес к изучению темы НЭПа. Авторы уделяют большое внимание вопросам восстановления экономики, включая сельское хозяйство. Продолжается освещение партийной и государственной политики в деревне, обстоятельно изучаются проблемы села, вопросы социальных взаимоотношений. Историки рассматривают аграрный сектор в годы НЭПа в контексте изучения предпосылок к коллективизации.

Вопросы взаимоотношения города и деревни, между различными социальными группами активно рассматривали историки М. Н. Бахтин [3] и А. А. Матюгин [23]. В 1967 г. выходит монография, которая целиком и полностью посвящена крестьянству в период НЭПа, автор проводит системный, обстоятельный анализ эволюции нэповской деревни [29]. Автор хоть и признает необходимость мер военного коммунизма, но одним из первых отмечает пагубность их влияния на сельское хозяйство. Историк анализирует процесс восстановления аграрного сектора в годы НЭПа, отмечая трудности этого процесса, «связанного с неэффективностью мелкотоварного производства». Историк также обратил внимание на изменение социальной структуры крестьянства, вы-

раженного в процессе осереднячивания крестьянских хозяйств, т. е. в сокращении беднейших и зажиточных слоев [13, с. 156–160].

Написанная в 1971 г. монография А. П. Алексанова подробно рассматривает вопрос деятельности комитетов крестьянской взаимопомощи как инструмента политики Советского государства [2]. Большое внимание советские историки уделяют и вопросам организации в годы НЭПа кооперативного движения. В частности, красноярский историк В. В. Гришаев подробно изучил вопрос становления первых сибирских коллективных хозяйств [11], а затем исследовал кооперативное движение в общесоюзном масштабе [12].

В начале 1980-х гг. среди работ историков следует выделить монографии, посвященные освещению социального положения крестьянства в годы НЭПа. Ю. П. Бокарев подробно исследовал вопрос социальной дифференциации крестьянства и его материального положения в 1920-е гг. [6]. В 1982 г. вышла коллективная монография Ю. А. Полякова, В. П. Дмитриенко, Н. В. Щербиня «Новая экономическая политика. Разработка и осуществление» [28]. Ее авторы подробно изучили возникновение, осуществление НЭПа, а также большое внимание уделили анализу развития сельского хозяйства в 1920-е гг.

Труды ученых периода 1950-1980-х гг. содержат много фактического материала, впервые рассмотрены некоторые аспекты жизнедеятельности села доколхозного времени, изучены отдельные проблемы НЭПа, подробно была исследована роль партии, социальных групп, культурная и идеологическая политика государства. Трактовка исторических фактов осуществлялась советскими учеными в рамках господствующей марксистско-ленинской идеологии. В связи с этим все события рассматривались через призму классового подхода. Зажиточные слои крестьянского населения рисовались советскими историками исключительно в негативном свете, а малоимущие классы - в положительном. Острота классовой борьбы явно преувеличивалась, некоторые аспекты политики Советского государства по отношению к крестьянству, такие как сбор налогов, были изучены в малом объеме. НЭП трактовался советскими историками исключительно как подготовительный период к переходу крестьянских хозяйств от единоличных к коллективным, поэтому значение первых коллективных хозяйств в доколхозный период советскими историками крайне завышалось, а их распад объяснялся противодействием зажиточных слоев. Критическое отношение к проводимой государственной политике отсутствовало. В этот период не предпринимались попытки изучить реакцию населения на действия властей.

После объявления гласности и демократизации социальнополитической жизни общества, партийное руководство начало проводить ревизию государственной политики начиная с 1930-х гг. Сталинский курс был признан ошибочным. Если раньше исследователи воспринимали НЭП как временное отступление на пути к социализму, то теперь в научной среде начались дискуссии на тему НЭПа как возможной альтернативы сталинскому курсу. Выдвигались новые подходы, кругозор интересов исследователей расширился. Появилась тенденция к идеализации НЭПа. Многие историки полагали, что НЭП был приемлемым вариантом возможного построения демократического социализма, или «социализма с человеческим лицом». В среде ученых высказывалось мнение о том, что бухаринская альтернатива вполне могла бы осуществиться, если бы точка зрения ее сторонников одержала победу в ходе внутрипартийной борьбы, и эта альтернатива была бы более лучшим вариантом для развития аграрного сектора, чем последующая коллективизация [19].

Исторический материал использовался для обоснования текущей политики, либеральных реформ. Так, Е. Т. Гайдар трактовал НЭП как возможную альтернативу директивно-плановой экономике [7]. Ученые изучали новые проблемы в период НЭПа, ранее не освещавшиеся советскими историками: товарно-денежные отношения, кооперирование, методы государственного регулирования, взаимоотношения власти и населения. В трудах М. М. Горинова [10, с. 47] и В. П. Дмитриенко [14, с. 125–138] была рассмотрена деятельность государственной кооперации, роль частного капитала, финансовая политика государства, а также влияние всех этих факторов на сельское хозяйство. Красноярский историк М. Д. Северьянов выдвинул тезис, что большинство трудящегося крестьянства Советской России не было готово к ведению хозяйства на коллективных началах, тем более в форме сельскохозяйственных коммун [32].

Перестроечная историография была более разносторонней и многовариантной. Однако недостатком ее являлось излишняя идеализация НЭПа. Авторы не замечали непрочный и временный характер НЭПа. Меры государства в отношении помощи земледельцам преувеличивались, классовый характер советской политики игнорировался.

После распада СССР начался новый период отечественной историографии аграрного вопроса в годы НЭПа, который продолжается по настоящее время. Были рассекречены ранее недоступные историкам архивные материалы, полностью исчез партийный идеологический контроль. Это вызвало всплеск новых научных публикаций по указанной проблеме. Работы историков стали более разносторонними, в центре их внимания теперь появились хозяйственно-бытовые вопросы, материальное положение земледельцев, взаимоотношения государства и крестьянства.

В современной историографии наблюдается плюрализм мнений, широкий спектр методологических концепций и трактовок. Если ученым предыдущей эпохи было свойственно идеализировать период НЭПа, то большинство современных исследователей стали более взвешенно оценивать это время. Многие исследователи считают, что НЭП был всего лишь временной уступкой большевистского руководства с целью укрепления личной власти, эта политика была непрочной, государство допустило рыночные принципы, но не отказалось от административно-директивных мер воздействия. Свертывание НЭПа было неизбежно, поскольку он противоречил марксистско-ленинской идеологии.

В конце XX - начале XXI в. вышло большое количество обобщающих работ исследователей [26]. Появилось много трудов, в которых в рамках НЭПа уделено большое внимание сельскому хозяйству. К ним относятся исследования Е. Б. Шашиной [35], Е. В. Богомоловой [5], В. Н. Никулина [25]. Ученых интересовало не только развитие самого аграрного сектора как такового, но и влияние государственной политики на хозяйственно-материальное положение земледельцев, реакция крестьянского населения на политику властей. Авторы старались выделить положительные и отрицательные стороны НЭПа.

Пензенский историк В. Б. Безгин в своей работе изучал вопрос влияния НЭПа на традиции, менталитет и быт российских крестьян. Историк пришел к выводу, что к нововведениям советской власти крестьяне относились настороженно и одобряли только те мероприятия, которые соответствовали крестьянскому менталитету. Ученый полагает, что большевистское руководство не пыталось опереться на здоровые и живые традиции села, грубое и непродуманное вмешательство привело к разрыву в культурной эволюции крестьянства. Модернизация носила противоречивый характер. Сближение с городом улучшало быт крестьян, привно-

сило в их жизнь блага цивилизации, но в то же время разрушало их культуру, передавало пороки времени [4].

Состояние сельского хозяйства в годы НЭПа пользуется повышенным интересом со стороны региональных историков. Количество защищенных исследований с каждым годом возрастает. По данным И. Б. Орлова, к 2012 г. защищено 1454 кандидатских и докторских диссертаций по указанной проблеме [27, с. 85–96].

Концепции, концептуальные модели и программы модернизации аграрного строя нашли подробное освещение в коллективных монографиях сибирских ученых: В. А. Ильиных [17], В. М. Рынкова, С. Н. Андреенкова и др. [1]. Авторы сосредоточили свое внимание на дискуссионных и наименее изученных сюжетах. Комплекс вопросов аграрного природопользования в Байкальском регионе рассмотрел Ю. А. Зуляр, детально на документальном материале исследовав актуальную проблему «Природа – общество – человек» [16].

С. А. Карлов подробно и на основе большого количества источников исследовал процесс трансформации крестьянских хозяйств в годы НЭПа [18]. Изучение жизненного уровня крестьянства в 1920-е гг. ХХ в. в Восточной Сибири провел В. А. Шаламов. Автор на основании ряда источников изучил уровень доходов, материальной обеспеченности крестьянства, исследовал его хозяйственный уклад и быт, показал влияние советской аграрной политики на жизнь крестьян [34].

Еще раз подчеркнем, что отечественная историография сельского хозяйства в годы НЭПа весьма обширна по объему. Концепции отечественных историков на проблему часто менялись от одностороннего подхода в советские годы к идеализации эпохи НЭПа в годы перестройки. Современная историография перешла к объективному, многостороннему непредвзятому отношению к проблеме. Исследованы многие вопросы и все аспекты жизнедеятельности аграрного сектора в 1920-е гг. Продолжают выходить новые работы в региональном масштабе, вырабатываются новые концепции, изучаются вопросы, которые еще не получили освещения.

Список литературы

- 1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / В. А. Ильиных [и др.]. Новосибирск : Сибпринт, 2015.
- 2. Алексанов П. А. В борьбе за социалистическое переустройство деревни (Крестьянская взаимопомощь. 1921–1932 гг.). М.: Мысль, 1971.

- 3. Бахтин М. Н. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства. М. : Соцэкгиз, 1955.
- 4. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998.
- 5. Богомолова Е. В. Управление советской экономикой в 1920-е годы: опыт регулирования и самоорганизация. М., 1993.
- 6. Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981.
- 7. Гайдар Е. Т. Экономические реформы и иерархические структуры / отв. ред. С. С. Шаталин, АН СССР. Ин-т экономики и прогнозирования науч.-тех. прогресса. М.: Наука, 1990.
- 8. Гладков И. А. СССР в период восстановления народного хозяйства (1921-1925). М., 1955.
 - 9. Горелов И. Е. Николай Бухарин. М.: Московский рабочий, 1988.
- 10. Горинов М. М. Советская страна в конце 20-х нач. 30-х гг. // Вопросы истории. № 11. М., 1990.
- 11. Гришаев В. В. Красный хлебороб. История сибирского колхоза. Красноярск, 1973.
- 12. Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917-1929 гг. М.: Мысль, 1976.
- 13. Дашлейтер Г. Ф., Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство // Вопросы истории. 1968. № 3.
- 14. Дмитренко В. П. Четыре измерения НЭПа // Вопросы истории КПСС. М., 1991. № 3.
- 15. Залесский М. Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940.
- 16. Зуляр Ю. А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002.
- 17. Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях НЭПа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992.
- 18. Карлов С. А. Трансформация Восточной Сибири в годы НЭПа (1921-1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2009.
- 19. Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10. С. 55–65.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.
 ч. 3. 1930–1954. М., 1954.
- 21. Крицман Л. Н. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. М., 1926.
- 22. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- 23. Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- 24. Меерович М. Г. «Генетики» и «телеологи» дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. 2012. № 40. URL: http://conflictmanagement.ru/konflikt-dvuh-metodologicheskih-podhodov-k-administrativno-territorialnomu-rayoni rovaniyu-geneticheskogo-i-teleologicheskogo
- 25. Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период НЭПа: становление и функционирование (1921–1929 гг.). СПб., 1997.
 - 26. НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

- 27. Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты») // Харківський історіографічний збірник. Вип. 13. Х. : XHУ імені В. Н. Каразіна, 2014. С. 85-96. URL: https://www.hse.ru/dada-
- ta/2014/10/02/1100292821/ %D0 %A1 %D0 %BE %D0 %B2 %D1 %80 %D0 %B5 %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BD %D0 %B0 %D0 %B0 %D1 %8F %20 %D0 %B8 %D1 %81 %D1 %82 %D0 %BE %D1 %80 %D0 %B8 %D0 %BE %D0 %B3 %D1 %80 %D0 %B0 %D1 %84 %D0 %B8 %D1 %8F %20 %D0 %BD %D1 %8D %D0 %BF %D0 %B0 ,pdf
- 28. Поляков Ю. А., Дмитриенко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М.: Политиздат, 1982.
 - 29. Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967.
- 30. Потапов М. Ф. Иркутские большевики в борьбе за восстановление хозяйства: 1921–1925 гг. Иркутск, 1949.
- 31. Прокопович С. Н. Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924.
- 32. Северьянов М. Д. НЭП и современность. Полемические заметки. Красноярск, 1991.
 - 33. Чаянов А. В. Избранные произведения. М., 1989.
- 34. Шаламов В. А. Образ жизни крестьянства в Восточной Сибири (на материалах Иркутского и Красноярского архивов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011.
- 35. Шашина Е. Б. Основные тенденции развития российского советского крестьянства (1917–1930): дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

THE AGRARIAN QUESTION DURING THE NEP YEARS IN THE CONSECRATION OF THE PATRIOTIC HISTORIOGRAPHY

V. V. IVANOV

Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the study of the issue of agriculture in the years of the NEP by the national historical science. The main stages in the development of the Patriotic historiography of this issue are shown. Initially, the works of Soviet historians lacked a critical analysis of the policy pursued by the state; the thesis about the backwardness of the pre-collective farm village and the futility of the NEP dominated. In the years of perestroika, on the contrary, the NEP was idealized. Modern historiography has moved away from previous concepts and freed itself from ideological control. The problem is considered in many ways and from different angles. New research approaches are outlined.

Keywords: agrarian sector, Bolsheviks, historians, historiography, researchers, NEP, publications, economics.

Иванов Вячеслав Владимирович - кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет им. Ежевского, г. Иркутск, Россия, e-mail: vyachivan@mail.ru

Ivanov Vyacheslav Vladimirovich - Candidate of Sciences (History), Assistant Professor, Department of Philosophy, Sociology and History, Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Ezhevsky, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vyachivan@mail.ru

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

А. К. КОВТУН, М. Л. РЫБАЛКО

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены экономические и дипломатические отношения КНР и США. Проведен контент-анализ ведущих американских средств массовой информации. Собрана статистика по ключевым словам из статей, упоминающих Китай, на основе которой было сформировано представление об имидже Поднебесной. Была установлена причинно-следственная связь между увеличением количества публикаций о КНР и экономическими отношениями двух стран.

Ключевые слова: США, СМИ, КНР, образ государства, медиаиздания, New York Times, контент-анализ.

В современном мире большинство человеческих сфер жизни детерминированы информационным пространством. С расширением и развитием семантической деятельности человека появились разнообразные инструменты взаимодействия. Они могут применяться как на высших, так и на низших уровнях диалога. Так, современные средства массовой информации (СМИ) используются для влияния на политического соперника, с их помощью корректируют его имидж и образ.

В этой связи научный интерес вызывают взаимодействия стран на политической арене. На данном временном этапе более других выделяются две страны, претендующие на звание мирового гегемона, – КНР и США [10]. Их взаимоотношения изменялись в количественном и качественном виде на протяжении долгого времени, однако реальное сближение можно наблюдать в течение последних двадцати лет. Этому послужило вступление Китая во Всемирную торговую организацию и, как следствие, расширение торговли.

Помимо вышеописанного, тема отношений КНР и США является актуальной из-за представления данных государств как двух главнейших соперников. Причина кроется в стремительном развитии экономики и вооруженных сил Китая [3]. По мнению экспертов, в некоторых аспектах Китай уже опередил Америку. Более того, ему пророчат звание нового глобального гегемона на геополитическом поприще. Так, например, благодаря своему экономическому росту, составляющему приблизительно 5-10 % каж-

дый год, Китай смог начать осуществлять множественные инвестиции [6]. Это необходимо в связи с ограниченным запасом резервов страны. Однако, например, Центральная Азия и Африка богаты полезными ископаемыми и ценными ресурсами. По этой причине инвестиционная политика Пекина должным образом сосредоточена на данных регионах.

Таким образом, вместе с экономикой развиваются и дипломатические отношения. Как указывалось выше, мощным инструментом влияния являются средства массовой информации. Данная научная работа ставит своей целью обозначить формируемый американскими СМИ образ Китайской Народной Республики. Для исследования были проанализированы различные издания: The New York Times, The Washington Post, Los Angeles Times, The Seattle Times, San Francisco Chronicle, USA Today, The Wall Street Journal. Однако наибольшее внимание было сконцентрировано на The New York Times, откуда собирались статистические данные.

Выборку определенных топиков составили следующие словамаркеры: power, strong, great, huge, large, fight, rival, army, Taiwan, Tiananmen, Tibet, Lama, human rights, protest, corruption, boom, military, ecology, threat, discrimination, racism, aggression, freedom, emissions, grow, Xinjiang, Hong Kong, virus. Такой выбор обусловлен первичным анализом публикаций, который дал представление об общем транслируемом лейтмотиве касательно Китайской Народной Республики. Поиск происходил среди статей, где имелось упоминание Китая. Кроме того, важно указать, что использовались различные производные слов, для более широкого обхвата.

Всего было охвачено 160 159 публикаций, динамику которых можно видеть на рис. 1.

Тут следует обратить внимание на верхние и нижние границы кривой. Наибольшее количество статей было опубликовано в 2008 г., когда мир сотрясал глобальный финансовый кризис. Кроме того, имело место множество происшествий как на стороне США, так и в КНР, которые были отображены в выпущенных в это время The New York Times 14 716 публикациях о Китае. Так, например, был избран новый президент Соединенных Штатов Барак Обама, который за 8 лет своего правления осуществил немало различных шагов навстречу лучшим отношениям с КНР [4].

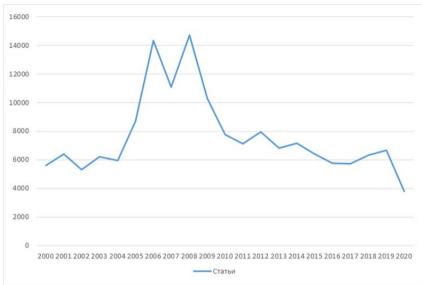

Рис. 1. Динамика публикаций за 20 лет

Более того, улучшения начались почти сразу и по другим причинам. Например, в начале 2009 г. советник по национальной безопасности 39-го президента Джимми Картера и один из главнейших идеологов внешней политики Америки Збигнев Казимир Бжезинский выпустил в свет свой научный труд «Группа двух, которая может изменить мир», где озвучивалось предложение по организации стратегического союза между двумя государствами таким образом, чтобы КНР и США могли диктовать условия всему остальному миру. Сделано это было непосредственно после его посещения Поднебесной [1].

Отметим, что незадолго до президентства Барака Обамы свою позицию высказал и другой значимый политик Генри Киссинджер. По его мнению, по окончании глобального финансового кризиса в мире наступит новый порядок, геополитика выйдет на новый уровень и США с КНР будет необходимо взять на себя главенствующие роли. Все вышеописанное наглядно демонстрирует повышенное внимание к Китаю, Тем не менее большое количество статей, наоборот, говорит об обратном. Это объясняется бушующим кризисом, от которого пострадали в том числе и Соединенные Штаты. Дело в известной тактике поиска иностранного врага, на которого можно повесить существующие проблемы. Как видно по статистике, именно это и имело место в данный период [1].

На 2002 г. пришлось наименьшее количество публикаций. Всего 5 318 статей было выпущено по вполне объективным причинам. Во-первых, это самый старт наиболее тесных отношений между двумя рассматриваемыми странами. В 2001 г. Джордж Буш объявил о предоставлении Китаю постоянного нормального торгового статуса, а КНР вступила во Всемирную торговую организацию [1; 2]. Этим обусловлено сравнительно небольшое внимание к новому актору на геополитической арене. Вторая причина определяется первой. После подобного серьезного шага на пути к процветанию торговых отношений не нашлось бы причин для освещения в отрицательном свете. Это подтверждается теорией коммерческого либерализма, согласно которой экономическая взаимозависимость безоговорочно способствует наступлению добрососедских отношений.

Переходя к практической части научной работы, следует обратить внимание на полученные по временному промежутку 01.01.2000–01.04.2020 данные по словам-маркерам в публикациях издания The New York Times, представленные на рис. 2.

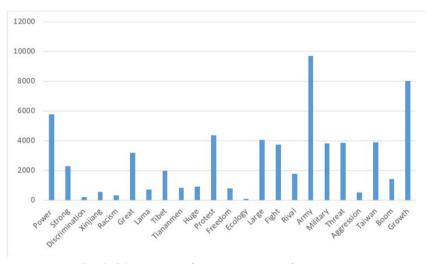

Рис. 2. Общее количество упоминаний по словам-маркерам

По полученной в ходе контент-анализа информации был составлен образ современной Китайской Народной Республики в средствах массовой информации Соединенных Штатов Америки. Основные составные части системы имиджа представлены следу-

ющими категориями. Китай – это авторитарное государство, в котором отсутствует свобода слова и самовыражения. Установленный жесткий порядок ставит правительство выше своих граждан, осуществляющее контроль через цензуру при несоблюдении прав человека. Отсюда следуют проблемы с ущемлением прав малых народов в Западном Китае, где часто происходят волнения тибетцев и уйгур [7].

На одном уровне по важности и частоте с темой несоблюдения прав человека находится и стремительный рост экономики и вооружения Китая. Это также понимается в негативном ключе, потому что КНР позиционируется как главный соперник США на мировой арене. В этой категории также находится проблема «двух Китаев», где Америка принимает непосредственное участие. Таким же образом указывается на желание Поднебесной захватить мир, став новым гегемоном, на смену США. Все это завершается проблемой загрязнения окружающей среды, которая неразрывно связана со всеми вышеуказанными темами. Так, например, нередко повествуется об экспроприации крестьянской земли государством ради нового места под производство. С другой стороны, увеличение фабрикации и вызвано стремительным экономическим ростом.

Помимо самого образа Китая, интерес вызывает причинность негативного окраса. Напрашивается вопрос, может ли кому-то быть выгодна подобная коннотация в СМИ? Для данной проблемы были проанализированы торговые отношения в рамках сравнения с транслируемым имиджем. На рис. 3 показан товарооборот КНР и США, по данным United States Census Bureau [10].

Вышеприведенный график демонстрирует почти непрерывный рост импорта и экспорта. Тем не менее есть три позиции, на которых происходит спад. Тут следует обратиться к истории, чтобы была ясна причинно-следственная связь. В 2008 г. случился финансовый кризис, в 2016 г. произошел обвал фондового рынка Китая, в 2018 г. началась торговая война между двумя государствами [5; 8; 9]. Примечательным является то, что за исключением первого случая негативная коннотация в отношении Китая отсутствовала. Более того, как указывалось выше, ее наличие в 2008 г. можно объяснить внутренними проблемами США, которые проистекали из глобального кризиса. Важно отметить, что даже во время торговой войны американские средства массовой информации больше противопоставляли президента Дональда Трампа Китаю, нежели саму Америку.

Рис. 3. Товарооборот КНР и США

Подобное положение дел обусловлено заинтересованностью частных лиц, владельцев медиахолдингов США, в торговых отношениях с Китаем. Как показало исследование, руководительский состав различных изданий часто имеет вовлеченность в сторонние бизнесы, которые, в свою очередь, завязаны на торговле. Как и в другом случае, здесь играет роль теория коммерческого либерализма, исходя из которой частные лица, получающие выгоду от хороших отношений с Китаем в торговле, не будут увеличивать напор в давлении средствами массовой информации.

Список литературы

- 1. Бычкова Т. А. Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009-2012 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-politika-administratsii-baraka-obamy-v-2009-2012-gg
- 2. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО). URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-10/29/content_68822674. htm
- 3. Глобальная гегемония Китая: реальность и перспективы / К. И. Мозолев. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-gegemoniya-kitaya-realnost-i-perspektivy
- 4. Китайский вектор внешней политики Б. Обамы: преемственность и инновации / Я. В. Лексютина / URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-vektor-vneshney-politiki-b-obamy-preemstvennost-i-innovatsii
- 5. Мировой финансовый кризис 2008 года. URL: https://ria.ru/20180915/ 1528469064.html
- 6. Рост экономики Китая замедлился до минимума с 1992 года. URL: dw. com/ru/pocr-экономики-китая-замедлился-до-минимума-c-1992-года/a-49592229
- 7. Уйгуры и тибетцы провели в Швеции антикитайские протесты. URL: www.aa.com.tr/ru/мир/уйгуры-и-тибетцы-провели-в-швеции-антикитайские-протесты/1589572

- $8.\,A$ quick guide to the US-China trade war. URL: https://www.bbc.com/news/business-45899310
- 9. China's stock market crash... in 2 minutes. URL: https://money.cnn.com/2015/07/09/investing/china-crash-in-two-minutes/index.html
- 10. Trade in Goods with China // United States Census Bureau, 2020. URL: https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c5700.html

THE IMAGE OF THE MODERN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE PRINT MEDIA OF THE UNITED STATES OF AMERICA

A. K. KOVTUN, M. L. RYBALKO

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This research work examines the economic and diplomatic relations between the PRC and the United States. Content analysis of the leading American mass media was carried out. Statistical data was collected, according to key words, from articles in which China was mentioned, on the basis of which an idea of the image of the Celestial Empire was formed. A causal relationship was established between the increase in the number of publications about the PRC and economic relations between the two countries.

Keywords: USA, media, China, image of the state, media publications, New York Times, content analysis.

Ковтун Александр Кириллович - студент, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: kovtunaleksandr2020@gmail.com

Kovtun Alexander Kirillovic - Student, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kovtunaleksandr2020@gmail.com

Рыбалко Михаил Л**еонидович** – кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

Rybalko Mikhail Leonidovich - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mikhail.rybalko@gmail

VДК 001.89(47+57)

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ В РОССИИ

Л. М. КОРЫТНЫЙ, Т. Н. ШЕХОВЦОВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена развитию научной мысли в России. Приводятся этапы развития науки. Отмечается, что начало отечественной профессиональной научной деятельности связано с именем Петра I и созданием Академии наук. Говорится о значительном потенциале российской науки, несмотря на ряд сложностей, которые присутствовали ранее и есть сейчас. Представлены ключевые позиции, характеризующие состояние и тенденции развития сферы науки в России.

Рассматривая развитие российской науки в историческом разрезе, можно выделить три этапа: царское время (до 1917 г.), советское время (1917–1991 гг.), современная Россия (с 1992 г.).

Царское время

Становление науки в России в царское время связано с именем главного реформатора страны, императора Петра I, и созданием Академии наук. В январе 1724 г. вышли распоряжение Петра I и особый указ Сената. Для осуществления научной деятельности были приглашены известные зарубежные ученые – Гольдбах, Бернулли, Эйлер, Крафт и др., благодаря которым повысился престиж Академии и научные исследования и разработки проходили на высоком уровне.

Сначала работа Академии велась по нескольким направлениям, среди которых в приоритете были: гуманитарное, математическое и физическое. При Академии были созданы кафедры механики, математики и астрономии, географии и навигации. Исследования в области химии, физики, анатомии и ботаники велись на физическом отделении. В гуманитарном направлении изучались история, этика, политика и красноречие. Ученые располагали богатейшей библиотекой, уникальной коллекцией Кунсткамеры, где имелись анатомический театр, планетарий и астрономическая обсерватория. Лаборатории, мастерские и кабинеты академии были оборудованы самыми современными по тем временам приборами и инструментами.

Издательская деятельность велась в собственной типографии. Была организована первая в России обсерватория и составлена первая в России карта звездного неба. В Москве сподвижником Петра I (Яковом Брюсом) была открыта Навигацкая школа для морских штурманов, в которой преподавалась астрономия. Сначала в Москве, а позже и в Петербурге были заложены Аптекарские огороды, которые послужили базой для появления в будущем ботанических садов, а также местом разведения лекарственных трав. Фундаментом отечественной медицины послужило открытие первого в России госпиталя, начала формироваться врачебная школа, стали изготавливать отечественные хирургические инструменты.

Со временем появились отечественные ученые мирового уровня. Самым знаменитым российским ученым середины

XVIII в. является Михаил Ломоносов, известный и как исследователь естественных наук (в атомной теории строения вещества, в законе сохранения массы, других открытиях физической химии), и как исследователь в гуманитарных науках и творчестве – переводе, языкознании, стихосложении. В 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова был создан первый в стране Московский университет. Также среди деятелей науки середины XVIII в. следует упомянуть имена ученых-изобретателей – «отца русского фарфора» Дмитрия Виноградова, автора «огненной (паровой) машины» Ивана Ползунова, а конца этого века – создателя прожектора, «самоходного судна» и многих других «диковинок» Ивана Кулибина.

Успешное развитие российской науки шло в XIX в., причем по многим направлениям одновременно. Многие достижения стали достоянием мировой науки. Кроме учреждений Академии наук и высших учебных заведений, ряды которых постоянно пополнялись провинциальными и отраслевыми институтами, уже в первой половине века организовались различные научные общества: Русское географическое общество, Русское археологическое общество, Общество любителей российской словесности, Математическое общество, Археографическая комиссия, Московское общество истории и древностей российских, Московское общество испытателей природы, Минералогическое общество в Петербурге и др. Русские географические экспедиции принесли человечеству множество открытий.

В первой половине XIX в. прославились русские математики, физики, химики, астрономы. Н. И. Лобачевский стал создателем новой геометрии. М. В. Остроградский провел работы по математической физике, аналитической и небесной механике. В. В. Петров первым открыл явление теплового и светового действия электрического тока (впоследствии известного под именем «вольтовой дуги»), а также явление электролиза. Б. С. Якоби сконструировал электродвигатель и в 1839 г. по водам Невы первый в мире вместе с членами комиссии по испытаниям совершил плавание на электроходе. Э. Х. Ленц открыл закон, который определял направление индукционного тока. Н. Н. Зинин предложил способ получения анилина из бензола, что послужило базой для последующего развития промышленности синтетических красителей. В. Я. Струве наблюдал за «двойными звездами»; крупнейшими трудами астрономической науки стали градусное измерение русскоскандинавской дуги меридиана и микрометрические измерения

234

более чем 3 тыс. звезд; ученым в 1839 г. была организована Пулковская обсерватория под Петербургом.

Во второй половине XIX – начале XX в. работы российских ученых и изобретателей продолжились. П. Л. Чебышеву удалось увязать проблемы математики с естественными науками, он сделал открытия по теории машин и механизмов. А. Г. Столетову принадлежит ряд открытий в области магнетизма и фотоэлектрических явлений. Огромный вклад в развитие химии внес Д. И. Менделеев – создатель периодического закона химических элементов. П. Н. Лебедев впервые в мире выявил общие закономерности, характерные волновым процессам различной природы (электромагнитным, звуковым и др.). К. Э. Циолковский стоял у истоков современной космонавтики, представил ряд трудов, где обосновывалась возможность космических полетов и определялись пути достижения этой цели.

«Прорывные» достижения состоялись в медицине и биологии. М. Я. Мудров развивал учение, где внешняя среда рассматривалась как фактор патологических состояний. Н. И. Пирогов основал военно-полевую хирургию. И. П. Павлов проводил исследования в области физиологии пищеварения, за что в 1904 г. удостоен Нобелевской премии. И. И. Мечников получил Нобелевскую премию в 1908 г. за исследования механизмов иммунитета. В. И. Вернадский приобрел мировую известность благодаря своим трудам энциклопедического уровня, эти работы послужили основой для появления новых научных направлений в биохимии, геохимии, радиологии, а учения о биосфере и ноосфере заложили фундамент современной экологии.

Таким образом, к 1917 г. модель российской науки в плане организации была представлена Петербургской академией наук, университетами, специальными учебными институтами, научными обществами, немногочисленными лабораториями ведомств и предприятий, ведомственными и межведомственными учеными комитетами и комиссиями. Академия наук стала высшим научным учреждением страны. В стране насчитывалось около сотни высших учебных заведений. При министерствах и ведомствах работали научные ячейки (Горный ученый комитет, Геологический комитет и т. д.), которые обеспечивали их практические цели. Заводская наука только зарождалась, но в ряде крупных предприятий появились лаборатории и конструкторские бюро, которые были хорошо оборудованы и обладали научно-инженерным персоналом.

Советское время

В 1920-1930 гг. была сформирована организационная модель советской науки, которая ориентировалась во многом на потребности индустриализации и военные нужды. Появились две изолированные друг от друга системы: военная и гражданская.

В состав военно-промышленного комплекса (ВПК) входили крупные научно-технические организации и научные системы ряда ведущих вузов страны, его финансирование было значительным и приоритетным. В состав гражданской науки входили академический, вузовский, отраслевой и заводской сектора, причем исследования осуществлялись по очень широкому диапазону направлений.

Структура академического сектора науки была представлена научными организациями Академии наук СССР и отраслевых академий (медицинской, сельскохозяйственной, образования и др.). Фундаментальные исследования являлись главной задачей этого сектора. Со временем постепенно стал усиливаться вектор прикладной науки. Первое региональное отделение Академии наук – Сибирское – появилось в 1957 г., а позже появились Уральское и Дальневосточное отделения. Академическая наука стояла во главе крупных научно-хозяйственных интегральных программ, например, успешно функционирующей в 1970–1980-х гт. программы Сибирского отделения АН СССР «Сибирь». В республиках СССР существовали республиканские академии, образовались также научные центры (филиалы) в крупных городах.

В вузовском секторе, совмещающем образовательные и научные функции, появились организации различного типа: научно-исследовательские институты, проблемные и отраслевые лаборатории, совместные подразделения с организациями академического и отраслевого секторов науки, кафедры, научно-учебные центры, научные группы, учебно-опытные и экспериментальные хозяйства, обсерватории, ботанические сады и др.

Отраслевая наука ориентировалась в основном на прикладные исследования, опытно-конструкторские и технологические разработки. В каждой отрасли народного хозяйства осуществлялось управление всем циклом от проведения исследований и разработок до их внедрения в серийное промышленное производство.

Заводской сектор науки включал инженерно-технические подразделения промышленных предприятий и производственных объединений и был направлен на совершенствование произ-

водства. Сюда же входили научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, находящиеся на самостоятельном балансе в составе промышленных предприятий и производственных объединений.

Для координации научных исследований и развития техники был создан специальный орган – Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ) с большими полномочиями. Его руководитель подчинялся непосредственно председателю правительства страны.

В развитии советской науки выделяют два периода. В первый период (1920–1940-е гг.) безусловный приоритет отдавался направлениям, обеспечивающим быстрое развитие хозяйства и повышение обороноспособности: геология, металлургия, гидроэнергетика, авиаракетная и др., а в особенности – физика, которая должна была обеспечить создание новых видов оружия. В военные и послевоенные годы наука была ориентирована на нужды фронта и последующего восстановления экономики. В результате были открыты крупные месторождения полезных ископаемых, созданы новые металлургические базы, построены мощные ГЭС, а сверхбыстрое изготовление под руководством И. В. Курчатова и А. Д. Сахарова атомной и водородной бомб спасло мир от применения этого оружия. Огромный вклад отечественной науки в победу в Великой Отечественной войне и подъем экономики несомненен.

Во второй период, начиная с 1950-х гг., появились экономические условия для более успешного проведения исследований по широкому фронту научных направлений. Лидирующими оказались исследования космического пространства под руководством С. П. Королёва, давшие СССР приоритет в освоении космоса (первый спутник, первый полет человека, первый выход в открытый космос и т. п.), причем здесь слились исследования военного и гражданского секторов.

В то же время советская наука достигла значительных успехов в области фундаментальных наук. Нобелевскими премиями были удостоены физики А. А. Абрикосов, Ж. И. Алферов, Н. Г. Басов, В. Л. Гинзбург, П. Л. Капица, Л. Д. Ландау, А. М. Прохоров, И. Е. Тамм, И. М. Франк, П. А. Черенков, а также химик Н. Н. Семенов и математик Л. В. Канторович, получивший в 1975 г. премию по экономике. Однако развитие биологии, в частности генетики и кибернетики, сдерживалось. В 1930-е и начале 1950-х гт. многие виднейшие ученые были незаслуженно репрессированы. Это привело к торможению и отставанию исследований по мно-

гим передовым направлениям мировой науки, что сказывается и в настоящее время.

В то же время успехи советской науки были значительны, вкладывались в нее немалые средства. Тем не менее отмечается, что эффективность ее была недостаточной в результате следующих причин [1]: ориентация научного комплекса на исследования и разработки оборонного характера в ущерб гражданскому направлению; низкая внедряемость достижений науки в практику; относительная изолированность от мирового научного сообщества, прежде всего вследствие идеологических разногласий. Многие из этих факторов продолжают действовать и сегодня.

Современная Россия

Наука России на современном этапе характеризуется трансформационными процессами. Уже в первые годы постсоветского времени в науке начались негативные тенденции: был потерян значительный научный потенциал союзных республик; ликвидация Госплана и других ведомств плановой экономики привела к отсутствию четко поставленных задач и ориентиров развития; закрытие ГКНТ привело к нарушению межведомственной координации науки; отмечался отток и опытных, и молодых научных кадров.

Значительный урон понесла ведомственная наука, особенно в 1990-е гг., причем это относится ко всем ее звеньям: научно-исследовательским, проектным и проектно-изыскательским, конструкторским организациям, опытным заводам. Единственным сектором, где число организаций увеличилось, стал образовательный, но это не смогло компенсировать общее снижение численности научно-технических учреждений, по сравнению с 1992 г., на четверть (рис. 1).

Соответственно, еще больший спад произошел в численности научных кадров – почти вдвое к 2000 г. по сравнению с 1992 г. [4]. Тем не менее Россия относится к мировым лидерам по абсолютным масштабам занятости в науке, уступая только Китаю, США и Японии [3], но этот показатель в течение длительного периода снижался. Все же с 1992 г. вдвое увеличилось количество аспирантов, по сравнению с 2015 г. Но, несмотря на приход молодежи (ученых в возрасте до 39 лет), в российской науке сохраняются серьезные диспропорции: каждый третий исследователь достиг пенсионного возраста; продолжается отток кадров средней возрастной категории (40–49 лет) [3].

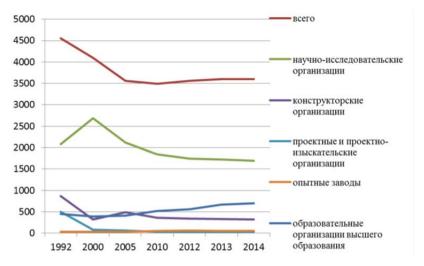

Рис. 1. Организации, выполнявшие научные исследования и разработки [4]

Хотя в России отмечается стабильное увеличение затрат на науку до 2015 г. (с 2000 г. – в 12,3 раза в действующих ценах и примерно в два раза в постоянных ценах) и это дает возможность ей находиться в числе мировых лидеров по этому показателю, все же для нее в целом характерна низкая наукоемкость экономики, измеряемая как доля затрат на науку в ВВП. Затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя в России ниже, чем: в США – в 4,2 раза, в Германии – в 3,4, в Японии – в 3,0, в Китае – в 2,9, в Великобритании – в 1,8 раза [3].

В 2013 г. началось реформирование академического сектора науки. К положительным результатам можно отнести объединение РАН с РАМН и РАСХН, к отрицательным – реорганизацию Академии наук, которая была фактически «отлучена» от институтов, нанесла ощутимый удар по российской фундаментальной науке.

Застарелой проблемой российской науки является разрыв между фундаментальной наукой и внедрением ее результатов в хозяйственную деятельность. Как уже говорилось выше, в 1990-е гг. прекратила существование большая часть отраслевых институтов и других организаций, служивших связующим звеном между наукой и производством и являющихся основным элементом инновационного процесса в стране. Можно говорить о недостаточной патентной активности: на долю России приходится порядка 1 % общемирового числа заявок (10-е место в глобальном

рейтинге). Хотя за период с 2001 г. число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране и за рубежом, увеличилось на 39 % [3].

Аналогична ситуация и с инновационной активностью в целом. Россия имеет достаточно высокие позиции в сфере генерации новых знаний и их приобретения и по объемам сектора исследований и разработок. Но к слабым сторонам инновационного развития России относятся низкая эффективность процессов распространения знаний и их влияния на экономику и общество.

Уровень цитирования работ российских ученых в последнее время растет, но все же остается ниже среднемирового. По сравнению с государствами-лидерами и странами с похожим уровнем публикационной активности, значительная доля научных работ российских ученых публикуются в журналах с невысоким импактфактором, хотя в России работает много авторитетнейших ученых с большим объемом международного цитирования в ведущих мировых журналах.

Ведущими направлениями специализации российской науки, как и советской, являются физика, математика, химия, науки о космосе и Земле. Более половины международных публикаций российских ученых приходятся на эти направления. Однако степень развития наук о жизни (молекулярная и микробиология, клиническая медицина, иммунология), об окружающей среде, сельскохозяйственных, общественных наук и др. по мировым стандартам недостаточно высок.

Российские ученые внесли значительный вклад в мировые достижения последних десятилетий.

Возможности современной мировой науки и техники колоссальны, что демонстрируется настоящими достижениями. Большие перспективы открывают освоение атомной и термоядерной энергии, создание новых конструктивных материалов, информатизация и «цифрофизация», развитие биотехнологии, робототехники, лазерной техники, новые системы транспорта и связи и т. п. Качественное преобразование природы и общества в интересах человечества невозможно без научной основы.

Процветание любого государства напрямую связано с развитием науки и техники. Российская наука имеет высокий потенциал и остается одной из самых перспективных в мире, несмотря на то, что ее проблемы достаточно велики [2]. Очень важно поддержать российскую науку, для чего необходимо увеличить ее фи-240

нансирование, обеспечить правовую и концептуальную базу, определиться с приоритетами развития, создать ученым все условия для их творческого роста. Высокий уровень развития науки в России позволит ей оставаться на мировой арене в качестве бесспорного и реального лидера.

Список литературы

- 1. Наука в экономической структуре народного хозяйства / Б. Г. Салтыков [и др.]; отв. ред. Б. Г. Салтыков. М.: Наука, 1990. 190 с.
- 2. Наука высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия. (социально-экономические аспекты развития) / Руководители авт. колл. В. Л. Макаров, А. Е. Варшавский. М.: Наука, 2001. 636 с.
- 3. Российская наука в цифрах / В. В. Власова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/215179745.
- 4. Россия в цифрах: крат. стат. сб. Росстат. М, 2016. 543 с. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/rusfig/rus16. pdf.

STAGES OF SCIENCE DEVELOPMENT IN RUSSIA

L. M. KORYTNY, T. N. SHEKHOVTSEVA V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the development of scientific thought in Russia. The stages of development of science are given. It is noted that the beginning of domestic professional scientific activity is associated with the name of Peter I and the creation of the Academy of Sciences. We are talking about the significant potential of Russian science, despite a number of difficulties that were present earlier and are now. The key positions characterizing the state and development trends of the sphere of science in Russia are presented.

Keywords: science, Russia, Academy of Sciences, stages of development.

Корытный Леонид Маркусович - доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия, e-mail: kor@irigs.irk.ru

Korytny Leonid M.- Doctor of Sciences (Geography), Principal Researcher, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kor@irigs.irk.ru

Шеховцова Татьяна Николаевна - кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия, e-mail: shekhovtsova@irk.irigs.ru

Shekhovtsova Tatiana Nikolaevna – Candidate of Sciences (Geography), Research Associate, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: shekhovtsova@irk.irigs.ru

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1930-1970-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ КИНОТЕАТРОВ С ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ)

М. И. ЛИТВИН

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлена специфика и результаты культурной политики советского государства в 1930-1970 гг.

Ключевые слова: история культуры, советская культура, культурная политика, советский кинематограф, управление культурой, киноискусство, идентичность, советское общество, советский человек.

Оригинальный путь развития советского кинематографа, несомненно, начался с декрета Совнаркома (27 августа 1919 г.) [1, с. 85]. Национализация советской киноиндустрии позволила сложиться совершенно особым взаимоотношениям между кинематографом и государством. С одной стороны, государство стало финансировать весь кинопроизводственный цикл, становясь единственным заказчиком и освободив всех, кто занимался производством кино от поиска средств на его создание, а с другой – это привело к жесткому контролю и цензурированию со стороны государства и подчинению художественных задач кинематографа государственной идеологии.

Советский кинематограф, оставаясь одним из высокодоходных видов экономической деятельности государства, в культурной жизни страны выполнял прежде всего функцию наглядной пропаганды и агитации советского образа жизни.

Содержание и процесс взаимодействия своих граждан с кинематографом очень строго контролировались советским государством, так как киноискусство, создавая художественные образы, воздействуя на эмоциональную сферу, ярко и наглядно формировало картину мира у зрителей, позволяя им найти свое место в мире, сознательно и бессознательно принять или отторгнуть определенные ценности, поведенческие нормы, успешно пройти процесс социализации и дальнейшей инкультурации. В связи с этим особое внимание государство уделяло как тематике фильмов, так и созданию условий, позволяющих как можно большему числу своих граждан воспринять эти мировоззренческие ориентиры и успешно пройти процесс культурной идентификации и восприятия себя в качестве носителя советской идентичности.

Советский кинематограф (как документальный, так и игровой) ориентировался на развитие личности своих граждан, учил сопереживать чужому горю и беде, формировал научную картину мира, способствовал профессиональному росту, развитию интеллекта и воспитанию патриотизма и любви к Родине.

Воздействие киноиндустрии на формирование мировоззрения граждан начиналось с детского возраста, поэтому создание системы производства и потребления кинопродукции юными зрителями стало одной из задач, которую поставило перед собой советское государство. В стране была создана сеть специализированных кинотеатров для детей, предусматривающих наличие особого детского репертуара и использование специальных методов работы с детьми. Для этого разрабатывались методические указания, особые штатные расписания, создавались условия для включенности детей в процесс осмысления произведений киноискусства.

6 ноября 1935 г. в здании бывшего клуба политкаторжан открылся первый детский кинотеатр в г. Иркутске. Просторное фойе кинотеатра было украшено скульптурами, портретами и цветами, а в комнате для игр стоял китайский бильярд, картинызагадки, «Электрина», шахматы, лото, газеты, журналы, книги и песенники. Стены зрительного зала украшали панно с изображением детей за учебой, играми и работой [2, с. 72].

Для формирования нового человека советское государство готово было пойти на серьезные, экономически неоправданные шаги. Например, в приказе № 316 управления кинофикации при СНК РСФСР от 9 августа 1937 г. «О педагогической работе с детьми в кинотеатрах» говорилось о необходимости снижения цен на билеты, чтобы общая стоимость одного детского билета и одного билета для родителей вместе была не ниже установленной в данном кинотеатре нормальной цены одного билета на киносеанс для взрослых. В этом же документе оговаривалось, что при индивидуальных посещениях детьми специальных детских киносеансов, педагогическая работа с детьми должна проводиться специальным педагогическим персоналом кинотеатра. Требования к педагогическому персоналу кинотеатра подразумевали наличие профессиональных умений и навыков, позволяющих влиять на формирование мировоззрения подрастающего поколения (например, кинопедагог 1-го разряда должен был иметь высшее педагогическое образование, знать историю искусств, иметь теоретические и практические знания киноработы с детьми, знать детский репертуар и уметь анализировать фильмы; педагог-массовик

1-го разряда должен был иметь высшее педагогическое или художественное образование, знать историю искусств, знать детский кинорепертуар, уметь провести беседу по содержанию картины литературным и доступным детям языком, должен был иметь практическое знание существующих форм художественной работы с детьми и быть знакомым с формами кинопропаганды; педагог-музыкант 1-го разряда должен был иметь общее музыкальное образование не ниже среднего, знать художественную музыкальную литературу, уметь читать ноты с листа, импровизировать, сопровождать музыкой ритмические занятия и постановки, знать оркестровки ударно-шумового оркестра и постановки детского хора, иметь стаж по руководству музыкальным кружком не менее 2-х лет) [3, л. 172].

В 1937 г. заканчивается строительство надстройки и переоборудование в кинотеатре «Пионер» [4, л. 10].

Особенностью работы кинотеатра «Пионер» в предвоенные годы было проведение специальных детских киносеансов для детей командиров и красноармейцев (например, в 1937 г. в рамках декады искусств для частей РККА и НКВД был организован показ фильма «Дети капитана Гранта», который посетило 400 юных зрителя) [5, л. 335].

Однако не только кинотеатр «Пионер» целенаправленно и систематически работал с детской аудиторий, со временем была налажена работа с юными зрителями во всех кинотеатрах Иркутска. Особое внимание уделялось организации и проведению этой работы в дни школьных каникул. Например, в отчете перед парторганизацией областного управления кинофикации о мероприятиях, проведенных кинотеатрами города для детей в период зимних каникул 1941 г., были перечислены следующие мероприятия: кинотеатр «Пионер» показал две новые кинокартины «Брат героя» и «Сибиряки», ежедневно давая по четыре детских сеанса (в результате было обслужено 10 100 чел.), в читальном зале были организованы две встречи с участниками белофинских боев, показано семь сеансов членами кружка «Юных киномехаников», работавших при кинотеатре, а также было проведено одно обсуждение с активом кинокартины «Брат героя»; кинотеатр «Гигант» ежедневно давал по два детских киносеанса, были показаны три кинокартины «Юность поэта», «Митько Лелюк» и «Федька», было обслужено 13 500 чел.; кинотеатр «Художественный» организовал 15 киносеансов, обслужив 5900 детей, а во время ожидания фильма перед сеансом играла юная баянистка; кинотеатр «Марат» обслужил 5480 чел., показав четыре кинокартины; поскольку кинотеатр «Экран» только начал свою работу, во время каникул он работал с детьми с 7 по 12 января и успел обслужить 1584 чел.

Всего по всем кинотеатрам города за время зимних каникул было обслужено около 50 тыс. ребят. Большинство детей посещало кино в индивидуальном порядке. Школы города специально организовали дежурство педагогов, которые активно помогали в организации ребят до сеансов и наблюдению за их поведением в кинозале [6, л. 1].

В послевоенный период кинотеатр «Пионер» сохранил свою специализацию. Оставаясь детским кинотеатром, он был призван не только показывать кинофильмы, но и организовывать досуг детей в праздничные дни, период школьных каникул, а также в свободное от учебы время. Поэтому, планируя работу, кинотеатр «Пионер» ставил перед собой комплекс задач, реализация которых должна была через показ фильмов и разнообразную работу вокруг кинопросмотров воспитать в юных зрителях чувство любви к Родине, любовь к знанию, расширить их умственный кругозор, привить им культурные навыки поведения.

Например, в отчете о работе кинотеатра «Пионер» за 1946 г. говорится о самых разнообразных видах деятельности. Поскольку основными его зрителями были школьники 7-14 лет, а также учащиеся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ, кинотеатр учитывал запросы учебных заведений по иллюстрации школьных программ, проведению школьных праздников, празднованию знаменательных дат, начала и окончания учебного года. Месячный план (репертуар) доводился до сведения школ района и города, ремесленных училищ, детдомов, а также внешкольных учреждений и Дворца пионеров. Кинотеатр участвовал в совещаниях гороно, горкома комсомола и руководящих органов района, обсуждая репертуар и организацию коллективных посещений кино, кинофильмов, мероприятия, посвященные знаменательным датам. Кинотеатр «Пионер» стал играть важную роль в организации и проведении внешкольной работы.

Руководство кинотеатра придавало огромное значение влиянию окружающей обстановки на процесс воспитания детей, поэтому оно всегда стремилось к тому, чтобы помещение кинотеатра было теплым, чисто убранным и красиво оформленным. Например, к началу 1946 учебного года все фойе кинотеатра было оформлено «Правилами поведения учащихся», выраженными в творческой форме, во второй половине учебного года фойе

украшали картинки из русских сказок, например из «Сказки о рыбаке и рыбке», а также в нем устраивались выставки школ города (например, стенных газет), рукодельных кружков, кружка Дворца пионеров, выставки ФЗО и ремесленных училищ. Кроме этого, перед сеансами демонстрировались лучшие самодеятельные выступления детского актива кинотеатра, Дворца пионеров, детских садов и школ города, детского дома № 3, музыкальной школы, а также проходили выступления профессиональных артистов (ТЮЗа, филармонии), кукольного театра Дворца пионеров, выступления писателей, педагогов-орденоносцев, героев войны.

Кроме повседневной работы, за 1946 г. кинотеатр «Пионер» провел два кинофестиваля. Первый кинофестиваль был посвящен военно-патриотической тематике (было проведено 37 киносеансов, которые посетило 21 241 чел.), а второй – экранизациям сказок (было проведено 28 киносеансов, которые посетило 10 147 зрителей).

В целом в 1946 г. кинотеатр посетило 193 477 чел., сеансов – 708, валовый сбор – 238 143 руб. [7, л. 16].

Значение кинотеатра «Пионер» как важного и эффективного учреждения, работающего с детской аудиторией, демонстрирует тот факт, что из 17 постоянно действующих кинотеатров (с ежедневным кинопоказом) на 1 октября 1948 г., в трудное послевоенное время, был проведен ремонт семи, в числе которых был и детский кинотеатр «Пионер» («Экран», «Пионер», «Лена», «Марат», «Сибирь», «Колос», Икейский районный кинотеатр) [8, л. 41].

В 1951 г. на заседании партийной организации областного управления кинофикации работа кинотеатра «Пионер» была подвергнута серьезной критике. С точки зрения парторганизации «Пионер» своим репертуаром и своей повседневной деятельностью должен был искоренять остатки пережитков капитализма в сознании людей. Вместо этого он по существу превратился в коммерческое учреждение и перестал отвечать своему назначению. Кинорепертуар для детей не подбирался, и в большинстве случаев в кинотеатре демонстрировались картины из взрослого репертуара, запрещенного для детей. Вопрос идеологического воспитания детей кинотеатр не решал, кроме того, он не занимался организацией зрителя, утратил связи со школами, техникумами и другими детскими организациями [9, л. 12]. Жесткий контроль со стороны государства привел к возвращению первоначального назначения кинотеатра «Пионер», которое было провозглашено при его открытии в 1935 г. - воспитанию подрастающего поколения в духе коммунистической идеологии.

В 1968 г., помимо кинотеатра «Пионер», детской работой занимались все кинотеатры, организуя детские киносеансы во время школьных каникул.

В течение 1968 г. было обслужено 14 млн детского зрителя. Каждый школьник за год посмотрел 42 художественных фильма [10, л. 15]. С каждым годом количественные и качественные показатели, отражающие развитие кинематографа в стране, увеличивались, в 1971 г. в городах и районах области было обслужено 70 млн детского зрителя [11, л. 14].

В соответствии с приказом комитета по кинематографии и министерства просвещения «О состоянии и мерах по повышению роли киноискусства в воспитательной работе среди учащихся во внеурочное время» повсеместно должны были быть созданы школьные кинотеатры на основах самоуправления пионеров и школьников при восьмилетних и средних школах, где должны были демонстрироваться фильмы, связанные с учебной программой школы [12, л. 27]. Детские школьные самодеятельные кинотеатры должны были стать центром всей внеклассной воспитательной работы.

Большое внимание и практическую помощь в работе и создании детских школьных кинотеатров оказывал методкабинет. В результате в 1972 г. в Иркутской области насчитывался 281 школьный кинотеатр, функционирующий на началах детского самоуправления [13, л. 110].

ЦК ВЛКСМ и комитет по кинематографии ежегодно проводил Всесоюзные конкурсы-смотры детских специализированных и школьных кинотеатров. Кинотеатры иркутского управления кинофикации всегда успешно участвовали в этих конкурсах.

Знаменательным событием в жизни детей Иркутской области стали смотры школьных самодеятельных кинотеатров, которые ежегодно проводились в разных городах Иркутской области и оценивали работу школьников. Например, в 1971 г. среди школьных кинотеатров первое место и денежная премия была присуждена Захальскому школьному кинотеатру Эхирит-Булагатского района, а по итогам работы в 1972 г. первое место занял детский школьный кинотеатр школы № 22 г. Иркутска. Областные смотры-конкурсы детских школьных кинотеатров заканчивались проведением областных слетов. Например, в 1972 г. был организован и проведен V областной слет «Юных друзей кино». Три дня юные кинолюбители знакомились с работой своих коллег, с новыми

формами работы пропаганды кинофильмов, встречались с киноактерами [13, л. 111].

В 1973 г. областной слет юных киноорганизаторов проходил в г. Братске, на нем были подведены итоги работы школьных самодеятельных кинотеатров, а по итогам смотра-конкурса на «Лучший школьный кинотеатр» школа № 21 г. Иркутска была награжден дипломом Союзного кинокомитета и денежной премией. В июне 1974 г. был проведен VI слет ребят-активистов школьных самодеятельных кинотеатров в г. Ангарске. На этом слете ребята обменялись опытом работы, получили рекомендации от старших, а лучшие были награждены грамотами и ценными подарками. По итогам работы в 1973–1974 учебном году самодеятельный кинотеатр «Глобус» школы № 16 Иркутска был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и ценным подарком.

В 1976 г. на XXV съезде КПСС была актуализирована позиция советского государства относительно роли киноиндустрии в процессе социализации и инкультурации новых поколений советских граждан. В связи с этим было провозглашено: «Важная задача кинематографистов – активно влиять на идейно-нравственное становление и всестороннее развитие юных граждан нашей страны, воспитывать у них благородные чувства любви к социалистической родине, преданности делу Коммунистической партии, непримиримости к врагам социализма, силам реакции и агрессии. Создавать полноценные произведения, помогающие формированию поколений людей, способных приумножать завоевания социализма, героические достижения партии и народа, успешно строить коммунистическое общество» [13, л. 60].

Таким образом, советское государство в очередной раз подтвердило свою приверженность идеологическим доминантам, определявшим направления развития советского общества и советской культуры на всем протяжении своего существования.

Список литературы

- 1. Беленький И. История кино: киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М.: Альпина Паблишер, 2019. 405 с.
- 2. Приангарье: годы, события, люди / сост. Э. Д. Елизарова. Иркутск: Редакционно-издательский отдел упрополиграфиздата, 1985. 113 с.
 - 3. ГАНИИО. Ф. Р-1918. Оп. 1. Д. 3а.
 - 4. ГАНИИО. Ф. 2179. Оп. 1. Д. 1.
 - 5. ГАНИИО. Ф. Р-1918. Оп. 1. Д. 4а.
 - 6. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 14.
 - 7. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 19.
 - 8. ГАНИИО. Ф. Р-1918. Оп. 1. Д. 47.
 - 9. ГАНИИО. Ф. 2179. Оп. 1. Д. 14.
 - 10. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33.

11. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 35. 12. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 32. 13. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 36.

THE SPECIFICITY CULTURAL POLITICS THE SOVIET SOCIETY IN 1930-1970 (ON THE EXAMPLE WORK CINEMAS WITH CHILDREN)

M. I. LITVIN

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents the specificity and results culture politics of the Soviet society in 1930–1970.

Keywords: the history of culture, the Soviet culture, cultural politics, the Soviet cinematography, cultural management, cinema, identity, the Soviet society, the Soviet man.

Литвин Мария Ивановна - кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: litvin.m.i@gmail.com

Litvin Maria Ivanovna - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Chair of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: litvin.m.i@gmail.com

УДК 32-053.85(571.53)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ ИРКУТЯН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С. С. МАМЕДОВ, М. Л. РЫБАЛКО

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Выявлена характеристика системы политических ценностей представителей средней возрастной группы иркутян. В качестве эмпирического метода использовано анкетирование путем проведения пилотажного опроса, позволившего установить тенденции развития массового политического сознания исследуемой группы населения в данной сфере. Показаны результаты применения метода ассоциаций. Продемонстрирован переход от качественных параметров в исследовании к количественным. Иплюстрированы две типологии ассоциаций, выявленных в результате исследования. Раскрыта созданная авторами формула, позволяющая рассчитать, насколько общими для респондентов являются представления о той или иной политической ценности. Выявлены наиболее и наименее значимые политические ценности для иркутян среднего возраста.

Ключевые слова: политические ценности, иркутяне, средняя возрастная группа, анкетирование, метод ассоциаций, типологии ассоциаций, качественные и количественные методы исследования.

В течение всей постсоветской истории в России активно протекали процессы политической, социально-экономической, культурной трансформаций, в результате которых кардинально изменился вектор развития государственной системы, ее политических, экономических, социокультурных ориентиров. При глубоком рассмотрении данной проблемы исследователь неизбежно обращает внимание на проблематику политических ценностей трансформировавшегося современного российского общества, в том числе представлений о свободе, равенстве, справедливости, мире, безопасности и др. Приходится констатировать, что на протяжении последних нескольких десятилетий произошло значительное переосмысление в сознании российских граждан социально-политических реалий, что неминуемо отразилось в ценностной сфере.

Особый интерес при исследовании данных аспектов представляет изучение трансформации ценностных предпочтений представителей средней возрастной группы россиян. Ведь они вынуждены были адаптироваться к новым политическим и социально-экономическим условиям, приспосабливая к ним свои представления, воспринятые еще в советский период.

Известно, что политические ценности решающим образом определяют политическое поведение и что жители Иркутска на протяжении всей современной истории России славились своим уникальным и непредсказуемым электоральным поведением. При комплексном рассмотрении условий данной проблематики представляется актуальным как для научного сообщества, так и для общества в целом изучение политических ценностей и предпочтений в массовом сознании представителей среднего поколения иркутян, что позволит в дальнейшем прогнозировать их политическое поведение.

В исследовании использовалось определение политических ценностей, данное А. В. Селезневой, – это устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений [2, с. 178].

Целью данного исследования выступили выявление и характеристика системы политических ценностей представителей средней возрастной группы иркутян. В качестве основного эмпирического метода явилось анкетирование путем проведения пилотажного опроса. Единственными критериями участия в нем в качестве респондента были территориальный (проживание в Иркутске) и возрастной (30–60 лет) факторы. Данный вариант из-за нерепрезентативной выборки не позволил увидеть полную и до-

стоверную картину системы политических ценностей иркутян среднего возраста, но дал возможность выявить тенденции развития массового политического сознания исследуемой группы населения в данной сфере. В анкетировании приняло участие 50 чел. При этом применялись методы неоконченного предложения, ассоциаций и оценочного шкалирования, однако в данной статье приводятся результаты использования лишь метода ассоциаций. Он применялся при анализе ответов респондентов на вопрос, который в анкете звучит так: «Напишите все ассоциации, которые у вас вызывают слова...», после чего перечисляются 18 политических ценностей. Список слов-ценностей был подобран на основе ранее проводимых общероссийских научных работ [3].

Метод ассоциаций дает возможность производить обширные варианты интерпретаций ответов опрошенных и относится к качественным методам исследования, но также позволяет переходить от качественных параметров к количественным. Он тесно связан с методом классификации, который обеспечил получение двух типологий ассоциаций. Первая типология была составлена в результате выделения положительных и негативных ассоциаций, что также позволило вычислить аналитический индекс отношения к политическим ценностям. Во избежание необъективного отнесения ассоциаций к обеим категориям была дополнительно включена категория «нейтральные», в которую приписывались ассоциации, вызывавшие вопросы.

Количество всех ассоциаций – и положительных, и нейтральных, и негативных – свидетельствует о том, насколько сформировано представление у опрошенных о той или иной политической ценности. Из табл. 1 видно, что наибольшее количество ассоциаций респондентами было высказано о свободе (93), а также о традиционности (79), мире (79), справедливости (78) и порядке (78). Это говорит о том, что наиболее широко у иркутян средней возрастной группы сформировано представление именно об этих политических ценностях. Наименьшее представление – о демократии (60) и коллективизме (61). По другим ценностям респондентами было выражено примерно одинаковое число ассоциаций (от 65 до 75).

Следует отметить, что такие высказывания, как: «треп по ТВ, когда государство поможет олигарху, а тебе дадут хрен с маслом и скажут "нужно сплотиться"» – о солидарности; «сегодня у нас их нет, народ ущемлен во всем», «пустой звук, если не защищены», «нарушаются», «нарушают» – о правах человека; «лицемерие с ТВ

от чиновников», «исчез», «умер» - о патриотизме; «то, чего здесь не будет никогда» - о демократии; «порядка нет, беззаконие и хамство во всей красе» - о порядке, сами по себе являются негативными ассоциациями и, соответственно, отнесены в последнюю колонку табл. 1, однако они свидетельствуют о некоем сожалении данных респондентов об отсутствии названных ценностей, что говорит о значимости этих политических ценностей для них. Также можно предположить, что данные респонденты негативно оценивают политику действующей власти и что этот факт может дискредитировать указанные политические ценности в их глазах.

Таблица 1 Соотношение ассоциаций с политическими ценностями

Политическая ценность	Всего	Положительные	Нейтральные	Негативные
Свобода	93	49	38	6
Равенство	70	32	34	4
Справедливость	78	51	26	1
Традиционность	79	39	36	4
Частная собственность	65	36	24	5
Толерантность	69	42	12	15
Солидарность	71	49	18	4
Права человека	69	44	19	6
Патриотизм	72	45	15	12
Законность	66	33	30	3
Коллективизм	61	21	31	9
Индивидуальная инициатива	73	36	30	7
Стабильность	75	52	14	9
Демократия	60	20	21	19
Мир	79	59	14	6
Национализм	67	5	11	51
Безопасность	72	55	14	3
Порядок	78	42	31	5

Наибольшее количество положительных и наименьшее количество негативных ассоциаций было дано опрошенными о мире (59 и 6 соответственно), безопасности (55 и 3), стабильности (52 и 9) и справедливости (51 и 1). Это подтверждает доминирование в массовом сознании иркутян среднего возраста первых частей дихотомий «материализм – постматериализм» и «традиционные – заимствованные политические ценности», о чем говорится в результатах общероссийских исследований других авторов [1].

Наименьшее количество положительных (5) и наибольшее количество негативных (51) ассоциаций вызвал национализм. Ис-

ходя из этого, можно сделать вывод о том, что он является самой негативной политической ценностью для иркутян средней возрастной группы. Интересно, что такая политическая ценность, как демократия, разделила респондентов на три практически равные группы – о ней было высказано 20 положительных, 21 нейтральных и 19 негативных ассоциаций. Это говорит о том, что данная ценность вызывает глубокий раскол у исследуемой группы иркутян, является самой спорной и что по отношению к ней прийти к консенсусу им будет сложнее всего.

В указанной табл. 1 представлены не относительные, а абсолютные значения, потому что именно они используются для вычисления аналитического индекса отношения респондентов к политическим ценностям. Для его подсчета необходимо вычесть количество негативных ассоциаций от положительных и поделить на общее количество ассоциаций об определенной ценности. Диапазон изменений индекса - от -1 до 1. Чем дальше его значение от -1, тем более положительное отношение проявляется у опрошенных к той или иной политической ценности, и наоборот. Именно таким способом в исследовании происходит переход от качественных показателей, т. е. конкретных ассоциаций, к количественным - аналитическим индексам отношений к политическим ценностям. Результаты вычислений представлены в табл. 2. На их основе в группу наиболее значимых политических ценностей иркутян средней возрастной группы вошли безопасность (с индексом 0,72), мир (0,67), справедливость (0,64), солидарность (0,63), стабильность (0,57), права человека (0,55). В группу с наименее позитивным восприятием в массовом сознании исследуемых иркутян вошли толерантность (0,39), коллективизм (0,2) и демократия (0,02). Политической ценностью с наиболее негативным к ней отношением стал национализм (-0,69). Полученные данные во многом совпадают с результатами общероссийских научных работ [3], отличаясь лишь незначительными отклонениями.

Вторая типология была составлена в результате выявления наиболее популярных положительных, нейтральных и негативных ассоциаций, данных респондентами. Приведем пример использования данной типологии к политической ценности демократии. Наиболее популярные положительные ассоциации – «свобода» (7 упоминаний), «равноправие» (2); нейтральные – «власть народа» (6), «права» (5), «выбор» (4, с вариантом «реализация права выбора»), «политика» (4), «США» (2); негативные – «обман» (6, с вариантами «неправда», «лжедемократия», «блеф», «ил-

люзия», «видимость», «мнимая справедливость»), «беспорядок» (5, с вариантами «анархия», «бардак», «дезорганизация», «хаос»), «абсурд» (2, в том числе «бред»).

Таблица 2 Первый аналитический индекс отношения респондентов к политическим ценностям

Политическая ценность	Аналитический индекс отношения
Безопасность	0,72
Мир	0,67
Справедливость	0,64
Солидарность	0,63
Стабильность	0,57
Права человека	0,55
Частная собственность	0,48
Порядок	0,47
Патриотизм	0,46
Свобода	0,46
Законность	0,45
Традиционность	0,44
Равенство	0,4
Индивидуальная инициатива	0,4
Толерантность	0,39
Коллективизм	0,2
Демократия	0,02
Национализм	-0,69

Данная типология была приведена для того, чтобы продемонстрировать, с чем ассоциируются политические ценности у представителей средней возрастной группы иркутян. Для того чтобы рассчитать, насколько общими для респондентов являются представления о той или иной политической ценности, авторами данного исследования была разработана формула

$$I = (E - x + y) / E,$$

где I – индекс общего представления респондентов о политической ценности, E – общее количество ассоциаций, данных об этой ценности, y – количество групп, образованных популярными ассоциациями, x – сумма всех популярных ассоциаций, входящих в эти группы. Данная формула может быть использована во всех исследованиях, в которых применяется метод ассоциаций. Представляется целесообразным привести доказательства ее состоятельности. Общее количество ассоциаций, данных о ценности равенства, равно 70. Если допустить, что не было ни одной популярной ассоциации даже хотя бы y двух респондентов, y т. е. пред-

ставления респондентов об этой ценности были полностью разрозненными, то не было бы групп, образованных популярными ассоциациями, соответственно, сумма популярных ассоциаций равнялась бы нулю, и вычисления выглядели бы так:

$$70 - 0 + 0 / 70 = 1$$
.

Если же допустить, что абсолютно у всех респондентов были полностью одинаковые представления о политической ценности равенства и они дали только одну общую для всех ассоциацию, то расчеты всегда были бы такими:

$$50 - 50 + 1 / 50 = 0.02$$
,

так как в настоящем исследовании участвовало 50 респондентов, следовательно, они могли бы дать только 50 одинаковых ассоциаций. Таким образом, чем ближе полученный индекс к 1, тем более разрозненны представления опрошенных о данной политической ценности; чем ближе индекс к 0,02, тем представления о политической ценности более общие для респондентов. Результаты вычислений относительно всех ценностей представлены в табл. 3. Политическими ценностями, о которых в массовом сознании иркутян средней возрастной группы имеются наиболее разрозненные представления, оказались национализм, свобода и равенство; наиболее общие представления у них – о патриотизме и индивидуальной инициативе.

Таблица 3 Индексы общего представления респондентов о политических ценностях

Политическая ценность	Индекс общего представления
Национализм	0,85
Свобода	0,74
Равенство	0,73
Стабильность	0,67
Порядок	0,64
Справедливость	0,6
Мир	0, 6
Толерантность	0,58
Частная собственность	0,57
Традиционность	0,56
Солидарность	0,54
Безопасность	0,54
Коллективизм	0,48
Права человека	0,46
Демократия	0,45
Законность	0,45
Индивидуальная инициатива	0,34
Патриотизм	0,3

Таким образом, метод ассоциаций позволил накопить немало ценной информации, являющейся научным знанием о системе политических ценностей иркутян среднего возраста. Благодаря этому методу удалось выяснить, насколько сформировано представление у опрошенных о той или иной политической ценности, каковы ассоциации с ней.

Список литературы

- 1 Богдан И. В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 3. С. 24–34.
- 2 Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политикопсихологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192.
- 3 Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 2. С. 6–18.

POLITICAL VALUES OF REPRESENTATIVES OF THE MIDDLE AGE GROUP OF IRKUTYAN AT THE PRESENT STAGE

S. S. MAMEDOV, M. L. RYBALKO

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article reveals characteristics of the system of political values of representatives of the middle age group of Irkutsk residents. As an empirical method, a questionnaire survey was used by conducting a pilot survey, which made it possible to establish trends in the development of the mass political consciousness of the studied population group in this area. The results of applying the method of associations are shown. The transition from qualitative parameters in the study to quantitative ones is demonstrated. Two typologies of associations identified as a result of the study are illustrated. A formula, created by the authors, is disclosed that makes it possible to calculate how common the ideas about a particular political value are for the respondents. The most and least significant political values for middle-aged Irkutsk residents were revealed.

Keywords: political values, Irkutsk people, middle age group, questionnaire survey, method of associations, typology of associations, qualitative and quantitative research methods.

Мамедов Садиг Сардар Оглы - магистрант, исторический факультет, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: sadig.mso@yandex.ru

Mamedov Sadig Sardar Ogly - Undergraduate, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sadig.mso@yandex.ru

Рыбалко Михаил Леонидович - кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

Rybalko Mikhail Leonidovich - Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Docent), Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

ГОДЫ РАЗВИТИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 2010–2019 ГОДАХ

Д. А. МЯСНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена история формирования политологической школы в Иркутском государственном университете. Несмотря на то что в университете за его 100-летнюю историю эпизодически производились исследования и публиковались материалы, в которых анализировались мировые, российские и региональные политические события и процессы, не было организовано систематической и целенаправленной работы в данном направлении. Ситуация изменилась, после того как в начале текущего столетия в ИГУ было организовано отделение политологии и религиоведения, на котором началась подготовка специалистов по направлению «Политология». Организация и научно-педагогическое обеспечение полготовки политологов осуществлялись кафедрой отечественной истории и политологии ИГУ. Эта деятельность потребовала от ряда преподавателей изменить круг своих научных интересов в сторону анализа политических процессов. В ходе этой работы на базе кафедры был создан научный журнал соответствующего профиля, введено в ежегодную практику проведение специализированных политологических всероссийских конференций, организовано региональное отделение РАПН, начат ежегодный выпуск сборников научных статей политологической тематики. Эта деятельность позволила к 2010 г. организовать на базе отделения политологии исторического факультета систематическую и целенаправленную работу, с вовлечением в нее большого количества исследователей из ряда регионов страны и зарубежных стран. Благодаря усилиям коллектива кафедры и других исследователей, исторический факультет к концу 2010-х гг. превратился в центр политологических исследований Восточной Сибири.

Ключевые слова: университетская наука, политология, анализ политических процессов, Иркутская область, Восточно-Сибирский центр политологических исследований.

В 2007 г. в Иркутском государственном университете было открыто отделение политологии и религиоведения. Его возглавил проф. Ю. Ф. Абрамов, организацией политологического образования на отделении занимался проф. Ю. А. Зуляр. Подготовительная работа и набор студентов прошли успешно, и осенью того же года на нем начались занятия. Первый набор на отделение объединил 47 религиоведов и 19 политологов.

Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ стала после начала подготовки политологов выпускающей. Статус выпускающей кафедры потребовал от ее руководства и преподава-

телей расширения научных исследований по политической проблематике.

Первым шагом в этом направлении стало создание научного журнала по тематике, соответствующей профилю отделения. В 2007 г. по инициативе Ю. А. Зуляра и при его активном участии было организовано издание серии «Политология. Религиоведение» журнала «Известия Иркутского государственного университета».

С этого времени в Иркутском университете начались систематические исследования политологических проблем. Вокруг журнала стали объединяться исследователи региона, а затем и других районов страны. В 2008–2013 гг. главным редактором журнала был ректор ИГУ, д-р хим. наук, проф. А. И. Смирнов, научными редакторами - Ю. Ф. Абрамов, Ю. А. Зуляр и А. А. Иванов. В 2009 г. ответственным за выпуск журнала стала преподаватель кафедры политической истории и политологии Р. Ю. Зуляр. В 2007–2009 гг. журнал выходил один раз в год.

Вторым направлением развития политологических исследований в ИГУ стала организация профильных конференций. В 2007 г. была проведена, ставшая ежегодной, научно-практическая конференция «Регион в стране и мире». Научное сообщество позитивно восприняло появление в Иркутской области первой специализированной политологической конференции. В ней стали участвовать исследователи вузов и институтов Российской академии наук, сотрудники государственных, общественных и медийных структур ряда регионов страны и зарубежных государств [34]. Материалы конференции ежегодно издаются в сборнике «Университетские социально-гуманитарные чтения».

Кроме этой конференции, один раз в два года, начиная с 2008 г., в декабре проводится Всероссийская научно-теоретическая конференция «Проблемы социальной и административной консолидации Байкальской Сибири», материалы которой публикуются отдельным изданием.

С целью инкорпорации иркутских политологов во всероссийское научное политологическое сообщество, в декабре 2007 г. в ИГУ было организовано Иркутское региональное отделение Российской ассоциации политической науки (ИРО РАПН) [28].

Таким образом, в 2007–2009 гг. в университете была создана база подготовки специалистов высшей квалификации в области политических наук и подготовлен фундамент для организации политологических исследований. Основными элементами, обес-258

печивающими организацию систематических политологических исследований, апробацию их результатов и популяризацию среди специалистов и общественности, стали две всероссийские конференции, научный журнал и два сборника публикаций материалов данных конференций.

Однако непосредственная история отделения политологии и его самостоятельной научной деятельности началась с 2010 г. В этом году отделение политологии и религиоведения ИГУ было реорганизовано в два – отделение политологии и отделение религиоведения. Отделение политологии возглавил Ю. А. Зуляр, религиоведения – Ю. Ф. Абрамов. Затем отделение политологии вошло в состав исторического факультета на правах отделения, а отделение религиоведения – в состав факультета психологии.

Войдя в состав исторического факультета, отделение политологии смогло сохранить все свои научные проекты и перейти к подготовке политологов по очной форме обучения. Научное руководство серией «Политология. Религиоведение» журнала «Известия Иркутского государственного университета» осуществляли Ю. А. Зуляр и А. А. Иванов. Журнал стал выходить два раза в год.

В 2011 г. журнал «Известия Иркутского государственного университета. Серия "Политология. Религиоведение"» вошел в список изданий ВАК. В 2012 г. Ю. А. Зуляр стал редактором журнала, а А. А. Иванов и Ю. Ф. Абрамов – заместителями редактора. В 2013 г. главным редактором журнала стал ректор ИГУ, д-р физмат. наук, проф. А. В. Аргучинцев, редактором – Ю. А. Зуляр, заместителем редактора – Ю. Ф. Абрамов, ответственный за религиоведческую часть издания. С 2014 г. журнал стал выходить ежеквартально (четыре раза в год). В 2018 г. главным редактором журнала стал проф. Ю. А. Зуляр, а заместителем главного редактора – проф. Ю. Ф. Абрамов, ответственным секретарем – канд. полит. наук, доц. Р. Ю. Зуляр.

С 2010 г. на отделении стали формироваться основные направления политологических исследований. В 2010 г. материалы Университетских социально-гуманитарных чтений вышли в трех томах. Главным редактором являлся ректор ИГУ, проф. А. И. Смирнов, научным редактором – проф. Ю. А. Зуляр. Также в состав редколлегии входили профессора В. Н. Казарин, Н. С. Коноплёв, С. И. Кузнецов, доценты Н. С. Малова, В. В. Монжиевская, Р. Ф. Проходовская.

В 2011 г. Пятые университетские чтения были переименованы в Байкальские международные социально-гуманитарные чтения [31]. Материалы Седьмых Байкальских международных чтений, изданные в 2013 г., имели измененную редколлегию, главным редактором стал ректор, проф. А. В. Аргучинцев, науч. ред. – Ю. А. Зуляр, членами редколлегии – Н. С. Коноплёв, Н. С. Малова, Р. Ф. Проходовская, Л. Н. Харченко [30].

Начиная с 2015 г. материалы Байкальских международных социально-гуманитарных чтений стали выходить в двух томах. Произошли изменения в составе редколлегии, кроме главного и научного редактора в него вошли проф. Л. М. Корытный, Н. С. Коноплев, доценты О. А. Осипенок и Р. Ф. Проходовская, а также представитель мэрии г. Иркутска А. А. Гордин. С 2016 г. второй том материалов чтений стал традиционно состоять из текучастников студенческой конференции выступлений «КЛИО». Подготовкой студенческого тома занимались доц. кафедры политологии, истории и регионоведения И. В. Олейников и доц. кафедры мировой истории и международных отношений Е. А. Матвеева. Начиная с Одиннадцатых Байкальских социальногуманитарных чтений 2018 г. из состава редколлегии была убрана должность главного редактора, а обе функции стал совмещать научный редактор Ю. А. Зуляр. Количество членов редколлегии сократилось до трех человек, и в нее вошли Л. М. Корытный и Н. С. Коноплев. С Двенадцатых чтений (2019) второй том стал выходить в электронном формате на электронном оптическом диске (CD-ROM).

По-иному сложилась судьба политологической конференции «Проблемы социальной и административной консолидации Байкальской Сибири». Если сама конференция продолжает проводиться в соответствии с установленной периодичностью (один раз в два года), то издание ее материалов происходит по-разному. Материалы первой конференции были опубликованы в 2008 г. в двух томах, редколлегию составили ректор ИГУ А. И. Смирнов, Ю. А. Зуляр (науч. ред.), Ю. Ф. Абрамов, А. А. Иванов и Д. В. Козлов (члены ред.). Вторая конференция, состоявшаяся в 2010 г., уже на базе исторического факультета, именовалась «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири», и ее материалы вышли уже в одном томе. Зато изменился и расширился состав редколлегии, кроме двух редакторов в нее вошли А. А. Иванов, А. В. Петров, С. И. Кузнецов, И. А. Минекес, Ю. А. Петрушин.

Материалы третьей конференции вышли в 2013 г., ее организаторами были исторический факультет ИГУ, Иркутский межрегиональный институт общественных наук при ИГУ, Иркутское региональное отделение РАПН и Восточно-Сибирское отделение РГО. Редколлегию сборника материалов возглавил Ю. А. Зуляр (науч. ред.), в нее вошли профессора С. Б. Панин, С. И. Кузнецов, В. В. Синиченко и доц. А. В. Петров. Материалы четвертой конференции (2014) были изданы в 2015 г. редакционной коллегией в составе Ю. А. Зуляра (науч. ред.), А. В. Петрова и И. В. Олейникова. Материалы последующих конференций в целях экономии публиковались в материалах Байкальских чтений.

За десять анализируемых лет произошло дифференцирование научных направлений в сфере политической науки. Необходимо отметить, что политология не является единственным направлением научной деятельности кафедры. Ее сотрудники успешно работают над историческими, культурологическими исследованиями, а также в сфере этноконфессиональных отношений.

В период поиска эффективных форм организации научного процесса на кафедре происходило осмысление уже имевшегося опыта и выявление действующих тенденций развития политологической науки в стране. Типичными примерами этой работы являются статьи Ю. А. Зуляра и И. В. Олейникова «Очередной этап развития политологической науки в Байкальской Сибири» и «Декабрьская дискуссия о проблемах социальной и административной консолидации Сибири – 2014» [17; 18; 32; 29].

Почти десять лет работает проф. Ю. А. Зуляр над изучением и осмыслением феномена института губернаторской власти в современной России. И здесь им накоплен определенный опыт, о чем свидетельствуют его работы по данной проблематике [7; 12; 16; 21; 24; 33].

В сфере внимания Ю. А. Зуляра находится и ряд общеметодологических проблем политической науки, что естественным образом вытекает из его должности заведующего кафедрой и научного руководителя магистратуры по политологии. Среди этих работ «Парадигма и практическая значимость понимания предметного поля политической науки» и «Методологические подходы к феномену политического риска» и др. [14; 25; 36].

Одним из основных направлений научных исследований Ю. А. Зуляра является рассмотрение, анализ и выявление общих закономерностей и тенденций либеральной идеологии на раз-

личных исторических этапах. Среди них: «Модерн как парадигма и развитие ее в реальность», «Идеологические и политические интерпретации неолиберальной парадигмы», «Кризис основных парадигм модерна» и др. [9–11; 22; 23; 26; 35].

Проблемы исследования международных процессов постоянно находятся в сфере внимания преподавателей кафедры. В частности, в таких работах Ю. А. Зуляра, как «Угроза гегемонии Запада», «Плач Кассандры: стоит прислушаться», «2010-е гг.: возврат к парадигме холодной войны?» [6; 37; 39].

Естественным образом в поле внимания исследователей кафедры попадают ход и результаты выборных кампаний различного уровня. В частности, Ю. А. Зуляр в своих работах «Выборы президента: борьба людей, идей или знаков/смыслов» и «Иркутские муниципальные выборы 2010 года: неожиданность или закономерный итог?» и др. рассматривает избирательные технологии и процессы, использовавшиеся и имевшие место на президентских и региональных выборах 2010 и 2018 гг. [8; 13].

Было бы странно, если бы события регионального политического процесса не находились бы в сфере интересов научного политологического сообщества регионального вуза. Исследователи анализируют корни, трансформации и современное состояние гражданского общества и перипетии региональной политической жизни [15; 20; 38].

Большой интерес вызывает работа А. Д. Карнышева и Ю. А. Зуляра «Сибирский мультикультурализм: психические и политологические аспекты и проблемы» [40]. В ней авторы, исследуя традиционные общества региона, определили и описали феномен сибирского мультикультурализма. В обоснование своей теории они привели факты истории, психологические особенности, уровень гражданской идентичности, свойственные этноконфессиональным сообществам жителей Прибайкалья.

В попытках осмысления настоящего исследователи кафедры постоянно изучают советское прошлое страны и региона, и для некоторых из них это не сложно, ведь их нынешняя кафедра занималась преподаванием истории КПСС [19; 27].

Проблемы взаимодействия молодежи и политики, политической социализации молодежи, государственную молодежную политику (далее – ГМП), политический абсентеизм молодежи, проблемы патриотического воспитания молодежи, воспитательный аспект в реализации ГМП, формирование политической грамот-262

ности молодежи, повышение эффективности ГМП, историография в изучении ГМП в стране, сравнительный анализ ГМП в Российской Федерации и странах Европы, политическую социализацию молодежи рассматривает в своих работах доц. канд. полит. наук Р. Ю. Зуляр.

Исследователь на протяжении ряда лет проводит мониторинг происходящих изменений в сфере ГМП на федеральном и региональном уровне (Иркутская область), определяет проблемные места и дает рекомендации по корректировке курса. Р. Ю. Зуляр в своих работах показывает историческую ретроспективу развития ГМП в нашей стране, представляет историографию изучения вопроса, подробно рассматривает институциональную составляющую сферы ГМП [1; 4].

Ею рассматриваются и анализируются основные вопросы нормативно-правового регулирования ГМП в Российской Федерации (с 1991 г.) и на уровне Иркутской области. В процессе работы исследователь сделал выводы о проблемах и недостатках законодательной работы в сфере ГМП [3], дал соответствующие рекомендации.

Анализируя нормативные правовые акты (НПА) сферы ГМП, автор отмечает, что «пробелы в нормативно-правовом регулировании частично восполняются разрозненными актами органов исполнительной власти. По существу, проблема молодежной политики до настоящего времени решается путем "точечного" регулирования наиболее острых проблем при отсутствии единой нормативной и методологической базы их решения. Преобладают акты концептуального или узкоприкладного характера. Задача же формирования ядра правового регулирования молодежной политики, нормативно определяющего механизмы молодежной политики, не решена; отсутствует взаимосвязанность правовых норм, содержащихся в различных нормативных актах; ряд предложений концептуального характера и поручений, содержащихся в них, до настоящего времени не реализован» [3].

Также исследователь Р. Ю. Зуляр анализирует проблему патриотического воспитания молодежи как важнейшего элемента политической социализации через проведение молодежных экспедиций на Халхин-Гол. В течение 2004–2019 гг. на территории Иркутской области реализуется проект молодежных экспедиций по маршруту участников героических событий, произошедших на р. Халхин-Гол в 1939 г., когда союзнические войска России и

Монголии дали отпор японским агрессорам, посягнувшим на территориальную целостность Монголии. Инициатором проведения четырех молодежных экспедиций на Халхин-Гол является правительство Иркутской области. Одна из статей Р.Ю. Зуляр посвящена рассмотрению этих событий, автор показала в хронологическом порядке десятилетнюю историю экспедиций, обосновала их огромное значение для патриотического воспитания молодежи Иркутской области [68].

В ходе изучения политического абсентеизма молодежи исследователи пришли к выводу, что абсентеизм представляется «широко распространенным негативным явлением уклонения избирателей от участия в выборах, что подрывает полноценное функционирование политической системы, института выборов и референдумов. <...> В настоящее время велико количество молодых граждан, избегающих конвенциональную форму политического взаимодействия. Поскольку молодые люди – будущее общества и государства, очень важно не упустить момент их политической социализации, повышения правовой и политической культуры» [2].

В ходе проведенного соавторами исследования было доказано, что уровень политического абсентеизма молодежи так же, как и уровень ее заинтересованности в конвенциональном политическом участии, остается низким. Молодежь осознает причины, по которым институт выборов в России не является открытым, честным и конкурентным. Поэтому изменение условий и порядка проведения выборов в сторону их прозрачности и конкурентности могло бы стать фактором преодоления политического абсентеизма молодежи. Протестное голосование способно снизить уровень абсентеизма у молодежи: скандалы, интриги, черный пиар и прочее вызывают интерес у молодежи к политике и выборам. Но мы понимаем, что этот интерес временный, нестабильный и он не является показателем успешной политической социализации молодежи. Формирование политической грамотности, повышение политико-правового уровня образования молодежи - вот факторы, способные побудить преодолеть абсентеизм как модель политического поведения.

С 2010 г. на кафедре под руководством канд. ист. наук И.В.Олейникова реализуются комплексные исследования по проблематике изучения международных отношений в рамках анализа взаимодействия и международного сотрудничества регионов Байкальской Сибири - Иркутской области и Республики Бу-

рятия. Так, в 2011 г. в сборнике «Проблемы социальной и административной консолидации Сибири» была опубликована статья, посвященная обзору участия Иркутской области и Республики Бурятия в мирополитических процессах, в которой отмечалось, что «уникальность современной ситуации для исследуемого региона заключается в том, что он оказался на пересечении интересов двух крупнейших полюсов роста, главных центров международных экономических связей - стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона» [56. с. 131]. Исследование было продолжено, вскоре последовала публикация статьи в соавторстве с Е. А. Матвеевой, были рассмотрены вопросы участия Иркутской области в процессах международного сотрудничества с опорой на региональную историографию 2000-х гг. [61]. Были выявлены основные научно-исследовательские центры г. Иркутска, в которых шло изучение внешних связей региона, представлен обзор базовых публикаций по этой проблематике.

В 2014 г. в свет вышла статья, посвященная взаимодействию Иркутской области со странами Европейского союза. Отмечалось, что «...шаги по повышению внешней привлекательности региона и г. Иркутска, предпринимаемые в начале XXI в. правительством Иркутской области и администрацией г. Иркутска, нивелируются конкуренцией с соседними субъектами РФ и слабой динамикой взаимодействия со странами зарубежной Европы в экономической и гуманитарной сферах» [57].

Через год, в 2015 г., были опубликованы статьи в соавторстве с Д. М. Башуровой, посвященные изучению связей Иркутской области Российской Федерации и государств Корейского полуострова - КНДР и Республики Корея. В первом случае был сделан вывод, что за последние годы двустороннее взаимодействие не получило системных импульсов для развития, что было обусловлено как закрытостью КНДР от внешнего мира, так и нехваткой в Иркутской области специалистов, разбирающихся в специфике Северной Кореи, ее экономике [58]. Во второй работе отмечалось, что ряд инициатив властей и бизнеса Иркутской области тормозятся тем фактом, что корейские партнеры не спешат вкладывать в региональную экономику средства не только из опасений потерять вложенные инвестиции, но и из-за элементарной нехватки информации об областных инвестпроектах, а ресурсы Республики Корея могут использоваться для экономической модернизации Иркутской области [59].

Кроме того, канд. ист. наук И. В. Олейников разрабатывает ряд вопросов, посвященных анализу международных отношений. Так, в 2010 г. в журнале «Россия и АТР» был опубликован материал, в котором анализируется политическая составляющая новозеландско-китайских отношений в ХХ – начале ХХІ в., в нем также представлена системная периодизация двусторонних контактов, отражен процесс их формирования и развития [63]. Проблемам изучения двусторонних международных связей между Францией и Китайской Народной Республикой посвящена статья в соавторстве с Н. Е. Чугуновой, вышедшая в 2017 г. Были проанализированы системные вопросы, обсуждавшиеся во время визита председателя КНР Си Цзиныпина во Францию в 2014 г., детально рассмотрены проблемы двусторонних отношений в политической, экономической и гуманитарной областях [64].

Политологической проблематике, связанной с инновационным развитием территорий, посвящена статья «Концепция "четверной спирали" и инновационное развитие регионов», подготовленная к печати совместно с Е. Л. Кичатиновой. Выявлены факторы, негативно влияющие на внедрение указанной концепции развития в российских регионах, особое внимание сфокусировано на неэффективном взаимодействии власти и бизнеса, слабом взаимодействии между наукой и реальным сектором экономики [60].

Любопытен для рассмотрения аналитический обзор особенностей реализации молодежных обменов между г. Иркутском и европейскими городами-побратимами, который был подготовлен И. В. Олейниковым по результатам международной конференции, состоявшейся в 2018 г. в Томском государственном университете. Был сделан вывод, что при отсутствии положительной динамики сотрудничества с зарубежными партнерами на внешнеэкономическом и административном направлениях сформированные молодежные связи, в том числе и в сфере высшего образования, выступают в качестве инструмента активизации муниципального сотрудничества [62].

С 2010 г. на кафедре канд. ист. наук доц. Л. Н. Метёлкиной осуществляются исследования в сфере политической истории и региональной элитологии советского периода, преимущественно связанные с Восточно-Сибирским регионом. Выявлению общесоюзных закономерностей и специфики процессов ротации регио-

нальных элит в Восточной Сибири посвящен ряд публикаций 2011-2016 гг. [42; 44; 45; 47-49; 52].

Наряду с этим рассматривались причины явно недостаточной востребованности в рамках регионального элитообразования таких достаточно широко представленных в пределах края ресурсов, как бывшие красные партизаны и члены всесоюзного Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев [41; 43].

Ряд публикаций стал результатом применения просопографического метода исследований к анализу впервые вводимых в научный оборот архивных данных – Государственного архива Иркутской области и Государственного архива новейшей истории Иркутской области [50; 51; 53–55].

В статье Л. Н. Метёлкиной «Алексей Снегов: страницы биографии "хрущевского зека"» предпринята попытка воссоздания политической биографии А. В. Снегова (И. И. Фаликзона), в судьбе которого именно кратковременное пребывание в должности первого секретаря Иркутского горкома партии в 1932–1933 гг. сыграло роковую роль, на основе критического анализа данных разнородных и крайне противоречивых источников [40].

В работе «Некоторые аспекты реализации "Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края"» рассмотрены причины нереализованности масштабного плана подготовки представителей региональной и субрегиональной элиты. Данный план предполагал – в случае его выполнения – полное решение в пятилетний срок проблем хронического недостатка и низкой квалификации работников советских органов через создание много-уровневой и многопрофильной системы подготовки специалистов по советскому строительству в пределах Восточно-Сибирского края [46].

Активную исследовательскую работу осуществляет доцент М. Л. Рыбалко, уделяющий большое внимание развитию количественных методов в политологических исследованиях. В своих работах он пропагандирует важность магистрального использования статистического (количественного) подхода. Он исходит из того, что описательный (дескриптивный) метод, характерный для российской гуманитарной науки, имеет больше недостатков (субъективность, отбор кейсов, неприменимость в отношении других стран), чем преимуществ (определение механизма – воздействие фактора на зависимую переменную – фокуса исследова-

тельской работы). Вместе с тем, по его мнению, российская политологическая наука начинает постепенно задействовать новые западные методы исследования. Данные о России недостаточны для определения ключевых факторов. Ежегодно Росстат публикует большое количество разнообразных экономических и политических индикаторов о российских регионах, позволяющих проводить полноценную научную работу [66].

В 2008-2014 гг. М. Л. Рыбалко обучался в докторантуре Техасского технологического университета. Западные подходы и структура научного исследования значительно отличаются от российской науки. В американской политологической школе преобладают количественные методы анализа политологических процессов. Работая над диссертацией в США, М. Л. Рыбалко вместе с американскими исследователями подготовил и опубликовал в западных журналах работы, задействовавшие статистические методологические подходы. Так, в 2011 г. была опубликована совместная статья с профессором Фрэнком Темзой, в которой проанализирована роль гендера в украинском парламенте. Установлено, что постсоветская Украина имела один из самых низких показателей женского представительства в национальном парламенте. Был проведен анализ женщин-кандидатов в 1994-2006 гг. Тем не менее женщины-кандидаты на Украине выиграли выборы даже в одномандатной избирательной системе, которая, согласно предыдущим исследованиям, создает значительные препятствия для представительства женщин. Статистические исследования баз данных женщин-кандидатов на выборах в Верховную Раду определяют вероятность победы в выборах. Так, номинации от левых и центристских партий Украины значительно способствовали победе женщин-политиков. Исследование представило данные, что одномандатники и правые Украины не предоставляют такие возможности. Хотя статус инкумбента помогает женщинам-кандидатам в выборах в Верховную Раду, результаты исследования показывают больше преимуществ для кандидатов-мужчин в современной украинской политике [71].

Большое внимание в современной сравнительной политологии уделяется особенностям развития регионов. Регионы в целом представляют намного больше вариации, чем показатели одного государства, для проведения анализа и определения ключевых факторов. Так, в совместной работе с американским профессором Джозефом Роббинсом 2012 г. проводился анализ явки избирате-

лей в титульных (этнических) регионах России. Тема электоральной нестабильности была раскрыта при анализе кандидатов приблизительно в 450 округах в более чем 20 региональных парламентах этнических регионов России в 1999–2010 гг. В работе показано влияние гегемонистских политических систем на партийное развитие. Уделено значительное внимание роли «Единой России» в региональных парламентах и институте губернаторства. Некоторые российские регионы демонстрировали большую степень стабильности партийной системы, чем в целом по стране в изучаемый период. Главный результат исследования заключался в том, что наличие гегемонистской партийной системы препятствует дальнейшему партийному строительству [69].

Вместе с профессором Д. Роббинсом в 2015 г. завершился совместный долголетний проект, который был опубликован в журнале Taiwan Journal of Democracy. Система с доминирующей партией в политологической литературе чаще всего изучается на примере таких государств, как Мексика, Япония. Эта работа также основывалась на анализе этнических (титульных) регионов России. База данных исследования включала кандидатов в региональные парламенты этнических регионов, данные о результатах голосования, социальные и экономические показатели. Исследование России и роли «Единой России» в региональной политике задействует и проверяет теории сравнительной политологии [70].

Некоторые результаты диссертации М. Л. Рыбалко, защищенной в США, были представлены в сборнике Бурятского государственного университета в 2017 г. Основной независимой переменной (главным фактором в работе) являлась лингвистическая ассимиляция. Потеря родного языка для этнических меньшинств и переход на язык большинства до сих пор вызывают дискуссии и исследователей этничности. Некоторые исследователи не склонны видеть важность родного языка в политической деятельности этнических меньшинств, которые сохраняют свою идентичность. Другие ученые отмечают изменения политических преференций и попытки сближения этнического меньшинства с большинством населения. В целом эта статья представляла теоретическую часть диссертации, которая необходима для получения и проверки гипотез [67].

Уже свыше 40 лет на историческом факультете ИГУ ведется работа по исследованию Новой Зеландии. Можно отметить, что благодаря исследованиям В. П. Олтаржевского и его учеников на

факультете сформировалась оригинальная исследовательская школа. Как продолжатель этой традиции М. Л. Рыбалко уделяет внимание политике либерализации Новой Зеландии и ее деятельности в международных организациях. В 1980-е гг. Веллингтон отказался от прежней модели социального государства. В связи со своей сельскохозяйственной ориентацией экономики, Новая Зеландия стала одной из самых открытых стран мира. Страна стала проводить политику неоконсерватизма при решении внутриэкономических проблем. В работе «Новая Зеландия и либерализация торговли» проанализировано воздействие такого курса модели Р. Рейгана и М. Тэтчер на экономику страны в современное время. В контексте продолжающихся споров и дискуссий об успехах и провалах политики либерализации экономические показатели Новой Зеландии сравниваются с другими западными государствами (членами ОЭСР) [65].

Произведенный анализ показывает, что в течение десятилетия на кафедре политологии, истории и регионоведения происходил процесс формирования оригинальной иркутской политологической школы. В составе кафедры работали и работают самостоятельные исследователи, профессионально анализирующие международные, российские и региональные политические события и процессы.

Список литературы

- 1. Зуляр Р. Ю. Основные направления современной российской государственной молодежной политики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 2 (5). С. 26–33.
- 2. Зуляр Р. Ю., Григорьев Д. А. Политический абсентеизм молодежи: протестное голосование как фактор преодоления (на примере выборов губернатора Иркутской области 2015 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 56-67.
- $\bar{3}$. Зуляр Р. Ю. Правовые основы современной государственной молодежной политики в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3(50). С. 16–20.
- 4. Зуляр Р. Ю. Современная российская молодежная политика: корректировка курса // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2012 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 192–198.
- 5. Зуляр Ю. А. 2010-е годы: возврат к парадигме холодной войны? // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения материалы : в 2 т. : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. Т. 1. С. 3–22.
- 6. Зуляр Ю. А. Восстановление и развитие института губернаторской власти в регионе // Современная история Иркутской области: 1992–2012 годы: учеб. пособие / Ю. А. Зуляр, Т. Л. Курас, А. В. Петров, Т. Г. Эпова; М-во образования и науки

Российской Федерации, ФГГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет». Иркутск, 2013. С. 66-148.

- 7. Зуляр Ю. А. Выборы президента: борьба людей, идей или знаков/смыслов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24. С. 5–16.
- 8. Зуляр Ю. А. Грани либеральной матрицы модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 171-184.
- 9. Зуляр Ю. А. Диалектика политического терроризма и неолиберализма в эпоху позднего модерна // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: в 2 т.: материалы 2017. С. 3–18.
- 10. Зуляр Ю. А. Идеологические и политические интерпретации неолиберальной парадигмы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 14–25.
- 11. Зуляр Ю. А. Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014. С. 62–82.
- 12. Зуляр Ю. А. Иркутские муниципальные выборы 2010 года: неожиданность или закономерный итог? // Изменение России: политические повестки и стратегии. Междунар. науч. кон: тез. докл. Москва, 25–26 ноября 2010 г. М.: РАПН, 2010. С. 89–90,
- 13. Исследование социально-гуманитарных процессов: учеб.-метод. пособие / под ред. Ю. А. Зуляра; Ю. А. Зуляр, И. П. Белоус, О. Б. Авдеенко, С. В. Ильина. Иркутск: ИГУ, 2012. 291 с.
- 14. Зуляр Ю. А. Истоки и особенности формирования гражданского общества в Иркутске (конец XVII начало XX века) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016 / Региональный центр научных исследований экономической истории России. Иркутск, 2016. С. 36–53.
- 15. Зуляр Ю. А. История и политика иркутских постсоветских губернаторов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2–1. С. 122–128.
- 16. Зуляр Ю. А. К итогам Третьих университетских социально-гуманитарных чтений 2009 года // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. №. 1. С. 216–225.
- 17. Зуляр Ю. А. К итогам Четвертых университетских социально-гуманитарных чтений // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 2 (5). С 196–207.
- 18. Зуляр Ю. А., Казарин В. Н. 80-летняя история кафедры: люди в политике, науке и образовании (к юбилею кафедры политологии и истории исторического факультета ИГУ) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2–1. С. 171–190.
- 19. Зуляр Ю. А., Козлов Д. В., Шмидт С. Ф Политические процессы в регионах Сибири // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 158–164.
- 20. Зуляр Ю. А. «Красный» губернатор Приангарья: возможна ли реальная губернаторская оппозиция в Сибири // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 214–215.
- 21. Зуляр Ю. А. Кризис основных парадигм модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 15–29.

- Зуляр Ю. А. Либеральная матрица модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 7-19.
- 23. Зуляр Ю. А. Лидеры новейшей истории Иркутского региона как зеркало и результат российской региональной политики // Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона): материалы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2009. С. 159-163.
- 24. Зуляр Ю. А. Методологические подходы к феномену политического риска // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. С. 6–18;
- 25. Зуляр Ю. А. Модерн как парадигма и развитие ее в реальность // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 9–27.
- 26. Зуляр Ю. А. О «советском» Юрия Пивоварова // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 191.
- 27. Зуляр Ю. А. Образование Иркутского регионального отделения Российской ассоциации политической науки // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 357–360.
- 28. Зуляр Ю. А., Олейников И. В. Декабрьские дискуссия о проблемах социальной и административной консолидации Сибири 2014 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 183–187.
- 29. Зуляр Ю. А., Олейников И. В. Конференция «Регион в стране и мире тенденции и динамика политического развития» 2014: основные итоги // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 176–181.
- 30. Зуляр Ю. А., Олейников И. В. Седьмой раз это уже традиция: VII Бай-кальские международные социально-гуманитарные чтения // Известия Иркутского государственного университета. Сер. : Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 230–238.
- 31. Зуляр Ю. А., Олейников И. В. Очередной этап развития политологической науки в Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1. С. 315–321.
- 32. Зуляр Ю. А. Оппозиционные губернаторы современной России (на примере Иркутской области) // Время больших перемен: политика и политики: материалы Всерос. науч. конф. РАПН. Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 149–150.
- 33. Зуляр Ю. А. Организация политологического образования в Иркутске (к пятилетию первого выпуска) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 9. С. 97–108.
- 34. Зуляр Ю. А. Парадигма и идеология общества позднего модерна // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 11–28.
- 35. Зуляр Ю. А. Парадигма и практическая значимость понимания предметного поля политической науки // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2-1. С. 57-67.
- 36. Зуляр Ю. А. Плач Кассандры: стоит прислушаться // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 2. С. 155–159.
- 37. Региональный политический процесс в условиях переселенческого общества Сибири: материалы круглого стола / К. В. Григоричев, В. И. Дятлов, Ю. А. Зуляр, И. В. Олейников, А. В. Петров, С. Ф. Шмидт // Известия Иркутского

государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 188-198.

- 38. Зуляр Ю. А. Угроза гегемонии Запада // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 1. С. 9–19.
- Карнышев А. Д., Зуляр Ю. А. Сибирский мультикультурализм: психические и политологические аспекты и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 86-96.
- 40. Метелкина Л. Н. Алексей Снегов: страницы биографии «хрущевского зека» // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2013. Вып. 7 (19). С. 517-541.
- 41. Метелкина Л. Н. Бывшие красные партизаны как ресурс региональной элиты (на примере Восточной Сибири первой половины 1930-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5 (11) : в 4 ч. Ч. 3. С. 118–12.
- 42. Метелкина Л. Н. К вопросу о ротации кадров партийно-советского аппарата Восточно-Сибирского края в 1933 г. // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 4 т. Иркутск, 2011. Т. 1. С. 232–237.
- 43. Метелкина Л. Н. К вопросу об особенностях социально-политического статуса бывших политссыльных в 1920–1930-е годы (на примере Восточной Сибири) // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2011. Вып. 6(18). С. 463–498.
- 44. Метелкина Л. Н. К вопросу об особенностях формирования корпуса первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) КПСС в 1930–1964 гг. в Восточной Сибири // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 6 дек. 2012 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 238–251.
- 45. Метёлкина Л. Н. К вопросу об экскорпорации региональных политических элит в СССР в 1945–1953 гг. // Девятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы : в 2 т. Иркутск, 2016. Т. 1. С. 214–229.
- 46. Метёлкина Л. Н. Некоторые аспекты реализации «Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края» // Десятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 2 т. Иркутск, 2017. Т. 1. С. 30-49.
- 47. Метёлкина Л. Н. Особенности ротации политической элиты в РСФСР (на примере первых секретарей региональных комитетов КПСС в период 1953–1964 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Вып. 3. С. 95–100
- 48. Метёлкина Л. Н. Особенности ротации региональной политической элиты в СССР (на примере первых секретарей ЦК КП(б) КП союзных республик в 1930-1964 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2 (9), ч. 1. С. 132-142.
- 49. Метелкина Л. Н. Первые секретари Восточно-Сибирского крайкома Иркутского обкома ВКП(б) в 1930-е годы // Иркутску 350 лет история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Сибиряковские чтения». Иркутск, 12–13 окт. 2011 г. Иркутск, 2011. С. 100–107.
- 50. Метёлкина Л. Н. Председатели райисполкомов Восточно-Сибирского края: опыт историко-политологического анализа. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 1(6). С. 96–109.
- 51. Метёлкина Л. Н. Председатели райисполкомов Восточно-Сибирского края: опыт историко-политологического анализа. Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. 2011. № 2(7). С. 157–163.

- 52. Метёлкина Л. Н. Представленность женщин Восточной Сибири в органах власти в 1930-х начале 1960 гг. // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: материалы. В 3 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. Т. 1. С. 57–66.
- 53. Метёлкина Л. Н. Руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) ВКП(б): опыт создания коллективного портрета. Часть 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 79–85. 13.
- 54. Метёлкина Л. Н. Руководители Иркутского губернского (окружного) комитета РКП(б) ВКП(б): опыт создания коллективного портрета. Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 76–82
- 55. Метёлкина Л. Н. Статистические отчеты о выборах в местные Советы депутатов трудящихся Иркутской области (1939–1957 гг.) как источник просопографического анализа (по материалам ГАИО) // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы. В 2 т. Иркутск, 2019. Т. 1. С. 189–195.
- 56. Олейников И. В. Байкальская Сибирь в мирополитических процессах в 90-х гг. XX начале XXI вв.: к постановке проблемы // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири: Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 8-9 дек. 2010 г.): материалы. Иркутск, 2011. С. 129-133.
- 57. Олейников И. В. Взаимодействие Иркутской области со странами Европейского союза в начале XXI в.: проблемы и перспективы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2014. Т. 8. С. 19–24.
- 58. Олейников И. В., Башурова Д. М. Иркутская область и Корейская Народная Демократическая Республика: специфика взаимодействия в середине второго десятилетия XXI века // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2015. Т. 14. С. 54-60;
- 59. Олейников И. В., Башурова Д. М. Иркутская область и Республика Корея в середине второго десятилетия XXI в.: декларируемое партнерство или взаимовыгодное сотрудничество? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 66-75.
- 60. Олейников И. В., Кичатинова Е. Л. Концепция «четверной спирали» и инновационное развитие регионов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2019. Т. 29. С. 53–62.
- 61. Олейников И. В., Матвеева Е. А. Международное сотрудничество Иркутской области: региональная историография 2000-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2011. № 2. С. 263–270.
- 62. Олейников И. В. Особенности реализации молодежных обменов между г. Иркутском и европейскими партнерами // Европа и Европейский союз глазами ученых / под ред. Л. В. Дериглазовой. Томск : Изд-во ТГУ, 2018. С. 135–144.
- 63. Олейников И. В. Политическая составляющая новозеландско-китайских отношений в XX начале XXI века // Россия и ATP. 2010. № 1. С. 100–107.
- 64. Олейников И. В., Чугунова Н. Е. Франко-китайское партнерство: итоги государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина во Францию в 2014 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Иркутск, 2017. Т. 21. С. 49–55.
- 65. Рыбалко М. Л. Новая Зеландия и либерализация торговли // Южно-Тихоокеанский регион: история, политика, экономика, культура. М., 2019. № 1. С. 121–125.

- 66. Рыбалко М. Л. Сибирские регионы в современное время: экономические и политические измерения // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2019. С. 221–226.
- 67. Рыбалко М. Л. Теоретические аспекты лингвистической ассимиляции // Социально-культурные процессы в условиях интеграции и дезинтеграции: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Улан-Vде, 2017. С. 248–250.
- 68. Серебряков Е. А., Зуляр Р. Ю. Патриотическое воспитание молодежи как важнейший элемент политической социализации (на примере молодежных экспедиций на Халкин-Гол) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 12. С. 146–153.
- 69. Robbins J., Rybalko M. Party development in a hegemonic party system: an analysis of Russia's regions // Journal of East European and Asian Studies. 2012. N 3(1). P. 127–155.
- 70. Robbins J., Rybalko M. Voter turnout in a dominant party system: an analysis of electoral participation in Russia's regions // Taiwan Journal of Democracy. 2015. N 11(2). P. 57–84.
- 71. Thames F., Rybalko M. Gender and legislative behavior in post-communist Ukraine // Journal of East European and Asian Studies. 2011. N 2(1). P. 116–130.

YEARS OF DEVELOPMENT: MAIN DIRECTIONS OF POLITICAL SCIENCE RESEARCH AT THE FACULTY OF HISTORY IRKUTSK STATE UNIVERSITY IN THE YEARS 2010–2019

D. A. MYASNIKOV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the history of the formation of the political science school at the Irkutsk State University. Despite the fact that during its 100-year history, the University occasionally conducted research and published materials that analyzed world, Russian and regional political events and processes, but there was no systematic and purposeful work in this direction. The situation changed after the Chair of Political Science and Religious Studies was established at the beginning of this century, where the training of specialists in the field of «Political science» began. The organization and scientific and pedagogical support of training of political scientists were carried out by the Department of National History and Political Science of Irkutsk State University. This activity required a number of teachers to change their research interests in the direction of analysis of political processes. In the course of this work, the Department has created a scientific journal of the appropriate profile, introduced the annual practice of holding specialized political science conferences, organized the regional Department of RAPN, started the annual publication of collections of scientific articles on political science topics. This work made it possible to organize systematic and purposeful work on the basis of the Chair of Political Science of the History Department by 2010, involving a large number of researchers from a number of regions of the country and foreign countries. Thanks to the efforts of the Department's staff and other researchers, the Department of history became a center for Political Science research in Eastern Siberia by the end of the 2010s.

Keywords: university science, political science, analysis of political processes, Irkutsk region, East Siberian center for Political Science research.

Мясников Дмитрий Александрович - кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mda80@yandex.ru

Myasnikov Dmitry Alexandrovich - Candidate of Sciences (History), associate Professor of the Chair of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk state University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mda80@yandex.ru

РОССИЙСКИЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ1

И. В. ОЛЕЙНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена оценка российских проектов развития регионов Сибири и Дальнего Востока современными исследователями из Южной Кореи. Для системного развития взаимовыгодного сотрудничества необходимо поддержание устойчивых многосторонних контактов и институциональных связей и тщательная работа над нивелированием существующих рисков – геополитического, экономического и правового характера.

Ключевые слова: регион, Сибирь, Дальний Восток, Республика Корея, Россия, международное сотрудничество, «поворот на Восток», «Евразийская инициатива».

С 2012 г. правительство и региональные власти Российской Федерации активно пытаются реализовать идею активизации сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – «поворот на Восток». Республика Корея стремится позиционировать себя в качестве одного из главных элементов возможной региональной зоны свободной торговли, а в октябре 2013 г. президент Республики Корея Пак Кын Хе выдвинула «Евразийскую инициативу», направленную на создание зоны мира и процветания на Евразийском континенте. Вполне закономерно, что российские проекты развития Сибири и Дальнего Востока вызывают интерес со стороны исследователей из Южной Кореи, изучающих российско-южнокорейское сотрудничество.

В коллективной монографии «Международное сотрудничество в развитии российских Дальнего Востока и Сибири», опубликованной в издательстве «Палгрэйв Макмиллан» в 2015 г., представлен подробный политэкономический анализ российскокорейского взаимодействия корейского исследователя Сун Хун Чжэ [1, р. 144–163]. Автор отмечает, что к 2012 г. Республика Корея стала значимым торговым партнером российского Дальнего Востока. В Южную Корею из российских территорий поставлялась сырая нефть, мороженая рыба и газ. Корейский экспорт в регионы Дальнего Востока был представлен преимущественно автомо-

 $^{^1}$ Статья подготовлена при поддержке Корейского фонда (Korea Foundation). 276

билями, автомобильными запчастями, центрифугами и фильтрами. Южнокорейский исследователь делает закономерный вывод: экономическая структура дальневосточных регионов России выстроена вокруг экспорта сырья и энергоресурсов, в то время как сравнительное экспортное преимущество Южной Кореи основывается на производстве автомобилей и сопутствующих компонентов [1, р. 147]. В работе отмечается, что активное сотрудничество с Республикой Корея развивает Сахалинская область, в силу того что в 2005 г. китайская корпорация KOGAS подписала контракт по импорту 1,5 млн т природного газа с месторождения «Сахалин-2», а в 2009 г. было подписано соглашение о поставках в Корею российского сжиженного природного газа (СПГ). Немаловажно, что корейский исследователь фиксирует следующий факт: объемы южнокорейских прямых инвестиций в экономику российского Дальнего Востока (РДВ) (Приморский край, Хабаровский край и Сахалинскую область) были невелики и на 2012 г. составляли лишь 119 млн долл. США (в то время как на японские инвестиции приходилось 596 млн долл. США, а на китайские - 212 млн долл. США) [1, р. 150].

Значительную часть работы занимает сравнительный анализ российской концепции «Поворот на Восток» и южнокорейской «Евразийской инициативы». В качестве документальной основы Сун Хун Чжэ привлекает российскую Концепцию внешней политики 2013 г., материалы ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному собранию. Применительно к «Евразийской инициативе» анализ выстроен на основе обзора выступления президента Республики Корея Пак Кын Xe - идея «Одного континента» должна была базироваться на создании комплексных трансконтинентальных логистических сетей, реализации проектов «экспресса шелкового пути» и его стыковки с Северным морским путем. Концепция «креативного континента» предполагала создание инновационных экономик на уровне отдельных государств с последующей реализацией на общеевразийском уровне [1, р. 153]. Вполне естественно, что довольно стройная концепция «одного континента» начинает испытывать некоторые проблемы при рассмотрении плана стыковки Транскорейской железной дороги с Транссибом; в силу крайне холодных контактов Севера и Юга Кореи утверждать о создании полноценной Транскорейской магистрали не приходится, но исследователь заявляет, что «трехстороннее соглашение по экономическому сотрудничеству между Южной Кореей, Северной Кореей и при активном участии России представляет собой единственный путь вовлечения Северной Кореи в евразийское сотрудничество» [1, р. 156]. В статье рассмотрены российские и южнокорейские подходы к геополитическому и геоэкономическому значению развития российского Дальнего Востока, выявлены магистральные направления для улучшения российско-корейского сотрудничества.

Статья южнокорейского ученого-экономиста из Корейского института международной экономической политики Ли Чже Ёна «"Евразийская инициатива" Кореи и развитие российского Дальнего Востока и Сибири» посвящена анализу схожих проблем. Автор подчеркивает: «С того времени, как Корея и Россия заключили дипломатические отношения в 1990 г., были проведены различные исследования методов сотрудничества между двумя странами <...>, в основном фокусировавшиеся на региональном сотрудничестве между Республикой Корея и Сибирью, частично потому, что российский Дальний Восток и Сибирь обладают богатыми природными ресурсами» [2, р. 104]. Южнокорейский исследователь выявляет ключевые особенности стратегии сотрудничества Республики Корея с другими государствами Евразии на основе анализа «Евразийской инициативы», рассматривая то, как недавнее возвышение Евразии в мировой политике и экономике способствует продвижению «Евразийской инициативы», отмечает ключевые особенности проекта, выдвинутого южнокорейским президентом, и представляет условия корейской стратегии сотрудничества с Евразией, фокусируя внимание на российских планах развития Дальнего Востока и Сибири [2, р. 104-105]. Отмечается, что «Россия, вероятно, станет наиболее важным партнером для Кореи в Евразии. Не только из-за политического и экономического значения России, но также и из-за ее географической близости к Корейскому полуострову <...> Администрация Путина начала продвигать российский план дальневосточного развития Евро-Тихоокеанского региона, и она готова приветствовать новые возможности для расширения сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанскими государствами <...> Давняя практика корейской политики сознательного дистанцирования от России, уходящая корнями в эпоху холодной войны, сейчас должна завершиться, формируя путь для более сложного и трудоемкого плана для политического и экономического сотрудничества» [2, р. 107-108]. Исследователь рассматривает основные направления и содержа-278

ние «Евразийской инициативы», содержание обсуждений проекта в корейских научных кругах и делает промежуточный вывод о том, что «Евразийская инициатива» включает в себя РДВ и Сибирь, три северо-восточные провинции КНР, страны СНГ и Монголию, находящиеся по соседству с Корейским полуостровом и заинтересованные в сотрудничестве с южнокорейской экономикой – усиливая контакты с этими регионами, Республика Корея в долгосрочной перспективе будет способствовать развитию ресурсов в Арктике, включая логистическое сотрудничество к северу от Кореи и обеспечивая значительную активизацию малого и среднего бизнеса [2, р. 112].

В четвертом разделе статьи ученый проливает свет на специфику российско-корейского сотрудничества в транспортной и нефтегазовой сфере, анализирует проекты развития строительства трубопроводов по поставке энергоресурсов, реализуемых в Сибири и на Дальнем Востоке. Фокусируется внимание на том, что Корее следует использовать опыт сотрудничества северовосточных регионов КНР с регионами российского Дальнего Востока в области развития транспортной инфраструктуры, производства сельскохозяйственной продукции, деревообработки, производства промышленных материалов и разработки минеральных и энергетических ресурсов [2, р. 120]. Автор справедливо отмечает, что региональное сотрудничество между Республикой Корея и Российской Федерацией пробуксовывает по причине воздействия ряда факторов: среда для инвестиций в регионах недостаточна в силу малой доли рынка и устаревшей инфраструктуры, сложных природных условий и недостатка рабочей силы, на это накладывается и проблема взаимодействия между Республикой Корея и КНДР, для активизации сотрудничества с регионами Дальнего Востока и Сибири правительству Южной Кореи необходимо наладить контакты с северным соседом [2, р. 120-121]. Сделан вывод о том, что южнокорейскому правительству в рамках развития сотрудничества с регионами Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации следует использовать многосторонние каналы, в том числе и инвестиционные банки (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), привлекать инвестиции из стран Евразии в Республику Корея [2, р. 121-122].

Статья Хи Сун На, ученого из Корейского железнодорожного исследовательского института, базируется на основе предметного доклада, подготовленного для Программы развития ООН, и пред-

ставляет собой комплексное исследование инфраструктурных и логистических проектов, реализуемых Российской Федерацией, Республикой Корея, КНДР и КНР. Особое внимание уделено пилотному проекту интегрированных международных интермодальных перевозок между Сибирью и Дальним Востоком и Корейским полуостровом и проекту «Хасан-Раджин» (Российская Федерация, КНДР) [3, р. 215]. Сделан вывод о том, что развитие проекта способствует целям интеграции и формированию сообщества между государствами Евразии, для этого необходимо придерживаться стратегии глобализации, разделяя роли между центральными и местными правительствами и правительством и частным сектором.

Таким образом, мы приходим к заключению, что современные корейские исследователи обращают пристальное внимание на российские проекты развития Сибири и Дальнего Востока, увязывая их с корейскими инициативами по интеграции транспортных путей и достижению мира на пространстве Евразии. В связи с этим присутствует явный запрос на дополнительное исследование корейских публикаций по рассматриваемой проблематике. Логика южнокорейской стороны прагматична - она заинтересована в ресурсах и логистических возможностях российской стороны, дипломатическом потенциале Российской Федерации, необходимом для переговоров с КНДР. Российским регионам Дальнего Востока требуются инвестиции, технологии и промышленная продукция из Республики Корея. Возможности для взаимовыгодного сотрудничества присутствуют, для их реализации требуется политическая воля и тщательная работа над нивелированием существующих рисков геополитического, экономического и правового характера.

Список литературы

- 1. Jeh S. H. Russian Far East Development and Directions for Improvement in Korean-Russian Cooperation: Korea's Perspective // International Cooperation In the Development of Russia's Far East and Siberia / ed. by J. Huang and A. Korolev. Croydon: Palgrave Macmillan, 2015. P. 144–163.
- 2. Lee J. Y. Korea's Eurasia Initiative and the Development of Russia's Far East and Siberia // The Political Economy of Pacific Russia. Regional Development in East Asia / ed. by J. Huang and A. Korolev. Croydon: Palgrave Macmillan, 2017. P. 103–125.
- 3. Na H. S. Integrated International Intermodal Transport of Russia's Far East, Siberia and Korean Peninsula // The Political Economy of Pacific Russia. Regional Development in East Asia / ed. by J. Huang and A. Korolev. Croydon: Palgrave Macmillan, 2017. P. 203–221.

RUSSIAN PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF REGIONS OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE ASSESSMENTS OF MODERN SOUTH KORFAN RESEARCHERS

I. V. OLEINIKOV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the assessment of Russian projects for the development of the regions of Siberia and the Far East by modern researchers from South Korea. For the systematic development of mutually beneficial cooperation, it is necessary to uphold sustained international contacts and institutional ties and carefully work on leveling existing risks – of geopolitical, economic and legal nature.

Keywords: region, Siberia, the Far East, Republic of Korea, Russia, international cooperation, «turn to the East», «Eurasian initiative».

Олейников Илья Васильевич - доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: olevnikov@isu.ru

Oleinikov Ilya Vasilievich - Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: oleynikov@isu.ru

УДК 327.82

МИССИЯ Е. В. ПУТЯТИНА (ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ)

Н. Н. ПУЗЫНЯ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены события и процессы, происходившие в 50-е гг. XIX в. на Дальнем Востоке, которые подтолкнули Россию к активизации политики в направлении установления официальных отношений с Японией. Показано соперничество Англии, Франция и США за возможность оказывать влияние на Китай и Японию, их стремление обосноваться на Курильских островах и на Сахалине, что угрожало российским интересам на Дальнем Востоке и безопасности государства в целом. Выделены основные направления деятельности МИД России по налаживанию отношений с Японией. Рассмотрены вопросы проведения переговоров с целью открытия японских портов и использование их близости к России для вывоза из Японии продовольствия в российские колонии в Америке и на Камчатку. Показана деятельность Е. В. Путятина, который в ходе длительных переговоров добился принципиального согласия японской стороны на установление отношений с Россией.

Ключевые слова: Симодский трактат, Е. В. Путятин.

История российско-японских отношений берет начало на рубеже XVII–XVIII вв., но лишь в 50-е гг. XIX в. международная обстановка на Дальнем Востоке подтолкнула Россию к активизации политики в направлении установления официальных отношений с Японией.

Англия, Франция и США соперничали за возможность оказывать влияние на Китай и Японию, стремились обосноваться на Курильских островах и на Сахалине. А их попытки закрепиться в устье Амура угрожали российским интересам на Дальнем Востоке и безопасности государства в целом [5, с. 143].

В «Записке по японским делам», подготовленной Министерством иностранных дел Российской империи в 1852 г., сообщалось о готовящейся в США экспедиции, целью которой являлось открытие Японии силой. Учитывая неоднократные прежние неудачные попытки России наладить отношения с Японией, Министерство предлагало обсудить меры, которые «могло бы принять, дабы обеспечить для нашей торговли в будущем и некоторые выгоды, которых американцы, без сомнения, теперь достигнут, принудив японцев к разным в пользу их уступкам и к предоставлению им разных торговых преимуществ» [5, с. 143–144].

В мае 1852 г. правительству было рекомендовано отправить посольство в Страну восходящего солнца. А в октябре 1852 г. на борту фрегата «Паллада» в кругосветное плавание была отправлена экспедиция во главе с Е. В. Путятиным, российским дипломатом и мореплавателем, который еще в 1843 г. разработал и представил вниманию императора план экспедиции в страны Восточной Азии [2].

Основной целью миссии было установление дипломатических и торговых отношений с Японией, а также подписание договора о территориальном разграничении в районе Сахалина и Курил. В инструкции Е. В. Путятину Министерство иностранных дел дало подробные указания относительно содержания проведения переговоров, так как необходимо было также открыть японские порты и использовать их близость к России для вывоза из Японии продовольствия в российские колонии в Америке и на Камчатку. В обмен на это предлагались товары, необходимые японцам. Это делалось для того, чтобы «не лишиться тех выгод, которые, без сомнения, приобретут теперь американцы, а может быть, и другие морские державы» [5, с. 145].

Спустя десять месяцев российское посольство прибыло в Японию, но его встретили не очень дружелюбно. Это было обусловлено тем, что в июле 1853 г. в Японии побывала американская эскадра коммодора М. Перри. Угрожая применением военной силы,

американцы потребовали «открытия» страны, установления с ней торговых отношений и получения США преимуществ перед другими странами.

Е. В. Путятин направил из Нагасаки собственное послание правительству Японии с предложениями по пограничному размежеванию между двумя странами. В послании он отмечал, что «неопределенность границ между Россией и Японией подала повод к сомнению касательно острова Итурупа. Гряда Курильских островов, лежащая к северу от Японии, издавна принадлежала России и находилась в полном ее владении. К этой гряде принадлежит и остров Итуруп, заселенный Курильцами и отчасти Японцами. Но и русские промышленники в давние времена имели поселение на сем острове: из этого возникает вопрос, кому владеть им, Русским или Японцам» [3, с. 42–43].

В декабре 1854 г. начались переговоры между посольством Путятина и делегацией японского правительства по вопросу о заключении договора. Японская сторона претендовала на Итуруп, Кунашир и другие острова, а также на Южный Сахалин до 50° с. ш., ссылаясь на то обстоятельство, что айны являлись подданными японского императора [3, с. 43–44].

В течение длительных и активных переговоров Е. В. Путятин добился принципиального согласия японской стороны на установление отношений с Россией. Подписание документа состоялось в январе (феврале) 1855 г. в Симода. Отсюда и название договора – Симодский трактат. Это был первый в истории договор между Россией и Японией [4].

Статьей 1 стороны провозглашали «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». Как следовало далее из текста соглашения, между двумя странами устанавливались дипломатические и торговые отношения, определялись границы. Граница между двумя государствами устанавливалась по проливу Фриза, ст. 2 трактата гласила: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается Карафуто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени» [4].

Русским торговцам разрешалось заходить в порты Хакодатэ, Нагасаки и Симода, в одном из которых предусматривалось назначение русского консула; Россия получала статус наибольшего благоприятствования.

В 2020 г. исполнилось 165 лет со дня подписания Симодского трактата. Огромная заслуга в этом принадлежит Евфимию Васильевичу Путятину, который не только отличился на дипломатическом поприще, но и вписал новые страницы в историю научных исследований дальневосточных государств [1].

Список литературы

- 1. 150 лет русского «открытия» Кореи // Сеульский вестник. 2004. № 91. URL: https://web.archive.org/web/20070810214503/http://vestnik.tripod.com/articles/kor ea-discovery.html
- 2. Путятин Евфимий Васильевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: https://ru. wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Путятин, _Евфимий_Васильевич.
- 3. Русские Курилы: история и современность: сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, И. А. Латышев, А. Ю. Плотников, И. А. Сенченко. Изд. 2-е, расшир. и доп. М., 2002. 430 с.
- 4. Трактат о торговле и границах. URL: https://runivers.ru/upload/iblock/8ac/Sobranie %20nobeishih %20traktatov %20i %20konvencii.pdf
 - 5. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960. 314 с.

THE MISSION OF E. V. PUTYATIN (FROM THE HISTORY OF RUSSIAN DIPLOMACY IN THE FAR EAST)

N. N. PUZYNYA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The Shimoda Treaty is the first interstate agreement between the Russian and Japanese empires. The most important role in the preparation and signing of the treaty was played by the outstanding Russian diplomat and statesman E. V. Putyatin.

Keywords: Simodsky tractate, E. V. Putyatin.

Пузыня Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и методики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: stazirovka@mail.ru

Puzynya Nikolay Nikolaevich - Doctor of Sciences (History), Professor of the Department and Methodology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: stazirovka@mail.ru

ИНДИКАТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

М. Л. РЫБАЛКО

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены основные измерения экономической и политической силы государств. Современные международные конфликты редко приводят к военным столкновениям. Следовательно, война является очень редким явлением. Согласно реализму военный конфликт раскрывает и показывает реальную силу государства. Использование различных комбинаций экономических и политических индикаторов в западной науке может только приблизительно определять военные возможности государства. Восприятие силы соперников может значительно отличаться от реальности. В работе рассмотрены примеры подходов западных исследователей к определению силы. Также проведен анализ воздействия глобализации на двух главных соперников в борьбе за титул мировой супердержавы XXI в. – КНР и США.

Ключевые слова: индикаторы силы, мировой гегемон, сравнительный анализ, международные организации, США, КНР, образ государства, политические и экономические переменные, коэффициент GINI, ВВП, ВВП на душу населения.

В современном мире каждому государству необходимо знать и определять собственные возможности, а также политическую и экономическую силу своих соперников. Любые просчеты в определении силы могут привести к катастрофическим результатам. В истории можно найти множество примеров ошибок политических лидеров, недооценивших своих противников. Индикаторы военной силы определяются по многим критериям (размер армии, количество единиц техники, самолетов, подводных лодок, ядерных бомб и т. д.). В данной работе нет смысла перечислять лидеров современной гонки вооружений. Такие данные публикуются на страницах российской и зарубежной печати. Главная проблема для правильной оценки заключается в засекреченности информации о вооруженных силах, что приводит к трудности интерпретации и определения сил противника. Понятно, что страны стремятся не допустить утечки своих данных о боеспособности армии. При этом большинство государств намеренно преувеличивают свою военную силу с целью предотвращения нападения со стороны противников. В английском языке используется специальный термин bluffing («блеф», «имитация силы»). Такая преднамеренно неверная информация, в свою очередь, может привести к военным конфликтам, особенно когда лидеры могут поверить в свою легкую победу. В этой связи ключевой вывод из известного сериала «Доктор Хаус» может быть использован для определения современных международных отношений: все страны стремятся представить ложную (в основном преувеличенную) информацию о своих боевых возможностях.

Вместе с тем современный мир имеет протекцию (защиту) от военных действий. В теоретической науке акцентируется внимание на гегемоне и наличии у страны ядерного оружия. Современная мировая держава США контролирует поведение своих союзников и не допускает использования оружия в большинстве международных конфликтов. В научной литературе такое воздействие гегемона на других акторов международных отношений известно как Pax Americana (американский мир). Обладание ядерным оружием, которое становится доступным все большему числу государств, создает предпосылки для так называемого ядерного мира (nuclear peace). Ядерное оружие и угроза взаимного уничтожения оказывают сдерживающее воздействие на лидеров государств, создавая уникальные условия для относительно «мирного» периода истории после окончания Второй мировой войны. В условиях почти полного отсутствия межгосударственных военных конфликтов (например, военные столкновения в Нагорном Карабахе между силами непризнанной территории внутри республики Азербайджан) оценить реальную силу каждого государства чрезвычайно трудно. Завершение конфликта и победа Азербайджана в начале ноября 2020 г. стали неожиданностью для мирового сообщества. В теории реализма военное столкновение рассматривается как способ получения информации о силе государства по отношению к своим противникам.

Роль гегемона чрезвычайна важна в определении международных отношений. Гегемон – это государство, которое определяет будущее системы международных отношений [1]. Эта супердержава определяет правила и нормы, которые, в свою очередь, регулируют действия всех других государств. Если в XIX в. гегемоном считалась Великобритания, которая захватила наибольшее количество колоний в мире, то уже в начале XX в. этот титул «перешел» к Соединенным Штатам, которые создали одну из сильнейших экономик мира. Фактически Вашингтон стал политическим гегемоном во время Второй мировой войны. В 1944 г. была сформирована Бреттон-Вудская система, которая включала две международные экономические и финансовые организации 286

(Международный валютный фонд и Всемирный банк). Также была предпринята попытка создать Международную торговую организацию. В послевоенный период (1947–1958 гг.) появилась только структура ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), которая в 1994–1995 гг. трансформировалась во Всемирную торговую организацию. После окончания Второй мировой войны США полностью поменяли свою торговую политику и перешли к поддержке процесса интеграции. Так, в мире стали появляться интегративные организации, прежде всего будущий Европейский союз. В политическом плане Вашингтон смог представить план всемирной организации – Организации Объединенных Наций (ООН), который был поддержан другими мировыми державами [1]. Эта мировая организация заменила предыдущий проект американской дипломатии – Лигу Наций, которая прекратила свое существование в 1946 г.

Формирование целого ряда международных экономических и политических организаций в 1944-1948 гг. под руководством Вашингтона стало возможным благодаря уникальной ситуации в мире. Вторая мировая война привела к временной ликвидации агрессоров 1930-х гг. (Германия, Италия и Япония) и ослаблению союзников США по антигитлеровской коалиции (СССР, Великобритания, Франция и многие другие государства). К концу войны в США концентрировалось 50 % мирового ВВП, что дало возможность определить новый мировой порядок и создать международные организации. Вашингтон предоставил автономию этим новым институтам, но при этом сохранил свой ключевой административный контроль [1]. Новые международные институты дали возможность легитимизации - принятия новых правил и норм другими членами международного сообщества. Другим государствам проще принять указания гегемона через международные институты. Так требуют ООН или МВФ. Это решение международного сообщества. Это не давление Вашингтона, а настоятельные рекомендации Всемирного банка или МВФ. Необходимо отметить, что США провели реформу своих внутренних политических институтов в 1930-е гг. под руководством «Нового курса» президента Франклина Рузвельта как решение последствий мирового экономического кризиса 1929 г. Укрепление государственного аппарата и контроля за экономикой дает дополнительные ресурсы во внешней политике и тем самым повышает влияние страны на международной арене.

Политические индикаторы силы определяются участием страны в качестве привилегированного члена международных организаций. Наследие Второй мировой войны заключалось в том, что пять стран-победительниц с правом вето вошли в состав главной международной организации, сформировали новый мировой порядок. Ялтинская система международных отношений определяла развитие вплоть до окончания холодной войны. В работе Джона Икинберри главная головоломка (puzzle) заключалась в том, что, несмотря на исчезновение советской угрозы и самого СССР как главного противника, международный порядок продолжал существовать без каких-либо изменений [1]. По мнению автора, США не нарушили международных норм и правил. Был сохранен тот мировой порядок с ключевыми международными организациями. Таким образом, современные международные институты можно воспринимать как «капсулу времени», отправленную США из 1944-1945 гг. в XXI-XXII вв. США добровольно ограничили свои возможности в самом начальном периоде для того, чтобы воспользоваться своими институтами в будущем. Вашингтон понимал, что сохранение половины ВВП будет нереальным. В ходе холодной войны была оказана помощь своим бывшим противникам - Германии и Японии. В целом политические измерения показывают возможности сильного актора международных отношений оказывать влияние на предпочтения других государств. Членство в международных организациях и военнополитических альянсах, контроль над повесткой дня политических и экономических институтов являются очень важными политическими ресурсами государства.

Экономические измерения задействуются как последователями реализма (неореализма), так и сторонниками либерализма (неолиберализма). В целом экономические переменные отображают потенциальные возможности, которые могут быть использованы во время военного конфликта. Несомненно, уровень экономического развития отражает финансовые и инвестиционные возможности, инновационные технологии, технические мощности. Те же самые экономические институты зависят от финансовых вложений своих членов. Чем выше размер ВВП, тем больше у государства взносов и, соответственно, влияния в международной организации.

Рассматривая внутреннюю экономическую силу государства, необходимо определить два ключевых индикатора состояния экономики – уровень инфляции и уровень безработицы. В эконо-288

мической науке теория Филлипса устанавливает обратную зависимость между уровнем безработицы и уровнем инфляции. Это означает, что если правительство определяет в качестве приорита борьбу с инфляцией, то теряется контроль за уровнем безработицы, и наоборот. Бывают периоды в развитии государства, когда невозможно контролировать ни тот, ни другой уровень. Наиболее известны экономические трудности в 1970-е гг. в США как главное следствие поднятия цен на нефть (так называемый нефтяной шок). Экономические проблемы постсоветской России в 1990-е гг. также являются примером отсутствия контроля за инфляцией и безработицей. В свою очередь, правление президента Билла Клинтона в США (1993–2001 гг.) дает пример одновременного контроля за инфляцией и уменьшения безработицы.

В целом экономические показатели стран могут различаться (например, по экономическому росту, привлечению инвестиции и т. д.). Наиболее часто используемая в исследованиях переменная - валовый внутренний продукт (ВВП) (Gross Domestic Product - GDP), который отражает стоимость всех товаров и услуг государства за один год. По данным ООН, МВФ и мирового банка, в настоящее время КНР занимает второе место после США по объему ВВП. Мировой гегемон - США - имеет показатель ВВП в 20 807 269 млн долл. США, тогда как такой индикатор у Поднебесной - 14 860 775 млн долл. США. На основе данных международных организаций (последних данных МВФ за 2020 г.) можно продолжить список стран с наибольшим ВВП. Третье место принадлежит Японии (4 910 580 млн долл. США. Страны «Большой семерки» вместе с представителем третьего мира - Индией формируют остаток ведущей десятки мира. С 3-го по 9-е место занимают следующие страны: это Германия (3 780 553 млн долл. США), Великобритания (2 638 296 млн долл. США), Индия (2 592 583 млн долл. США), Франция (2 551 451 млн долл. США), Италия (1848 222 млн долл. США), Канада (1600 264 млн долл. США). Десятое место занимает быстрорастущая экономика Восточной Азии - Южная Корея (1 586 786 млн долл. США). По данным международных экономических организаций, за 2018-2020 гг. Россия удерживала 11-12-е места в «тесном» соседстве с Бразилией. Необходимо отметить, что все эти показатели России рассчитываются западными государствами без учета данных Крыма и Севастополя. В 2020 г. Международный валютный фонд определяет такой «уменьшенный» с российской точки зрения размер ВВП в 1 464 076 долл. США.

Однако показатели ВВП обусловлены большим количеством населения (например, КНР и Индия). Деление ВВП на общее население страны определяет уровень богатства и относительного благосостояния. Наиболее используемый показатель в научной литературе – ВВП на душу населения (GDP per capita). Паритет покупательной способности (Purchasing power parity – PPP) – другой показатель, опирающийся на цены на товары и услуги, а также включающий курс национальной валюты. Этот индикатор более применим для исследования стран третьего мира с более низкими ценами на товары и услуги. Цены на некоторые товары могут также дать возможность провести сравнительный анализ государств. С некоторой долей юмора можно отметить такой своеобразный индикатор, как индекс бигмака (Big Mac Index). Это, скорее всего, неофициальный способ кросс-национального сравнения одного товара.

Следующим экономическим индикатором является коэффициент Джини (Gini Coefficient), который отражает поляризацию и расслоение общества. Экономическое неравенство представляет большую значимость во многих исследованиях, так как ВВП на душу населения паритета покупательной способности не учитывает несправедливое распределение доходов государства. Этот коэффициент представляется институтом Бреттон-Вудской системы - Всемирным банком. Постоянный поиск новых индикаторов экономической силы является характеристикой науки политологии и ее субдисциплины - международных отношений.

Наиболее показательна работа Майкла Бекли (Michael Beckley), который проводит сравнительный анализ двух стран - США и Китая [2]. Профессор университета Тафтс (Tufts) Майкл Бекли является одним из самых главных специалистов США по Китаю. В 2011 году была опубликована его статья по анализу двух лидеров экономического развития – США и КНР. В работе предпринята попытка определить, какая страна больше всего выиграла от процесса глобализации. Именно в этом исследовании показано, что образ страны может зависеть от тех индикаторов, которые публикуются и определяются в СМИ. Реальная картина может кардинально отличаться от представлений людей. СМИ и общественное мнение в любой стране часто отражают точку зрения своих элит. В этом отношении многие опросы населения подтверждают многочисленные стереотипы и ложные образы в сознании респондентов.

В связи с экономическим подъемом Китая достаточно часто озвучивается мнение, что XXI век будет веком Китая. Несомненно, экономический рост КНР в начале XXI века имеет несколько преимуществ. Например, китайская дипломатическая и экономическая деятельность в Азии, Африке и Латинской Америке ставит задачу обеспечить Пекину доступ к природным ресурсам. КНР также проявляет большой интерес к важным объектам инфраструктуры во многих регионах мира. Вступление КНР в ВТО в 2001 г. резко усилило экспортные возможности Пекина. Действительно, в прессе и научной печати часто отражается информация об экономическом доминировании Китая, повышении его конкурентоспособности на мировой арене.

Производственные мощности этой страны не являются удивительными на сегодняшний день. Львиная доля индустриального производства находится в этой стране. Сувенирная продукция практически любого государства (России, США, Новой Зеландии, Барбадоса и т. д.) имеет штамп «сделано в Китае». Таким образом, ключевая характеристика гегемона – «производство любого товара быстрее, качественнее и дешевле» – стала визитной карточкой современного Китая. Гегемон не боится своих конкурентов. Именно Великобритания в XIX веке и США во второй половине XX в. активно предлагали всем странам мира принять идеи свободной торговли. В начале XXI в. такую позицию либерализации торговли занял Пекин.

Однако М. Бекли подвергает критике устоявшиеся взгляды в отношении экономического превосходства КНР [2]. То, что представляется в печати и науке: очень высокий экономический рост ВВП, «переезд» заводов и фабрик в Китай, большая активность транснациональных компаний в Поднебесной, прямые иностранные инвестиции, - объективно характеризует современную ситуацию. Но М. Бекли пытается показать то, что невидимо большинству исследователей. Исследование акцентирует внимание на динамике и сравнении показателей США и КНР. Рост китайской экономики значителен, но отражает очень часто высокие показатели стран, которые не имели некоторых производств раньше. Увеличение индустрии и появление ее с нуля дают очень высокие показатели. Здесь, достаточно вспомнить и некоторые советские показатели сталинских пятилеток. Анализ показателей роста КНР и США также иллюстрирует очень важный вывод: чем выше уровень развития и размер ВВП, тем тяжелее добиться значительных результатов. Рост большой экономики в один процент – это уже большой успех для политиков и экономистов.

Но самая важная заслуга М. Бекли - это анализ причин и составляющей роста [2]. Рост экономических показателей в КНР напрямую зависит от самих западных стран, которые перенесли основу своего промышленного производства в Поднебесную еще в 1980-1990-е гг. Запад создает новые технологии и полностью контролирует весь цикл производства внутри Китая. Западные транснациональные компании не передают технологий китайским партнерам. Очень высокие стандарты качества в таком производстве объясняют популярность и доступность китайских товаров, направляемых на экспорт в западные страны. В свою очередь, в отличие от стран Запада, Россия не контролирует процесс производства на китайских заводах, что объясняет намного более низкие стандарты качества импортируемых в Россию китайских товаров. М. Бекли показал, что 90 % объемов экспорта высокотехнологической продукции определяются западными транснациональными компаниями. Западные страны создают интеллектуальную собственность (например, новый смартфон, планшет и т. д.). Под строгим контролем западных транснациональных компаний весь процесс производства реализуется на китайских фабриках и заводах. Затем в условиях свободы торговли Запад вывозит в свои страны эту продукцию для своего внутреннего потребления. Так, ТНК США Walmart продает китайские товары (свыше 90 %), которые созданы под полным контролем. Таким образом, многие высокие показатели экспорта и экономического роста Китая напрямую зависят от государств Запада. Сам Китай до сих пор отстает по многим показателям (нанотехнологии, патенты, создание интеллектуальных продуктов, инновации). Почему КНР допускает то, что западные ТНК не делятся своими технологиями? В условиях глобализации конкуренция с другими странами за привлечение западных инвестиций заставляет Китай принимать условия игры и требования западных партнеров.

Необходимо отметить, что в России принять точку зрения и доказательства Майкла Бекли достаточно трудно. Это связано прежде всего с позитивным образом Китая в современных российских СМИ. В противоположность ему образ США представляется в негативных красках. Преимущества западных экономик, несомненно, отражаются в российской печати, но чаще выделяются их проблемы и трудности. В целом, говоря о работах американских исследователей, необходимо отметить, что позитивный образ 292

США вряд ли найдет понимание и поддержку среди российских и многих других зарубежных ученых. Часто используемое определение гегемона США как benevolent (благожелательный) в фундаментальном исследовании Джона Икенбери вызовет не только недоумение, но и продолжительные споры [1]. Также существенным минусом этих исследований является игнорирование существования и функционирования второго (коммунистического) мира, не принявшего большинства экономических институтов Запада.

Позиция Бекли близка к теории неомарксизма. Еще с начала географических открытий мир поделен на два совершенно противоположных мира – центра и периферии. Центр – это страны современного Запада, которые имеют полное преимущество над зависимыми и полузависимыми государствами. Современные западные страны имеют совершенно другой тип экономики. Чаще всего такой тип экономики определяется, как постиндустриальный. Крупнейшие компании западных стран уже не имеют заводов и фабрик в своих странах. Чаще всего такие компании создают продукты интеллектуальной собственности.

В данном исследовании представлены основные индикаторы политической и экономической силы (мощи). Необходимо отметить, что в многочисленных работах современного Китая российские и зарубежные авторы также часто выделяют термин «мягкая сила». С точки зрения науки такое исследование сталкивается с серьезными трудностями. Очень сложно дать численное выражение мягкой силе. Здесь можно говорить о дипломатических встречах, экономической взаимосвязи, институтах Конфуция, но, как происходит это воздействие, доказать практически невозможно. Политология и ее субдисциплина – международные отношения – требуют четких индикаторов (переменных). Иначе любая дискуссия и обсуждение могут занимать продолжительное время, но не давать точного ответа на научный вопрос и не предоставлять научно обоснованные доказательства.

Во время отсутствия прямых военных столкновений достаточно трудно правильно понять и определить влияние и военную мощь государства. Российские и зарубежные исследователи сталкиваются со сложностью определения мощи государства. Главный вопрос методологии в политологии: «Правильно ли измеряем то, что пытаемся измерить?» (are we measuring what we are trying to measure?). В данной работе были приведены основные политиче-

ские и экономические показатели, наиболее часто выделяемые и используемые современными исследователями.

Использование теории в политической науке создает модели, которые, в свою очередь, помогают определить вероятность развития событий. Работы двух американских исследователей Джона Икенберри и Майкла Бекли иллюстрируют использование теорий и эмпирики, которые ориентированы прежде всего на будущее (XXI-XXII вв.). Такие работы объясняют ключевые события ХХ в. Политология является дисциплиной, которая постоянно подвергает сомнению устоявшиеся стереотипы, представления, образы. То, что считается устойчивым и незыблемым, может оказаться совершенно иным. Такое свойство политологии хорошо иллюстрирует фильм «Матрица», который показывает действие совершенно других законов и правил, чем представлялось ранее. Некоторые представления о международных организациях, международном сообществе могут быть подвергнуты критике. Это наглядно было продемонстрировано в исследовании Д. Икенберри, определяющем международные организации как рациональный продукт гегемона мира, предложенный мировому сообществу. Исследование Майкла Бекли заставляет по-другому взглянуть на сравнительные преимущества западных стран, контролирующих экономические векторы развития Китая.

Список литературы

- 1. Beckley M. China's Century and Why America's Edge Will Endure // International Security. 2011. Vol. 36, N 3. P. 41–78.
- 2. Ikenberry J. G. Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // International Security. 1998. Vol. 23, N 3. P. 43–78.

INDICATORS OF POLITICAL AND ECONOMIC POWER IN INTERNATIONAL RELATIONS

M. L. RYBALKO
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The main dimensions of the economic and political strength of the state are considered. War is a rare occurrence in modern international relations. According to realism, a military conflict shows the real strength of the state. The use of various combinations of primarily economic and political indicators in Western science can only approximately determine military capabilities. The perception of reality can differ significantly from reality. The paper considers examples of Western researchers' approaches to determining strength and advantages. It also provides an original analysis of the impact of globalization on the two main rivals for the title of superpower of the 21st century - China and the United States.

Keywords: power indicators, world hegemon, comparative analysis, USA, China, mass media, image of the state, political and economic variables, GINI coefficient, GDP, GDP per capita.

Рыбалко Михаил Леонидович - кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

Rybalko Mikhail Leonidovich - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: mikhail.rybalko@gmail.com

УДК 94(47).083

АКЦИЗНЫЙ НАДЗОР И КОРЧЕМНАЯ СТРАЖА НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. В. СИНИЧЕНКО

ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется история создания подразделений отраслевого контроля - «акцизного надзора» и ведомственной полиции Министерства финансов Российской империи - «корчемной стражи». В начале XX в. подразделения акцизного надзора и корчемной стражи появились в ведении Хабаровского и Читинского участков Таможенного управления Министерства финансов России. Вышеназванные подразделения действовали вдоль таможенной границы России с Китаем, в районе приграничной 100-верстной полосы, осуществляли оперативное прикрытие таможенных постов и застав, отвечали за силовое проведение операций по задержанию контрабандистов в селениях, располагавшихся в приграничной зоне. Целью акцизного надзора и корчемной стражи стало задержание контрабандных товаров, ввозимых в Россию из Китая без уплаты таможенных и акцизных сборов. Основным контрабандным товаром, ввозимым из Китая в дальневосточные пределы России в начале ХХ в., был спирт, поэтому численность корчемной стражи была доведена до нескольких сот человек. Однако поставленную задачу корчемная стража не выполнила. Объемы контрабанды спирта вплоть до 1917 г. на востоке Российской империи по отчетам таможенных инспекторов неуклонно росли.

Ключевые слова: акцизный надзор, корчемная стража, бутлегеры, русскокитайская граница, таможня.

Первое подразделение под названием «корчемная стража» было создано в Российской империи 16 октября 1862 г., и действовало оно на западной границе государства вдоль таможенной и пограничной линии русско-германской и русско-австрийской границ.

Основная задача корчемной стражи состояла в предупреждении (ст. 16 «Положения о корчемной страже» изд. 1862 г.) контрабанды спирта. Корчемная стража представляла собой подразделения ведомственной полиции, которые группами из трехчетырех человек устраивали засады на лесных тропинках в приграничной зоне и арестовывали местных бутлегеров.

После введения в Российской империи винной монополии в 1893 г. и появления в 1900 г. таможенных учреждений на восточных – русско-китайской сухопутной и дальневосточной морской – границах встал вопрос о формировании ведомственных полицейских учреждений и на территории Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств [1, с. 16–17].

Губернские акцизные управления находились в двойном подчинении: с одной стороны, – в подчинении у Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов, а с другой – в подчинении губернаторов. Это двойное подчинение вызывало значительную переписку между губернским акцизным управлением, губернаторами и Главным управлением, которое находилось в Санкт-Петербурге.

В 1893 г. акциз со спирта составлял 10 коп. с алкогольного градуса, т. е. около 10 руб. с ведра спирта [3, с. 219].

Отметим, что Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей в начале XX в. было разделено на два отдела:

- 1) отдел неокладных сборов;
- 2) отдел казенной продажи питей.

Именно при данном управлении действовал акцизный надзор и корчемная стража - полицейские подразделения Министерства финансов.

В 1900 г. акциз на водку и спирт был увеличен до 11 коп. за градус. Употребляемый в пивоварении солод облагался акцизом в размере от 1,10 до 1,35 руб. за пуд [2, с. 194–195].

Охрана русско-китайской границы на Дальнем Востоке России характеризовалась слабостью пограничных и таможенных караулов на расстоянии более 1,5 тыс. км вдоль границы, а также особенностью правового режима приграничной торговли.

Так, Санкт-Петербургский русско-китайский договор в 1881 г. ввел 100-верстную зону беспошлинной торговли на восточном участке границы двух стран. Договор о свободной торговле вводился на десять лет и продлялся в 1891 и 1901 гг. Таким образом, несмотря на существование на Дальнем Востоке с 1899 г. таможни, таможенные учреждения до 1911 г. действовали за пределами пограничной линии, что существенно снижало эффект противодействия контрабандистам. Так, безакцизный ввоз спирта из китайской Маньчжурии в Забайкалье, Приморье и Приамурье стал головной болью для российской администрации в начале XX в.

Поэтому в 1907 г. было решено охранять на Дальнем Востоке России границу не только пограничной стражей и таможней, но и корчемной стражей.

Самым первым органом стало учреждение конных контролеров акцизного ведомства в Забайкальском крае и Иркутской губернии в 1907 г. 24 января 1907 г. для охраны границы Забайкальской области от провоза алкоголя из Китая было выведено 14 должностей младших и старших контролеров [5, л. 4].

В этой связи управляющий акцизными сборами Забайкальской области 27 апреля 1907 г. издал Инструкцию об учреждении семи участков для конных акцизных контролеров вдоль русскокитайской сухопутной границы. Местожительство конных контролеров от Даурии до Амурской области определялось в казачьих станицах [4, л. 7].

В Иркутской губернии Иркутского генерал-губернаторства сотрудников акцизного надзора было немного. Восемнадцать должностей контролеров было введено по границе с Монголией на территории Иркутской губернии [5, л. 11].

Отметим, что на дальневосточной границе (от Амурской области до Приморской области), однако, акцизный надзор в 22 контролера с поставленными задачами по противодействию продажи безакцизных товаров не справился, поэтому по приказу министра финансов 24 февраля 1911 г. в Приморской и Амурской областях была учреждена специальная корчемная стража. Ее штат насчитывал 200 кормчих объездчиков и 50 акцизных контролеров [6, л. 37].

Посты корчемной стражи располагались в третьей линии за пограничниками и таможенниками, они были размещены позади таможенной линии на расстоянии 50–100 верст [6, л. 39].

Созданная благодаря инициативе министра финансов корчемная стража на Дальнем Востоке стала тем подразделением, которое должно было уничтожить развившееся в регионе бутлегерство. Для раскрытия преступлений бутлегеров корчемная стража вела вербовку негласной агентуры, как среди китайцев, проживавших в пограничных городах Китая – например Хунчуне, так и среди российских подданных, проживавших в деревнях на пути следования контрабандных грузов.

Корчемные объездчики осматривали как проходящие обозы и транспорты, так и всех проезжающих и проходящих. На разъезды приходилось до 70 % случаев задержания контрабанды. По-

этому мы можем говорить о том, что элемент случайности доминировал в работе корчемной стражи.

С точки зрения иерархии, если досмотрщики как чины Министерства финансов делились на три ранга – старший, средний и младший досмотрщики таможни, то и корчемная стража состояла из старших и младших конных объездчиков. Контроль за их деятельностью осуществляли акцизные контролеры, выступавшие своеобразными офицерами губернского акцизного управления. Им вменялось в обязанность следить за разъездами объездчиков, принимать самим в них участие; проверять умение объездчиков обращаться с огнестрельным и холодным оружием; проверять сохранность выданного объездчикам казенного имущества и следить за содержанием ими оружия в чистоте и исправности. Акцизные контролеры обучали объездчиков навыкам обращения с оружием; инструктировали их перед разъездами по вверенному их контролю участку.

Объездчики должны были знать географию и топографию курируемой местности, условия товарного движения, образ жизни пограничного населения, им разрешали вербовать агентуру для сбора информации о лицах, занимавшихся контрабандным ремеслом.

Кроме того, наказ от 27 июля 1911 г. расширял обязанности нового полицейского подразделения на Дальнем Востоке - корчемной стражи. Корчемная стража, в отличие от своих располагавшихся в Европейской части страны коллег, получила права проводить дознание.

Задержанные контрабандные товары должны были сдаваться в полицейские и таможенные учреждения, однако таможни располагались далеко от корчемных постов, а в станичных правлениях невозможно было хранить алкоголь. Казаки сами являлись основными контрабандистами, и алкоголь похищали, уничтожали, подменяли. Поэтому акцизный надзор распорядился на Дальнем Востоке и в Забайкалье о том, что акцизные контролеры с корчемными объездчиками могут сами уничтожать контрабандный спирт.

В период становления корчемной стражи для объездчиков подыскивались помещения в районе оборудуемых постов. Так, было предложено домовладельцам ст. Покровской, желающим сдать в аренду дома, предоставлять или дом из пяти комнат (для чиновников), или помещения в три комнаты (для поселения ниж-

них чинов). При доме должны были быть надворные хозяйственные постройки.

Важным условием повышения производительности труда было финансовое стимулирование сотрудников и переведение их на более высокий оклад. Так, управляющий акцизными сборами Амурской и Приморской областей 16 мая 1913 г. за № 2699, сообщал: «Постановлением управляющего акцизными сборами от 7 мая 1913 г. за № 49 младший корчемный объездчик вверенного Вам участка Леонтий Гордеевич Штогрин за отлично усердную службу назначен старшим корчемным объездчиком с 7 мая 1913 г. с окладом содержания в 900 рублей в год» [7, л. 39].

Итак, существовали специальные полицейские подразделения и в Министерстве финансов России. Во-первых, это акцизные контролеры, а во-вторых, это полицейский «спецназ» акцизного ведомства – корчемная стража, которая подчинялась управляющему акцизными сборами Министерства финансов и просуществовала до 1918 г.

Список литературы

- 1. Кучеров И. И. Налоговое право России. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2001. 360 с.
- 2. Ровинский К. И. Податная инспекция в России (1885–1910). СПб. : б. и., 1910. 210 с.
- 3. Финансово-кредитный словарь. В 3 т./ гл. ред. В. Ф. Гарбузов. 2-е изд., стер. / сост. В. К. Сенчагов [и др.]. М. : Финансы и статистика, 1994. Т. 1. А- \tilde{M} . 511 с.
 - 4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 27.
 - 5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 103.
 - 6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 222.
- 7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 137. Оп. 1. Д. 56.

EXCISE SUPERVISION AND ROOT GUARD IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE EARLY 20TH CENTURY

V. V. SINICHENKO

ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The creation of excise supervision, and then the Russian-Chinese border guard, was caused by the fact that residents of the border regions received almost all sub-excise goods from China, but border and customs institutions, could not cut off the supply of these goods and, first of all, vodka. First, this was hampered by the small number of customs officers and border guards. Second, the existence of a Russian-Chinese treaty on duty-free land trade in 1, 000 faithful zones. Assessing the place, role and expediency of the creation and operation of special police units of the Ministry of Finance of the Russian Empire, it can be concluded that the activities of excise supervision and corchem guards were aimed primarily at the implementation of the Highest Decree on the Monopoly of the State on the Production and Sale of Alcoholic Beverages and Other Sub-Excise Goods both within the country, at the border and in the border areas.

Keywords: excise supervision, root guard, bootleggers, Russian-Chinese border, customs.

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, г. Иркутск, Россия, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich – Doctor of Sciences (History), Professor, Chief of Department Civil Law Disciplines ESI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

VДК 327;338.23:339.54

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВСТРАИВАНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЁЛКОВОГО ПУТИ¹

А. Н. ФАРТЫШЕВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются географические, экономические и политические проблемы реализации концепции Экономического пояса Шёлкового пути применительно к региональному развитию Иркутской области. Анализируются возможности сопряжения экономической политики Иркутской области и Монголии. Особенно выделяется институциональный фактор политических проблем межрегионального взаимодействия. Проанализированы инвестиционные инструменты, заложенные в концепции Экономического пояса Шёлкового пути, и их влияние на региональную экономическую политику.

Ключевые слова: транспортный коридор, «Один пояс - один путь», экономический коридор Китай - Монголия - Россия, Монголия, «Новый Ангарстрой», Фонд Шёлкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Тема вывоза сырья из Сибири и транзитных перевозок между Китаем и Европой достаточно хорошо освещается в российской научной литературе многие годы, но особенно она приобрела актуальность начиная с 2013 г, когда была анонсирована концепция Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) (другое название – «Один пояс – один путь»). Но сейчас, спустя 7 лет, мы можем наблюдать реальные плоды реализации этой политики и анализировать конкретные изменения в геоэкономическом пространстве. Для Иркутской области это актуально вдвойне, поскольку она является одним из важнейших субъектов, на которую

-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-55-44023 «Географические особенности формирования опорного каркаса хозяйства, расселения и природопользования России (Сибирь) и Монголии в условиях внутриконтинентального положения и усиления евразийских интеграционных процессов».

влияет эта политика, и, в частности, ключевым регионом экономического коридора Китай – Монголия – Россия. К тому же для российских регионов меняется их геоэкономическое положение, которые как получают выгоду от сокращения экономических расстояний вследствие развития внутриконтинентальной инфраструктуры, так и несут потерю из-за повышения конкуренции за рынки сбыта и попыток дальнейшего захвата центрально-азиатского и внутреннего российского рынка китайскими товарами.

Три основных маршрута Шёлкового пути, представленных в документе, обходят Иркутскую область стороной, пролегая южнее Сибири. Программа его создания подписана в июне 2016 г. В ней предполагается не просто соединение одной магистралью трех стран, но и создание целой сети железных и автомобильных дорог на территории Монголии. Общая цель – увеличение меридиональной пропускной способности между Сибирью и Китаем, причем вопрос транзита в Европу здесь уже не стоит на первых ролях. Из этого следует, что сократится и экономическое расстояние между ресурсоориентированными Иркутской областью и Монголией, с одной стороны, и Китаем, с другой стороны. Но, если сократится расстояние, что будет выступать в качестве грузов?

Иркутская область, согласно данным таможенной службы, сейчас обладает ярко выраженной специализацией по экспорту алюминия в развитые страны и продукцией лесной и целлюлозной промышленности и минерального топлива в Китай и Японию. Если резкий рост экспорта минерального топлива в Китай в последние 5 лет обусловлен началом добычи сырой нефти, идущей по нефтепроводу ВСТО, то возможное увеличение пропускной способности транспортного коридора Китай - Монголия -Россия при сохранении современных тенденций скажется и на росте вывоза леса, угля и необработанной руды из Иркутской области и усилит ее экспортно-сырьевую зависимость. Учитывая, что окупаемость предприятий лесовывоза в Китай составляет 2-6 месяцев, по сравнению с 10-15 годами в обрабатывающей промышленности, рост экономики будет происходить именно в добывающей отрасли, что идет вразрез с основами региональной политики, заложенными в стратегиях развития Сибири [3, с. 434].

Между тем экономический коридор Китай - Монголия - Россия открывает также и возможности для кооперации Иркутской области и Монголии как внутриконтинентальных территорий.

Экономическое расстояние сближает не только Китай, но и сырьевые рынки Сибири и Монголии. Структура импортно-экспортных отношений Иркутской области очень дифференцирована, причем в экспорте преобладают именно несырьевые товары. Импорт же из Монголии в Иркутскую область очень незначителен. Сближение сырьевых рынков вследствие реализации концепции «Китай – Монголия – Россия» дает возможность развития эффективных производств конечного потребления вплоть до создания трансграничных территориально-производственных комплексов в Сибири.

Наиболее эффективным проектом развития промышленной базы в Приангарье является «Новый Ангарстрой», ныне разрабатываемый в Институте географии СО РАН [1, с. 143-153]. Его ключевым элементом является организация крупнейшего металлургического производства, включающего высококачественную черную металлургию полного цикла и титаномагниевую промышленность. Линии экономического коридора аккурат подходят к основным объектам «Нового Ангарстроя», и Иркутская область становится непосредственным участником ЭПШП [2, с. 41]. Более того, используя потенциал внутренних районов Монголии, возможно расширение этого проекта созданием совместных монгольских предприятий с привлечением ресурсного потенциала Монголии, в частности высококачественных углей Таван-Толгоя. В районе строительства Северомонгольской железной дороги (Эрдэнэт-Арц-Сурь) также есть залежи коксующегося угля (Овоот), железной руды (Хурэн-Чулуут), молибденовых руд (Мандал), однако в Монголии недостаточно электроэнергетических мощностей даже с учетом строительства Шурэнских ГЭС и кадровых ресурсов для строительства металлургических заводов на местах.

В целях строительства инновационной экономики расстояния имеют не настолько критическое значение. Инновационные материалы имеют высокую добавочную стоимость, но и изготавливаются в малых масштабах и из редкоземельных металлов, обладающих высоким ценностным компонентом. Так, Роснано ведет деятельность по созданию промышленного производства сверхвысокопрочных наноструктурированных проводов, изготавливаемых из сплава меди и ниобия, все более используемых в судостроении, на высокоскоростных магистралях, в авиастроении и др. В данный момент единственное подобное производство на 302

постсоветском пространстве с 2011 г. существует в Москве, что экстерриториально по отношению к сырьевым рынкам. Учитывая, что Иркутская область располагает большими зарезервированными запасами ниобия (Белозиминское, Зашихинское, Белореченское, Большетагнинское месторождения редких металлов), которые включены в проект «Новый Ангарстрой», и существует растущий спрос на инновационные материалы улучшенных свойств в технологии создания высокоскоростных транспортных магистралей, в том числе и для создания транспортного коридора Китай – Монголия – Россия, создание комплекса производств именно здесь имеет большие перспективы, и в данном случае, напротив, производство подстегнет ускорение реализации строительства транспортных коридоров.

Основная проблема реализации как данного проекта, так и многих других программ и стратегий развития территорий Иркутской области, равно как и отдаленных территорий Монголии, лежит в институциональном и политическом поле. Институциональная проблема заключается в ответственности за выполнение, механизмов которой на правительственном уровне ни в России, ни в Монголии не существует. Стратегии развития регионов затрагивают зоны сразу нескольких министерств, а итоговый результат не относится к компетенциям ни федеральной, ни региональной власти. В России такими гарантами могли выступать институты уполномоченных президента по федеральным округам, но в последнее время их влияние уменьшается. Даже организация Министерства Дальнего Востока для решения проблем отдельного федерального округа не позволила существенно решить вопрос перекрещивания полномочий. Проблема политического характера заключается в том, что инициировать инвестиции должны крупные госкорпорации «Мечел», «РусАл», «Иркут» и др., но начиная с 2014 г. эти компании вынуждены заниматься самоспасением в условиях растущего гнета антироссийских санкций. Конечно, взаимодействие с Китаем дает новые возможности для перенаправления финансовых потоков, но фискальные и биржевые проблемы корпораций не дают возможности заниматься расширением производств.

ЭПШП в инвестиционном плане раскрывает новые возможности для регионального развития ресурсных регионов. В инициативе Экономического пояса Шёлкового Пути есть собственный

механизм поддержки выгодных Китаю производств - Фонд Шёлкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Основной задачей деятельности первой упомянутой организации объявлены вложения в крупномасштабные проекты в странах, расположенных вдоль Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути. На территории России фонд успел поучаствовать в нескольких проектах. Однако уже три года нет сообщений о его деятельности в России. Другим инструментом является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, созданный в 2015 г., в уставной капитал которого вошли и российские капиталы. С 2015 г. фонд поддержал 129 проектов на общую сумму более чем 12 млрд долл., но среди них Россия и Монголия представлены только по одному проекту. Комплексный монгольский проект подразумевает займ для реализации набора мер реагирования для смягчения воздействия COVID-19. Россия представлена проектом Росавтодора, которому предоставлен займ на реконструкцию автомобильных дорог на 500 млн долл. Причем пока называлась лишь планируемся реконструкция автомагистрали «Кола» (Санкт-Петербург - Петрозаводск - Мурманск), которая не связана с инфраструктурными проблемами Сибири и Дальнего Востока и проектом ЭПШП в частности, но на то пойдет только 96,7 млн долл. О других подпроектах не сообщалось. И надо понимать, что китайские компании готовы вкладывать инвестиции не только в инфраструктуру и добывающие предприятия, но и в сферу переработки, что доказывает сотрудничество Иркутской нефтяной компании с китайскими инвесторами.

Таким образом, на данный момент Иркутская область пока слабо встроена в концепцию Экономического пояса Шёлкового пути и выступает в основном либо как транзитная территория, либо как ресурсная периферия. Создание новых транспортных путей по экономическому коридору Китай - Монголия - Россия, увеличение пропускной способности и удешевление перевозок железнодорожным транспортом могут закрепить за Сибирью роль сырьевого придатка и усилить вывоз сибирского леса и руд на экспорт.

Экономический коридор Китай - Монголия - Россия не только сокращает экономическое расстояние до крупных мировых рынков сырьевых районов Монголии и Сибири, но и сближает их между собой, что дает возможности кооперации для выработки 304

продукции конечного передела на местах. Однако этому мешает наличие институциональных и политических проблем в управленческой структуре России и Монголии. Альтернативным методом финансирования проектов являются финансовые институты, заложенные в концепции «Один пояс – один путь», такие как Фонд Шёлкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, но необходимо удерживаться от полного перехода предприятий в руки китайских инвесторов.

Список литературы

- 1. Никольский А. Ф. «Новый Ангарстрой» как ключевой проект будущей индустриализации в России / / География и природные ресурсы. 2017. № 4. С. 143–153.
- 2. Фартышев А. Н. Иркутская область в концепции «Экономический пояс Шёлкового пути» и проекте «Новый Ангарстрой» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 37-45.
- 3. Фартышев А. Н. Взаимодействие Сибири и Китая в рамках концепции Экономического пояса Шёлкового пути // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 4. С. 432–440.

POLITICAL ASPECTS OF EMBEDDING THE IRKUTSK REGION INTO THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

A. N. FARTYSHEV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Geographic, economic and political problems of the implementation of the concept of the Silk Road Economic Belt in relation to the regional development of the Irkutsk region are considered. Possibilities of conjugation of the economic policies of the Irkutsk region and Mongolia are analyzed. The institutional factor of the political problems of interregional interaction is especially highlighted. The investment instruments laid in the concept of the Silk Road Economic Belt and their impact on regional economic policy are analyzed.

Keywords: Transport corridor, The Belt and The Road, China - Mongolia - Russia economic corridor, Mongolia, New Angarstroy, Silk Road Fund, Asian Infrastructure Investment Bank.

Фартышев Арсений Николаевич – кандидат географических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: fartyshev.an@gmail.com

Fartyshev Arseniy Nikolaevich - Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Department of Political Sciences, History and Region Studies, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: fartyshev.an@gmail.com

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ – 2019: В КОНТЕКСТЕ МЕГАТРЕНДОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕСУВЕРЕНИЗАЦИИ

С. Ф. ШМИДТ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дана интерпретация украинских президентских выборов 2019 г. в контексте противостояния глобализационного и деглобализационного трендов мировой политики. Состоявшиеся на Украине президентские выборы и победа Владимира Зеленского представляют собой уникальный случай победы «политика глобализации» над «политиком суверенитета», во-первых, за счет электоральной энергии транснациональной антиэлитной волны, во-вторых, за счет политика, относящегося к типичным современным антисистемным политикам. До украинских президентских выборов 2019 г. антиэлитная волна и персональная несистемность являлись почти обязательными атрибутами политиков деглобализационного стиля (Д. Трамп, М. Ле Пен, сторонники выхода Великобритании из Европейского союза и т. п.). Успех Зеленского либо стал уникальным исключением, либо обозначил вероятную перспективу изменения названных политических трендов.

Ключевые слова: антиэлитная электоральная волна, глобализация, деглобализация, мировая политика, мегатренды, национальное государство, ресуверенизация, Украина.

Одним из главных вопросов нашего времени или, выражаясь языком X. Ортега-и-Гассета, «темой нашего времени» [1] можно уверенно назвать проблему выбора между глобализацией (десуверенизацией) и деглобализацией (ресуверенизацией). Выбор глобализации предполагает ослабление традиционных национально-государственных суверенитетов, размывание национальных идентичностей с перспективой полного исчезновения государств и наций в будущем. Выбор деглобализации предполагает, где просто сохранение, а где и восстановление суверенитета, удержание исторического развития человечества в формате суверенных государств и отдельных наций. Прямые последствия и просто отголоски этой проблематизации, ее уже не только политический и экономический, но и жизненно-стилистический, экзистенциальный характер можно обнаружить сегодня практически во всех областях человеческой жизнедеятельности [2].

Как и любое упрощение, такой дуалистический взгляд на действительность чреват упущением разнообразных, не вписывающихся в схему конкретных политических кейсов. Некоторыми из них, возможно, и имеет смысл пренебречь, что называется, для 306

чистоты теории. Однако отдельные кейсы, пусть и не отличающиеся калибром, настолько экзотичны и интересны, что выпадение их из аналитической оптики и теоретической перспективы оборачивается не только ущербом для научной результативности, но и утратой чистого удовольствия от удовлетворения исследовательского любопытства и даже простого эмоционального восторга.

Не возьмемся давать оценку общих политических масштабов последних президентских выборов на Украине (31 марта и 21 апреля 2019 г.) и их значения для мировой политики и мировой истории. Сделаем акцент на том, что эти выборы, как, по сути, и вся новейшая история Украины, являются сложным и интересным случаем, не вписывающимся в простейшую схему оппозиции принципов национально-государственного суверенитета и глобализации (этот суверенитет подрывающей). С другой стороны, они выпадают из устоявшегося толкования транснациональной анти-элитной волны в политическом поведении широких гражданских масс и общественного запроса на новых, несистемных политиков.

Достаточно очевидно, что независимая Украина после распада СССР взяла курс на построение ординарного национального государства, и в этом процессе довольно непросто отличить условную «оранжевую Украину» от условной «Украины Януковича». Не с перерывами-разрывами, а скорее с эпизодическими послаблениями (во времена того же Януковича), а значит, вполне последовательно на Украине проводился и проводится курс на создание нации - единой не только граждански, но этнически и лингвистически («украинизация») - и создание обслуживающего интересы этой нации государства. В новейшей истории Украины обнаруживаются почти все составляющие классического национально-государственного строительства, более того, в последние шесть лет они образовали вполне законченную композицию. В первую очередь это государственный патриотизм (национализм), программируемый сверху и инициируемый снизу. Кроме того, в условиях российско-украинского конфликта, пусть и замаскировано-запутанной, но значительной частью которого является военная составляющая, на украинской «национально-государственной стройке» осуществляется то, что в России именуется военно-патриотическим воспитанием (в зависимости от политикоценностного выбора говорящего это словосочетание произносится одними с гордостью, другими - с брезгливостью). Добавим использование яркого образа страны-врага, врага-агрессора, что во все времена оказывало неоценимую помощь национальному и государственному строительству. Здесь же следует упомянуть и целую систему политических мер, направленных на создание автокефальной, отдельной от Московского патриархата, Украинской православной церкви [3].

Украина продемонстрировала в 2014 г., что, перефразируя Ленина, всякий суверенитет только тогда чего-нибудь стоит, когда он умеет защищаться. Попутно Россия продемонстрировала, что международное право, конечно, обнадеживает тех, кто сам за себя постоять не может (тот, кто может сам за себя постоять, в международном праве особенно и не нуждается), но само по себе оно практически ничего не гарантирует слабым субъектам. И то и другое – крайне неприятные истины для адептов глобализации. Их актуальность указывает и на поспешность выводов по поводу успехов глобализации, и на то, что глобализация в очередной раз оказалась не настолько глубокой и не настолько необратимой, как могло казаться в два «золотых» десятилетия глобализации – в 1990-е и в 2000-е.

Тем не менее внутренний политический кризис и украинороссийский конфликт 2014 г. стали дополнительным топливом
для украинской суверенизации, конструируемый украинский
патриотизм окрасился в «военные тона». Война во все времена
является настоящим апофеозом принципа суверенитета, наилучшим подспорьем для «политиков суверенитета». Заметим, что
«военный патриотизм» стилистически не очень комфортен для
той части российского общества, что симпатизирует европейскому выбору «по-украински». Одни хоровые лозунги «Слава Украине! Героям слава! Смерть врагам!» непросто вписываются в стилистические стандарты российского либерализма, для которого
отрицание любого демонстративного патриотизма, тем более
патриотизма «военного», агрессивного, является одной из важнейших мировоззренческих основ.

Однако главным в итогах политической эволюции Украины является ее уже очевидный отказ от еще недавно вполне возможного, а теперь уже почти невероятного проекта создания бикультурной, бинациональной страны [4]. Заметим, что в информационной и эмоциональной сферах международной политики этот отказ лишает Украину возможности нанесения довольно болез-

ненного удара по России, внешняя политика которой определяется современным украинским политическим истеблишментом исключительно как агрессивно-имперская. Результативное решение уникальной исторической задачи – создание первой в истории долговременно-успешной русскоязычной европейской страны – бросило бы вызов не только действующей власти в России, но и российскому национальному самолюбию. Однако Украина по итогам постсоветской эволюции выбрала «украинизацию» вместо достаточно привлекательного для русскоязычного постсоветского мира проекта бинациональной и бикультурной европейской страны.

Логически небезупречное соединение национализации и европеизации, элементы которого, наверное, можно было разглядеть в странах Восточной Европы и Прибалтики после окончания холодной войны, пожалуй, именно на Украине стало лабораторно-чистым. Это соединение представляет собой своеобразный синтез глобализации и деглобализации. В этом контексте интересно проанализировать политический феномен Владимира Зеленского, убедительного победителя президентских выборов 2019 г.

Один из популярных сюжетов в аналитических обсуждениях этого феномена - рассмотрение Зеленского как еще одного «героя» важнейшего мегатренда современности, так называемой антиэлитной («антиначальственной») волны в политических и в первую очередь электоральных процессах. Речь здесь идет об «электоральных бунтах» против всех подразделений системной, надоевшей гражданам политической элиты, об антисистемных действиях избирателей нового типа, напичканных эффектами социальных сетей, раздражением от профессиональных политиков и, что принципиально важно для нашего ракурса, страхами перед глобализацией, которой чрезмерно увлеклись элиты. Брекзит в Великобритании, победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, пусть и относительные, но все-таки успехи правых политических сил в целом ряде европейских стран (в первую очередь Марин Ле Пен во Франции), итальянское «Движение пяти звезд», основанное комиком и бизнесменом, список фактических примеров антиэлитной волны довольно внушителен. Политологам из Иркутской области не стоит упускать возможности добавить в этот список и резонансную победу 28-летней домохозяйки Анны Щекиной на выборах мэра Усть-Илимска, города на севере Иркутской области.

Актер Зеленский, нанесший просто унизительное поражение Петру Порошенко, политическому и коммерческому тяжеловесу, вполне справедливо претендовавшему на знаки электоральной благодарности за спасение пусть и купированной, но целостности Украины в 2014 г., является политиком из той же антиэлитной волны.

Однако содержательно в случае Зеленского мы обнаруживаем уникальный, отклоняющийся от сложившего канона пример антиэлитного политика. В странах Запада электоральные бунты объединяли противников всего, что связано с глобализацией, тех, кто боится глобализации, кто видит в суверенных государствах и в отдельных нациях привычные основания собственного существования. Случай Зеленского - иной. Начинающий «слуга народа» не просто победил на выборах профессионального системного политика. Владимир Зеленский, по всем формальным и стилистическим показателям являющийся политиком из транснациональной антиглобалистской волны, победил на выборах политика, сделавшего ставку на войну за суверенитет и национальное достоинство, на решительное противостояние внешнему противнику, на совершенно традиционный патриотизм, на однозначную украинизацию общества, т. е. на типичные антиглобализационные ценности. Один только ключевой лозунг кампании П. Порошенко «Армия. Мова. Вира» («Армия. Язык. Вера») убеждает, что тот выступал на выборах в образе доглобализационного, «национально-государственного» политика.

Основу электората Зеленского, обеспечившего ему чрезвычайно высокий процент во втором туре президентских выборов, составили граждане, которым нужна территориальная целостность Украины, но не нужна война в ее порошенковском варианте, когда в угоду суверенитету и территориальной целостности приносится буквально все. Победа Зеленского, по сути, оказалась победой над антиглобализационными принципами безусловной «святости» суверенитета и территориальной целостности. Побежденный «политик суверенитета», правда, никогда не был противником Европейского союза, более того, вошел в украинскую политику как адепт скорейшей интеграции с ним и стал «политиком суверенитета» волею обстоятельств 2014 г.

Совсем уж уникальным политиком самого Владимира Зеленского не назовешь. Бросаются в глаза, например, параллели с Эммануэлем Макроном. Зеленского и президента Франции сравни-

вают и как двух «молодых красавчиков», и как двух новых политиков, которым удалось своим успехом укрепить политические системы своих стран, а не встряхнуть их, как это произошло в Великобритании и в США. Но и различий хватает. Макрон был профессиональным политиком, а не человеком, который смог конвертировать совершенно неполитический личный бренд в политический успех. Глобалистский избиратель Макрона взял верх над антиглобалистским избирателем Марин Ле Пен, и в этом случае системный политик победил антисистемного. Победа Макрона стала победой над антиэлитной волной, своего рода психологической компенсацией адептам глобализации за Трампа и брекзит.

А вот Зеленский, будучи «политиком глобализации», смог победить «политика суверенитета» с помощью приемов, характерных для политиков антиэлитной волны (несистемный персональный образ, популизм по образцам массовой культуры). Эти приемы в текущем десятилетии обычно работали совершенно в противоположном направлении – позволяли как раз несистемным «политикам суверенитета» либо побеждать, либо наносить электоральный ущерб системным «политикам глобализации». До Зеленского не было антиэлитных и несистемных политиков глобализации, по крайней мере, успешных, причем, настолько убедительно успешных. Как принято говорить в таких случаях, останется ли сюжет с Зеленским единичным эпизодом или окажется началом какого-то нового тренда, особого поворота антиэлитной волны – покажет время.

Список литературы

- 1. Ортега-и-Гассет X. Тема нашего времени // Антология философской мысли. М. : Приор, 2004. С. 311–211.
- 2. Шмидт С. Ф. Глобализация и деглобализация: между жизненно-стилевым конфликтом и противостоянием политических идеологий // Двенадцатые Бай-кальские социально-гуманитарные чтения: материалы. В 2 т. Т. 1. Иркутск, 2019. С. 239-244.
- 3. Курылев К. П., Станис Д. В. Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 года // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 963–981.
- 4. Пастухов В. Б. Украина не с Россией. Причины и последствия стратегических просчетов российской политики по отношению к Украине // Полис. 2005. № 1. С. 25–35.

THE 2019 UKRAINIAN PRESIDENTIAL ELECTIONS IN THE CONTEXT OF MEGATRENDS OF GLOBALIZATION AND RE-SOVEREIGNIZATION

S F SCHMIDT

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This is an interpretation of the 2019 Ukrainian presidential elections which is given in the context of opposing trends of globalization and deglobalization in the world politics. Presidential elections which have taken place in Ukraine and Volodymyr Zelensky's victory have become a unique example of the "globalization politics" winning over the "sovereignization politics" in the first place thanks to the electoral energy of the trans-national anti-elite movement and in the second place owing that to the candidate taking his position among the typical modern anti-systemic politicians. Up until the 2019 Ukrainian presidential elections, anti-elite movement and personal non-systemic nature used to be nearly mandatory for the politicians pursuing the style of deglobalization (Donald Trump, Marine Le Pen, Brexit supporters, etc.). Zelensky's success became either a notable exception or a waypoint on the route of possible changes of the aforementioned political trends.

Keywords: anti-elite electoral movement, globalization, deglobalization, world politics, megatrends, nation state, re-sovereignization, Ukraine.

Шмидт Сергей Федорович - кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: cevelik@mail.ru

Schmidt Sergey Fedorovich - Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of World Historyand International Relations, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: cevelik@mail.ru

РАЗДЕЛ «ТРИНАДЦАТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ»

УДК 2:1+1:2

СПЕЦИФИКАЦИЯ ВЕРЫ И РЕЛИГИИ К постановке вопроса

Н. С. КОНОПЛЁВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена природа веры как сферы невербализованной духовности, которая под воздействием методологического среза интуиции обретает языковую воспроизведенность. В отличие от веры религия обусловлена иллюзорным самовыражением субъекта деятельности. В тексте показано, что в границах НТР иллюзорность становится особо показательной. Также вскрыто положение о том, что в наши дни все виды содержательной духовности должны служить общему делу – сохранению социальной формы движения материи.

Ключевые слова: вера, религия, духовность, Бог, разум, человек есть мера всех вещей, инфомассив, НТР, социальная форма движения материи, труд, капитал, человеческая телесность, внешние и внутренние ощущения, античная философия, Библия.

«Человек - это звучит гордо!» (Максим Горький, 1868-1936). Предваряя рассматриваемую тему краткими суждениями о Человеке, мы хотим показать значимость ее для перспектив нашего выживания на планете Земля... Еще античные философы утверждали, что «человек есть мера всех вещей» [1, с. 646]. Прийти к этой мысли помогала наивно воспроизводившаяся антропоморфизация Космоса, наделение его человеческими качествами, как это можно видеть по сонму олимпийских богов («озаренных» бессмертной социальностью). Последние, отталкиваясь от современных им «посюсторонних» связей (что, конечно же, подводит их под человеческое измерение), стремились к тому, чтобы предстать выше «обычных» смертных (а иначе, какие же они боги? И – попутно: в этом также видно желание наших предков обрести веч-

ную жизнь; тем самым оказалась воспроизведенной вполне объяснимая, хотя и утопически - ибо она прикрыта «олимпийским флером» - насыщенная мечта о желании включиться в жизненно очерченную бесконечность; и она - поистине внеиллюзорна, т. е. реально претворима). ...Сегодня мы приобщаемся к рассмотрению человека в духе античных традиций. Это, в частности, связано с тем, что век торжества информации с его убийственно интенсифицирующимися жизненными темпами явно охлаждает свой пыл при нашем обращении к прошлому. ... Мы хотя бы на миг успокаиваемся, вздыхая полной грудью; а после снова захватывает нас слепая, изнурительная устремленность к будущему. В пресловутой бешеной горячке мы явно растрачиваемся, поскольку, не принадлежа себе в провально-ненавистных сверхскоростях, все более «киборгизируемся», т. е. обретаем «отчужденно-человеческий облик» с его нежелательно искусственным наполнением. ...Вот бы мысленно остановиться, чтобы обозреть территорию нашего техногенного «прозябания», проверить степень полноценности человеческих «чувственно-духовных очертаний». Они с момента существования вида Homo Sapiens «провозгласили»: лишь ему дарован статус «подлинной самодостаточности». Если мы не примем его – означенный статус – во внимание, то лишаемся выстроенного многими поколениями чудесного «вместилища», именуемого социальной формой движения материи. Да, коль скоро в погоне за неоправданным будущем перестанем быть строгими судьями по отношению к самим себе, т. е. прекратим корректировать своим существованием наши возможности, мы утратим это всеобъемлющее и прекрасное Место Жительства, а вместе с ним и всякую возможность воссоединиться с грядущими временами.

«Вертикаль» схемы индивидуального самовыражения: ее место в обосновании человека как меры всех вещей. Соответствуя названию текста, попытаемся выявить не сходные друг с другом веру и религию, без учета которых, как было подчеркнуто выше, рискуем не вписаться в обозримые жизненные перспективы. Роль ощущений здесь – первостепенна. Отметим сначала, что ощущения делятся на внешние (из них: зрение и слух – дистантные, обоняние, вкус и осязание – контактные) и внутренние (среди них основными являются тактильные, висцеральные, кинестетические, болевые, равновесия, температурные, вибрационные). Скажем и то, что в интересующем нас плане схему человека удобнее раскрывать пересечением в ней горизонтальной и вертикальной составляющих.

«Горизонталь» вскрывает экзистенциальный (т. е. житейский) настрой индивида, «вертикаль», «опирающаяся» на телесный, природный и социальный - верхний - «ярусы» человеческого расклада, отвечает за то, как «избранник судьбы» остается до сих пор мерой всех вещей. Но что значит быть ею? Опуская «горизонталь» (хотя и держа ее в уме), обратим внимание на вертикальный срез структуры индивида и начнем с рассмотрения телесности. Прежде всего она макроскопична и нуждается в подобном же измерении, носителем которого являются внешние ощущения. Особая роль здесь отведена дистантным ощущениям, обслуживающим телесность в ее соотнесенности с противостоящей ей средой. Главная забота внешних ощущений - сорганизовывать телесные потребности. Их выполнимость напрямую связана с тем, сумеет ли человек затвердиться в качестве «достойной» меры всех вещей. Длительными периодами адаптируясь к окружающей среде, социум всякий раз отстаивал себя благодаря ответам на ее вызовы. Формирование внешних ощущений есть результат проделанной телесностью многоступенчатой защиты от нападок немилосердной стихии. Внешние ощущения служат барометром того, как на базе телесности прочерчивается ее соотнесенность с порою опасным - и это нужно учитывать! - окружением, служащим предпосылкой негативной заангажированности индивида - искомой меры всех вещей. Названная мера свободна от каких бы то ни было способов ее измерения. Обычная мера движется по количественным - метры, килограммы, градусы... - параметрам. Несомненно, они присутствуют и здесь, подключаясь к различного рода качественным характеристикам (таким, к примеру, как степень ежедневного соответствия природных показателей с настроением индивида - в зависимости от сопутствующего ему в данный момент неважного артериального давления, а также от того, «с той ли ноги» сегодня встал ее хозяин, сумел ли он забыть вчерашнюю ссору с женой и вследствие этого в головном уборе или без оного вышел на морозный воздух...). Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что основанием для человека стать мерой всех вещей служит социально обусловливаемый штучный подход. На его основе, очевидно, со временем выработается вполне определенный инструментарий по «обустройству» не утвердившейся пока меры. Но до этого надо дожить (по ходу изложения заметим, что рассматриваемая методология применительно к человеку как мере всех вещей может быть сорганизована соотнесенностью добра и

зла; отсюда упомянутые выше единицы измерения вырабатываются в фокусе этих понятий, и человек как мера всех вещей, надстраиваясь над бесчисленным количеством измерительных процедур, сводит их к сохранению социальной формы движения материи). А чтобы такое случилось, выявляются тесные связи между внешними и внутренними ощущениями. Они образуют природу человека и занимают второй этаж рассматриваемой «вертикали». Являясь, образно говоря, обслуживающим персоналом телесности, они, не ограничиваясь этим видом деятельности, со временем обрели еще ряд «специальностей», таких, которые, осуществляя связь между телесным и социальным в индивиде, содействуют становлению личностного (т. е. творческого) среза в субъекте деятельности (в скобках заметим, что телесность вместе с природой в человеке воплощают его «антропогенное естество»). К числу таких «специальностей» относится подведение телесности к интеллектуальному уровню затрагиваемого субъекта, что особенно впечатляет в телесных видах «артистической панорамы», например в балетном, цирковом видах творчества. Наконец, «специальностью» будет и то, что, благодаря проводимой человеческой природой кропотливой работе, социальная форма движения материи постоянно обновляется, сплачивая своих обитателей под знаком такого выдающегося достижения, как созидаемая на наших глазах ноосфера (движимая единством биосферы и техносферы) с ее устремленностью к массово штучному подходу в обеспечении подлинного единства между антропным и социальным в человеке. Осуществимость отмечаемого состояния, по нашему мнению, укрепит связь между социальной формой движения материи и средой обитания. Результатом обнаруживаемой прочности отношений станет постепенная замена субъектнообъектных привязок (когда «объектность» служит «потребительской склонности субъекта» и ничем не защищена от его посягательств) вполне очеловеченной «субъектно-субъектностью». Пантеистически сблизившись со средой, человек значительно сгармонизирует свой статус меры всех вещей, и внутренняя связь с окружающей полнотой бытия станет в том ему порукой.

Место внутреннеощущаемой деятельности в организации вероисповедной духовности. От раскрытия внешнего уровня человеческой природы перейдем к рассмотрению ее «внутреннеощущаемого амплуа», заполненного перечисленными выше внутренними ощущениями. Итак, тактильные ощущения ответ-

ственны за то, как воспринимает индивид собственное тело; висцеральные сосредоточены на ведении «внутрихозяйственной» биодеятельности. Подсобные функции - за кинестетическими ощущениями, ощущениями равновесия и болевыми, а также температурными. Вибрационные ощущения предохраняют организм от звуковой перегрузки. Внутреннеощущаемые функции указанных ощущений также макроскопичны: они поддерживают телесность изнутри. Но там - на «нейроуровневом прогоне» - осуществляется связь человеческой телесности с трансцендентной реальностью, или микромиром. Поступающая из «запредела» в кору больших полушарий информация оборачивается объемно отлаженной духовностью, которая, однако, не имеет «языковой отдачи». Содержание отмечаемой духовности воспринимаемо нами в качестве светски окрашенной $extit{\it веры}$. Не имея естественного «права на слово», вера тем не менее предоставляет ему возможность высказаться за нее - теперь уже на внешнеощущаемой, словесно оформленной площадке. Это, на наш взгляд, происходит следующим образом. Субъект деятельности обладает мировоззрением, которое в условиях НТР заметно онаучивается. Под мировоззрением понимаем индивидуально обрисованную картину мира, завершающуюся «вербальным реноме». Охватываемая сознанием человеческая духовность, которая создана на внешнеощущаемой базе, вполне вербализуема психоаналитическим «Эго». Но первичный уровень Id (используя фрейдовскую терминологию, мы вкладываем в нее несколько иное содержание и не станем здесь его уточнять) являет собою ту «таинственную духовность», которую мы отождествили с верой. Id, соприкасаясь с «Эго», осуществляет с ним тесную связь при помощи интуиции метода перевода «вероисповедальности» в вербально (т. е. в рамках мировоззренческой пропускной системы) закрепляемую духовность. Укажем и на то, что интуиция как беспредпосылочное познание также приоткрывает выход Id на «Эго», решая познавательно-методологическую задачу. В данном случае это видно по тому, как вероисповедно насыщенная и не вербализуемая духовность Id под влиянием интуиции достигает «Эго» и вливается в вербальный поток, складывающийся на базе внешнеощущаемой деятельности субъекта. ...Обратившись к Библии, читаем: «И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бъешь меня <...>?» [2, с. 160]. ...Валаамова ослица заговорила. И если животному вдруг стал доступен «глас вопиющего в пустыне», отчего бы обсуждаемой нами вере не обрести его? Ведь все равно несомая ею, т. е. верой, внутреннеощущаемая духовность неумолимо оборачивается – через мировоззренчески одухотворенные убеждения (являющиеся вербальным выразителем мировоззрения) – всеобщим, рационально насыщенным достоянием «рядового пользователя». Рассматриваемый дискурс – под воздействием интуиции – раскрывает веру за счет такой отлаженности обоих компонентов человеческой природы, благодаря которому последняя, т. е. вера, в силах заявить о себе с высот всеохватывающего интеллекта. И наконец: осуществляющаяся с помощью интуиции вербализация вероисповедной духовности обогащает рациональный подход человека к многосторонне выложенной «завербованности» мира.

Иллюзия как организующая религию сила. Религиозность не присуща вере, но как она заявляет о себе? Попытаемся порассуждать. Отношение субъекта к окружающей реальной действительности всегда преисполнено иллюзорности, заключающей неадекватное отражение среды. Вот я вижу лицо собеседника. Фактически же предо мною его образ. Следовательно, иллюзорное восприятие здесь очевидно. И так до бесконечности. Иллюзии встроены в субъектно насыщенное самовыражение, которым, повторимся, охвачен бытоповседнев. Они, помимо того, что «не совсем правдиво» предрасположены к миру, имеют также - что весьма для нас важно - выразительно ценностный окрас. Благодаря их посредническим усилиям - а это довольно значимая преференция - нам уютнее жить. Образно говоря, иллюзия наглядна до неузнаваемости. Как это понимать? - Так, что она с вполне заявленной очевидностью свидетельствует о своих «хамелеонских замашках»: «линяет» на ходу. С одной стороны, как было выше сказано, иллюзия совершенствует уют; с другой - мы во власти ее «неожиданных ужимок». И вот уже уют оборачивается религиозностью для многих неожиданной, да и нежелательной. При этом если мы, опираясь на рассудочно воспроизводимую практику, сумеем «осадить» иллюзию, она лишается своих «полномочий» и на ходу стушевывается. ...Конечно, генезис религии - глубинно историчен. Но сегодня религиозный настрой коренится в подавляющем сознание индивида инфомассиве, решительно усиливающем субъектно воспроизводимую иллюзорность. Вне разразившегося условиями научно-технического прогресса (НТП) ошеломляющего инфомассива иллюзиям не было предоставлено столь широко-

го хождения, которое наблюдаем сегодня. Средством по преодолению иллюзорности являются - повторимся - разум и практика. Разум разоблачает «иллюзорное двойничество», подкрепляя свои усилия практикой (в данном случае она затверждает за разоблачающим иллюзии разумом статус критерия истины). Это говорит о многом. Вместе с тем разум как вершитель знаний часто теряется в инфомассиве. Ведь знания - результат обработки информации. Но ее столько, что она, вылившись инфомассивом, держит разум «на приколе». ...Открываются широкие двери для поглощения информацией попыток рационально-знаниевого ответа на вселенские вызовы. Наступает «иллюзорное торжество», а это значит: забывающийся разум не способен со знаниевых позиций пресечь несостоятельность иллюзорного натиска. Иллюзия же, используя нахлынувшую информацию (так и не ставшую знанием) в «личных» целях, затверждается религией. Нынешняя религия это уже не та, какой она была до НТР. Прежде она пользовалась рационально преподносимыми доказательствами существования Бога (вспомним аргументы Фомы Аквинского /1225-1274/) - с учетом своего ведущего положения. Разум же оставался на задворках духовности. Современный вариант религии, обращаясь за «бесплатной» помощью к инфомассиву, старается не «заигрывать» с наукой. Да и наука, будучи «служанкой» HTP, преимущественно занята становлением «общества массового потребления», приданием ему широкой пролонгации за счет неполноценных продуктов питания. Но нужно помнить: капитал с его потребительским «подкладом» отнюдь не предрасположен к религии. Для капитала религия - средство подавления свободного труда, и он направляет ее на услужение собственным антигуманным целям. Итогом его антирелигиозной деятельности становится массовое «обезбожение», «подъемная» секуляризация. Конечно, все, что имеет начало, когда-нибудь завершится. Так, десятками тысяч лет процветавшее мифосознание (точнее - предсознание, так как миф еще духовно ограничен из-за семантической незавершенности языка) медленно, но верно уступило место иным (включая религию), более совершенным формам духовного самовыражения. Значит, подобная - коснется это и религии - участь ожидает и ныне развитые формы сознания (возвышаясь по спирали, они неизменно станут совершенствоваться). Но мы предоставляем возможность естественного подъема, а также спада всем видам человеческой духовности за счет их «свободного волеизъявления», а не насильственных над ними акций.

Заключение. Противостояние капиталу объединяет все виды – включая веру и религию – гуманистически насыщенной человеческой духовности. ...Борьба с капиталом, замещающим труд (физически выраженную целеположенную деятельность), рабством как с бедственной статью (т. е. отчаянной нуждой) должна вовлекать широкие, в том числе религиозные, слои населения – и мы отстоим свободное развитие вида Homo Sapiens в созданной им за последние тысячелетия удивительно выразимой социальной форме движения материи. В ее ноосферном обличье воистину воспрянет новый человек как неукоснительная мера всех вещей. И, социокосмически поддержанный, он станет такой же мерою применительно к самому себе.

Список литературы

- 1. Античная философия: энциклопед. слов. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
- 2. Тематическая Библия с комментариями / пер. с англ. ; под общ. ред. В. С. Немцева. Мн. : Библейская Лига в РБ, 1996.

SPECIFICATION OF FAITH AND RELIGION. TO THE QUESTION

N. S. KONOPLEV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The nature of faith is considered as a sphere of non-verbalized spirituality, which, under the influence of a methodological slice of intuition, acquires linguistic reproduction. Unlike faith, religion is conditioned by the illusory self-expression of the subject of activity. The text shows that, within the boundaries of the scientific and technical revolution, illusoriness becomes especially significant. Also, the provision that today all kinds of meaningful spirituality should serve a common cause – the preservation of the social form of the movement of matter – has been revealed.

Keywords: faith, religion, spirituality, God, reason, man is the measure of all things, information mass, scientific and technological revolution, social form of the movement of matter, labor, capital, human corporeality, external and internal sensations, ancient philosophy, the Bible.

Коноплёв Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: konoplev@home.isu.ru

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Chair of Philosophy and Methodology, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: konoplev@home.isu.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Н. В. МАЛЬЧУКОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Выявляются основы несостоятельности теорий языковосоциального конструирования для интерпретации творческого процесса в рамках литературно-художественной деятельности; определяются возможности преодоления этой несостоятельности.

Ключевые слова: язык, денотация, коннотация, семантика, метафора, социальный конструкционизм.

Социальное конструирование реальности в современности получает особую трактовку в рамках такого подхода в социальных науках, как социальный конструкционизм [2; 3]. Социальное конструирование реальности в нем рассматривается как процесс, посредством которого знание развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях. При этом в рамках данного подхода подчеркивается опосредованность процессов получения знания (познания) коммуникацией, дискурсивными практиками и культурными конструктами, т. е. языковой реальностью. Методологической базой данного подхода выступают, в частности, концепция языковых игр Виттенштейна, анализ дискурсивных практик во французском постструктурализме (М. Фуко), идеи Л. С. Выготского о культурно-исторической обусловленности человеческой психики, социология науки Т. Куна и т. д.

Социальный конструкционизм, таким образом, с одной стороны, совершенно справедливо утверждает, что познавательные процессы – суть явления социальные, имеющие языковую природу; с другой стороны, производя фактическое отождествление данных процессов с социально обусловленными речевыми практиками, он позволяет прийти к выводу о том, что вне этих практик как сознания, так и предметной реальности не существует. Однако данный вывод, граничащий с социологизаторством и агностицизмом, весьма затрудняет объяснение развития познавательных процессов, которые и лежат в основе социального конструирования реальности.

Здесь следует отметить, что, согласно семиотическим представлениям, язык, имея знаковую природу, одновременно связан

как с мышлением человека, так и с предметной реальностью (семантический треугольник). Это указывает на то, что основой познавательных процессов, основой появления нового знания является антиномия языка, представляющего знания о реальности (языковую реальность), и мышления и связанная с ней антиномия языка и речи. Это можно продемонстрировать, в частности, на примере такого языкового явления (такого оборота речи), как метафора – употребление слов и выражений в переносном смысле на основе какой-либо аналогии, сходства, сравнения; перенос названия с одного предмета или явления действительности на другой на основе их сходства в каком-либо отношении или по контрасту. Метафора как форма – социальное явление, факт языка, а содержательно – факт речи, продукт мыслительной деятельности субъекта.

Между тем трактовки языка, составляющие методологическую основу социального конструкционизма, отличает либо антипсихологизм – исключение мышления, мыслительной деятельности субъекта из процессов речепорождения (концепция языковых игр Виттенштейна), связанное с отрицанием семантического компонента значения слова, либо утверждение панъязыкового характера мышления, связанное с исключением денотативного компонента из структуры слова-знака (постструктурализм). В таком случае антиномия языка и мышления теряет всякий смысл, а это в свою очередь затрудняет адекватное объяснение развития познавательных и творческих процессов с позиций социального конструкционизма.

Необходимо заметить, что денотативный и коннотативный аспекты возникновения значения в рамках метафорического речепорождения, например, в художественном творчестве, выступают в довольно сложном единстве, взаимодополнении, когда результату такого взаимодействия практически невозможно приписать однозначную детерминацию со стороны какой-либо формы языка. Часто здесь речь идет о факте обновления языка и нередко – об обосновании принципов новой художественной эстетики.

Так, выраженная метафоризация поэтической речи в известном стихотворении В. Маяковского «А вы могли бы?» реализует сразу оба упомянутых пункта:

Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана; я показал на блюде студня косые скулы океана. На чешуе жестя́ной рыбы прочёл я зовы новых губ. А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб? [5, с. 49]

Во-первых, одна из метафор – метафора флейты, которой уподобляются водосточные трубы и ноктюрн (лирическая музыкальная или вокальная пьеса меланхолического настроения), и все это в контрасте с «кухонно» обыденными и все же метафорическими образами «косых скул океана на блюде студня» и «чешуей жестяной рыбы». Но все это, во-вторых, реализует базовую прагматическую установку поэта – обозначить принципиальные грани нового поэтического направления – футуризма.

Или же возьмем, например, стихотворение С. Есенина «Там, где капустные грядки...», где метафора более лирична и не столь напряженна, как у Маяковского:

Там, где капустные грядки Красной водой поливает восход, Клененочек маленький матке Зеленое вымя сосет. [4, с. 26]

Однако и здесь мы сталкиваемся с перекрещиванием «языковых слоев» – природно-экологического и прямого денотативного (клененочек), что и создает в синтезе привлекательную образность. И следует заметить, что эта образность является результатом творческой мыслительной и мотивационной деятельности поэта.

Богато и рельефно этот процесс «выхода» на создание нового поэтического языка представлен в анализе собственного творчеярким процесса, приводимом поэтом-символистом ского А. Белым. Причем данный анализ не только приложим к приведенным примерам из В. Маяковского и С. Есенина, но и дает материал для теоретически обоснованной критики методологических основ концепции «языковых игр» и постмодерна в их попытках воспроизвести словесно-творческий процесс. Что очень важно, писатель и поэт А. Белый подчеркивает: «с радостью встретил я Октябрьскую революцию» [1; 14]. Он видит также в своей литературной деятельности движение к новой сфере творчества, в «которой будет выход из только музыки и из только литературы; новый человек эпохи синтеза скажется в ней [1, с. 13]. «Как читатель, - пишет он о себе, - я тянусь к простым формам; ... а как писатель появляюсь в рядах тех, кто ломает простоту форм; и это неспроста.

То же стремление отразилось и на тематике произведений моих; она – стремление к новому человеку; в первый период творчества это стремление романтично; осознание, что путь к новому человеку прегражден, пока не изменятся социальные условия жизни, отразилось ярким пессимизмом и разбитием во мне молодых утопий; этот пессимизм сказался в мрачном тоне сборников стихов "Урна" и "Пепел" и в романах "Серебряный голубь" и "Петербург"» [1; 14].

Позволим себе еще одну более-менее пространную, но принципиально важную ссылку. А. Белый подчеркивает: «Мне всю жизнь грезились какие-то новые формы искусства, в которых художник мог бы пережить себя слиянным со всеми видами творчества; в этом слиянии – путь к творчеству жизни: в себе и других. Книга всегда теснила меня; мне в ней не хватало звуков и красок; я хотел вырыва из тусклого слова к яркому; отсюда и опыты с языком, взятым как становление новых знаков общения (слов); отсюда и интерес к народному языку, еще сохранившему целину жизни...» [1, с. 13].

Теоретическое осмысление процитированных фрагментов требует обратить внимание на то, что творческую лабораторию А. Белого организует стремление построения нового языка для выражения в нем новых задач. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что построение этого языка и реализация его в литературной авторской практике протекали в напряженной ситуации взаимодействия семантики и прагматики. Вместе с тем и семантика (процесс денотации - образование новых значений), и коннотация (получение новых смыслов), нигде не утрачивая социального содержания и характера, приобретают ярко выраженный индивидуально-личностный вектор. Причем эта индивидуальноличностная направленность и оригинальность поэта не всегда положительно воспринимались общественностью и критикой. Именно в этом плане А. Белому пришлось немало претерпеть от однолинейности требований режима и находящихся у него на службе критиков. Между тем социально ценными в художественной культуре выступают именно личностно-творческие достижения и языковые признаки конкретного художника. В связи с этим языково-стилистические эксперименты А. Белого и его собственная семиотическая интерпретация данных экспериментов более реально отражают природу творения новых смыслов, чем это могут предложить теории языка как социальной конструкции и языковых игр. Последние страдают тем недостатком, что в них затемненным оказывается именно этот процесс творчества, которое строится на взаимодействии множества знаковых структур, в то время как эти теории, претендуя на универсальность, неизбежно редуцируют абстракцию языка (которая в действительности имеет в виду синтез знаковой множественности) к некоему его гомогенному пониманию, между тем как в творчестве метафоризация имеет полиязыковой и трансъязыковой характер.

Список литературы

- 1. Белый А. Петербург. Стихи. М.: Изд-во АСТ, 1998. 620 с.
- 2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич ; Моск. филос. фонд. М.: Асаdemia-Центр. Медиум, 1995. 323 с.
- 3. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте / пер. с англ. А. А. Киселева, Ю. С. Вовк. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. 328 с.
- 4. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Сов. Россия: Современник, 1991, 384 с.
- 5. Маяковский В. В. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1965. 566 с.

LANGUAGE REALITY AS A FACTOR OF SOCIAL CONSTRUCTION

N. V. MALCHUKOVA

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article reveals the foundations of the failure of the theories of language-social construction for the interpretation of the creative process in the framework of art-literature activity; the possibilities of overcoming this failure are determined.

Keywords: language, denotation, connotation, semantics, metaphor, social constructionism.

Мальчукова Нина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna - Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

О ПОНЯТИИ ОБЪЕКТА В ОНТОЛОГИИ Г. ХАРМАНА

А. Е. СМИРНОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Представлено раскрытие содержания понятия объекта в объектно ориентированной онтологии (OOO). Рассматриваются теоретические предпосылки и причины появления понятия объекта в OOO, а также его основные черты.

Ключевые слова: объектно ориентированная онтология, объект, замещающая причинность, реальный объект, чувственный объект, корреляционизм.

Современная онтология стоит перед необходимостью преодоления онто-теологического проекта онтологии. Обострение онтологической проблематики на рубеже XX-XXI вв. инспирировано рядом причин. Одна из них заключается в осознании того обстоятельства, что бытие опосредовано различного рода доступами к нему. Так, для Хайдеггера в период фундаментальной онтологии бытие опознается и исследуется в качестве Dasein, т. е. в отношении к человеку. Во второй половине XX в. тенденция, заданная онтологическим поворотом, сохраняется. Бытие опосредуется герменевтическими, лингвистическими, антропологическими и т. д. подходами. О бытии, следовательно, можно знать и говорить только косвенно, ибо оно всякий раз редуцировано фактом посредничества. В настоящее время оформляется несколько серий и вариантов философем, задающих контуры новых онтологий. Некоторые из них связаны с аксиоматизацией множественности и, соответственно, с заимствованием ресурсов математики (А. Бадью) [7]. Часть современных философов развивает мотивы анти- и постфундаментализма (К. Мейясу) [2] и «плоской онтологии» (М. ДеЛанда) [1]. В нашем случае речь пойдет о так называемой объектно ориентированной онтологии (ООО) и используемом ею понятии объекта. Понятие объекта, используемое в данной версии онтологии, обладает, как нам представляется, выраженной эвристической ценностью и может быть использовано в качестве методологического ориентира во многих областях социально-гуманитарного знания.

Автором концепции ООО является Г. Харман. ООО принято относить к движению так называемого спекулятивного реализма, куда, помимо самого Хармана, в качестве отцов-основателей принято относить К. Мейсу, Р. Брасье и Х. Гранта. Объединяет этих

четырех, в значительной степени несхожих персонажей ненависть к корреляционизму (К. Мейясу) и к философиям (привилегированного) доступа (Г. Харман). Под корреляционизмом понимается идея, в соответствии с которой мы не можем знать ничего вне отношения бытие - мышление. Под философиями (привилегированного) доступа понимаются философские учения, наделяющие человека привилегиями по сравнению с другими сущими. Или: поскольку во всех вариантах так или иначе фигурирует воспринимающий субъект, то и мир дается в соответствующем субъективном доступе. Обе точки зрения суть различные формы имплицитного антропоморфизма. При этом принцип корреляционизма есть альфа и омега классической философии. Его разделяют все разновидности трансцендентализма, феноменология, а также дискурсы постмодернистского толка. Что же касается ООО Г. Хармана, то субъекта в его онтологии просто нет. Вернее, он есть или может быть, но не в качестве привилегированного, а существующего на том же основании, что и «кентавры, Пегас, единороги и хоббиты». Тем не менее именно субъект стал важнейшей несущей конструкцией классической философии, без которого познание представлялось невозможным.

Понятие объекта было выработано Г. Харманом в ответ на две распространенные стратегии, используемые в философии. Речь идет о двух видах знания о вещах. В первом случае вещи объясняются, исходя из чего они сделаны; во втором - предполагается выяснить, что вещи делают. Причем оба способа редко встречаются по отдельности. С точки зрения автора ООО, обе стратегии с необходимостью редуцируют исследуемый объект. «Неизбежная цена такого знания - подмена самой вещи ее вольной парафразой. Независимо от того, говорим ли мы о стихотворении, корпорации, протоне или почтовом ящике, что-то меняется, когда мы пытаемся заменить объект отчетом о его компонентах или воздействиях... В технических терминах попытка парафразировать объекты всегда сводится к их подрыву (undermining), надрыву (overmining) или двойному срыву (duomining)» [3, с. 17]. Объект подрывают, если редуцируют его способ существования к его материальному составу, что лишает объект присущей ему независимости ввиду наличия эмерджентных свойств. Классическим примером подрыва могут служить досократики с их поиском первопричин существования.

Объект *надрывают*, сводя его к факту функционирования. В качестве современного примера надрыва Г. Харман приводит ак-

торно-сетевую теорию Б. Латура, ключевой тезис которого заключается в том, что единственная возможность определения актора состоит в выявлении того, что он делает. Наконец, двойной срыв иллюстрируют Парменид и К. Мейясу. Первый постулирует одновременное наличие Бытия и изменчивую игру мненийвидимостей. Таким образом, мы имеем в одно и то же время подрыв в виде однородного основания существования и поверхностный надрыв в качестве принципиально изменчивой поверхности вещей. Что касается современного научного материализма Квентина Мейясу, то его подрыв заключается в констатации существования предельного уровня космоса в виде струн, полей, элементарных частиц и т. д., а надрыв заключается в его убеждении, что первичные качества подлинного уровня исчерпываются математикой [3, с. 17-21].

Разработка понятия объекта должна была стать ответом на вопрос о возможности как новой онтологии, так и новых форм философской практики.

Теоретические основы онтологии американского исследователя восходят к феноменологии Э. Гуссерля и Х. Субири, философии процесса А. Н. Уайхеда. Из ближайших предшественников нужно назвать Б. Латура и его акторно-сетевую теорию. Особое место в становлении ООО принадлежит Хайдеггеру.

Возможно, со специфики хармановской рецепции Хайдеггера следовало бы и начать. Идея ООО зародилась у Грэма Хармана именно в связи с интерпретацией Хайдеггера: «... Достаточно рано... я понял, что весь Хайдеггер сводится к... одной-единственной фундаментальной оппозиции, которая повторяется, говорит ли он о бытии, или об инструментах, или о... Dasein, или о чем-то еще: постоянное, монотонное движение между сокрытостью вещей и их видимой наличностью» [5, с. 292]. Точку зрения Хармана в отношении Хайдеггера можно пояснить так. Хайдеггер, как известно, разделяет наличное и подручное. Традиционный взгляд на эту ситуацию таков: именно подручное как фундаментальный элемент повседневности является конститутивным для любой возможной объективации чего-либо как наличного и, следовательно, для появления теоретического сознания. Таким образом, налицо два описания действительности: неявное повседневное знание, укорененное в бэкграунде практического обхождения с вещами, и знание из перспективы наличного, высшая точка которого представляет собой теорию. С точки зрения американского философа,

такой взгляд упускает самое существенное, что донес до нас Хайдегтер. Вот как говорит об этом сам автор ООО: «... Я понял, что практика не больше, чем теория, достигает реальности объекта... Да, просто смотря на этот стул, я не исчерпаю его бытие, но и усевшись на него, я тоже этого не добьюсь. У реальности стула много глубоких уровней, которые человеческий акт сидения никогда не исчерпает... Другими словами, и теория, и практика остаются на одной и той же стороне баррикад: на стороне поверхности вещей, которая не отражает глубину их реальности. По ту сторону от теории и практики находятся сами объекты» [5, с. 293].

Как же мыслится объект в ООО? Если отталкиваться только от Хайдеггера, можно сформулировать два тезиса, проясняющих вопрос. Прежде всего следует утверждать, что ни теория, ни практика не исчерпывают реальности объекта. Да, дерево может быть изучено средствами естественных наук. Да, его можно использовать при изготовлении скамейки или письменного стола. Но ни тот, ни другой способ обращения с деревом не исчерпает дерево как таковое, дерево как объект. Во-вторых, оппозиция подручное/ наличное не означает противопоставления некоторого первичного какому-то вторичному. Данная оппозиция имеет смысл лишь в отношении к Dasein и, следовательно, к человеку. Харман поясняет свою точку зрения так: внезапно вышедшая из строя вещь сломалась и перешла в сферу наличного не потому, что она находилась в множественных нерефлексируемых отношениях с «внутримировым сущим», а по причине некой внутренней слабости или невидимого дефекта, каковые никогда не учитывались, да и не могли быть учтены в повседневном порядке пользователем.

Третье обстоятельство, проясняющее понимание объекта в ООО, связано с кантовской вещью в себе. В соответствии с Кантом, в силу конечности мышления мы не можем иметь доступа к вещам самим по себе. ООО, настаивая на том, что и теория, и практика есть лишь разновидности *перевода* подлинного бытия вещи, утверждает, что последнее никогда не будет полностью развернуто в отношениях с нами. Вывод, сделанный отсюда Харманом, таков: «вещь в себе ускользает от нас не потому, что мы люди с мышлением, а потому, что мы сущности, вступающие в отношения, в точности как огонь вступает в отношение с хлопком, а капли дождя – с жестяной крышей» [5, с. 297]. По Харману, кантовский тезис о конечности человеческого познания и восприятия нужно расширить. И тогда мы будем говорить о конечности огня, сжи-

гающего хлопковый шарик, имея в виду при этом, что огонь не вступает во взаимодействие со всеми качествами хлопка. Соответственно, конечный дождь, стучащий по жестяной крыше, не вступает в отношения со всеми реальными качествами металла. Таким образом, базовая оппозиция философии Нового времени, оппозиция между субъектом и объектом, мышлением и миром, должна быть заменена различием между объектами и отношениями.

Четвертый важный момент в раскрытии понятия объекта таков: мир есть совокупность объектов, принципиально неспособных на прямой контакти. Да, объекты все время воздействуют друг на друга. И наука способна вычислять эти воздействия с неограниченной точностью. Да, объекты контактируют. Но они не могут контактировать непосредственно. Харман приводит пример столкновения двух бильярдных шаров. Сам факт столкновения налицо. Но при столкновении шары взаимодействуют лишь с самыми поверхностными качествами друг друга. «Когда красный шар ударяет в синий, он ударяет не сам синий шар, а только подвергнутый переводу синий шар, доступный весьма обедненному миру красного шара. Через эти обедненные качества синего шара красный шар косвенно контактирует с самим синим шаром, который тоже вступает в отношение с собственными качествами, но подругому» [5, с. 298].

Пятое обстоятельство, характеризующее объект в ООО, проясняет статус взаимодействий объектов. Эти взаимодействия описываются посредством понятия замещающей причинности. Ввиду нередуцируемой сложности объектов последние не могут взаимодействовать друг с другом прямо. Традиция, в соответствии с которой вещи не могут устанавливать друг с другом отношения в абсолютном смысле, прослеживается Харманом от средневековых воззрений вплоть до Юма, Канта и Гуссерля. Не имея возможности в данной работе полностью воспроизвести генез взглядов, приведших автора ООО к понятию замещающей причинности, остановимся лишь на фигуре Гуссерля. Как известно, основатель феноменологии в вопросе о том, что такое объект, отвергает подход эмпиризма. По Гуссерлю, объект не есть пучок качеств, связанных воедино сознанием. Напротив, первичен сам объект. Пусть даже его качества непрерывно меняются в восприятии субъекта, будучи зависимы от перспективы, расстояния и т. д. Объект есть как некое неизменное целое, до «сущности» которого и должен добраться феноменолог. Да, объект в феноменологии 330

неотделим от сознания. Он не тождественен реальному объекту, будучи объектом интенциональным. ООО в этой связи предпочитает именовать интенциональные объекты *чувственными*. Таким образом, один и тот же объект в одно и то же время может рассматриваться как чувственный и реальный. Соответственно, можно выделить аналогичную двойственность чувственных и реальных качеств. Таким образом, чувственные объекты Гуссерля подводят нас к пониманию того, что два *реальных* объекта неспособны установить отношение друг с другом, по причине того, что они просто изымают себя из этого отношения. В то же время реальный объект способен вообще без каких-либо проблем вступить во взаимоотношение с чувственным – что собственно и происходит всегда и везде [4].

Наконец, заключительный важный момент, связанный с вкладом Гуссерля, заключается в осознании того, что сознание, рассматриваемое в качестве объекта, обладает свойством содержать в себе другие объекты. «В некотором странном, но реальном смысле интенциональности две, но одновременно интенциональность одна. В первом смысле Я, реальный объект, опираюсь на стол как чувственный объект; или, наоборот, стол как реальный объект реагирует на давление, оказываемое мной как чувственным объектом (...). Однако в то же время интенциональная связь между мной и столом количественно единична. Почему? ... Реальный и чувственный объект могут встретиться только внутри третьего объекта; причинность случается только в ментальной области, если "ментальное" берется в смысле чувственных объектов вообще, а не только в смысле того, что относится к животному мозгу» [5, с. 306]. В соответствии с ООО, причинные отношения случаются всегда внутри чего-то третьего. Отношение есть вмещение. Объекты постоянно воздействуют друг на друга, однако не в абсолютном смысле или не так глубоко, как предполагают философы, полностью доверяющие объективации. Другими словами, ООО настаивает на том, что причинные отношения много сложнее, чем принято считать [6].

В современной исследовательской литературе отношение к концепции Г. Хармана крайне неоднозначно. Один из главных упреков заключается в отсутствии четкой дефиниции объекта, хотя о факте его теоретической обоснованности никто не спорит. Для сторонников философии как науки явно разочаровывающей является точка зрения Хармана о том, что реальные объекты принципиально непознаваемы. Существует много вопросов и со

стороны естественных наук, например: как быть с явлениями и процессами, о которых можно судить лишь благодаря посредникам? Настораживающей для многих является принципиальная позиция Хармана, в соответствии с которой доступ к реальному может быть получен с помощью аллюзии (хотя хорошая новость заключается в том, что таких способов неограниченно много). Но при этом Харману как минимум удалось создать теорию, на свой лад выявляющую «нищету корреляционизма» и, следовательно, обладающую соответствующей эвристической силой.

Список литературы

- 1. ДеЛанда М. Новая философия общества. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.
- 2. Мейясу К. После конечности. Екатеринбург ; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
- 3. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 152 с.
 - 4. Харман Г. Четвероякий объект. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
- 5. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ Классик, 2019. 496 с.
 - 6. Харман Г. О замещающей причинности // НЛО. 2012. № 114. С. 75-90.
 - 7. Badiou A. Being and Event. London.: Continuum, 2005. 526 p.

ON THE CONCEPT OF OBJECT IN G. HARMAN'S ONTOLOGY

A. E. SMIRNOV

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to disclosure of the content of the concept of object in object-oriented ontology (OOO). The theoretical prerequisites and reasons for the appearance of the concept of the object in OOO, as well as its main features are considered.

Keywords: object-oriented ontology, object replacing causality, real object, sensual object, correlationism.

Смирнов Алексей Евгеньевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и методологии науки, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, e-mail: aesmir@mail.ru

Smirnov Aleksey Yevgenyevich - Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: aesmir@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XVII-XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, МУЗЕОЛОГИЯ»
Зуляр Ю. А. Иркутский государственный университет
в 1953 году
Васильева Н. Ф. Опыт и проблемы охраны памятников
архитектуры культового назначения в 20-60-е гг. ХХ в. в Иркутске:
власть и общество
Воронцов В. Н. Послевоенная реорганизация Советской
армии в 1945–1947 гг. (на материалах Восточной Сибири)
Гасельник В. В. Какой герб утвердила городу Иркутску
Екатерина II 26 октября 1790 года?
Колганова Е. Ю. Создание экспозиций первой очереди трак-
товой зоны в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» 44
Колокольников И. А. Сибирская тема на сцене Иркутского
областного театра музыкальной комедии (1948–1984 гг.)
Корольков А. Т. Вдохновленный предками: к 75-летию про-
фессора Болеслава Сергеевича Шостаковича
Кузьмин Ю. В. Тибетская медицина в России и роль в ее
распространении доктора П. А. Бадмаева
Лисицина Я. Ю. О трагической судьбе первого председателя
Восточно-Сибирского краевого союза советских художников
А. И. Вологдина (1889–1938)
Матвеенко А. Л. Развитие системы образования Тулуновского
округа в 1926–1929 гг
<i>Метёлкина Л. Н. Показательный судебный процесс по делу</i>
Лосевича 1926–1927 гг. в Иркутске: политико-правовые аспекты 81
Новиков П. А. Контрфактическое моделирование в историо-
графии Гражданской войны в России
Пузанков Ю. В. Роль школьных библиотек в информирова-
нии педагогов (на примере Иркутской области)106
Саяпарова Е. В. Историко-культурное наследие моногородов
как социокультурный ресурс развития региона (на примере
г. Байкальска Иркутской области)114
Серебряков Е. А., Зуляр Р. Ю. К 100-летию архивной отрасли
Сибири (деятельность Государственного архива новейшей
истории Иркутской области в 2018-2020 гг.)119
Урожаева Т. П. Дома и дворцы культуры городов Приангарья:
этапы постсоветской трансформации (1995–2018 гг.)

Циденков Г. Г. Профессиональный состав эвакуированных	
лиц из голодающих губерний Поволжья в город Иркутск	
= = = = = = = =	.137
Черепанова А. Н., Логунова Г. В. Основные направления реали-	
зации государственной политики в сфере высшего образования	
на региональном уровне (на примере Иркутской области)	.143
РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ	
И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»	
Donaj Ł., Duda K. Conspiracy Theories and Forecasting.	
A Contribution to the Discussion	152
Lorenc M. The Potential of Microhistory Regional Research –	.132
the Case of the Yukhari Govhar Agha Mosque in the City of Shusha	
(Nagorno-Karabakh)	161
Rak J. Neo-Militant Democracies in Europe: Revival of Inter-War	.104
•	170
Political Tendencies.	.1/2
Бейдина Т. Е., Кухарский А. Н., Новикова А. В. Тенденции	170
развития информационной безопасности в Забайкальском крае	.1/9
Волгушева М. И., Логунова Г. В. Основные тенденции в	
освещении террористических актов официальными российскими	
газетами	.184
Ганжа Н. С., Мясников Д. А. Образ «идеального» губернатора	
в представлениях избирателей Иркутской области	.191
Григорьева И. А. Политические ценности российской молодежи:	
к постановке проблемы	
Жуков К. С., Карнышев А. Д. Протестное голосование: политико-	
психологическое измерение (контурный анализ)	.204
Иванов В. В. Аграрный вопрос в годы НЭПа в освещении	
отечественной историографии	.215
Ковтун А. В., Рыбалко М. Л. Образ современной Китайской	
Народной Республики в печатных средствах массовой информации	
Соединенных Штатов Америки	.226
Корытный Л. М., Шеховцова Т. Н. Этапы развития науки	
в России	.232
Литвин М. И. Особенности культурной политики Советского	
государства в 1930–1970-е гг. (на примере работы кинотеатров с	
детской аудиторией)	.242
Мамедов С. С., Рыбалко М. Л. Политические ценности пред-	
ставителей средней возрастной группы иркутян на современном	
этапе	.249

Мясников Д. А. Годы развития: основные направления поли-	
тологических исследований на историческом факультете Иркут-	
ского университета в 2010-2019 годах	. 257
Олейников И. В. Российские проекты развития регионов	
Сибири и Дальнего Востока в оценках современных южнокорей-	
ских исследователей	. 276
Пузыня Н. Н. Миссия Е. В. Путятина (из истории российской	
дипломатии на Дальнем Востоке)	. 281
Рыбалко М. Л. Индикаторы политической и экономической	
силы в современных международных отношениях	. 285
Синиченко В. В. Акцизный надзор и корчемная стража на	
русском Дальнем Востоке в начале XX века	. 295
Фартышев А. Н. Политические аспекты встраивания	
Иркутской области в Экономический пояс Шёлкового пути	.300
Шмидт С. Ф. Президентские выборы на Украине - 2019:	
в контексте мегатрендов глобализации и ресуверенизации	. 306
РАЗДЕЛ «ТРИНАДЦАТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕН	«RN
Коноплёв Н. С. Спецификация веры и религии. К постановке	
вопроса	. 313
Мальчукова Н. В. Языковая реальность как фактор социального	
конструирования	
Смирнов А. Е. О понятии объекта в онтологии Г. Хармана	
,	

ТРИНАДЦАТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

В двух томах Том 1

ISBN 978-5-9624-1901-5 ISBN 978-5-9624-1902-2 (т. 1)

Редактор А. В. Врон Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2020. Поз. 137 Подписано в печать 11.02.2021. Формат 60х90 1/16 Уч.-изд. л. 19,3. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 75 экз. Заказ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124